

САМОТЛОРСКИЙ
2
ПРАКТИКУМ

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУЖКОМ КПСС
ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
АГЕНТСТВО ПЕЧАТИ НОВОСТИ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА СО АН СССР
КАФЕДРА ЭТИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
КАФЕДРА ЭТИКИ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ИНСТИТУТА
ЦЕНТР РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ ИДЕЙ
ПРИ ТЮМЕНСКОМ ОБКОМЕ ВЛКСМ**

САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ-2

Сборник материалов
экспертного опроса

Под редакцией В. И. Бакштановского

Москва-Тюмень. 1988.

САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ-2. Материалы экспертного опроса.
Под редакцией В. И. Бакштановского. Тюмень, 1988 г.

Сборник материалов экспертного опроса «Самотлорский практикум-2» предназначен для проведения очередной научно-практической конференции «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, «воспитание воспитателей»: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования», проводимой в форме многодневной этической деловой игры. Авторы сборника - ученые-обществоведы, деятели культуры, журналисты - отвечали на две анкеты, темы которых связаны с общесоциальными и региональными проблемами нравственной жизни. Публикация ответов экспертов имеет и самостоятельное научное значение, выходящее за пределы конкретных задач конференции.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ _____

В декабре 1987 года в г. Нижневартовске Тюменской области состоялся «Самотлорский практикум-1». Это была первая попытка инициативного движения этического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знание о морали и воспитании к современной практике. Организаторы Практикума стремились апробировать идею гуманитарной экспертизы и консультирования и ее форму - этическую деловую игру. Речь идет о совместном поиске исследователей и практиков, коллективно проводящих идею гуманитарного консультирования по всем этапам от замысла до внедрения нововведения.

С надеждой на развитие достигнутых результатов мы готовим «Самотлорский практикум-2», а в его рамках проводим второй тур экспертного опроса. Наша задача—социально-нравственная диагностика и консультирование современных проблем - нравственной жизни, воспитательной деятельности, «воспитания воспитателей». Программный вопрос анкеты: существует ли социальный заказ на гуманитарную (средствами гуманитарного знания, организованного вокруг этики) экспертизу и консультирование? Как этическое сообщество может ответить на этот заказ?

В качестве экспертов - участников опроса - мы приглашаем философов, социологов, этиков, деятелей культуры, журналистов. Рассчитываем таким диалогом осуществить комплексную экспертизу современных нравственных и воспитательных проблем.

Приглашаем Вас стать участником «Самотлорского практикума-2».

Тюменский индустриальный институт.

1. ПЕРЕСТРОЙКА КАК СИТУАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА. «Болевые точки» и «точки роста» современной нравственности и нравственного воспитания.

2. «БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» И «ТОЧКИ РОСТА» СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ О МОРАЛИ И ВОСПИТАНИИ (этико-философское знание, общегуманитарное, обыденные представления).

3. СПЕЦИФИКА ЭТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ, ЕГО РОЛЬ В НРАВСТВЕННОМ ПОИСКЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

4. ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА. Причастно ли научное знание о морали и воспитании к практике морально-творчества? Эффективность традиционных и возможность новых видов практического приложения этики. Считаете ли Вы целесообразной этическую (шире - средствами гуманитарного знания) экспертизу практики принятия решений различными социальными субъектами? Какие ситуации требуют такого рода экспертизы (и консультирования)? Кто может выступать экспертом и консультантом (философ, писатель, руководитель, коллектив, общественное мнение)?

5. «БАНК» ИДЕИ, ПРОЕКТОВ, ПРОГРАММ НРАВСТВЕННОГО ВОЗВЫШЕНИЯ ОБЩЕСТВА, РАЗВИТИЯ ЭТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ).

6. ВАШ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОБСТВЕННЫЙ ОТВЕТ НА НЕГО.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АННИНСКИЙ Л. А. , редколлегия журнала «Дружба народов». В каком случае я сниму перед наукой шляпу?.....	10
АПРЕСЯН Р. Г. , к. ф. н., Институт философии АН СССР. Этика: необходимость прорыва.....	12
БАТИЩЕВ Г. С. , к. ф. н., Институт философии АН СССР. Верность призванию: в со-творчестве наследуем и в наследовании со-творим.....	14
БАТЫГИН Г. С. , д. ф. н. зам. главного редактора журнала «Социологические исследования». Не судите.....	18
БАКШТАНОВСКИЙ В. И. , д. ф. н., Тюменский индустриальный институт; СОГОМОНОВ Ю. В. , д. ф. н., Владимирский политехнический институт; ГАНЖИН В. Т. , д. ф. н. МГУ. Фронезис-2.....	21
БЕКЕШКИНА И. Э. , к. ф. н., Институт философии АН УССР. Чтобы стать этиком-консультантом, достаточно быть... ..	25
БЛЮМКИН В. А. , д. ф. н., Курский сельскохозяйственный институт. Нужна этика перестройки.....	27
ВАРДОМАЦКИЙ А. П. , к. ф. н., Институт философии АН БССР. Профессионализм - почка роста этики.....	29
ГАНЖИН В. Т. , д. ф. н. МГУ; НАДЫСЕВА Н. В. , МГУ. Этическое сообщество и задачи гуманистического консультирования.....	32
ГОЛОВАХА Е. И. , к. п. н., Институт философии АН УССР. Этика как конструктивная отрасль научного знания.....	37
ГУСЕЙНОВ А. А. , д. ф. н., Институт философии АН СССР. Мораль и этика: время перемен.....	38
ДЕВЯТКОВ А. П. , к. ф. н., Тюменский государственный университет. Сегодня мы больше смотрим в зеркало заднего вида, чем в лобовое стекло.....	41
ДУБКО Е. Л. , к. ф. н. МГУ. Люди, как правило, живут вне той морали, которая соответствует своему понятию.....	44

ЗЕЛЕНОВ Л.А. , д. ф. н., Горьковский инженерно-строительный институт. Гласность - всенародное бытие правды	46
ЗОЛОТУССКИЙ И. П. , литературный критик (Москва). Если бы в наше время был жив Толстой	48
ЗОТОВ Н. Д. , д. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Как следует жить? - Ответ на этот вопрос вне компетенции науки	49
ЗУБЕЦ О. П. , к. ф. н. ИПК МГУ. Культуре не должно быть скучно с этиком	51
КАГАН М. С. , д. ф. н. Ленинградский государственный университет. Активация человеческого фактора-2	53
КАРАЧЕНЦЕВА Т. С. , к. ф. н. Тюменский государственный университет. Пути этики: Злободневность или Большое время	56
КЛЯМКИН И. М. , к. ф. н., Институт экономики мировой системы социализма. По какому пути предстоит идти нам?	60
КОБЛЯКОВ В.П. , д.ф.н., Ленинградский институт авиационного приборостроения. От заземления этики - к восхождению на Олимп человеческой мудрости	61
КОН И. С. , д. ф. н., Институт этнографии АН СССР. Все упирается в проблему индивидуальности	64
ЛАПИНА Т. С. , к. ф. н. (Москва). Нравственность может дать человеку самую надежную социальную опору	68
ЛАСМАНЕ Т.С. , к. ф. н., Латвийский государственный университет. Административное воспитание, экономический стресс и нравственность	71
МАЛАХОВ В. А. , к. ф. н., Институт философии АН УССР. Этика должна заново привыкать обращаться к человеку	73
МАМЕД-ЗАДЕ И. Р. , к. ф. н., Институт философии и права АН АзССР. О безразличии этики к человеку и человека к этике	75
НАЗАРОВ В. Н. , к. ф. н., Тульский пединститут. Практическая ценность этики — в ее непрактичности	77
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ Р. В. , к. ф. н., Институт философии АН СССР. Требования велики	80
ПРИГОЖИН А. И. , д. ф. н. ВНИИСИ. Переходному периоду — этический мониторинг	82

РОГОВИН В., д. ф. н., Институт социологии.	
На путях возрождения атмосферы практического энтузиазма.....	85
РЮРИКОВ Ю. Б., писатель (Москва).	
Революция в цивилизации революция в этике.....	89
САБИРОВ В. Ш., к. ф. н., Пермский институт культуры.	
К единству - в морали, к плюрализму - в этике.....	94
САГАТОВСКАЯ Л. Г., к. п. н., Крымский государственный университет.	
Признание человеческой субъективности - условие нравственного воспитания.....	96
САГАТОВСКИЙ В. Н., д. ф. н., Крымский государственный университет.	
Не только этика... ..	99
САФАРОВ Н. С., к. ф. н., Институт философии и права АН АзССР.	
Утверждать гуманистическое назначение этики	101
СКРИПНИК А. П., к. ф. н., (Арзамас).	
Гуманизация практического потенциала этики	102
СМОЛЕНЦЕВ Ю. М., к. ф. н., МГУ.	
Марксистской этике необходима новая теоретическая парадигма	105
ТИТАРЕНКО А. И., д. ф. н., МГУ.	
Обретение этикой своей подлинной роли	107
УРБАНАЕВА И. С., к. ф. н., Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.	
Не практическая философия, а единая наука	111
ФЕДОРОВ Ю. М., к. ф. н., Институт философии и права АН АзССР.	
Гуманистическая альтернатива в этике	113
ФЕТИСОВ В. П., д. ф. н., Воронежский лесотехнический институт.	
Время Сократов	116
ФРАНЦ А. Б., Уральский государственный университет.	
Учиться искусству выбора из двух зол меньшего	117
ЦАНН В. Ф., д. ф. н., Владимирский пединститут.	
Гуманистические ориентиры перестройки	120
ШЕРДАКОВ В. Н., д. ф. н., Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС.	
Расчистить родники народной нравственности	122
ЩЕРБАК Ф. Н., д. ф. н., Ленинградская лесотехническая академия.	
Пусть «Самотлорский практикум-2» не будет спором глухих.....	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АФАНАСОВИЧ В. Е. , прокурор г. Тюмени. Совершенствование моральной атмосферы - путем обновления правовых норм	128
АЛЕКСЕЕВ Н. А. , к. психол. н. ТФ ЧГИК; СУХАРЕВА С. В. , к. психол. н., ЦНИЛ ГТНГ. Ситуация освоения остается экстремальной из-за обезличивания ответственности	131
БАРБАКОВА К. Г. , д. ф. н., Тюменский государственный университет. А вы бы поехали на Тюменский Север жить и работать?	133
БЕРЕЗИН Л. С. , к. ф. н., Тюменский государственный университет. Регион - «зеркало», в которое смотрится общество	135
ГАНПОЛЬСКИЙ М. Г. , к. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Нравственность региона и этическая регионалистика	139
ГАРДУБЕЙ М. М. , художник (Тюмень) Поскольку душа должна быть чистой, то и природа тоже	142
ГОЛЬДБЕРГ Р. С. , журналист, «Тюменская правда». Все зависит от того, что внутри человека, а не вне его	143
ЗОТОВ Н. Д. , д. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Не может морально возвыситься то, что в существе своем не нравственно	146
КЛЕПИКОВ В. Н. , редколлегия журнала «Урал» Черты несоединимые	149
ЛАГУНОВ К. Я. , писатель (Тюмень). Все это нужно только для кафедры этики	150
ЛЕБЕДЕВА Л. В. , к. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Человек осваивающий	152
ЛУТОШКИНА М. Г. , Тюменский индустриальный институт. «Вектор» нравственности	153
МАРТЫНЕНКО В. М. , Штаб ударных комсомольскихстроек (Тюмень). Новые поколения спросят с нас, как мы спрашиваем с отцов	155
МИЩЕНКО А. П. , журналист (Тюмень). Вся наша жизнь должна стать «мозговым штурмом»	158
НАДТОЧИЙ Ю. С. , писатель (Тюмень). Из «места действия» - в «место жизни и любви»	160

НЕСТЕРОВ И. И. , д. г. м. н. ЗапСибНИГНИ. Очень трудно перестраиваться	163
ПАВЛОВ А. В. , к. ф. н., Тюменский государственный университет. Моральный формализм «в северном исполнении»	166
ПАШКОВ Н. М. , к. и. н., Тюменский индустриальный институт. Создать условия, исключаящие конфликт «слова» и «дела»	168
РАЙШЕВ Г. С. , художник (Свердловская область). Кодекс человека, живущего на Севере, уже есть	169
РОЖКО К. Г. , к. ф. н., Тюменский государственный университет. Экстремальность и возвышает, и деформирует мораль	171
СИЛИН А. Н. , к. э. н., Главтюменьгеология. Неэффективное освоение безнравственно	173
СТЕПАНОВ И. Г. , к. ф. н., Тюменский инженерно-строительный институт. Не осваивать, а обживать	176
СУРОВЯГИН С. П. , к. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Как найти «Человека»?	179
ТОБОЛКИН З. К. , писатель (Тюмень). Мы не хозяева в своем краю	181
ФЕДОРОВ Ю. М. , к. ф. н., Институт философии и права АН АзССР. Островок социально-нравственной негэнтропии	183
ФОМИЧЕВ И. Ю. , к. ф. н., Тюменский индустриальный институт. Некомпетентность становится безнравственностью	187
ШЕРМАН (АНАНЬЕВ) Е. Г. , писатель (Тюмень). Самым нравственно чистым был ранний период	189
ЯРОСЛАВОВА С. Б. , ЦНИЛ ГТНГ. Социально-нравственные проблемы в освоении Тюменского нефтегазового комплекса	192
Редактор представляет Проект. Самотлорский практикум: воспитание выбором	195

В КАКОМ СЛУЧАЕ Я СНИМУ ПЕРЕД НАУКОЙ ШЛЯПУ?

ОТВЕТ КОЛЛЕГАМ ИЗ ЭТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА «САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ-2»

Я должен объяснить моим уважаемым коллегам, ученым, вырабатывающим этическое знание, почему я с опаской и неуверенностью мыслю свое в их работе участие и вообще плоховато верю в то, что наука поможет «моральному творчеству».

Дело в следующем. Сколько я себя помню, все у нас делалось только по науке. Даже революция (то есть катастрофа, слом всех прежних «законных» и традиционных скреп общества) была организована по науке. НЭП тоже был допущен по науке, а потом по науке же и уничтожен. Затем были уничтожены (и посмертно реабилитированы) жрецы той самой науки, которая намеревалась всю данную нам в ощущениях реальность перестроить на сугубо научных основаниях; само собой, что во все эти времена «рост знания о морали», «разъяснительная работа» на этот счет и «воспитание нового человека» на месте старого ни на секунду не исчезали из наших программ и практических планов. Сегодня мы перестраиваемся (то есть отрекаемся от проваленных программ и невыполнимых планов) тоже исключительно по науке.

С другой стороны (и отвечая на другой вопрос «Самотлорской анкеты»), я должен сказать, что не согласен, будто «ситуация морального выбора» реализуется только теперь, в эпоху перестройки. Я думаю, что ситуация морального выбора наличествовала даже в годы самого цветущего сталинизма, когда миллионы людей дружно поднимали руки (и опускали бюллетени) и мало кому вступало в голову усомниться в собственном со всеми единодушии. Если же мне возразят, что ситуация на самом деле не давала никому ни малейшей возможности выбирать, то я на это отвечу: да, ситуация победившей диктатуры не оставляет выбора никому, но саму эту ситуацию люди выбирают, и выбирают по своей воле. Правда, они называют ее, ситуацию, всякими другими словами (тоже имеющими весьма реальный смысл), - например, единством. Да, впрочем, почему другими? Ее прямо и называли диктатурой. И прежде, чем диктатура отняла у людей право морального выбора или сделала этот выбор смертельным, люди сами сделали моральный выбор, предпочтя диктатуру - междоусобию.

Значит, источник ужаса - то, что всякое несогласие у нас грозит обернуться междоусобием. Это вечное проклятье России. Можем ли мы избежать его теперь и в дальнейшем? В том ли дело, что «плохих» людей больше, чем «хороших», и наука не успела вооружить моральную практику этической теорией?

Нет, не в том.

А в том, что человек не умеет сам с собой совладать. И прежде всего - он не умеет заставить себя работать.

Мы - романтические наследники той руссоистской идеи, что «гомо сапиенс» по природе естественно хорош и работающ, но спутан по рукам и ногам искусственными общественными несправедливостями и дикими привычками, так что если внешние пу-

ты порвать и дикость привычек человеку объяснить, то такой освобожденный человек сам себя «перекует», сам в себе обнаружит сознательность и сам для себя начнет работать на совесть.

С тех пор мы порвали много старых пут, мы освободили человека от массы старых запретов и привычек, мы не прекращаем ни на миг титаническую разъяснительную работу, создав для этой работы уже целые социальные слои, и мы неустанно ожидаем, что мировая справедливость и всеобщее благоденствие осуществляются при жизни вот этого или следующего поколения.

А они никак не осуществляются. И причина этой неосуществимости - приходится признать горькую истину - заключается в том, что человек все-таки, как таковой, сам собой работать не собирается. Не хочет.

Точнее, так: он не хочет выполнять работу механическую, грязную, тупую, нетворческую. А поскольку работы чистой и творческой в природе вещей мало (да и «творцов», соответственно, куда меньше, чем предполагалось по романтической науке о человеке как животном социальном), то остается все-таки практически непонятным, как же можно заставить людей работать.

Два способа, выработанные для этой цели историей обществ, - довольно жестоки и весьма неромантичны. Один способ - рубль. Другой способ - кнут.

Вполне отказаться от того и другого не смог в своей практической истории, кажется, ни один народ: все металось между той и этой крайностью. Мы не исключение. С той только «количественной» оговоркой, что рубля мы, русские, всегда боялись еще больше, чем кнута. Рубль - это неравенство, это расколы в обществе, это спесь одних и унижение других, это «умные» и «глупые», «белые» и «черные», «чистые» и «нечистые», «толстые» и «тощие», вплоть до таких вполне тупиковых для личности определений, как «хитрые армяне», «богатые грузины», «деловитые прибалты», «евреи, которые все заодно» и т. д., по гениальной формуле В. В. Розанова: «все нас, русских, обижают».

Вот, чтобы никого не «обижал», и был благословлен общий кнут. Общий страх. Лагерь: всем одинаково. И пусть не говорят теперь, что тогда все это случилось по стечению обстоятельств, по недомыслию одних и злоумыслу других. Нет, все было сделано по свободному выбору. Хотя и злоумышленников хватало, и недоумков, и обстоятельства (исторические) были тяжелые. Однако, когда миллионы крестьянских детей бросают землю и идут в города, соглашаясь на любую работу (то есть, надеясь на более легкую), то это ситуация именно свободного выбора, который делает народ. И это ситуация морального выбора, при котором общая «страна-громада» становится выше и важнее конкретной «малой родины», а если от терминологии 70-х годов вернуться к терминологии 20-х, - то мировая революция ближе отца родного. Все остальное — следствия: и то, что огромная, потерявшая корни масса готова на все; и то, как такую массу прокормить; и то, что органы принуждения, должностные этот прокорм обеспечить и общий порядок удержать, имеют достаточно желающих послужить этому делу верой-правдой и вооруженной рукой. То есть: взявши кнут.

Вооруженная рука, однако, плоха тем, что в ней постепенно отмирают рабочие мускулы. Панцирный организм вроде бы кругом защищен, но он малоподвижен, он вянет и гниет изнутри именно от «защищенности», то есть от вседозволенности и безнаказанности.

Я хочу сказать, что мы перестраиваемся не потому, что «опамятовались», и из «плохих» возвращаемся в «хорошие», а

потому, что дошли до упора и деваться нам некуда, нас обставят, если мы не почешемся.

Вот мы и чешем в затылке: не перейти ли от «кнута» к «рублю»? Страшно. А выхода нет. Нет у нас другого шанса и нет выбора... Хотя, конечно, ситуация «морального выбора» теперь, как и всегда, встает перед народом, и народ, конечно же, волен выбирать, что лучше: дальнейшая борьба или дальнейшая стагнация?

Борьба - не рай, это именно борьба. Это риск. Это столько же шансов выиграть, сколько проиграть (для каждого). Это, наконец, перспектива в будущем (и не раз) шатнуться в обратный кач. Потому что все идет по спирали, и лучше быть ко всему готовым.

Пожалуй, я фаталист.

Вопрос же, который я, по предложению Самотлорской анкеты, сам себе хотел бы задать дополнительно, - такой. Где бы взять силы, чтобы при любом выборе, который сделает твой народ (то есть выберет ли он в очередной раз единодушие любой ценой или, напротив, плюрализм и противоборство факторов), где взять силы при любом варианте устоять, остаться личностью и постараться придать очередному повороту в судьбе твоего народа - черты достоинства и человечности?

Пожалуй, я фаталист, но - мечтающий быть стойком.

Если же в этой малопредсказуемой ситуации наука сумеет выработать этику и даже создать банк программ нравственного возвышения общества - как это предполагает сделать «Самотлорский практикум», - я немедленно сниму перед наукой шляпу.

Р. Г. Апресян

ЭТИКА: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОРЫВА

2. Хотя в последнее время все чаще можно услышать полные горечи констатации этиков об этике, задача рефлексивного осмысления положения, в котором оказалась этика в результате тридцатилетнего развития, остается по-прежнему нереализованной. Трудность такой рефлексии определяется тем, что она реально невозможна в рамках самой этики, более того, требует от этиков своеобразной «деспециализации», обновления методологических установок и в этом смысле разрушения устоявшихся и даже обретших силу предрассудка исследовательских и теоретических норм. Чтобы нащупать «болевые точки», необходимо разобраться с «болезненными симптомами».

Один из основных болезненных симптомов этики обнаруживается в ее амбициозности. Этики претендуют на специфическое знание морали, на знание уникальной морали. Эта претензия реально обернулась тем, что такое знание вроде бы было сконструировано, но за счет беспечного игнорирования того, что происходит вокруг - как в сопредельных этике дисциплинах, так и в самой морали, также сопредельной этике. Вопрос же заключается в том, можно ли понять мораль саму по себе, можно ли раскрыть специфику морали через такие определения, как «всеобщность», «личностность», «автономия», «творчество» и т. д. Этот вопрос провоцируется неожиданным (только для этиков) обнаружением того, что в работах, посвященных «культуре», «творчеству», «личности», «науке», даже «предпринимательству» или «игре», мы находим те же «специфические» характери-

стики, но относящиеся уже не к морали, а соответствующему предмету исследования. Конечно, речь не идет о научном плагиате. Дело в том, чтобы понять эти характеристики как специфичные не только для морали, но вообще культуры. Именно поэтому и идеал человека, например, как субъекта познания, как творящего, активно действующего, любящего - в философии один и тот же (если, конечно, эти предметы не исследуются односторонними философиями).

В учебниках и научных трудах получило распространение представление о триединстве описательной, теоретической и нормативной функции этики. К сожалению, это единство, да и эти функции лишь постулируются, когда речь заходит о природе этического знания. Практически же этого единства мы не находим. Но проблема заключается не в том, что этике не хватает полноты и цельности; стоит задаться вопросом: а, может быть, наша этика вообще бесцельна? Каковы социально-культурные задачи этики? Не ответив на этот вопрос, нельзя понять и роли этики в перестроечных процессах, нельзя понять и путей перестройки самой этики. В нынешнем ее виде наша этика оказалась сориентированной на идеологические задачи, решение которых явно и неявно обслуживала, и на учебный процесс. Последнее, а именно, совершенствование и разветвление преподавания философии, и закрепило обособление этики. Можно сказать, что наша этика оказалась в плену у преподавания, замкнулась на популяризации и пропаганде. Поплатилась за это наука. И дело не только в том, что способ изучения предмета и способ изложения результатов изучения никогда не совпадают, а то и, как на примере политэкономии показал К. Маркс, противоположны. Этика утратила социально-культурную определенность - нельзя же считать таковой производство текстов.

Разумеется, речь не идет о дисквалификации всего, что было наработано этикой. Более того, обособление этики закономерно в контексте эволюции советской философии. Важно помнить, что с помощью обособления (подчас доходящего до сектантства) этики была уточнена нравственно-философская проблематика, эксплицирована мораль как предмет специального изучения. В то же время, специализация предмета обернулась его отождествлением: нравственная жизнь почти не проглядывается сквозь наши концепции морали. Было бы легко повторить известные слова: «Суха теория, мой друг...», но ведь ситуация вокруг этики гораздо сложнее. Представляется, что в 60-70-е годы этика двигалась от эмпирического к теоретическому пониманию морали, но, вместе с тем, от эмпирически конкретного к теоретически абстрактному пониманию морали. Этим объясняются и односторонности, и содержательная бледность нашей моральной теории.

Проблема не исчерпывается тем, что этике хорошо бы поменять стиль мышления - овладеть образным мышлением и не ограничивать себя «определениями». Образным мышлением вполне может довольствоваться моральное сознание; этика же как теория не может, не мыслить в понятиях. Иное дело, как она будет излагать для публики свои «экзерсисы» - может метафорически, может эссеистски. Но если у автора (не как популяризатора, а как исследователя) не прорисовываются за метафорами и образами понятия, то мы имеем дело с публицистикой, литературой, но не с философией, ибо понятия представляют собой основную форму культурного выражения теории. Понятия - инструмент, средство для теоретика, но они и самоцель в рамках восхождения к абстрактному.

В связи с этим следует сказать о так называемой «прикладной этике». Уже не вызывает сомнения само по себе стремление к технологизации (в широком смысле этого слова) гуманитарного, в частности, этического знания. Однако прикладная этика не может быть «пристройкой» к теоретической этике. Предмет приложения определяет характер теории, так что не-

обоснованными являются попытки как обойти теорию, так и использовать уже сконструированную (вне конкретных социальных задач или помимо них) теорию. Этическая концепция изначально должна строиться с ориентацией на приложение, т. е. не только объяснение, но и изменение мира. Только такая концепция и может быть теоретически конкретной.

Так завязываются возможные «точки роста» нашей этики. Но лишь через прорыв к новой «этической парадигме» завязь продолжится в ростке. Этике необходимо расширение теоретического горизонта, прояснение методологических оснований. Этике предстоит овладение конкретно-историческим содержанием морали, но одновременно и актуализация историко-материалистического видения своего предмета. Трезвость требует признания того, что в нашей этике материализм, как правило, оказывается не историческим, не диалектическим, а доктринально-догматическим.

Без осмысления морали в контексте общественных отношений и как общественного отношения, возникающего по поводу социальной практики, невозможно преодоление оторванности этики от жизни. Причем (нужно еще раз подчеркнуть), последнее прослеживается в слабости теоретических концепций, а не в том, что этики не занимаются животрепещущими общественными проблемами.

Наконец, не может быть научной подцензурная теория, т. е. теория, тон в которой задают политиканствующие администраторы, теория, которая обслуживает интересы ограниченной социальной группы (сколь бы великой по размерам она ни была), а не интересы общества. Именно здесь теория непосредственно ощущает свежие ветры общественного обновления. Здесь «точки роста» нашего общества задают перспективу этике, и хочется надеяться, что, осуществляя эту перспективу, этика внесет свой вклад в раскрепощение и очеловечивание социализма.

Г. С. Батищев

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ: В СО-ТВОРЧЕСТВЕ НАСЛЕДУЕМ И В НАСЛЕДОВАНИИ СО-ТВОРИМ

1. Чтобы уразуметь всю глубину альтернатив для нравственного выбора, которую разверзает перед нами перестройка, ее саму, происходящую как радикальное изменение социальных обстоятельств, надо слить воедино с переустройством человеческого, с выработыванием нами самих себя - в достойных нашего универсального созидательного призвания. Поэтому как ни важны, как ни радикальны альтернативы исторически-социальные, альтернативы перестройки, все же еще важнее, еще гораздо радикальнее - великая альтернатива над-историческая: между приятием или неприятием человечеством и каждым человеком своего универсального безусловно-ценностного призвания, между своецентризмом, повернувшимся спиной к беспредельной, неисчерпаемой диалектике Универсума, и посвященностью ей, до конца последовательной другодоминантностью, со-творчеством.

Правда, что перестройка взывает к максимальному динамизму, подвижности в образе жизни и мысли, к искусству проблематизации бытия без всяких изъятий, к творческой открытости. Она требует от нас - быть на высоте бескорыстия, непредвзятости, безынертности, требует от каждого - подняться до типа **человека перестройки**, ее творчески инициативного борца-ЗА, борца-созидателя, борца верного, надежного, преданного. Но такой тип человека перестройки не возникает как следствие от

требований **извне**, от социальных обстоятельств. Он возникает и складывается не иначе, как в опережающем ритме. И не в смысле чуть-чуть забегающего в ближнюю перспективу, а в смысле обратной логики: уже не от прошлого к будущему, но от грядущего к настоящему и былому, в смысле приятия первенства и критериальности абсолютных ценностей, абсолютных, принципиально незавершимых ценностных перспектив. Эта логика от незавершимых перспектив единственно только и дает ту высоту позиции, с которой возможно взвешенно-критичное отношение к ближайшей, исторической и общеземной ситуации, способность к неущербному суду совести над всеми человечески-земными делами, наконец, бескомпромиссное различение должного и недолжного во всех этих делах. Когда говорят: «перестройка ждет от нас и требует...», тогда рассуждают все еще локально-ситуативно, функционально. Ибо перестройка обстоятельств, углубленная до **переустройства самих себя** посредством обстоятельств, ведет к обратному логическому ходу: чего мы **призваны** ждать и требовать от перестройки. Другими словами: не первичные внешние обстоятельства предъявляют к нам нравственный запрос и вынуждают нас подтягиваться до них, давать ответ на их и быть вторичными следствиями, а, наоборот, **мы сами первичны**, если исходим из безусловно-ценностных критериев, и в качестве первичных судей и конструктивных инициаторов, по зову неподкупной и бесстрашной совести, изменяем и дотягиваем обстоятельства до требований нашего собственного переустройства. Все - ради того, чтобы нам стать верными нашему универсальному призванию, чтобы нам стать **достойными** вносить в мир вокруг нас **должные** изменения, стать со-работниками космической эволюции, а не самоутвержденцами, своемерами и своецентристами.

До сих пор человеческая нравственность и альтернативы выбора бывали скованы ситуативно тем, что человек выступал как часть, придаток, функциональный орган социального организма. Перестройка-переустройство ведет к актуализации того, что раньше было потенциальным, неявным: человек всегда больше части данного окружающего его социума, всегда многомернее наличных связей, всегда «бесконечнее, чем гражданин государства» (К. Маркс), ибо в человеке виртуально содержатся все возможные типы социальности, все формации, включая и не реализованные в истории. Такой, не вмещающийся своим виртуальным богатством в социум, конкретный человек - уже не часть, не средство для социального целого, но критически-творческий участник. Соответственно, для такого критически-творческого участника и все локальные, все ситуативные нравственные альтернативы для выбора выступают не сами по себе, а лишь, как частные и локализованные формы проявления или преломления альтернатив над-локальных, над-ситуативных, над-исторических и пронизывающих всю судьбу человечества на Земле. Верность безусловным, абсолютным ценностям Истины и Добра, Красоты и Общительства радикально отличает **новое этическое**, самовоспитательно ориентированное, а тем самым и **новое педагогическое мышление**, до конца самокритическое и безгранично уважительное - по презумпции! - к индивидуальности каждого другого.

Поэтому первейшая и новейшая - в горизонте нового этического мышления проблема - это не какой-то частный выбор во-вне себя, но сначала **выбор себя, выбирающего свободно-творчески, над-ситуативно**. Это и есть выбор себя - лучшего, верного своему универсальному призванию и устремленного его открывать, идти ему навстречу, **жить в путешествии**, в котором это принимаемое призвание расширяется, углубляется, растет и обогащается, вместе с неограниченным креативным становлением выбирающего.

2. Системе современной этики остро не хватает того, что трудно уместить в какой бы ни было системе, но что крайне не-

обходимо для верно и светло ориентированной категоризации - культуры гуманитарного постижения, т. е. постижения человеческого бытия в узком смысле - как нередуцируемого к произведенческому бытию, а произведенческого - к объектному. Не хватает методологически проработанной иерархической, **многоуровневой** ориентации, включая и хорошо продуманное и очень осмотнительное, осторожное, пожалуй, даже небестрепетное отношение к душевнодуховному миру личности. Только раскрытие специфичности личностного нравственного мира в каждом человеке, без тени редукционизма, без малейших уступок огрублению, откроет также и возможности, и пути к постижению этической онтологии, к которой призывал нас, в частности, С. Л. Рубинштейн. Предстоит смело и решительно перейти от заточения всей этической проблематики в пределах подсобных функционалистских средств «обработки сознания», вернее, даже лишь «официально-витринной» поверхности сознания или его скорее вербальных выражений - к этичности практической деятельности человека, его деятельностного **бытия**, его реального **поступка** и всей его слагающейся из поступков жизни. Нравственность вовсе не ютится где-то **вне** реального объективного бытия человека - лишь в одних эфемерных и зыбких отражениях, в бессильных «эхо» и пренебрежимых «отблесках» или «теньях» его реальной жизни, - нравственность неотъемлемо присуща самой этой его жизни, самому этому **бытию человека в его поступках**. Она - атрибут собственно человеческой деятельностной жизни, его **субъектного бытия**. Отрицание же этого первично практического характера нравственности всегда отвечает дезонтологизации самого человека, изгнанию его и исключению из социальной действительности, а именно - обесчеловеченной, отчужденной действительности, где находилось место только для вещьуподобленной рабочей силы и социально-ролевых, классовых и т. п. персонажей, для «элементов производительных сил» и для персонификаторов экономических, политических и прочих категорий, но где не было никакого места для человека-субъекта, человека-личности, человека в его бытийном самостоянии и реальном достоинстве. Если мы возвращаем человека в бытие и социальному бытию - его человеческий характер, если мы на самом деле преодолеваем обесчеловечение и дезонтологизацию живых людей, тогда неизбежно следует сделать это также и в этических измерениях человеческого бытия. Надо полным голосом заявить о правах на существование **онтологии** нравственной жизни.

Марксова критика **удвоения** человеческого мира, расщепления и самоотчуждения ориентирует как раз на то, чтобы вернуть человеку всю полноту его социальности. Расчленение и противопоставление безличностно-социальной реальности, с одной стороны, и индивидуальной, с другой, есть не только ложная идея, но скорее - отображение ложной, реально-**превратной** действительности. И речь идет прежде всего об исправлении самой действительности - таком, чтобы личностный характер человеческой общественной жизни был выполнен на всем протяжении и во всем пространстве социального целого. Только вместе с этим и нравственная культура, и ее критерии получают полноправную реализуемость повсюду в обществе, уже не вытесняемые и не подменяемые критериями низшего порядка: хозяйственной полезности, служебной функциональности и т. п.

Вновь водворяясь во всех частях и на всех этажах своего социального дома, человек вместе с тем именно как этический субъект окажется также и лицом к лицу со всей Вселенской действительностью, со всем Универсумом и его неисчерпаемой, беспредельной объективной диалектикой. Впрочем, такая встреча и такое предстояние были достижимы для духовных подвижников во все эпохи истории, даже при предельно превратных условиях. Теперь же глобально-экологическая угроза вновь - уже в непременно общезначимом масштабе - ставит человечество перед необходимостью всячески признать и принять этический ха-

рактер встречи с Универсумом, ставит перед альтернативой: услышать или не услышать зов диалектики - раскрывая себя навстречу ей, раскрыть в ней универсальную этическую онтологию, источник нашего созидательного призвания в процессах космогенеза.

3. Этика как практическая философия достойна быть родственной, близкой во всех отношениях, а в чем-то и непосредственно принимающей участие в собственно диалектике, в философии как «живой душе культуры» (К. Маркс). Тогда этика обретает место уже не какого-то второстепенного слуги, которого в принципе не допускают в центральные палаты, где восседают онтология, гносеология или их синтез и т. п. державно-вельможные господа, но первостепенно значимого голоса в полифонически-диалектическом хоре. Этика сливается с тою опытнической философией, которая существенно отличается тем, что имеет не относительно безличностное, косвенно-личностное обращение в мире журнально-книжно-издательских дел и читательских интересов **как произведенческая продукция**, а, напротив, сугубо личностное непосредственное применение в духовной **работе человека над самим собою** ради всех других. Тогда как произведенческая философия и этика лишь повествуют, толкуют, призывают, проповедуют (если могут!), то опытническая нравственная философия есть прямое **выполнение** философом внутриличностной жизни по всем ее ценностным и ценностно-значимым измерениям. Поэтому она гораздо более многомерна и конкретна, нежели любое даже самое искусное изложение посредством текстов. Адекватную же выразимость она обретает в тексте и контексте **глубинного общения** - общения, в которое каждый участник его вступает всем своим бытием, явным и неявным, доступным для распредмечивания и не доступным для него - в резком отличии от коммуникации, в которую включается лишь некая малая часть, лишь сообщаемая и передаваемая знаками, лишенная глубины, лишенная своей онтологии «сфера». Прежде чем быть нравственным субъектом, человек есть по сути своей именно субъект и детище культуры глубинного, онтологического общения, как единства **пред-общности** и творчески создаваемой и выбираемой **вновь-общности** с другими, а через них - со всем бытием вообще.

4. Этическая теория может и должна быть развита и дополнена в тех направлениях, на которых она приблизится к более полному признанию и пониманию многоуровневости человеческого личностного мира каждого и разнородности, **гетерогенности** типов людей, типов связей, преобладающих в их жизни и задающих тон в их отношениях к миру. Крайне важно избавиться от усредняющей манеры видеть в каждом лишь нечто стертое, унифицированное, категориально однородное - и радикально пойти навстречу тому, что мы все очень и очень разные. Прежде всего мы разные каждый внутри себя: в личностном мире каждого таятся потенции быть едва ли не всяким - и высоко благородным, и низко павшим, и щедро раскрытым, и наглухо замкнутым, ревнителем рационального порядка и анархистом, автономным и гетерономным, рутинером и креатором-искателем, не терпимым и всеприемлющим... Но и между собой мы все очень разные, подчас гораздо более контрастирующие, чем далекие эпохи и формации. Все эти спектры, увы, не только в нашем видении, но и в самой реальности бывают замаскированы стереотипными формами, стандартами мысли и поведения, псевдо-социализацией и фиктивными подгонками человека под требования или ожидания его «среды», всяческими чисто номинальными образованиями, которые и для самого человека заслоняют в нем, кто он есть на самом деле. Предстоит огромная работа расчистки, раскопок, разыскания в человеке его подлинного бытийного ядра, не подмененного никакими самонатаскиваниями и приспособительными уловками, коим несть числа. Нужна новая

культура полифонирующих взаимоотношений, нужно поистине новое этическое мышление, способное и искусное пригласить каждого к нравственному раскрытию в актах радикально-судьбического выбора. Никто ни в праве пытаться сделать это вместо других.

5. Моим личным предложением является то, что сделано и продолжает мною делаться для философско-концептуального обоснования социально-инновационного проекта «Система обновления воспитательных процессов», с ее инновационным «Центром духовного и гражданского становления» (1987, см. об этом серию публикаций в «Учительской газете», от 3 марта 1988 г., 17 марта и далее). Речь идет об альтернативной, вневедомственной, сугубо **вариативной**, при поддержании нарастающей динамики обновления и разнообразия способов, путей, форм становления, при упоре на качество и привлечении лучших сил построенной Школе, реализующей принципы **нового педагогического мышления**. Это значит, что в ней, как никогда и нигде прежде, центр тяжести всей социальной жизни - начиная с очагов - переносится на становление личностного, ценностного, нравственно-духовного мира человека. Это означает категорическое первенство (приоритетность) задач субъектно-образовательных над задачами объектно-преобразовательными, первенство ценностной посвященности над образованностью, воспитания над обучением и развитием способностей, а развития способностей - над социализацией, навыками, умениями, знаниями. Это означает выдвижение на первый план воспитания самих воспитателей и необычайное возрастание требовательности к себе, работы над собой, искусства подготовки к тому, чтобы быть «дрожжами духа» среди других. Как социальный проект и как программа практической нравственной деятельности, зовущая всех к участию в ней - людей всех специальностей и положений, - эта предлагаемая инициатива, позволим себе надеяться, явится в максимально возможной степени этической и всесторонней, комплексной, полифоничной.

6. Велика ли угроза глобальной катастрофы, которая явится итогом и последней чертой под неприятием человечеством своего универсального призвания? Кто может спасти человечество? - Угроза столь велика, что нет слов для надлежащего выражения ее серьезности и категоричности, ее значения как приговора над несостоявшимся человечеством, но спасти всех могут те, кто максимально открыт творчески-духовному пробуждению и становлению, безусловно-ценностной ответственности, кто предельно бескорыстен и свеж душою - наши дети. Они, дети, спасут земной мир, если мы спасем их от самих себя - от всего худшего, от всего не отвечающего диалектике совершенствования, что мы накопили за века и тысячелетия нашего своецентрического, своемерного, самоутвержденческого существования.

Г.С.Батыгин

"НЕ СУДИТЕ..."

1. Мы привыкли жить, создавая вокруг и внутри себя словесные мифы-декорации, и боимся заглядывать туда - за сцену, в неосвещенное, теневое пространство, где располагается «кухня» разыгрываемой пьесы; здесь почти не прикрыты ее режиссура, техническое и риторическое оснащение. Здесь становится очевидным, что мы одновременно и зрители, и актеры жизненного спектакля, и показать пальцем в общем-то не на кого.

Слишком просто поставить вопрос альтернативно: ты за или против перестройки? Такой наивный социологизм часто выглядит радикально и свидетельствует о революционности намерений вопрошающего. Беда в том, что почти все - за перестройку... Лишь однажды мне посчастливилось встретиться с человеком, который откровенно заявил о том, что он противник перестройки. «Белая ворона» работал директором небольшого производственного объединения и являл собой подарок для журналиста, пишущего на злободневные темы. Этот противник перестройки мотивировал свою позицию моральным выбором. Он выбирает правду. Раньше, в застойный период, он обеспечивал свое предприятие фондами (которые, как известно, спускаются Госснабом процентов на 60-70) с помощью дружеских застолий, неформальных услуг, подарков, а кроме того, он располагал мощным средством воздействия на ритмичность и качество поставок в виде хороших знакомых в среде театральных администраторов - людей поистине всемогущих. Тогда было все ясно; если не считать слова, произнесенные с трибун, слово и дело не расходились. Сегодня, в условиях перестройки, все смешалось: нужно осуждать бесчестность, оставаясь прежним. Он должен - именно должен! - перестроиться, стать свободным, честным, правдивым, обрести чувство хозяина, научиться самостоятельности, экономическому и социологическому мышлению и, конечно, выполнять распоряжения сверху, делать только то, что разрешено. Ситуация морального выбора драматизируется: человек хочет, чтобы была одна реальность - не та, нарисованная на декорациях, а обычная, живая, чтобы мир не был расколот на несовпадающие части.

Перестройка хотя и драматизировала моральный выбор, но не сделала его неизбежным, как сартровскую свободу во времена оккупации. И сегодня можно рассуждать и смотреть в мир, не выходя за рамки абстрактно-моральных предписаний. Но в своем наличном бытии мораль - это всегда мотивированный поступок, и вряд ли кто из здравомыслящих людей сможет ответить прежде всего самому себе, перестроился он или нет.

Людам, для которых мораль была и есть их собственное существование, никакая перестройка не нужна. Можно ли помыслить этот призыв, адресованный А. Платонову, М. Булгакову, П. Флоренскому, В. Ф. Асмусу, другим людям, которые - слава Богу - дожили до наших дней и потому называть их имена не совсем удобно. Как правило, в условиях разрешенной свободы и гласности они молчат-свершают свой моральный выбор.

Может ли человек стать свободным по указанию свыше? Парадоксально, но, если, мы примем в сознание осуществившуюся антиутопию Оруэлла, предписанная свобода тоже существует, - пусть кто-то назовет ее холуйской, но сама она обязательно несет в себе величественную монументальность. Предписанная свобода - немыслимое словосочетание - реально становится высшим проявлением кощунственного морализаторства, полностью совпадающего с антиморализмом - все, что позволено, то позволено! - совпадающего, как чистое бытие и ничто в «Науке логики». Становится реальностью и безудержная свобода хама, свобода, порождающая, а точнее, являющая, социально-политический феномен охлократии. Так что мой ответ на вопрос о перестройке как ситуации морального выбора открывает - по крайней мере для меня - новую, в чем-то неизбежную, как рок, человеческую трагедию. Это есть и «болевая точка» современной нравственности, и, одновременно, «точка роста», «роста», может быть, достигшего уже своего разумного предела. Что нас ждет - новая рациональность или безумие?..

2. Когда я читаю научные трактаты или популярные книги по этике, приходит на ум аналогия из жизни зоопарка: могучие львы, - я не говорю здесь о шакалах, - с тоской и обреченностью мечутся вдоль решеток: взад-вперед, взад-вперед, постоянное

движение; они существуют, видимо, пытаются сохранить в себе то естество, которым наделила их собственная их природа, их подлинное бытие. Но суть этики как раз раскрывается не в ней самой, а извне - оттуда, из-за ограды, где человеческие особи, уверенные в своей безопасности и отграниченности от моральных норм, испытывают все-таки страх (а ну как придется сойтись с таким зверем!): моральные санкции не так уж эфемерны, как кажется извне. Нравственность - действительно зверь, способный разорвать душу человека.

И еще один нюанс. Сегодня, да и в прошлом, этические императивы входили в культуру из обычного права и повседневности, которая всегда алогична, атеоретична и, пожалуй, только литература - особенно русская классика - была способна к этическому поучению, проповеди без грана морализаторства. В. Распутин, наверное, не догадывался об амбивалентности нормативных систем, когда писал «Уроки французского». Он увидел за нарушением морального предписания - казенного и безжизненного - подлинную человечность и опять же моральный выбор, трагедию морали.

3-4. Давно замечено, что жизнь сопротивляется этическим предписаниям. Спенсер, Милль, Бентам попытались воссоединить этот разрыв, утверждая, что стремление к «суммарному счастью» немыслимо без приверженности человека идее добра и справедливости. Убедительное теоретическое обоснование практической философии!.. В чем-то оно воспринято правовыми системами европейской цивилизации, но подспудно разрыв этики и жизни продолжал существовать под разными названиями: например, в новейшей социологической концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности общие моральные нормы обозначаются как терминальные ценности, а как они реализуются в поступке - дело иное, это уже ценности инструментальные.

Пожалуй, самое страшное произошло тогда, когда возобладало очень простое и откровенное убеждение: «морально то, что в наших интересах». Какие-то люди, взяв на себя кощунственную обязанность судить о добре и зле - «вносить сознание» - с точки зрения великих идеалов, чистых и незамутненных, воссоединили свою нравственную философию и практику. Я не показываю пальцем на Сталина, Ежова, Вышинского и иже с ними. Они были лишь обречены предводительствовать безумием самоуничтожения - болезнь, в синдром которой входила и практическая интерпретация нравственных заповедей, основанных на интересе. Нет, здесь не разновидность просветительского утилитаризма, а жертвенничество, возведенное в культ, массовая анемия и восприятие человеком себя как «ресурса», перерабатываемого «целым». В итоге, лишённая нравственной основы, сама целесообразная заинтересованность оборачивалась саморазрушением и гибелью - история и сегодня придумывает эпизоды спектакля-фарса: поворот великих рек - тому пример.

Таким образом, этическая экспертиза нравственного выбора возможна, стоит только возникнуть - как кристаллу в «благотворной» среде - фетишу «идеального эксперта», обладающего правом судить во имя всеобщего счастья, квалифицировать действия людей с точки зрения всеобщего морального эталона, а затем, убедившись в покорности человеческого материала, принуждать его к «благу». Назовем этого «идеального эксперта» вождем, и все станет ясно. И безразлична степень явленности «экспертизы» - например, каждый, кто всерьез обсуждал и утверждал характеристики, видимо, чувствовал свой невольный уход из того незримого мира, где живут человеческие ценности, мира, не терпящего морализаторства.

Что же из этого следует? Следует жить... И, если уж речь идет о практической этике, каждый из нас волен избрать в каче-

стве императива известную заповедь: «Не судите...». Она переносит моральную оценку в сферу самосознания, рефлексии, в лучшем случае проповеди, охраняет нас от лжи морального осуждения и дает шанс на покаяние.

В.И.Бахитановский, В.Т.Ганжин, Ю.В.Согомонов

ФРОНЕЗИС-2

Уже было сказано, что в условиях революционной перестройки «мы умнеем с каждым днем». Это имеет отношение и к философской деятельности, и, видимо, к той инициативной группе исследователей, которая объединилась в движение «Самолтлорский практикум». Поэтому специфика второго экспертного опроса дает возможность существенно продвинуться в понимании заявленных в анкете сюжетов. Прежде всего, это продвижение в области социально-нравственной диагностики; не менее обнадеживающим является накопление и осмысление опыта гуманитарного, социально-этического консультирования.

1. Диагностика как «болевых точек», так и «точек роста» оказывается чрезмерно субъективной, ненадежно-капризной вне системного видения общественной нравственности, по ту сторону концептуального представления о ее природе в нашем обществе.

Догматическое мышление не испытывало никаких колебаний в атрибуции общественной нравственности в качестве социалистической. Все негативное проводилось по статье пережитков и отклонений, которые объяснялись недостатками социальной практики, слабостью компетенции и мягкостью воли воспитателей. «Святость» неотклоняемого тем самым уберегалась от оспаривания. Выступая против нигилистической оценки общественной нравственности в нашей стране, следует, на наш взгляд, признать накопление в ней значительных деформационных изменений. Богатство общенародной нравственности сводилось к сумме тощих абстрактных императивов, ригористических оценочных клише, охранительно-консервативных представлений. В идеале адептам классового и общечеловеческого представлялось, что общенародная мораль и есть казенная, а скорее - по особому идеологически казенная мораль. И тогда «болевыми точками» оказывались раздвоение общественной нравственности на «официальную» и фактическую, на мораль аскетизма, формализованного и политизированного долга, с одной стороны, и мораль гедонизма, деполитизированных ориентаций, счастья, оторванного от нравственности - с другой. В числе «болевых точек» - трансформация трудовой морали в антитрудовую, хозяйственной этики (по обозначению М. Вебера) в бесхозяйственную, «затратную»; превращение политической, гражданской этики в этику, неозабоченную сохранением «чистого и честного облика партийца»; переделка этики досуга и потребления в условно-престижную мораль потребительства; профессиональной морали - в группистский эгоизм, а этики управления - в технократические нормы и ритуалы, в вопиющий аморализм бюрократии.

Это приводит к регенерации морального отчуждения, в котором личность, «свершая выбор», вязнет в моральных антиномиях. Оно обрекает человека, даже при самых благих его намерениях, на компромиссы в форме предпочтения наименьшего зла, или на тактику спасения гуманности путем перехода на пассивную жизненную позицию, или на такую активную позицию, нравственность которой могла воплощаться лишь в этике безнадежной решимости.

Бремя выбора, однако, обуславливалось не только указанными деформациями. Системный анализ требует рассмотрения деформаций общественной нравственности в более широком - общецивилизационном - контексте.

Необходимой оказывается методология кросс-исследования, лучше сказать - трудных синтезов формационного и цивилизационного подходов. Вполне возможно характеризовать цивилизационный подход в терминах родовой этики, так как он, во-первых, связан с наиострейшим вопросом выживания человека, очутившегося перед бездной ядерного самоуничтожения, а, во-вторых, с решением всех глобальных проблем современного общества, форсированно покидающего локальную этику традиционного бытия человека. Самые очевидные «болевые точки», порожденные этим разрывом, условно говоря, традиционной и современной морали, обусловлены стремительным индустриально-урбанистическим развитием общества, накоплением экологических кризисов, качественными переменами в потребительской деятельности, радикальными изменениями в функциях семьи, патологическими сдвигами в воспитательной системе общества. Возможно, именно кросс-исследование подведет нас к обоснованию причин тенденций к деиндивидуализации, омассовлению личности, эгоистической самососредоточенности человека. Очевидно, возникает еще один фактор усложнения морального решения: «заказ» на инновационность, богатые россыпи альтернатив, взрыв нестандартных ситуаций, рост личной ответственности на фоне ослабления суфлерских «подсказок» от общества и общностей.

Все эти осложнения выбора, мучительность решений, неопределенность в прогнозах оказываются кратно умноженными в воспитательной сфере, где традиционные методы и подходы все чаще оказываются недостаточными. Понимание природы воспитания утрачивает былую самоочевидность, взывает к созданию новой воспитательной антроподицеи. Застарелые пороки воспитания (авторитаризм, формализм, ориентация на послушание, морально-психологическая непросвещенность воспитателей и т. д.) не просто снижают его эффективность, но приводят к результатам, подчас прямо противоположным общественным идеалам («воспитательная ирония»).

В то же время, ответственный научный анализ и критика, сдерживающая, «врачующая» манера социально-нравственной экспертизы позволяют за частокором цивилизационных и формационных негативных тенденций обнаруживать обнадеживающие тенденции гуманизации общества и межличностных отношений, выявлять потенциалы социальной энергии, готовой взорвать застои, преодолеть инерцию, оздоровить все стороны нравственной жизни общества.

Хотя перестройка и не имеет исторически выверенной альтернативы, она сама содержит оздоровительные силы, создавая благотворную ситуацию подлинного выбора для различных слоев общества и для каждого человека. Даже в гамлетовских колебаниях многих групп и лиц (способность сопротивления перестройке недопустимо приуменьшать) содержатся новые и масштабные возможности для нравственно оправданного выбора. Он выводит за ограниченные рамки предпочтения меньшего зла и стоицистского самоубережения гуманизма на простор реальной позитивной инициативы. И не только индивидуального выбора и действия, но и коллективного, организационно обеспеченного ростом демократии. Сегодня «точки роста» не столько подлежат инвентаризации и классификации, сколько выявлению, прогнозированию, а, главное, «выращиванию» по логике социально-нравственной инноватики. Вовлечение и вовлеченность в этот процесс - генеральный путь для перестройки всей воспитательной деятельности общества.

2. Диагностика и прогнозирование «точек роста» этики фиксирует в нашей литературе несколько конкурирующих концепций, различным образом истолковывающих природу и сущность морали («мировоззренческая», «регулятивная» и т. д.). Каждая из них имеет ряд преимуществ, но, вместе с тем, они не соотносятся друг с другом по принципу дополнительности или по принципу иерархичности. Не станем предугадывать дальнейшее развитие этих концепций и предсказывать возможности их органического синтеза. С нашей точки зрения, уже сейчас есть шанс продвинуть этическое знание путем создания теоретической модели, трактующей не только моральный феномен как таковой, а рассматривающий взаимодействие его с воспитательным феноменом, с одной стороны, и с самой этикой - с другой.

Чтобы понять природу морали, этике предстоит познать как самое себя, так и способы воспроизводства морали в воспитательном процессе. Исходя из этого, мы предложили концепцию духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа. При этом речь идет о сложении этико-социологического, этико-педагогического и этико-управленческого методов моделирования духовно-практического производства человека, т. е. об использовании системного подхода, установлении взаимодействия указанных методов, во-первых, выявлении преимуществ общегуманитарного теоретизирования по проблемам нравственной жизни и воспитания, во-вторых, и, в третьих, отыскании прямого выхода этической теории в практику, связанного с экспертно-консультативной деятельностью. В рамках этой концепции этика как практическая философия выступает особой ипостасью: этическим умением или фронеzisом.

3. Этическая теория понимается нами как ядро философии человека и как своеобразный эпицентр социокультурной динамики. В этом, на наш взгляд, необходимое условие адекватного самоопределения этики в нравственном поиске современного общества. Через фронеzis происходит разрешение противоречия духовно-практического и духовно-теоретического производства; концепция фронеzisа как гносеологического и социо-культурного идеала практичности этики позволяет последовательно противостоять технократической интерпретации этики, бюрократическому «использованию» морали, утопическим надеждам на всемогущество одного лишь воспитания.

Развивая заявленный в материалах первого опроса экспертов подход, сформулируем серию вопросов. Что же представляет из себя этическое умение (фронеzis), что это за свойство? Является ли оно какой-то особой - аксиолого-праксиологической - магией? Каким-то иррациональным словом и владением им? Может быть, это особый способ демонстрации в собственном поведении таких ценностных начал, которые делают их безусловно убедительными для других?

В каком-то смысле фронеzis - воспитательное умение, а, значит, и мастерство владения словом, воздействия собственным примером, способность с большим воспитательным эффектом организовать Дело, мобилизовать отношения, возникающие в деле, для воспитания. Все это верно, но пока еще не демонстрирует этического умения в качестве мудрости. «Фронестика» - это определенный способ мобилизации знания, способ этизация знания (прежде всего, гуманитарного), способ перевода этого знания в решение, действие. Это личностное воплощение научного знания и воспитательного мастерства. Это способ существования человека в таком воплощении, в этих перевоплощениях - подобно тому, как Сократ существует в диалогическом бытии и не воспринимается адекватно вне структуры такого бытия.

Если мудрость в традиционном смысле - это особый вид знания и его воплощения в поведении, вид проникающего зна-

ния, то в современном смысле этот сплав обогащен множеством научных подходов, перебрасывающих мосты между безличностным и личностным знанием, и вписан в духовно-практическое производство человека, порождающее личность, способную выходить за пределы наличной социальности. Такое трансцендирование всегда составляет загадку для социального познания, в том числе и научно-организованного. Но именно в нем вдохновляющая направленность, действенность фронестики.

Фронезис - это мудрость выбора. В ситуации повседневной экстремальности. Не просто поступка, но и всей линии поведения, а, следовательно, и мировоззренческий выбор. Готовность не только его отстаивать, а все время обогащать и, при необходимости, изменять его.

Общность фронезиса и мудрости - не тождество их. Фронезис - это мультиплицирующая мудрость. Поскольку фронезис - не просто личностное знание, а переведенное в личностную сферу нравопреобразующее, объективное знание, поскольку это знание и умение в сфере общественной (а не только индивидуальной) морали, постольку он может существовать в объективных формах, развиваться по законам науки, отыскивая способы переработки жизненного социокультурного опыта в некую систему скоординированных и проверяемых высказываний.

В процессе реализации фронезиса акцент с объективности знания переносится на возможности его индивидуализации, превращение в непосредственное умение. Фронезис - это своего рода ноу-хау в сфере межличностных отношений. Это - диагностирующее, прогнозирующее и консультирующее знание, воплощенное в умении и включенное в решения, в деятельность. Именно поэтому фронестическое знание, столь сильно ориентированное на практику, на индивидуальность приложения, складывается в «мягкую» теорию.

4-5. Мы объединили два пункта анкеты, ибо рассматриваемая ниже идея гуманитарной экспертизы и консультирования равно относится и к процессу связи теории и практики вообще, и, отдельно, к средствам совершенствования нравственной жизни, с одной стороны, к вариантам повышения практичности этики - с другой.

Мы исходим из того, что сегодня существует требовательный социальный заказ на гуманитарную (средствами гуманитарного знания, организованного вокруг «этического ядра») экспертизу и консультирование практики принятия решений социальными институтами, организациями. Этическое сообщество может ответить на этот заказ формированием экспертно-консультативной функции знания о морали и воспитании, а также применением полученных результатов в персонифицированной деятельности обществоведов. Первые попытки оформления такого рода социальной инициативы - экспертного движения - зафиксированы на «Самотлорском практикуме-1».

Гуманитарная экспертиза и консультирование - это деятельность, снимающая противоречия между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением. Диалогическая, «понимающая» природа фронезиса не допускает упрощенного толкования отношений «консультант - клиент». Гуманитарная экспертиза и консультирование - не передача «готового» научного результата на «внедренческий конвейер», но совместный (специалиста и ЛПР) поиск решения проблем. Эффект такого поиска обеспечивается герменевтическими (интегрирующими) понятиями социально-гуманитарного знания, нормы социальной технологии, логику здравого смысла) методами и процедурами подготовки решения. Фронезис в процессе экспертизы и консультирования - условие и итог решения эвристической задачи приложения «науки об искусстве» уникального выбора к практике.

Гуманитарная экспертиза и консультирование - это особая культура взаимодействия позиций теоретика и практика. Здесь обе стороны в поиске подлинных ситуаций для анализа и решения, в выработке конструктивных подходов, в проведении их в жизнь приобретают статус равноправных участников, соавторов. Инициированное этическим сообществом движение гуманитарной экспертизы и консультирования достигает эффекта лишь при «встречном движении», в ситуации настоящего запроса на него, с одной стороны, со стороны социальных институтов, организаций, отдельных ЛПР, активного исследовательского поиска - с другой стороны. При этом опыт «Самотлорского практикума-1» показал, что в этой конкретной ситуации инициатива была действительно встречной: обществоведы и ЛПР стали совместными «заказчиком», «исследователем», «субъектом внедрения».

И. Э. Бекешкина

ЧТОБЫ СТАТЬ ЭТИКОМ-КОНСУЛЬТАНТОМ, ДОСТАТОЧНО БЫТЬ...

1. Фокусирующей «болевым точкой» современной нравственной ситуации является отчуждение личности от общества. Это прямо сказывается на состоянии нравственности, поскольку мораль - принцип синтезирующий. Возрастание личностного начала в обществе разрушает былую традиционалистскую форму нравственного сознания с ее стихийным коллективизмом. Формирование иного, субъектно-рефлексивного типа нравственности прямо будет зависеть от того, насколько человек как нравственный субъект получит реальную возможность нравственного изменения общества. «Точки роста» современной нравственности по сути заключаются в том же возрастании нравственной субъектности, когда у массы людей исчезает слепая оптимистичная вера в то, что «все действительно разумно». Насколько им удастся стать действительными субъектами перестройки - от этого в первую очередь зависит идентификация личности с социальным целым. Сегодня мы переживаем уникальную ситуацию, сходную, пожалуй, лишь с периодом Октябрьской революции, когда от личной позиции каждого в решающей степени зависит судьба страны, поэтому проблема морального выбора значительно укрупняется в масштабах, приобретая исторический характер.

2. «Болевые точки» этики общи с обществознанием в целом. Возложенная на него основная идеологическая функция оправдания существующего положения вещей позволяла вообще обойтись без объективно-научного изучения реальных общественных процессов. Тем самым в обществоведении, в том числе и в этике, снималась проблема эмпирического уровня исследования. В качестве «критерия истины» выступали тексты классиков марксизма-ленинизма, материалы партийных съездов и пленумов, а высказывания руководителей партии приобретали статус непреложных истин. Естественно, подобные методы работы не имеют ничего общего не только с марксизмом, но и с подлинным философствованием вообще, ведь философ любого направления (как материалистического, так и идеалистического) опирался на культуру и науку своего времени, пытаясь выразить дух своей эпохи, ответить на ее запросы. Нельзя быть профессионалом в философии, не зная ничего, кроме философии. Отсюда - и схоластика, и абстрактное теоретизирование, и схематизм, и попытка решать этические проблемы, исходя из собст-

венной совести и здравого смысла. На Самоглорском практикуме-1 приходилось слышать от этиков суждения, будто для того, чтобы стать этиком-консультантом, достаточно быть просто... хорошим человеком. Сейчас, когда этика решительно изживает комплекс оторванности от жизни, особую опасность представляет, на мой взгляд, решение сложных нравственных проблем с позиций «этики чувства», превращение этика из научного работника в эдакого самозванного гуру, готового раздавать советы по любым проблемам современности, исходя из своей «чистой души» (не оскверненной научным анализом).

3. В истории философии этика всегда венчала здание любой философской системы, была ее праксеологическим резюме. Поэтому этика должна стать стержнем, осью мировоззренческого воспитания личности. Однако, она не может выполнить свою миссию, покуда в ее содержании не займут центральное место коренные проблемы человеческого бытия: жизнь и смерть, смысл жизни и самоосуществление, любовь и ненависть и т. д. Социокультурный идеал современной этики - научно обоснованное знание, пронизывающее как жизнь отдельного человека, так и все важнейшие сферы человеческой жизни - экономику, политику, воспитание, общение и пр. Типы этического теоретизирования могут быть самыми различными («мамы всякие нужны, мамы всякие важны»): от жестко сциентистски ориентированных способов получения этической информации до художественных эссе. Важно лишь, чтобы различия в способах этицирования не размежевывали этиков в поисках некоего единственно правильного «эталона», а объединяли на принципе взаимодополнительности, позволяющем сохранить своеобразие каждого голоса.

4. Самоглорский практикум-1 еще раз продемонстрировал одну банальную истину: внедрять в практику можно только то, что уже есть, наработано в науке. Этика слишком долго замыкалась на себе самой (что, впрочем, извинительно как альтернатива апологетике), потому сегодня этики могут высказаться о насущных проблемах современности в лучшем случае на уровне здравого смысла. Поэтому, как ни парадоксально это звучит, но, в условиях повышения социального спроса на этические знания, кратчайший путь к практике лежит через письменный стол. Ведь можно разработать сколь угодно действенную систему внедрения этических знаний в практику, но этим нельзя заменить отсутствие профессиональных теоретических разработок проблем. Только на этой основе как на исходной возможны все остальные формы движения теории к практике: и этико гуманитарная экспертиза социальных, экономических, политических и научно-технических решений, и нравственное прогнозирование, и участие этиков в формировании общественного мнения, и гуманитарно-этическая подготовка специалистов, и диалогическое общение, и все остальное. Тяга и доверие практики к теории будут зависеть от профессионализма и компетентности предлагаемых решений.

5-6. Общая, стратегическая линия совершенствования нравственной жизни - перестройка социального бытия людей в целом на началах социалистического гуманизма, соединение интересов личности и общества. Что касается воспитания нравственного субъекта, то здесь в качестве доминанты следует выделить кардинальную перестройку всей системы образования и воспитания: гуманитаризацию образования и гуманизацию воспитания.

В качестве ближайшего будущего можно предположить повышение наукоемкости этических исследований, усиление прикладных направлений этики, ее целенаправленность на анализ проблем перестройки. Возникнут новые сложные проблемы, связанные с перестроечными процессами, например: проблемы справедливости и гуманизма в жестких условиях перехода эко-

номики на хозрасчет и самофинансирование, императивность нравственных принципов и духовный плюрализм и т. д.; многие традиционные проблемы потребуют новых решений: проблемы соотношения классового и общечеловеческого в морали, абсолютное и относительное на разных уровнях моральной регуляции и пр.

Думается, следует шире практиковать локальные проблемные круглые столы, семинары, которые собирали бы разнопрофильных специалистов по данной проблематике, взамен традиционных безбрежных этических сборов, участников которых объединяет единственный признак принадлежности к науке этике. Давно назрела и необходимость издания всесоюзного журнала «Этика» (по типу и стилю журнала «Природа»), на страницах которого осуществлялся бы диалог философов, социологов, психологов, публицистов, да и просто всех тех, кому есть что сказать о нравственных проблемах современности.

6. Что будет дальше? Не задохнется ли перестройка? Возможные варианты ответа во многом зависят от личного морального выбора каждого из нас.

В. А. Блюмкин

НУЖНА ЭТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

1. Чтобы получить этику перестройки, надо перестроить этику. Перестроить не столько ее структуру как науки, хотя и здесь есть свои проблемы, сколько - основные направления этических исследований, способы взаимодействия этики с практикой. С этой точки зрения, вопросы, поставленные организаторами «Самотлорского практикума-2», актуальны и вполне правомерны.

Великое нравственное значение перестройки состоит в том, что она знаменует начало коренных перемен во всех сферах общественной жизни нашего общества, совершаемых во имя человека и высоких нравственных ценностей, которые и раньше провозглашались, но далеко не всегда воплощались в жизнь, - во имя добра, человечности, солидарности, справедливости.

Перестройка уже на первых своих этапах высветила грубейшие отступления от нравственных идеалов социализма, деформацию нравственности, а нередко и прямое попрание тех нравственных ценностей, без которых невозможно нормальное существование любого человеческого сообщества. Иначе говоря, обнажились не только «болевы точки», а многие раны, язвы и нарывы, которые существовали в нашей социально-нравственной жизни в течение многих лет (массовые злоупотребления властью, бюрократические извращения, лицемерие, нечестность, подлость и преступления разного рода мафий, прикрывавшихся социалистическим обличьем; возрождение средневековых нравов; отход миллионов людей от активного участия в общественной жизни, вынужденный или добровольный их уход в частную жизнь, резкое снижение нравственной активности и пр.).

Отсюда ясны и «точки роста», пути нормализации, оздоровления нравственной жизни нашего общества. Они состоят в преодолении «болевых точек», в лечении язв, вскрытии «нарывов» аморализма. На начальных этапах перестройки особенно велико нравственное значение гласности. Открытое сообщение правды, выступление с позиций правды само по себе является нравственным поступком. Но если все ограничится одним «говорением» правды, без ее отстаивания, без воплощения в жизнь вытекающих из нее практических выводов, то дело не сдвинется с места, что может обернуться большими нравственными по-

терями - усилением лицемерия, утратой веры в возможность победы добра над злом.

Со сказанным выше связаны и новые проблемы морального выбора. Главная из них состоит в том, что каждый должен определить свое место в перестройке, честно, не обманывая других и самого себя, включиться в ее осуществление. Пока этого не произойдет, пока не совершится нравственное потрясение и соответствующее очищение миллионов людей, перестройка не сможет стать массовым явлением, фактом социальных нравов, а, следовательно, не сможет и осуществиться в достаточно полном объеме.

2. К тому, что говорилось об этом в «Самотлорском практикуме-1», хочу добавить, что современная этика лишь с большой натяжкой может быть названа системой. Скорее, она представляет собою конгломерат не очень тесно связанных между собой частей, разделов, исследовательских направлений. Таковыми являются теория морали, теория нравственного воспитания, профессиональная этика, философско-социологические проблемы этики, истории нравственности, история этики, этические проблемы общественных и естественных наук (раздел «этика и другие науки»).

Одна из «внутренних» задач этики как раз и состоит в том, чтобы повысить уровень своей системности, что может быть достигнуто на основе расширения и углубления фронта этических исследований, в центре которых должна быть, конечно, теория морали.

3. В анализе моральных проблем перестройки и вообще нравственной жизни нашего общества, его реальных нравов этика и этики оказались далеко позади журналистов, публицистов, писателей, как и позади некоторых социологов, экономистов, историков. Факт сам по себе огорчительный, но из него надо сделать правильные выводы. Не дело этиков «гоняться» за публицистами и социологами, которых они вряд ли смогут превзойти по оперативности и скорости обобщения, как и по яркости и остроте изложения материала (хотя идеальным вариантом для специалиста в области этики было бы сочетание способностей к теоретическому исследованию с талантом публициста).

Тем не менее, этик должен превосходить всех участвующих в нравственном поиске нашего времени, всех других представителей комплекса знаний о морали и моральном воспитании в более глубоком постижении сущности этих явлений. Обеспечить практику, публицистику, смежные науки достаточно строгой, хорошо разработанной теорией морали и нравственного воспитания - в этом нам видится особая специфическая задача этической науки, которую за нее никто решить не сможет.

4. Несколько лет перестройки ярко высветили отставание нашей этической теории от жизни. Быстро преодолеть его, наверное, не удастся. Обольщаться на сей счет не следует. Но мы должны отдавать себе отчет и в том, что без преодоления такого отставания невозможно ни повышение практического потенциала этики, ни возрастание этической «наукоемкости» практики. Думается, что в этом плане существенную роль могло бы сыграть смелое обращение этиков к исследованию не чисто этических, а социально-этических проблем, к анализу реальных жизненных ситуаций, противоречий, трудностей, к разработке соответствующих, этически обоснованных рекомендаций. В качестве таких проблем можно назвать нравственные аспекты борьбы с бюрократизмом, осуществления радикальной экономической реформы, функционирования разного рода неформальных объединений. Изучая эти и многие другие явления современной жизни, этик найдет богатейший материал для дальнейшего развития этической теории и для усиления ее «выхода» в практику.

Хочу высказать свое мнение и об идее гуманитарного и этического консультирования, осуществления экспертно-консультативной деятельности этиков. В принципе эта идея не вызывает возражений, но она нуждается в серьезной практической проверке. Некоторые сомнения можно высказать уже сегодня. Когда речь идет о консультациях юриста или врача, то здесь ясно, кто и как к ним будет обращаться. Но можно ли ожидать, что к этику-консультанту пойдут на прием частные лица, представители трудовых коллективов или системы управления для выяснения того, как стать счастливым, обрести смысл жизни, решить вопросы о сущности чести и честности, долга и ответственности? Очень сомнительно.

Может быть, я ошибаюсь, но думаю, что нашему обществу нужен не этик-консультант, осуществляющий свою деятельность на тех же началах, что, например, юрисконсульт, а учитель мудрости, советчик в житейских делах, наставник, исповедник, нравственный судья. Такая фигура всегда была необходима, очень нужна она и сегодня. В роли учителей мудрости могут и должны выступать родители, школьные учителя, вузовские преподаватели, хозяйственные руководители, партийные и советские работники. Помочь им справиться с этой нелегкой ролью - важная задача этика, которую он может решать через преподавание своей науки в учебных заведениях, чтение отдельных лекций в трудовых коллективах, через свои публикации, выступления по радио и телевидению и т. д.

5. В свете всего сказанного в настоящее время большое практическое значение приобретает всемерное развитие этической публицистики. Необходим широкий выход этиков на страницы массовой периодической печати, расширение издания хороших научно-популярных брошюр и книг по этике, которые пользуются большим спросом. Сделать это очень непросто. К этому не готовы как этики, так и издатели. Но надо такую задачу ставить и настойчиво ее решать. А в ходе ее решения будет осуществляться и перестройка этики, выясняться, что в ней является живым, действенным, достойным дальнейшего развития, а что - мертвым, надуманным, догматическим.

В качестве обнадеживающего явления хотелось бы назвать наметившуюся в последнее время некоторую активизацию научно-организационной и издательской деятельности секции этики Философского общества СССР. Но чтобы эти ростки позитивных перемен превратились в крепкие побеги, нужен целый комплекс мер (см. о них в «Самотлорском практикуме-1»). Без их осуществления, без сколько-нибудь серьезного расширения преподавания этики в средних и высших учебных заведениях строить какие-то оптимистические прогнозы развития этического знания в ближайшем будущем не представляется возможным.

А. П. Вардомацкий

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ - ПОЧКА РОСТА ЭТИКИ

1. Перестройка неизбежно погружает каждого психически нормального человека в ситуацию глобального жизненного выбора. Эта ситуация уже была хорошо схвачена в публицистической литературе двумя однокоренными, но намертво схлестнувшимися словами: перестройка или подстройка? Острота дилеммы предельная и «да» перестройке отнюдь не означает верного попадания в надежную и теплую струю. Как раз наоборот, такой выбор предполагает риск, чуть ли не гарантированное неадек-

ватное воздаяние, состояние перманентного конфликта.

Ситуации морального выбора в условиях перестройки характеризуются расширением диапазона предоставляемых альтернатив. Это - одно из нравственных последствий процесса демократизации. Глобальный выбор «за» или «против» перестройки влечет за собой массу выборов меньшего масштаба. Их типология - это типология расширяющейся демократии, она затрагивает все вновь раскрывающиеся варианты возможностей: выборы руководителей (директор компетентный или директор удобный); выборы депутатов (в предвыборной программе обещает помогать всем или моему предприятию); нравственный выбор-самоопределение в оценке тех или иных периодов истории страны и исторических деятелей, крупных политических фигур; граждански-нравственное самоопределение-выбор в тех вопросах, при решении которых особо важную роль играет общественное мнение (поворот рек, защита памятников культуры и т. д.); в условиях разнообразия мнений - выбор в пользу того или иного литературного направления, философской (в т. ч. этической) концепции, политического решения и т. д.; участие в различных акциях, организациях, объединениях и т. д., произрастающих на самодельной, неформальной основе (например, благотворительные концерты).

2. Как известно, совокупности определенным образом расположенных точек образуют плоскости. Таких плоскостей, на которых может проявиться рисунок нового этического знания, можно назвать, по крайней мере, три. Первая касается обширной группы проблем, связанных с практическими нуждами страны и человечества, которые по тем или иным причинам чрезвычайно обострились в настоящее время. Это - проблема выработки активно-действенного экологического сознания и поведения, т. е. распространения сферы нравственной оценки от человека на грозящую стать неживой природу. Речь идет о принципиальном расширении горизонта нравственного видения, раздвигании диафрагмы, в которой раньше был виден лишь профиль человека, и только он, без окружающего его мира природы. Это - проблема осознания общечеловеческого пласта в общественной морали, который должен интерпретироваться не как некое тонкое второстепенно-периферийное обрамление мощных, безусловно-доминирующих классовых структур нравственности, но как фундаментальный пласт моральной реальности, проявивший свою актуальность и значимость на фоне реальной угрозы ядерного вымирания человечества. Это, наконец, - проблема нравственного принятия различающимися этносами друг друга.

Вторая плоскость, на которой, безусловно, расцветет оазис нового этического знания, появляется в связи с более честным обращением с историей философии вообще и историей этических учений в частности. Отход от критики «с порога», столь характерной для периода «застоя», даст возможность разнообразнее, шире и красочнее использовать в критикуемых теориях этический материал.

Наконец, третья плоскость связана с междисциплинарным взаимодействием философской этики с рядом смежных наук - социологией, психологией, культурологией. В плане взаимодействия этики и социологии плодотворным представляется использование и вторичный анализ многочисленных проводимых в отдельных регионах и в целом по стране анкетных опросов, которые, хотя и не были посвящены специально нравственной проблематике, но несут в себе запас этически значимой информации. В этом отношении особый интерес представляет созданный в ИСИ АН СССР банк социологических данных. В психологии этико-эвристичными выступают ряд понятий и теоретических схем, касающихся сложных феноменов личностного уровня. Вероят-

но, определенную пользу принес бы этический анализ представлений о личностном смысле, смысловой установке, смысловых образованиях личности, психологических теорий личности А. Маслоу, К. Левина и других авторов, процессов внутреннего диалога, механизмов сдвига мотива на цель и т. д.

Все указанные точки роста обязательно находятся на одной линии - линии высокого профессионализма. Именно эта линия должна глубоко залегать на руках любого, кто рискнет заниматься этической проблематикой; именно на линии профессионализма находятся те точки роста, если угодно, почки роста, из которых и будут произрастать побеги нового этического знания. Именно профессионализм - средство освобождения от давящего этику проклятья морализаторства и изгнания пригревшегося в ней приукрашенного обыденного сознания.

Особой точкой роста хотелось бы выделить гуманитарную экспертизу - форму связи этики с жизнью. Гуманитарная экспертиза дает рост этического знания по двум направлениям: для философской этики практика гуманитарной экспертизы самых различных социальных явлений, преобразований, промышленных проектов и т. д. выступает продуктивной коррекцией общепрофессиональных положений на реальность; для эмпирически ориентированной этики гуманитарная экспертиза показывает необходимость генерализованных философских подходов для выработки позиции по вполне конкретным вопросам.

3. Место и роль этики как практической философии в нравственном поиске нашего времени кратко можно охарактеризовать так: этика должна осуществлять категориальное осмысление нравственно-инновационной деятельности. Речь идет об этической рационализации (не путать с рационализацией в духе Фрейда!). Расшифруем это положение. Весь процесс морального поиска в общественном организме идет, как нам кажется, тремя достаточно различимыми потоками: 1) поток обыденно-практической массовой нравственной жизни; 2) поток художественно-осмысленного отражения; 3) поток философской рефлексии. Этика представляет третий поток и в этом качестве незаменима.

Отдельно остановимся на этическом осмыслении ценностно-инновационных процессов. В этом плане решается несколько классов задач. Во-первых, осуществляется вскрытие и вербализация заложенных в фундамент массового или узкогруппового поведения ценностей, существующих в общественной психологии на бессознательном уровне, но реально детерминирующих поведение больших и малых социальных групп. Во-вторых, если мы верим в беспредельность творческого потенциала человеческого сознания, не бредущего покорной поступью вслед за все и вся определяющим бытием, мы должны признать за этикой возможности и силы продуцировать некие новые ценности, которые способны мотивировать, побуждать, вызывать к жизни нравственно-приемлемое поведение нового уровня. Новый мотивационно-стимульный комплекс - историческая цель коммунистической формации.

Здесь возникает методологически сложная самостоятельная задача по определению того, что можно назвать действительно новой ценностью. В самом деле, набор ценностей, уже так или иначе встречавшихся в истории человечества (в той или иной формулировке, в той или иной региональной культуре, на том или ином историческом отрезке), столь велик, что его можно считать исчерпавшим все мыслимые варианты ценностно-мировоззренческих ориентаций. Ведь уже в античности был сформулирован практически весь веер возможных нравственных позиций!

4. Субъект этической экспертизы - этик-профессионал, обладающий основательными познаниями в смежных научных об-

ластях, в первую очередь - в социальной и общей психологии. По своей психологической конституции - носитель ярко выраженной способности к эмпатии. Относительным гарантом его нравственного облика может быть опыт прохождения пограничных ситуаций. Функция субъекта этической экспертизы (в случае консультации) - не принятие определенного морального решения, но этический анализ и «предложение» духовно-мыслительного материала, который может быть использован при принятии такого решения. Лицом, принимающим решение, здесь является пришедший за консультацией, который в равной мере есть субъект этической экспертизы.

5. Созрела возможность того, необходимость чего определилась давно и, вероятно, не требует особых доказательств и обоснований: организовать в стране постоянно действующий мониторинг ценностных ориентаций советского человека. Начинать можно в одном из регионов (например, Тюменский район нового освоения). Создание такой службы или исследовательской программы не требует формирования новых структурных подразделений, учреждений или чего-нибудь еще в этом роде, а необходимый инструментарий наработан и апробирован на малых выборках. Это позволит иметь данные по структуре и динамике ценностей советского человека, которые в настоящий момент отражаются в виде отдельных догадок, острых наблюдений или же теорий философского уровня. Последние страдают, однако, чрезмерной обобщенностью и недугом несоотнесенности с конкретикой социальных групп, регионов, социально-демографических различий и т. д. Как и по ряду других гуманитарных проблем, художественная литература, искусство вообще и здесь оказались продвинутыми дальше и глубже.

В. Т. Ганжин, Н. В. Надысева

ЭТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ЗАДАЧИ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

1. Одной из важнейших «болевых точек» современной нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности является неосознаваемость **объективных форм аморализма**, условий их возникновения, распространения и укоренения. Причин «субъектоцентризма» в практической морали и обслуживающей ее этической теории много. Одна из важнейших причин связана с «естественной» для условий «перманентной революционности» (историки советской морали и советского общества, наверное, едва ли найдут из всех семи десятилетий пятилетие «нормальной жизни») деформацией материалистического понимания истории, ведущей к переоценке в качестве источника моральности роли субъективного фактора в сравнении с объективными социальными условиями. К чему ведет такая деформация, возвышает ли действительно человека такой «субъектоцентризм» в теории и на практике? Пожалуй, из всех экспертов «Самотлорского практикума-1» только В. Н. Назаров натолкнулся прямо на негативные последствия названной деформации (отсюда его гипотеза о необходимости разработки теории социалистического эгоизма). В моральной и - шире - социальной практике это ведет, как правило, к тому, что Гегель называл безумием самомнения, к такому засилию социального и морального волюнтаризма, кричащие последствия которого мы ныне ощущаем через деградацию окружающей среды и ухудшение многих компонентов общественного и био-психического здоровья людей.

Это высокий триумф социальной и личной воли, таящий в себе не менее высокую трагедию.

Чтобы перестройка стала ситуацией морального выбора для каждого советского человека, необходимы, видимо, по меньшей мере три важных условия: во-первых, необходимо, чтобы поток литературы «нечистой совести», открывший период напряженных нравственных исканий и переоценки ценностей, был радикально усилен потоком научной и научно-популярной, публицистической литературы, переводящей общественное сознание из ситуации покаяния в ситуацию активного противостояния злу; во-вторых, необходимо всячески поддерживать и расширять перестроечную нравственную деятельность, взрывные проявления «горькой совести», планомерно и архинастойчиво ведя дело не только к оздоровлению морально-политической атмосферы в стране, но и к совершенно иному уровню общенационального самосознания; в-третьих, необходимо резкое ужесточение морального контроля за политической, общественной и административной деятельностью, перестройка политической и правовой системы, а также соответствующий рост граждански демократического сознания.

«Субъектоцентризм» принципиально обедняет нравственную жизнь общества, заставляя во всех жизненных успехах и неудачах видеть проявление одних лишь личностных качеств людей, их добрую или злую волю.

В русло «субъектоцентризма» мы долгое время ухитрялись помещать не только социально-демографические общности, но и всю нашу формацию: социализм-де исключительно хорош, мешают лишь пережитки да недостаточная сознательность отдельных людей; и только ситуация перестройки немного приоткрывает нам глаза на то, что и социализму присуще свое зло.

Гуманистическая «акупунктура» названной «болевого точки» состоит, на наш взгляд, в том, чтобы в практике нравственного воспитания преодолеть постепенно и настойчиво указанную деформацию, обогащать нравственную жизнь общества всеми закономерными для данной стадии его развития формами и направлениями.

Этическая литература ныне задыхается от доктринерства, а нравственная практика - от «социальной инженерии», и в этом смысле правы те, кто апеллирует к эссеистике, к неформальным объединениям, хотя на самом деле нам нужны не Камю и Киркегоры, а полнокровный поток моралистической литературы, представленный ранее Монтенем и Ларошфуко, Лабрюйером и Паскалем... Вкус к моралистике, к ответственной, публично высказываемой точке зрения на события и явления нравственной жизни, к их оценке и переоценке проявляют ныне многие. Но дело тормозится, во-первых, отсутствием отечественной традиции и, во-вторых, жестокой внутренней цензурой. Чтобы начать оправдывать нашего горячо любимого современника, обосновывать современную мораль средствами этической теории, надо его сначала морально диагностировать, «раздеть», лишить всякого «орнаментума» (Л. Леонов), найти по существу, чего же он стоит. Отсюда первейшая задача моралистики - заниматься не только политиками-монстрами прошлого, но и современниками-перерожденцами, «хозяевами жизни», любителями выдавать свою точку зрения за позицию всего государства, народа, всего социализма, т. е. всеми исключительно «скромными» представителями моральной фауны наших дней. Только так мы сможем на деле помочь «прорабам перестройки».

Что касается интеграции этики с обществоведением, то обсуждение вопроса об институте человека в рамках недавней всесоюзной конференции (Москва, февраль 1988 г.) показывает, что на пути такой интеграции стоят чрезмерно дифференцировавшиеся методы и традиции, концептуальные языки» отдельных наук.

Во всяком случае, **намечается синтез научной и нравственной картины мира, характерных для конца XX века.** Ему

может способствовать и этика, если будет вести себя естественно и «нравственно», не гоняясь за модой «самоновейшей рациональности» и не поддаваясь каждой новой кампании.

Что касается этического знания, то в его системе «субъектоцентризм» должен быть серьезно потеснен диалектикой (как теорией) нравственных процессов. Пока этого не произойдет, этика не вырвется за пределы полуспекулятивной психологии, а ее консультативная роль будет ограничиваться указанием на сверхсложность процедуры морального оценивания любого явления, вплоть до самых пустяковых. Неудивительно, что этическое знание такого толка является нередко не знанием вовсе, а моралистическим истолкованием художественных открытий и образов, о которых «все говорят». До отражения типичного социально-нравственного факта, аналитического высвечивания в этом факте связей моральной системы общества и его потенции такому знанию еще довольно далеко.

Освободиться от давления сложившейся традиции «субъектоцентризма» под силу не одному теоретику или их группе, а лишь всему этическому сообществу, которое, складываясь из различных отрядов и групп (профессионалы и дилетанты, историки и теоретики, фундаменталисты и прикладники, моралисты и методологи и т. д.), является единственным полномочным субъектом познания нравственной жизни в стране. Быть может, на первых порах допустим крен в «объектоцентризм», сильный акцент в исследованиях объективных форм моральности, связей морали с экономикой, субъект-объектных отношений, объективированных форм социальности и человечности.

Этическая общественность страны - это, говоря науковедческим языком, такой носитель ценностно-нормативной и теоретико-критической «парадигмы», который единственно способен дело гуманистического консультирования вести от своего имени, не поддаваясь соблазнам конъюнктуры и внешнему давлению.

Что мешает формированию данной социально-профессиональной общности сегодня, препятствует выполнению этиками своих нормальных социальных функций? Хотелось бы назвать три важных, на наш взгляд, причины. Во-первых, продолжающаяся двусмысленность истолкования философского качества этического знания, приводящая к тому, что одни влекут этику в «чистую» философию, оставляя вне всякого внимания насущные нравственные потребности своего времени, а другие, напротив, наводят этическое знание такими разнообразными и разнохарактерными компонентами, что оно теряет свое собственное качество. Во-вторых, сохраняющаяся вследствие названной двусмысленности методологическая ослабленность общей теории морали, приводящая к внутренней деформации науки, к диктату социально-прагматических установок над свободным исследованием морального феномена. Это наглядно обнаруживается в опыте недавнего прошлого, когда мы восторженно приветствовали идеал всесторонне развитой гармоничной личности с активной жизненной позицией, не задаваясь, однако, вопросом, который материалистическое понимание истории требует поставить прежде всего: действительно ли объективно необходима при данном уровне развития общественных отношений данная форма нравственного самоутверждения индивидов; наконец, мыслимо ли вообще (мы не говорим уже о практической достижимости) общество, сплошь состоящее из «всесторонне и гармонично развитых» индивидов?

В-третьих, мешает сильный идеологически-психологический тормоз в сложившейся научной практике и психике теоретиков, привыкших бить поклоны формации, правящей партии, классам и без усталости цитировать руководство страны; многие

вследствие этого отвыкли непредвзято относиться к проблемному полю этики, к наличным нравам, свободно вырабатывать свою социально-нравственную позицию и убежденно отстаивать ее.

Чтобы этическая общественность заявила о себе, нужны коллективные действия. Хорошее предложение на этот счет в «Самотлорском практикуме-1» высказали С. Ласмане и А. Милтс - о манифестах этиков, направленных на формирование активного общественного мнения по злободневным вопросам нравственной жизни общества. Будут, наверное, и другие интересные предложения. В действиях такой общественности должны, на наш взгляд, проявлять себя два основных принципа: демократическая организация соревнования идей, сопоставления позиций и убеждений; активный поиск здоровых и перспективных нравственных идей. Тогда двуединая задача - поддержка всего честного и справедливого, критика безнравственного, а также управление исследовательской практикой в области этики, ориентированное на то, чтобы этика выступала теорией моральных систем - будет решаться согласованно и, можно надеяться, без таких больших издержек, как сейчас.

3. Человек, как правило, принимает на себя ответственность за нравственные следствия тех поступков, моральные (или аморальные) мотивы которых были ему самому очевидны и понятны. Реальные же нравы в значительной степени творятся как раз неучитываемыми нравственными следствиями деятельности, когда человек, не будучи в состоянии проследить всю цепь своего непреднамеренного влияния на других людей (вопрос не столько в том, «как наше слово отзовется», сколько в том, «как наше дело свершится»), просто «не узнает» ситуацию морального выбора, отчуждается от нее.

Ширящаяся демократизация грозит усугубить ситуацию, если нравственное сознание вовлекаемых в управление обществом масс людей не будет специально, этическими средствами «доразвито». Для того, чтобы человек мог самостоятельно осмысливать «на коллективизм и гуманизм» общественные отношения, в которые он оказался включенным, прогнозировать и корректировать свое влияние на систему общественных ценностей (как процессом, так и продуктами своей деятельности), этическая теория должна его вооружить пониманием механизмов нравотворения, нравственной культуры личности как «технологии» морального освоения мира. Необходимо освоить управление нравственными ценностями и моральной технологией, совершаемое через продукт труда. По сути, именно в этом направлении происходит ныне перестройка хозяйственного механизма в стране. Этика (вместе с политэкономией и т. д.) должна помочь производителю и потребителю увидеть друг друга как равноправных социальных и моральных субъектов («два человека на разных концах производственной цепочки»), относящихся к одной и той же социально-нравственной общности. В любом продукте труда объективно запечатлен (а, стало быть, и теоретически расшифровываем) целый комплекс социально-культурных программ (и в том числе «технология» морального освоения мира).

Отсюда можно сказать, что наиболее значимой ролью этики как практической философии в нравственном поиске нашего времени является субъектоформирующая роль при обслуживании основного, производственного отношения.

За этикой должно быть признано право ставить вопросы нравственной жизни общества в нетрадиционном ключе, выдвигать «сумасшедшие» нравственные идеи. Но может ли сегодняшняя наша этика с успехом пользоваться этим правом? Пока что утвердительно ответить на этот вопрос трудно. «Затюканность» воспитания, догматизм и провинциализм теоретического мышления сковывают личностное начало в этике.

4. Этическая теория должна бороться прежде всего за расширение преподавания (общего и специализированного, мак-

симально приближенного к ситуациям выбора и перестройки, а также общеисторического в школе, техникуме, вузе и курсах повышения квалификации); когда сложится система преподавания - будет и система этического знания, система кадров (будет этическое сообщество).

Чтобы было «встречное движение» этики и нравственной практики, надо изменить место этика, обществоведа вообще в социальной жизни. Это место должно быть практическим, т. е. этическая общественность своей зарплатой и своим общественным авторитетом должна отвечать за точность и своевременность отражения потребностей нравственного развития в партийных и государственных документах, за верную стратегию и программу их реализации. В таком случае данная общественность должна обладать правом общего идейно-методологического и идеологического надзора за органами партийного, советского, общественного управления. Не обойтись в таком случае без того, чтобы не включать на правах «члена-корреспондента» философа, этика, обществоведа в советы наиболее крупных трудовых коллективов, в комиссии по социальному развитию при исполкомах советов народных депутатов.

5. Надо ускорить и усилить процессы морально-политической консолидации советского народа на платформе перестройки, добиваясь «социально-нравственного консенсуса» средствами демократического коллективизма и гласного гуманизма.

Кто из философской (этической) общественности страны будет следить и сумеет вовремя распознать опасность, смело выступить против нее в случае хождения политико-безнравственных максим «лес рубят щепки летят», «есть человек - есть проблема, нет человека - нет проблемы»? Тот, для кого философское призвание дороже социализованности, воспитанности.

Можно ли изменить место «встречи» этики и нравственной практики? Если учесть, что обе они во многом архаичны, то таким местом «встречи» должна стать открытость нравственной жизни страны для демократического контроля, подключение этической общественности страны к различным этическим обществам и движениям в мире (для избавления от провинциализма и догматической затхлости в мышлении, для настоящего идеологического воспитания новых поколений этиков - марксистов).

Снова повторим то, что было сказано в «Самотлорском практикуме-1». Чтобы марксистской этике не потерять свое лицо, она должна, на наш взгляд, теорию социалистической моральной системы доводить до разработки требований партийной этики, основываться на скрупулезном (силами этической общественности всех социалистических стран и стран, избравших социалистическую ориентацию) изучение всего богатства нравственной жизни в странах социализма, утверждать преимущественную роль пролетарского этоса и социалистической моральной системы в деле превращения современного мирового сообщества в единый общепланетарный субъект нравственной жизни, в человечество.

6.1. Чем отличается гуманистическое консультирование сегодня от мантики и античного вопрошания оракулов? - Пониманием вероятности наших утверждений, ограниченности и вместе с тем колоссального могущества нашего знания.

6.2. Имеет ли какие-либо преимущества с точки зрения наиболее эффективного гуманистического консультирования социальных решений та или иная из двух конфликтующих исследовательских ориентаций («управленцы» и «антиуправленцы») в нынешнем этическом сообществе? - На наш взгляд, преимущество за теми, кто не боится «идти в жизнь».

ЭТИКА КАК КОНСТРУКТИВНАЯ ОТРАСЛЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

1-2. Основные «точки роста» современной нравственности заключаются в том, что происходящие в нашем обществе процессы действительно создают условия для морального выбора. Во-первых, признан приоритет общечеловеческих ценностей и, соответственно, общечеловеческих нравственных идеалов, следовать которым значительно труднее, чем примитивной групповой морали, объявляющей «добром» все, что исходит от «наших», и «злом» - все, в чем можно усмотреть «чужое» (чуждое «нашим» ценностям). Во-вторых, утрачивают популярность идеологические ярлыки, страх перед которыми подрывал эмоциональную основу нравственных исканий человека, когда вместо ситуации морального выбора чаще всего возникала ситуация выбора между двумя политическими позициями: истинного патриота или презренного отщепенца. И, наконец, сняты некоторые барьеры на пути к информации о реальном состоянии дел в нашем обществе. Объективная информация необходима человеку для полноценного морального выбора в той же мере, в какой современные психологические знания необходимы этику для постановки самой проблемы морального выбора. Здесь недостаточно абстрактных философских рассуждений о добре и зле, которых в работах современных этиков ничуть не меньше, чем в трудах древних мыслителей. В этом - основная «болевая точка» современной этики как науки. Она анализирует вечные проблемы морального выбора «вечными» методами спекулятивной морализации.

Происшедшие в обществе перемены не означают, что уже сейчас человек поставлен в такие социальные условия, когда от его собственной нравственной позиции зависит возможность практической реализации осуществленного выбора. И демократия во многом еще носит установочно-декларативный характер, и гласность остается дозированной, и авторитарные стереотипы сильны в сознании руководителей различных уровней, которые готовы перестраивать все, что угодно, но только не устоявшееся представление о власти как произволу вышестоящего над нижестоящими. Авторитарные стереотипы сильны и в массовом сознании, которое настолько свыклось с однонаправленным движением любых решений (с верхних этажей - на нижние), что для большинства людей моральный выбор является проблемой, связанной в лучшем случае с коллизиями, встречающимися в социальной среде. В результате моральный выбор утратил общественный смысл, перестал регулировать взаимоотношения общества и личности. Обманывать общество, красть у общества, пресмыкаться перед обществом, в душе осмеивая его, - все это стало своеобразной нравственной нормой, укоренившейся в сознании социальных групп и слоев, а не только отдельных несознательных граждан. Определенную долю ответственности за сложившуюся ситуацию несет и этика как составная часть философии.

3-4. Пока одни философы (и этики в том числе) состязались в славословии, а другие - в поисках наименее безнравственных путей ухода от действительности, инициативу в обличении нравственных пороков общества проявили литераторы. Но художественно-эмоциональный склад мышления, свойственный человеку, погруженному в мир искусства, нередко приводит его к ностальгии по старым добрым временам, к идеализации традиционной нравственности. Так и случилось со многими талантливыми писателями, которые всей силой своего таланта обрушились на мнимого врага нравственности - современную цивилиза-

цию. К сожалению, этика пока не способна аргументированно отстаивать реальные преимущества современной морали перед традиционной, поскольку слишком долго занималась пропагандой мнимых преимуществ.

Социокультурный идеал современного этического знания должен противостоять старым и новым стереотипам нравственного сознания. О старых стереотипах сказано выше. Что касается новых, то они связаны с формирующимися в настоящее время представлениями о том, что в новых условиях принципиальная нравственная позиция, направленная на борьбу с социальной несправедливостью, должна опираться на «гарантированную неприкосновенность». Однако, нравственное здоровье общества определяется не тем, что в нем честность, порядочность, человеческое достоинство автоматически обеспечивают человеку успех и всеобщее признание. В здоровой нравственной атмосфере человек должен осознавать трудности на пути к нравственному идеалу и не испытывать всепоглощающего страха перед утратой благополучия.

5. Этика как практическая философия должна стать в современных условиях конструктивной отраслью научного знания. Подобно конструктивной психологии (см. Е. И. Головаха, А. А. Кроник. Конструктивная психология: предмет и задачи. Методологические проблемы оснований науки. - Киев: Наукова думка, 1986), этика должна ответить на следующие вопросы: 1) соответствуют ли механизмы морального выбора, сложившиеся и предшествующие периоды, современным условиям общественной жизни и перспективе прогрессивного развития общества; 2) нужно ли ожидать естественного возникновения новых механизмов регуляции нравственного сознания и поведения, или они могут стать предметом и продуктом самой этической науки. На наш взгляд, этическая теория должна опережать моральную практику, моделируя ситуации морального выбора и разрабатывая новые механизмы их решения. Необходимо добиться опережающего развития этического знания по отношению к существующим явлениям нравственного сознания и поведения. В связи с этим, необходима прикладная этика, вооруженная социологическими методами прогнозирования и моделирования общественных процессов, воздействующих на формирование нравственного сознания, а также психологическими методами формирования механизмов морального выбора. С этой целью могут использоваться игровые методы, методы социально-психологического тренинга, а также конструктивный психологический эксперимент (см. Головаха Е. И., Кроник А. А. Себе и другим. Психология самосовершенствования. Знание - сила, 1988, № 4).

А. А. Гусейнов

МОРАЛЬ И ЭТИКА: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

1. Нравственная жизнь советского общества характеризуется в настоящее время рядом таких признаков (ценностная расколотость; потеря критериев; размытость границ между преступным и социально санкционированным поведением; мистическая заряженность; низвержение кумиров; поиски нетрадиционных идеалов и т. п.), которые обычно всегда были показателем переходного состояния, кризиса одной системы ценностей и зарождения другой. Конечно, рассуждать о нравственной жизни или хотя бы даже об общественных нравах вообще, в целом, без конкретизации применительно к национальным, историко-культурным традициям, социально-демографическим, профессиональным и иным особенностям - дело несерьезное. Поэтому

необходимо сделать уточнение: я говорю об общественных нравах и только в той мере, в какой они существенно зависят от господствующих экономико-технологических и политико-юридических структур. Рассмотренные в этом аспекте, они находятся на крутом изломе, в состоянии качественной неопределенности. Общее направление, исторический вектор происходящих в этой области бурных, порой драматичных, изменений можно определить как движение от жесткой нормативности к большей свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения.

О большей вероятности такого предположения свидетельствуют многие аргументы, среди которых назову только два наиболее броских и характерных.

а) Веер ценностных значений общественных нравов колеблется в диапазоне от этно - или религиозно окрашенного, патриархально ориентированного консерватизма (можно сослаться на движение «Память», случаи мусульманского фундаментализма) до типичных проявлений атомистической деградации личности (наркомания, проституция и т. п.). Эти нравственные деформации, являясь абсолютизацией, своего рода карикатурой на прошлое и будущее нравов, позволяют вместе с тем косвенно судить об общей тенденции их развития.

б) В системе мотивов общественного поведения скачкообразно возросла роль морали. Выражением этого является новое, все более широко проникающее в общественное сознание представление о морали как основе духовности вообще, «закваске» всей культуры. Если бросить ретроспективный взгляд на 70-летнюю историю советской идеологии, то в ней можно наблюдать неуклонное возрастание роли морали: отрицание морали (первые годы Советской власти); сведение морали к государственно-политической целесообразности (конец 20-х-начало 50-х годов); рассмотрение морали в качестве относительно самостоятельной формы культуры наряду с политикой, правом, искусством и т. д. (конец 50-х, конец 70-х годов); признание приоритета моральных критериев и оценок перед всеми другими (начиная с конца 70-х годов). Разумеется, официально-идеологические образы морали не дают адекватного представления о реальных нравах в их сложности и противоречивости, часто искажают их, но они довольно точно говорят о том, какие проявления нравов считаются в данный момент образцовыми, предпочтительными.

Перестройка в тех ее формах, которые стали уже зримой, практически втянувшей в свою орбиту широкую массу людей, реальностью (индивидуально-кооперативная деятельность, гласность), намечает совершенно определенный, естественный и соответствующий исторической, общецивилизационной логике выход из «смутного», кризисного состояния общественных нравов. Она выводит их на качественно новый уровень, когда момент личностной автономии довлеет над общинным началом. Это касается и содержательных целей, и механизмов функционирования.

В самом общем плане характер воздействия перестройки на нравственные процессы как будто бы не вызывает сомнений. Но здесь требуется одно, на мой взгляд, очень существенное уточнение. Общая тенденция развития нравов, о которой говорилось выше, является универсальной. В нашей стране, однако, она протекает по-особому. Мы совершаем один из последних, решающих скачков в сторону личностной автономии, имея перед собой опыт развитого буржуазного индивидуализма, нравственно разрушительные следствия которого, если не перевешивают, то вполне соразмерны его позитивным сторонам. Задача поэтому состоит в том, чтобы, двигаясь в сторону личностной автономии, не деградировать в буржуазность, мещанство, инди-

видуализм. Способностью двигаться в этом никем еще не изведенном направлении как раз будет определяться нравственный потенциал, а в известном смысле и историческое оправдание перестройки.

2. Говорить о «болевых точках» советской этики - все равно, что выискивать капли пресной воды в океане. Ее боль не поддастся точечной локализации, ибо захватила все тело. Наша этика нуждается и, хочется верить, стоит на пороге качественных изменений. Чем это вызвано и каково наиболее вероятное направление развития?

Когда в начале 60-х годов в рамках советской философии выделилась относительно самостоятельная ветвь этического знания, она выполняла совершенно определенный и достаточно четко сформулированный, (в частности, в Программе КПСС) социальный заказ: обосновать относительную автономность нравственной сферы жизни; раскрыть общечеловеческое содержание коммунистической морали, ее преемственную связь с моральным опытом прошлого; идеологически обеспечить нормативный идеал человека и общества («моральный кодекс»). Этот заказ определялся особенностями нашего исторического развития, в частности, потребностью высвободить общественную жизнь из-под жесткого политико-идеологического пресса, ориентированного исключительно или по преимуществу на классовую непримиримость. Он задал основное тематическое поле этических исследований. Этика должна была показать и доказать, что мораль незаменима и по содержанию, и по выполняемой ею роли в жизни человека и общества, что она имеет свою сферу действительности и необходимым образом дополняет другие способы социальной регуляции.

Надо признать, что советская этика чутко откликнулась на общественный запрос и, в целом, хорошо его выполнила. Она сосредоточила свои усилия на определении морали. Конкретные теоретические решения оказались различными: в советской литературе было сформулировано несколько, хотя и навеянных определенными историко-философскими традициями, тем не менее вполне оригинальных, заметно обогативших этическую науку концепций морали. При всех расхождениях, явной и скрытой полемичности, эти концепции были проникнуты единым пафосом - обосновать специфику (своеобразие, незаменимость, уникальность) морали. Они выполняли одну и ту же задачу оправдания морали как особого феномена. Этот период советской этики, когда теоретические поиски сосредоточились главным образом на вопросе о сущности и специфике морали, условно можно назвать дефинитивным. Он достиг кульминации, а в известном смысле и завершения в середине 70-х годов (так, самым «урожайным» по количеству и, на мой взгляд, также по качеству обобщающих монографий стал 1974 год).

К концу 70-х - началу 80-х годов в духовной жизни советского общества произошли серьезные изменения, которые можно рассматривать как новый социальный заказ этике: а) моральные оценки в общей системе общественных оценок стали выдвигаться на первый план, рассматриваться в качестве абсолютной точки отсчета; б) сферы человеческой деятельности, в которых моральная регуляция и моральный выбор имеют решающее значение, и которые вполне можно было бы назвать зонами личной автономии, по объему оказались вполне сопоставимыми, а по степени значимости превзошли сферы социально принудительного поведения. Словом, реальное общественное сознание, если судить о нем хотя бы по художественной литературе и публицистике, выработало другой образ морали, чем тот, который превалирует в нашей этике.

Чтобы преодолеть сложившееся противоречие, явно наметившийся разрыв с жизнью, этике недостаточно каких-то количественных приращений: расширения тематики, усиления аргументации, повышения логической культуры и т. д. Она должна

видоизмениться качественно, выработать новый стиль мышления. Как мне представляется, время дефинитивной этики прошло. Сейчас нужна этика эссеистская.

Эссеистская этика: а) исходит из широкого понимания морали, когда она рассматривается не как одна из форм культуры наряду со многими другими, а как их общая родовая основа; б) исследует мораль не в чистом виде, а в преломлении через другие формы культуры, в контексте реальных ситуаций жизни человека и общества; в) ориентируется не на системность, а на проблемность, вопросительность, предпочитает вариативность суждений, скептическую мягкость выводов, учитывает индивидуализированность, биографичность моральных решений; г) по языку и литературному стилю тяготеет к беллетристике, апеллирует к здравому смыслу, рассчитывает на непрофессионального читателя. Сила эссеистской этики заключена в философской глубине, которая, правда, часто скрывается за внешней легкостью, видимой необязательностью рассуждений.

Этот прогноз основывается на анализе логики развития советской этики и навеян некоторыми историческими параллелями.

3. Авторы анкеты интересуются, что такое этическая (или этико-гуманитарная) экспертиза и как ее осуществлять? Вот и я спрашиваю: что это такое и как ее осуществлять?

Я вообще не думаю, что следует много рассуждать об этической экспертизе без того и до того, как будут налицо хотя бы несколько успешных опытов такой экспертизы. Когда, скажем, человек говорит, будто он может перепрыгнуть 5-метровый барьер, но ни разу этого не сделал, то его утверждения никто не примет всерьез, даже если он в «доказательство» напишет толстую книгу и приложит детальные схемы того, как он это мог бы сделать.

5. Все высказанные мною выше предложения или, как велеречиво сказано в анкете, «соображения, идеи, программы, методики, исследовательские проекты, подходы, прогнозы», являются личными.

6. А вопрос я бы задал такой: «Что бы Вы могли рекомендовать в качестве девиза специалистам, занимающимся проблемами нравственного воспитания, прикладной этикой?».

И ответил бы так: «Не судите других, да не судимы будете!»

А. П. Девятков

СЕГОДНЯ МЫ БОЛЬШЕ СМОТРИМ В ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА, ЧЕМ В ЛОБОВОЕ СТЕКЛО

1. На первый взгляд, характерологические черты современной нравственной жизни следует искать на пути фиксации ее собственной наличной данности. Но только на первый взгляд. Такой путь хоть и ярко эмоционально окрашен, мало плодотворен рационально. Характеристика современной нравственности как наличной данности практически не может дать картины собственно современной нравственной жизни, так как не в состоянии удержать цельность пространственно-временного универсума - непосредственного условия конструирования всякой картины любого рода современности. Современная нравственность,

проинтерпретированная как наличная данность, еще может быть описана в пространственных характеристиках, но она сразу теряет свои черты, размывается, как только осуществляется попытка конструирования временного фактора. То есть, в тот момент, когда в описание картины нравственной жизни включается деятельный субъект этой жизни - человек, который единственно реально и осуществляет это время практикой своей нравственной жизни. Этот субъект - реальный человек - не есть ни табула раза, ни то доброе существо из рассказа Р. Бредбери, которое становилось тем, кем его хотели бы видеть. Этот субъект - человек культуры, населенной смыслами. Актуализация смыслов, то есть конституирование картины современной нравственности, возможна лишь в контексте «большого» времени. Причем, в зависимости от направленности смыслов, современность может конституироваться либо как обращенная преимущественно в прошлое, либо - в будущее.

Необходимым условием отслеживания «болевых точек» и «точек роста» современной нравственности представляется взгляд, направленный в равной мере как в прошлое, так и в будущее. «Открытость» прошлого позволяет держать необходимую дистанцию, дает определенную гарантию от собственного растворения в предмете рефлексии. Чем больше прошлое будет открыто, чем меньше будет «белых пятен» в истории, тем плодотворнее будет рационализация современной нравственности.

Если открытость в прошлое позволяет установить дистанцию между субъектом и предметом рефлексии, то «открытость» будущего гарантирует лишь рефлексия самого жесткого свойства - анализ собственной нравственности, ибо драматизирует современную нравственную ситуацию следующее обстоятельство: **все, что происходит, происходит именно с нами.** (Сначала было **удивление** от прочитанного, услышанного и увиденного из уст официальных средств массовой информации. И сейчас удивление не проходит - где с нотками ужаса, где отвращения, где негодования, где восхищения, где радости, где надежды. Самое удивительное, что все это происходит с нами. Мы до сих пор не можем на себя наудивляться).

Попытки найти виновных вовне собственной нравственной ситуации - в лице «родимых пятен» капитализма, международного империализма, абсолютизма сталинской власти - мало убедительны. Борьба со сталинизмом с помощью ругани не эффективно. Изжить Сталина в себе труднее, но это необходимое условие обретения «дороги к храму». «Белые пятна» истории исчезает тогда, когда обретенный ими тон задает интонацию современной нравственности.

Забвение истории нарушает преемственность нравственной жизни, результатом же чаще всего имеет иллюзорные представления о будущем. В этом случае нравственность начинает терять **смыслы бытия** и обрастать **бытовыми характеристиками**. В этом ряду все то, чем характеризуется период стагнации: социальная апатия, вещизм, утрата идеалов, антиселекция ценностей и т. д.

«Закрытость» будущего приводит к тому, что вся энергия нравственной жизни опрокидывается на прошлое: как следствие, появляется **всеобщий** интерес к истории. Последний, выступая социальным заказом, проявляется как **повальный** интерес, что ведет подчас к передержкам, элементам сенсационности, перепалке между «открывателями» истории. Открытие архивов всегда лучше «открытия» истории. Такая «борьба» за историю может перерасти и в борьбу с историей. А с историей, как известно, трудно бороться. Таковы исходные, посылки анализа современной нравственности.

Своеобразие современной нравственности характеризуется ситуацией «позднего прозрения». Нравственное прозрение не может быть поздним. Но это лишь в том случае, если история не давала прежде шанс подвергнуть рефлексии собственную

нравственность. Такой шанс был. И попытка рефлексии была. Но данный шанс оказался нереализованным. С этого момента пути нравственности и морали расходятся (было бы, по меньшей мере, наивным обвинять в этом только этику). Нравственность продолжала путь реальной жизни - иной путь ей просто заказан, - порвав множество нитей, связывающих ее с тем, что о ней судят. Рефлексия же, **зная**, что пути разошлись, сделала вид, что этого не заметила. Но нельзя не заменить танк на цветочной поляне.

Сегодня нравственной жизни трудно преодолеть вчерашние «издержки». Прошлый опыт говорит, что такое «преодоление» всегда чревато «возвратом». Сейчас много пишут и говорят о 30-х, меньше о 50-х, еще меньше о 60-х и 70-х и, наконец, еще меньше о годах 80-х не только в силу правила исторической отдаленности. Сегодня мы больше смотрим в зеркало заднего вида, чем в лобовое стекло. Мы вопрошаем историю. Но история, как известно, ничему не учит. Знание о прошлом нужно для решения современных проблем. Нельзя вернуться в историю, переписать ее и проснуться носителем новой нравственности. Нравственное прозрение очищает, устремляет через настоящее в будущее. Позднее прозрение фундаментально отягощено прошлым, нереализованным шансом нравственного освобождения.

Если нравственное прозрение - зеркало, в котором человек пытается увидеть себя и прочесть в собственном взоре прямые ответы на «проклятые вопросы», то позднее прозрение - зеркало прошлого, в котором человек ищет либо виноватых, либо тех, кто ответил бы на эти вопросы, выводя себя вонне собственно нравственной позиции.

Напряженность современной нравственной ситуации обусловлена и порожденной временем иллюзорной эйфорией возможностей. Если речь идет о моральном выборе, то альтернативы нет. Есть возможность вернуться «на круги своя» - путь в прошлое с тошнотворно знакомыми образами. И есть путь вперед, где будущность форм нравственной жизнедеятельности плохо различима. Трудно говорить о выборе, когда выбирать приходится между «ограниченным бытием и неограниченным небытием» (Вайнингер). Но как раз отсутствие выбора вселяет надежду. Надежду на то, что человек обретает свободу нравственного творчества.

2. «Точки роста» - в **действительной** гуманизации этико-философского знания, где человек должен представлять как существо, которому свойственна ментальность, в расширении теоретических и эвристических горизонтов (с целью понимания и интерпретации, но не дурного накопительства эмпирического знания) с ясных и однозначных методологических позиций. Этика нуждается в рефлексии (будучи по своей природе философским знанием - в саморефлексии).

«Болевые точки», равно и «точки роста» - боли и надежды этики - связаны прежде всего с необходимостью прозрачной отрефлектированности собственного предмета. Сегодня этика не умеет задаваться вопросами, актуализированными реальными человеческими проблемами. Вопрошая, она уже знает ответ. Ответ подразумевается в вопросе. «Не Париж ли столица Франции?» Это, безусловно, вопрос. Но не вопрос для науки с отрефлектированной предметностью. Подобное происходит потому, что в явной или, чаще, в неявной, а еще чаще в форме позитивистской эзотерии снимается **проблемность** человеческой жизни. Человек и его жизнь всегда проблема. И проблема всегда **открытая**. Всякое закрытие проблемы человеческого существования, обустройство дамб, плотин, перегородок, сокрытие тайны его нравственного бытия своим результатом имеет статуарную «науку», ведет к морализаторству, поискам и находкам заведомо иллюзорных идеалов нравственной жизни. Человек еще

никогда не обретал нравственных идеалов в позитивном научном знании. Открытость же проблемы жизни человека может привести к отысканию мировоззренческих истоков его нравственной жизни.

Своеобразие этики заключается в том, что это совершенно специфическая форма рефлексии культуры. Чем больше этика - наука, в смысле позитивного знания, тем меньше она мировоззрение, и наоборот. Сегодня этика ведет монолог с культурой, часто с позиций воспитателя. Задача в том, чтобы воспитать воспитателя. Чем более близка ситуация к такой модели, тем менее культуру интересуется этика, тем труднее этике отыскать свое место, тот единственный собственный топос в культуре, где она только и может произрастать как своеобразная рефлексия самой культуры. Этика, не нашедшая языка для диалога с собственной культурой, не обретая собственного топоса - места на живом и живительном теле культуры, превращается в у-топию. Культура в диалоге с этикой прозревает свой собственно человеческий лик, становится гуманистической.

Это своеобразие делает этику тотально уязвимой, если она мировоззренчески несостоятельна. Но в случае успеха этика по праву венчает здание собственно философской рефлексии человека в культуре.

Е. Л. Дубко

ЛЮДИ, КАК ПРАВИЛО, ЖИВУТ ВНЕ ТОЙ МОРАЛИ, КОТОРАЯ СООТВЕТСТВУЕТ СВОЕМУ ПОНЯТИЮ

3. Этика как практическая философия есть нормативно-ценностная концепция, преподнесенная в форме теоретического знания. Теоретизирование представляет собой не просто концептуализацию моральных явлений, хотя это не мало. Развиваясь в форме теории, этика имеет возможность достичь, благодаря методологии, такого высокого уровня обобщения жизненного материала, когда она проникает в сущность явления, устанавливает не только его внешние отношения, но и его инвариантный смысл. Теория как форма морального мировоззрения сама по себе ничего не доказывает и не может возместить нехватку идеалов и убеждений. Теория имеет дело с таким содержанием, которое уже известно в другой форме. Теоретизирование в этике успешно может способствовать проведению определенной социальной политики, выявлению доминирующих в обществе нравственных воззрений, препятствовать нравственной дезориентации отдельных индивидов и социальных групп, выявлению и критике неоправданных, вредных и иллюзорных взглядов.

На наш взгляд, сциентизация как разновидность этического теоретизирования хотя и неизбежна в современных условиях, отражает функциональную ограниченность ценностного мировоззрения, проистекающую из ограниченности той формы производства богатства, каким выступает товарное, машинное производство при наличии слабо выраженного обобществления и даже псевдо-обобществления способностей человека.

4. Этическая экспертиза ситуаций морального выбора всегда была возможна. Другое дело, что ее можно проводить для различных целей. В нашем случае речь идет о выборе средств в достижении заданной цели. Такая экспертиза неизбежно затронет и сами цели. Поэтому для тех, кто хочет достичь цели «во что бы то ни стало», мнение эксперта будет иметь такой же вес, что и «мнение совести», то есть, в конечном итоге, будет отвергнуто. При том, что консультация с совестью неплоха, в

серьезной политике, акциях, имеющих общественный смысл, этот метод ненадежен. Эксперт должен опираться в своих выводах не столько на представление о том, «как лучше» с моральной точки зрения, не столько на теоретические характеристики моральных явлений, сколько на знание механизма функционирования нравственности в единстве с другими сторонами общественной жизни, знание того, каким потенциалом обладают моральные идеи, если они становятся достоянием общественного мнения и «овладевают массами». Базой этической экспертизы является, на наш взгляд, нравственная психология и социология нравов.

2. Две основные «болезни» современной этики - абстрактное понимание морали как «морали вообще», то есть специфического и целостного явления, не связанного с реальной исторической ситуацией, и морализирование как попытка чисто словесного противодействия кризисным явлениям. В таком случае оказывается, что люди, как правило, живут вне той морали, которая соответствует своему понятию. Впрочем, это относится и к самому этику-эксперту. К тому же их реальное поведение, не только личное, но и общественно полезное, обуславливается не моралью в первую очередь и никак не словами о морали, если обратиться к нормативной регуляции. Нормативная регуляция, осуществляемая посредством морали, включает и определенный словесный ряд, но не заменяется «потокословом», даже самых благородных. Нельзя путать нормативную регуляцию, в распоряжении которой много средств, в том числе и «безгласных» с просвещением, внушением, то есть воздействием на сознание человека, посредством «обмена способностями».

Развить свой потенциал современная этика может следующим способом. Во-первых, она должна типологизировать или как-то иначе зафиксировать разновидности реально действующей нравственности, каждая из которых имеет свой «ценностный код», нормы, своего социального субъекта. Во-вторых, необходимо создать теоретико-ценностный «фильтр» для морализаторства, чтобы отделить ожидания и стремления людей, запечатленные в идеализациях и долженствовании, от «гуманизма на словах», представленного в морализаторстве. В-третьих, этика должна проявлять гораздо больше интереса к проблемам индивидуального существования, продолжая богатую философскую традицию в этом плане. В-четвертых, несмотря на то, что этика своими силами не способна преодолеть отчуждения от морали, корни которого уходят глубоко, несомненно, она должна активно формировать культурную атмосферу в обществе и тем самым смягчать аморальные эксцессы, сглаживать отрицательный жизненный опыт, настраивать людей на то, чтобы по крайней мере уважительно относиться к олицетворенным моральным ценностям, к человеку.

Говорить о системе современной этики пока что преждевременно.

1. Ситуация морального выбора, с обострением которой общество столкнулось в условиях перестройки, характеризуется поляризацией и конфликтом интересов. Различные социальные группы развиваются неравномерно. При социализме сохраняется материальное неравенство, существуют неоправданные неравенства постольку, поскольку общество не ликвидирует до конца лазейки для паразитизма. Моральный выбор носит драматический характер. Главенствующая проблема, нам кажется, - политизация морального сознания. В этой связи нравственное воспитание в известной форме «субъект-субъектного» отношения уступает свои позиции в пользу «формирования личности в деле», в реальном взаимодействии с другими людьми.

ГЛАСНОСТЬ - ВСЕНАРОДНОЕ БЫТИЕ ПРАВДЫ

1. Современная ситуация нравственной жизни (практика) и нравственно-воспитательной деятельности (педагогика) определяется концепцией перестройки. Ее кардинальная линия - это постепенное осознание необходимости перехода от «технократического мышления» (техника - все, человек - придаток техники) к «экономическому мышлению» (технический и человеческий факторы рядоположены во имя экономических побед) и от него к **«социальному мышлению»** (человек - самоцель и цель, субъект и объект общественной жизни, а все остальное - средство).

Социальное мышление с его ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ориентацией и определяет нравственное звучание перестройки, в частности, создает проблемные ситуации как «болевые точки» для технократического и экономического мышления (и нужно, и трудно повернуться лицом к Человеку как целостности, а не как к придатку техники или производительной силе) и как «точки роста» для самого социального мышления.

2. Этики как науки пока нет, если с определенной наукой связывать пять постулатов (опыт истории ставших наук):

- а) определение предмета исследования (предметология);
- б) определение метода исследования (методология);
- в) определение категориального аппарата (терминология);
- г) определение законов своей предметной области (номология);
- д) определение своей социальной значимости (праксеология).

По всем пяти позициям отсутствуют однозначные общепризнанные решения. Идут дискуссии. Этика в состоянии научного становления.

3. Гносеологический идеал современной этики может быть выражен тремя позициями:

- а) превращение этики в науку;
- б) адекватное отражение в своем содержании нравственной жизни общества (сущего и должного, прошлого - настоящего - будущего);
- в) системное построение своего собственного содержания (идеал-аналог - политэкономия капитализма К. Маркса).

5. В качестве предложений по совершенствованию нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности могут сформулировать несколько идей:

- осознание во всех формах необходимости единства нравственного Образования, Обучения и Воспитания, формирующих полную нравственную культуру личности (Знания, Умения, Установки);
- осознание ограниченности всех иных форм побуждения к любой деятельности (принуждение, материальное стимулирование, моральное стимулирование), кроме внутренней мотивации (совесть, «хочу», любовь к делу);
- критика бизнесменски понятого материального интереса, прибыльности, рентабельности, доходности. Наша цель - раз-

витие всего богатства человеческой природы (К. Маркс);

- преодоление «пещечной психологии», формирование в каждом советском человеке Личности как субъекта общественного прогресса;

- преодоление «импортной психологии», вещизма, престижности, культа моды и других деформирующих человека имиджей;

- формирование нравственного «чувства незаменимости» в каждом человеке («кто, если не Я!»).

4. Перестройку в этике я связываю прежде всего с процессом превращения ее в науку. Идеи в этом отношении сформулированы в пункте 2 данного ответа. Пора этикам договориться по названным пяти проблемам.

Практика должна четко, ответственно и осознанно формулировать социальные заказы теории, науке, этике. Теория, этика должна а) предлагать опережающие практику, перспективно-прогностические модели, рекомендации и б) точно и надежно отвечать на социальные заказы.

Я бы рекомендовал прекратить практику разработки **специальных** планов, программ, мероприятий по системе нравственного воспитания в школах, ПТУ, вузах, в трудовых коллективах, в партийных, комсомольских и др. органах, так как нравственное начало, нравственное воспитание является **ВСЕПРОНИКАЮЩИМ**, сопряженным с **любым** актом жизни, деятельности (трудовым, политическим, эстетическим, научным, экологическим и т. д.).

6. Дополнительный вопрос приходится задавать, действительно, самому, потому что он не поставлен, не обсуждается и, наверное, долго еще не станет предметом серьезного научного обсуждения в нашей литературе, хотя этот вопрос важнейший: сколько существует сфер общественной жизни (в которых реализуется потенциал человека, в которых разворачиваются нравственные отношения, которые необходимо государственно планировать, которые выражают направления всестороннего развития личности и т. д. и т. д.)?

Горьковский философский клуб 20 лет исследует эту проблему со всех сторон (логически, исторически, функционально, ретроспективно, перспективно, эмпирически и т. д.) и с уверенностью дает один ответ: таких сфер восемь, они являются социальными константами, они сформировались на базе восьми функций былой единой синкретической деятельности общества. Это:

- сфера Экономики и Экологии;
- сфера Управления и Педагогики;
- сфера Науки и Искусства;
- сфера Медицины и Физкультуры.

Нам бы надо иметь 8 Государственных целевых программ долгосрочного характера. Философский клуб и занимается этой работой.

ЕСЛИ БЫ В НАШЕ ВРЕМЯ БЫЛ ЖИВ ТОЛСТОЙ...

1. Нравственность не зависит от перестройки. Нравственность - дело интимное, личное; перестройка - дело политическое. Но она открывает возможности для возвеличивания подлинно великого. Меняются общественные критерии святого, прекрасного. Меняется даже понятие о героическом. Раньше, может быть, героем был Павлик Морозов, сейчас - дочь Гамарника, не предавшая своего отца.

Если такие герои предстанут перед детьми в школе, у нового поколения будет совсем другое понятие о героическом.

Очень важно, кто является нравственным авторитетом в обществе. Я убежден, что если бы в наше время был жив Толстой, наше общество (конечно, не все) было бы иным. А Блок говорил: «Когда знаешь, что утром в твоей стране встает Толстой и становится за плуг, дышать легче».

Нам нужны истинные, а не ложные святыни.

2. Современное знание о морали оторвано от человека. Оно абстрактно, книжно, цитатно. Мы привыкли, что герой тот, кто поет в унисон с теорией, в унисон с государством. Но государство само по себе безлично. Теория слепа и не имеет лица. Нам надо приучить себя к тому, что герой - человек сопротивления, несогласия, своего - только им выработанного - мнения. Слуга - даже если это слуга Системы - не может быть героем.

3. Гоголь сказал: «Ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы».

Нравственные силы - это не «этическое знание», не наука, а кровь и плоть человека, лучшее в его природе, это инстинкт добра, это то, что передают ему отец, мать, люди, а не учебник. Это, конечно, знание, но не наука.

4. Я думаю, что научное знание о морали никак не причастно к практике морального творчества.

Вообще, этика, совесть - дело духа, а не социальных институтов, и никакие эксперты и экспертизы тут не нужны. Социологический опрос всегда «хромает»: человек только самому себе может сказать, что он о себе думает. Он может сказать это себе или на исповеди. Анкетировать душевные откровения - все равно, что проводить экспертизу, кто кого любит, и кто кого не любит.

5. Нравственное возвышение общества может быть предпринято через отказ от идеи насилия как инструмента изменения мира и человека.

6. Вопрос: должна ли наука пойти на поклон к Евангелию?

Ответ: должна.

КАК СЛЕДУЕТ ЖИТЬ? - ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС ВНЕ КОМПЕТЕНЦИИ НАУКИ

1. По-видимому, общественную потребность преобразований в направлении гласности и демократии во многом питала мораль, несмотря на отведенную ей в недавнем прошлом «официально жалкую роль»¹. В отношении к моральным запросам самым первым и, может быть, самым важным достижением предпринятой в стране перестройки является гласность. Личности предоставлено великое благо - говорить то, что думаешь, даровано священное право человека быть самим собой. Благодаря гласности (при условии ее дальнейшего развития) открывается возможность возрождения в человеке нравственной силы, освобождения от въевшейся за многие десятилетия «спасительной» привычки к неискренности, лицемерию, поведенческой фальши. Преодоление болевых состояний современной нравственности и - шире - современной жизни (рассогласование слова и дела, недостаток гражданственности, безнравственность некультурной экономической деятельности, половинчатость политических и демократических преобразований) осуществимо на основе и при условии полной гласности. Обретение людьми внутренней честности, мужества видеть правду факта и отстаивать правду действия (в любой сфере и на любом уровне) - в этом мне видится путь общего оздоровления нашей морали и, соответственно, главная точка ее роста.

Несовершенство современного воспитания обусловлено общим засильем бюрократизма в жизни страны. Административно-бюрократические методы управления, ранее всего укоренившись в самом основании общества - экономике, проникли и во все другие сферы общественной жизни, в том числе в область воспитания. Командно-нажимной, бюрократический стиль руководства экономикой обрел в деле воспитания свой отчетливый аналог, что выразилось: а) в разделении населения на тех, кто призван воспитывать (облеченное соответствующими «полномочиями» меньшинство), и тех, кого воспитывают («массы», «подвергаемые» воспитанию); б) в искусственном вычленении особого рода деятельности, так называемой «идейно-воспитательной работы», осуществляемой директивно, с составлением громоздких комплексных планов, с пугающим нормального человека множеством планируемых «мероприятий», с назойливо требовательной и глубоко бесполезной для самого воспитания отчетностью по инстанции.

К сожалению, каких-либо существенных изменений в деле воспитания не произошло: слишком велика инерция сложившихся представлений и общего стиля «воспитательной работы». Во всяком случае, «точка роста» здесь пока не обозначилась, если не считать общего благотворного воздействия перестройки на процесс формирования личности сегодня. Считаю, что в теории назрела необходимость резко критического переосмысления самой сущности воспитания.

2. «Болевой точкой» современной этики является ее «сциентистское самомнение», ошибочное притязание на статус «строгой» науки и на присущие частно-научному знанию способы практической полезности. Этика больна заблуждением относительно самой себя, своей природы, будто бы совершившегося или совершающегося превращения ее в частную науку. В действительности она обладает непреходяще философской природой, что подтверждается исторически сложившимся опытом теоретического исследования морали. Если нечто (в нашем случае мораль) **теоретически** изучается с самого начала и в дальней-

шем **только** философскими средствами, то это означает, что специфика так (философски) исследуемого предмета не откроет возможности для **теоретического** исследования его средствами частных наук. Предмет частной науки выступает как нечто разложимое, расчленимое и в то же время статичное, «омертвленное» дистанцией научного анализа. Философия же как теоретически оформленное мировоззрение имеет дело с целостными образованиями мира и человека. Мораль представляет собой одно из таких целостных образований, не разложимое и не расчленимое для целей частно-научного аналитического рассмотрения, теоретически постигаемое только философскими средствами. Всякое разложение, расчленение моральных феноменов на более элементарные составляющие, всякое редуцирование моральных проявлений к субэлементарным означало бы утрату существенных признаков морали, такого ее содержания, в котором она только и является моралью и в этом ее качестве духовной сущностью.

Своего рода продолжением и развитием тенденции к преувеличению научных возможностей этики явилось представление о будто бы складывающемся общегуманитарном комплексе знаний о морали как новой и перспективной форме ее теоретического постижения. Однако, частные науки, проявляющие интерес к морали в пределах исследуемых ими предметных областей, не в состоянии теоретически исследовать самую мораль, но способны доставлять вспомогательный, опорный материал в виде сведений, играющих роль «эмпирических» по отношению к создаваемой **философскими средствами** теории морали. В свою очередь, философское знание о морали как знание теоретического уровня способно удовлетворять потребность в соответствующих представлениях, возникающую у любой (частной) науки, которой почему-либо в ее собственных теоретических исканиях бывает необходимо располагать ответом на вопрос «Что такое мораль?» Созидание общегуманитарного комплекса знаний о морали как попытка «теоретического» продвижения вряд ли выявляет «точку роста» в знаниях о нравственности, но скорее чревато для этики эпистемологическими осложнениями.

3. Ответ на этот вопрос логически вытекает из ответа на предыдущий и потому может быть сформулирован кратко: 1) этика в союзе с другими средствами философского знания отвечает на вопрос о сущности морали, о ее историческом и индивидуально-личностном становлении и развитии; 2) теоретизирование по вопросам морали осуществляется в единстве с моралистической функцией этики; 3) можно выделить два наиболее характерных типа теоретизирования - а) теоретизирование с сильной «академической ориентацией» (работы этого типа предназначены в основном для «внутреннего обращения» в сфере специалистов, моралистическое звучание их ослаблено), б) изложение теории сочетается с активной морализацией, сочинения этого типа пригодны для целей широкой пропаганды этических знаний (не в силу их "популярности", а вследствие их моралистической направленности); 4) идеал этического знания в любом случае предполагает обязательное сохранение философского горизонта в рассмотрении проблем морали.

4. Этическая теория может быть полезна для практики двояко: 1) путем объяснения сущности морали, создания **объясняющей** теории нравственного воспитания этика может уберечь практику от ошибочного понимания самого воспитания и от неоправданных попыток «технологических вмешательств» в столь деликатную сферу; 2) путем моралистического воздействия в процессе этического просвещения.

Этическая (профессиональная) экспертиза ситуации морального выбора, на мой взгляд, невозможна. Моральный выбор в

реальной житейской ситуации требует от человека практических нравственных ориентаций, а не теоретических оценок и квалификаций. Субъект, претендующий дать кому бы то ни было полезные поведенческие предписания в ситуации морального выбора, неизбежно выступает в роли моралиста (а не профессионала) и в этом его качестве в принципе равен любому другому человеку. Как следует жить? (Как поступить?) - Ответ на этот вопрос вне компетенции науки, он не может быть делом специалиста.

5. С целью совершенствования нравственного воспитания и нравственности в качестве первого шага следует теоретически обосновать необходимость отказа от словосочетания «идейно-воспитательная работа», которое ввиду его специфической семантической нагруженности порождает ошибочное понимание воспитания как «технологически» регламентируемой деятельности и соответственно, побуждает к неверным действиям в этой области. Необходимо показать непригодность (или, по крайней мере, второстепенность) репродуктивных способов воздействия в сфере воспитания, дать истолкование воспитания как приобщения индивида средствами духовного воздействия к нравственным ценностям, культивирования в нем способности эстетического переживания, способности творчества, то есть как процесса не репродуцируемого в его самом существенном содержании.

6. Мой прогноз развития этического знания: думаю, что в обозримой перспективе оно будет развиваться в направлении возвращения к осознанию этикой ее непреходяще философской природы. Другой тенденцией в развитии этической теории будет, по-видимому, насыщение ее моралистическим содержанием, обогащение искусством талантливой нравственной проповеди. Последнее должно в определенной мере заместить ту миссию в утверждении добра, которую всегда была склонна брать на себя религия.

1 См.: Титаренко А. И. Обретение этикой своей подлинной роли. (Самотлорский практикум. Тюмень, 1987, с. 46.)

О.П.Зубец

КУЛЬТУРЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СКУЧНО С ЭТИКОМ

1. На мой взгляд, стоящая перед советским обществом проблема - это не моральная проблема. Вряд ли стоит даже ищущему свой специфический предмет этику выдвигать на первый план задачи моральной критики и морального совершенствования, когда перед обществом стоит более фундаментальная, «первичная» задача экономической и политической - гражданской эмансипации, мучительного и, скорее всего, длительного рождения личности как действительного субъекта общественной жизни, способного влиять на собственную жизнедеятельность и общественные отношения, принимать не узко профессиональные, а социально значимые решения, нести ответственность за их реализацию и последствия. И выбор, перед которым стоит сейчас человек, - это, в первую очередь, социально-политический выбор (хотя он может выступать и в моральном обличье). Кроме того, предлагаемый подход к перестройке трудно осуществим на теоретическом уровне. Марксистский этический подход к совре-

менной общественной ситуации (притом, что марксистский подход не может быть этическим в традиционном смысле этого слова) вряд ли возможен, пока отсутствует социально-философская концепция советского общества, не ясны некоторые существенные характеристики его движения, его прошлого и будущего. А потому задача этического вычленения «точек роста» современной нравственности оказывается почти невыполнимой. Она может быть осуществлена, но не философско-этическими, а моральными средствами. При этом этику останется с царственным видом держать нос по ветру заметно меняющихся массовых моральных или политических оценок.

2. Этика, на мой взгляд, разделила печальную судьбу советской философии. Вульгаризация и идущая за нею следом догматизация марксизма лишили этику социально-философских и методологических оснований, а отказ философии от аксиологической и нормативной проблематики породил феномен «самостоятельности» и «наукообразности» этики. Этическая методологическая рефлексия не доходила до глубоких социально-философских оснований и порой достигала некоторых успехов на основе экзистенциалистской, феноменологической или неокантианской традиции, а чаще являла собой пример позитивистского или вульгарно ситуационистского стиля. Вопрос о принципиальном отличии марксистского подхода к моральным проблемам от классически этического оставался в тени. Во многом это было оправдано тем, что лучшие этические труды создавались именно на основе классической традиции, например, кантианской.

Утрата философией ценностно-нормативных пластов в единстве с «размытостью» социально-философских оснований этики породила современную ситуацию, когда обращение к жизни оборачивается для этика неуверенно-рьяным обоснованием тех или иных оценок морального или политического сознания, боязнью утратить свой «обособившийся» предмет, обращение к которому подчас маскирует методологическую лихорадку, стремлением непосредственно воздействовать на души и нравы в обход культуры, разрыв с которой и есть сущностная сторона отрыва философии, а в том числе и этики, от жизни.

Критика негативных (с точки зрения обыденного морального или политического сознания) явлений всегда была нижним этажом этической мысли, над которой господствовала критика тех или иных моральных оценок, осуществляемая на ее основе разработка иных поведенческих идеалов и, далее, социально-философская или гносеологическая критика морали как таковой, раскрытие ее конкретно-социальной (Мандевиль, например) или исторической ограниченности, иллюзорности и т. п. В своих мечтах современная массовая этика не поднимается выше нижнего этажа, делая при этом ставку на социологические, психологические, статистические исследования, то есть на различные способы описания нравов, в первую очередь, негативных явлений, и не поднимаясь до простейшего философско-критического вопроса об основаниях отрицательных моральных оценок. Отдыхая от изнурительного труда «прорыва» к современной нравственной жизни и ее описания, этик обращается к культурологическим удачам описания нравов и ценностных систем прошлого, а затем снова погружается в свою неблагодарную работу.

Методологическая неопределенность и неразбериха при однообразии стилей и жанров превращает отдельные проблемы в кульминационные точки развития советской этики. На мой взгляд, одной из таких проблем сейчас становится вопрос о понятии и реалиях нравственного воспитания. Именно через критику нравственного воспитания этика осуществляет прорыв к марксистским социально-философским основаниям, с одной стороны, и к гуманистическому ценностному богатству современной мировой культуры, с другой. Надо признать, что феномен нравственного воспитания не находит своего обоснования в философско-

этическом теоретическом мышлении: весьма проблематичными являются идеи о его субъектах, методах и содержании. Например, перед воспитателем морали ставятся «высокие» задачи передачи простых норм нравственности и этикетных форм поведения, оторванных от более сложного ценностного содержания или дополняемых эклектикой случайно избранных ценностных образований патриархальной, аристократической, мещанско-буржуазной и предположительно социалистической морали. Во всяком случае, в социально-философском образе сущего или должного социализма отсутствуют те конкретные черты, которые позволили бы воспроизвести социально-нравственный идеал социалистических отношений, а потому вопрос о содержании социалистического нравственного воспитания, а тем более ответы на него малоубедительны. Более фундаментальной является проблема несовместимости идеи нравственного воспитания с сущностью морали: в ней преломляется необходимость профессионально философской методологической рефлексии и самоопределения.

3. Хотелось бы сделать небольшое замечание относительно «эталонов, типов теоретизирования», вернее, о его стилях. В последнее время этот вопрос стал привлекать внимание в связи с постановкой общей проблемы «философия и жизнь». Простейшие ответы были связаны с идеей доступности философских текстов широким «нефилософским» массам, далее речь шла о месте философии и философского текста в культуре, затем - о логике смены стилей в истории философской и, в частности, этической мысли и ее связи с социально-историческими изменениями, а также о роли различных философских жанров. Хотелось бы добавить к этому следующее. Вопрос о характере философского, в том числе этического, текста тесно связан с проблемой философского творчества и философского таланта. Очевидно, что она не решается путем всеобщих призывов и воспитательных административных мероприятий. Ориентируясь на сциентизированный идеал философского творчества, на операциональный подход к оценке его результатов, этик ставит проблемы и даже стремится решить их с нескрываемой целью принести ощутимую пользу человеку или отечеству или человечеству, что определяет его тягу к «исчисляемому» и «проверяемому», ответственному и серьезному, гарантированно истинному и нравственному. Подобный стиль необходим для политика, управляющего или инженера, но он страдает ограниченностью применительно к субъекту духовной культуры, на роль которого этик не может не претендовать. На мой взгляд, этику следует быть менее серьезным и более свободным - как от ограничений стиля, так и от непосредственных прикладных задач. Культуре - современной и ушедшей - не должно быть скучно с ним.

4. Подлинная этическая экспертиза, на мой взгляд, тождественна марксистской, социально-философской, аксиологически отрефлексированной теории. Все остальное радуется, в основном, тем, что разнообразит нашу этическую жизнь и пробуждает к критической активности.

М. С. Каган

АКТИВАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА-2

1-2-3. Как участник «Самотлорского практикума-1», отвечая на первые три вопроса, вынужден повториться, поскольку по-прежнему считаю основными «болевыми точками» современной нравственной жизни и воспитания, во-первых - противоречие между требованиями революционной перестройки всей нашей жизни, всего поведения человека, всех сторон сознания и укор-

нившимися стереотипами, представлениями, привычками, принципами деятельности; во-вторых - подмену межличностного общения как единственно эффективного способа воспитания чисто рациональными коммуникативными механизмами передачи знаний о правилах поведения и законах нравственности, основывающейся на ложной идее «превращения знания в убеждения» или же на авторитарно-приказном способе подчинения воспитуемых воспитателю; в-третьих - предельное обострение драматической коллизии «отцов и детей»; в-четвертых - уродливые формы, которые приняла у нас эмансипация женщин. Думаю, что именно этими «болевыми точками» и очерчивается круг проблем современной ситуации морального выбора.

По-прежнему считаю, что «точка роста» современной нравственной жизни - политика КПСС, ориентированная на перестройку общественной жизни, противопоставляющая бюрократизму во всех его формах демократические принципы общественного управления и общественного сознания, справедливости, гласности, честности, мужества, ценности индивидуальной структуры психики, таланта, короче - всего того, что содержится в идее всемерной активации человеческого фактора. Вторая «точка роста» - сознание необходимости радикальной перестройки и школы, и высшего педагогического образования, поиски путей гармонического сочетания в деятельности учителя его способностей и умений образовывать, обучать и воспитывать.

Что касается современного этического знания, которое нуждается в радикальной перестройке в такой же мере, как все другие философские дисциплины, то его «точка роста» - в обращении к рассмотрению всех пунктов связи нравственности с практикой современной жизни, реального поведения личности в современных условиях и противоречиях нашего переходного, переломного времени.

Совершенствование этических исследований зависит, по моему убеждению, не только от их оговоренной выше переориентации, но и от нового уровня взаимодействия этики с другими науками, изучающими человека в контексте единого теоретического человекознания, единого гуманитарного комплекса знаний или - единого гуманитарного поиска нашего времени.

4. В этом вопросе я хотел бы коснуться, прежде всего, проблемы возможности, предпосылок, форм методов такого нетрадиционного способа обращения теории к практике, как гуманитарная экспертиза и консультирование (исходя их вышесказанного, не просто этическая, но комплексная, гуманитарная). Возможность и необходимость гуманитарной экспертизы и консультаций связана с целым рядом обстоятельств современной жизни. Во-первых, с повышением роли человеческого фактора, которое требует особого внимания к человеку в его конкретном индивидуальном существовании. С этим связана особая ценность человеческой индивидуальности, о чем, в частности, говорил М. С. Горбачев на праздновании 70-летия Октября. И значит, все необходимые средства для того, чтобы обеспечивать полноценное гармоничное функционирование человека именно в его индивидуальном своеобразии, в его психологических качествах, должны быть сейчас найдены. Речь должна идти, далее, о том, и это достаточно известно, что научно-технический прогресс и современные условия бытия делают особенно распространенными такие психологические нагрузки, которые вызывают стрессы, различного рода психические заболевания, и, следовательно, нужно сделать все возможное для того, чтобы поставить известные преграды на этом пути, сбалансировать определенными психотерапевтическими средствами развитие вот этой ситуации человеческого бытия в мире. Та психологическая перестройка, которая сейчас требуется от каждого человека, - это очень серьезный и до сих пор еще не оцененный нами процесс, который также нуждается в определенной поддержке со стороны гуманитарного знания и особой формы гуманитарной практики. Нако-

нец, я думаю, что проблема психологической совместимости, которая пока у нас проявляется главным образом в таких экстремальных ситуациях, как сотрудничество на полярной станции или космическом корабле, имеет гораздо более широкое значение. Поэтому для успешного функционирования коллективов в самых различных сферах производственной, научной, художественной и так далее деятельности должна существовать особого рода экспертиза, которая могла бы определять наличие или отсутствие такой совместимости у разных людей, вплоть до выяснения этой совместимости при образовании новой семьи.

Теоретическими предпосылками такого рода деятельности является, во-первых, разработка в нашей философии учения о человеке (разработка этого учения сейчас только по сути дела начинается). До тех пор, пока мы будем продолжать отождествлять человека и общество, и значит социологизировать личность, и значит не учитывать качества индивидуальности, которые связаны и с особыми наследственными, мутационными, и, несомненно, биологическими, внесоциальными факторами, до тех пор мы не сумеем необходимым образом формировать целостную личность - именно ту, которая может проявить все свои способности и возможности в современной жизни. Философская теория человека, или философская антропология, и должна стать теоретической основой для гуманитарной экспертно-консультационной деятельности. Во-вторых, это психология личности как особый раздел психологической науки, который, опираясь на философскую концепцию человека и на данные современной физиологии, может дать гуманитарной экспертно-консультационной деятельности необходимую научную опору. И, наконец, в-третьих, это педагогическая теория, и возрастная психология, и педагогическая психология, и различного рода профессионализированная педагогическая деятельность, которые для гуманитарной экспертизы и консультации могут дать необходимые научные основы, поскольку речь идет, в сущности, о своего рода педагогике, своего рода воздействии на человеческое сознание.

Что касается вопроса о задачах и методах гуманитарной этической экспертизы - то это, конечно, проблемы специалистов, которые должны в этой области работать. Можно сказать с уверенностью, что эта проблема должна решаться комплексно, на стыке и при содружестве целой группы гуманитарных наук, что это спектр, который начинается от психологии и психиатрии и включает в себя и социальную психологию, и различные способы конкретных социологических исследований, и, несомненно, возможности этики, эстетики, искусствознания, потому что в каждом конкретном случае конкретный ансамбль наук и даже искусств, которые тут могут быть эффективными, будет решаться в зависимости от той проблемы, от той индивидуальности, от той деформации индивидуальности, которую приходится преодолевать. И поэтому я думаю, что в каждом городе нужно добиваться создания (по-видимому, при горисполкоме) такой комплексной хозрасчетной лаборатории, консультационного пункта (все это можно называть по-разному), которые обеспечивали бы в масштабах города, а в дальнейшем - в отдельных районах крупных городов осуществление такого рода повседневной работы, удовлетворяя потребности, запросы, с одной стороны различных предприятий, организаций учреждений, отделов кадров и, с другой стороны, запросы и потребности индивидуальных заказчиков.

4. Перестройка практики воспитания предполагает, на мой взгляд, следующие первостепенные действия:

а) создание материальных и духовных условий для того, чтобы женщина могла отдаться воспитанию детей, особенно, когда их несколько, получая за это заработную плату, удостаиваясь признания высокой общественной ценности данной деятельности (не формального многократного материнства, а социального качества воспитанных ею детей) и получая для этого необ-

ходимую подготовку в школе и в вузе;

б) разработку психологических тестов, по которым можно было бы отбирать в старших классах школы и среди молодых людей, желающих поступить в педагогические вузы, тех, кто обладает способностями, если не талантом, общения с детьми, любовью к детям, уважением к детству, пониманием его особенностей и т. п.;

в) введение в педвузах и университетах специальных занятий, лекционных и практических, посвященных воспитанию как особому направлению человеческой деятельности;

г) введение в средней школе нового предмета «Практическое человековедение», охватывающего проблемы сущности человека; диалектика человеческих взаимоотношений; человек и общество; общение и воспитание; что такое духовность; «отцы и дети» (проблема взаимоотношений поколений); основы теории нравственности; основы эстетики; сущность искусства и его роль в жизни человека. На учебники и программу по этому предмету объявить всесоюзный конкурс с высокими премиями.

Т. С. Караченцева

ПУТИ ЭТИКИ: ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ ИЛИ БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ

1. Прежде, чем говорить о современной ситуации нравственности, стоит продумать ответ на вопрос: «Что такое современность?». Современность: настоящее, связь времен, узел, которым связываются времена. И, видимо, все же не сами по себе, но человеком. Современности как какой-то наличности, внешне данной ситуации просто нет. Такая данность, конечно, есть, но не как действительная жизнь, а как внешний поток вполне абсурдного и чуждого существования, омывающего или подавляющего отдельного инвалида, но не являющегося для последнего современностью. Современность - не данность, но путь. Обычная гамлетовская работа по восстановлению связи времен - прошлого и будущего в пространстве настоящего, и современник времени тот, кто в этой работе участвует.

Современен ли современный человек? Неочевидность ответа проявляется уже в той легкости, с какой этик (как человек сегодняшнего дня) провоцируется вопросом относительно «болевых точек» и «точек роста» Современной нравственности. В самой формулировке вопроса уже содержится возможность понимания нравственности как некоей пространственно развернутой наличности, которая может быть анатомирована скальпелем этического исследования. Спровоцированный этик автоматически попадает в круг Злободневности (и не только он). Открытие же сегодняшнего дня в том и состоит, что появилась проблема синтеза современности себя как современного человека, т. е. человека настоящего, а не человека «коммунистического завтра», или человека «золотого прошлого», или человека «потерянного поколения».

Синтез современности, работа по восстановлению связи прошлого и будущего в настоящем, собственно говоря, есть путь к истории, к бытию, совершаемому как история, а следовательно, к открытому в прошлое и будущее миру. Открыть мир - разорвать круг Злободневности, замыкающий человека в безвременное и самодовлеющее пространство бытовых, социальных, по-

литических проблем и превращающий его в средство их решения, и выйти в Большое Время человеческой истории, а значит, выйти к человеку как единственно возможной самоценности. Но это и путь к ответственности за судьбы мира. Ответственность невозможна в круге Злободневности: в создаваемом ею «тихом абсурде» существования человек тотально низводится до уровня средства и из него насильственно изымается всякая ответственность, а вместе с тем из человека изымается и человеческое. В этом смысле ответственность - выход к диалогу с другими людьми и другими культурами на почве открытой истории.

Но вопрос: «Готов ли сегодняшний человек пойти по пути открытий к современности?» - вопрос открытый. Очевидно одно: не приняв прошлое во всей потенциально бесконечной возможности актуализации смыслов (в возможности превращения героического в страшное, комедии истории в ее трагедию, ее темных мест во взлеты духовности и наоборот), не приняв будущее в его проблематичности (и не уничтожая его Объективными Законами или Грандиозными Планами), то есть, не открыв Прошлого и Будущего, невозможно обрести Настоящее и прийти к действительно человеческим проблемам и человеческому бытию. В этом смысле сегодняшний человек действительно перед выбором, и альтернативы его очень просты и очень серьезны: «Быть или не быть?» Выбрать действительно человеческое бытие с его ношей ответственности и работой по созиданию смыслов мира - нравственную жизнь - или снова впасть в круг вполне нечеловеческого существования с его уже готовыми и не нуждающимися в человеке ценностями - нравственную смерть?

Если же прямо отвечать на поставленный вопрос, «болевы точки» и «точки роста» нравственности могут принадлежать лишь человеку, и в хронотопе его существования следует их искать, но никак не в наличной системе нравственных ценностей, не в бытующих нравах, «негативных явлениях» и т. д. В этом смысле перестройка как процесс социально-политических преобразований сама по себе ситуации морального выбора не создает, но обнажает пространство, где возможен выбор моральный - пространство бытия человека, осуществляющего время. И если ясно, что выбор должен быть совершен т е п е р ь, то не менее ясно должно быть и то, что он совершаем лишь з д е с ь.

2. Коль скоро уже было высказано сомнение в современности современной этики, то уже ничего не остается, как его развернуть. И если современность должна быть воссоздана, синтезирована, то закономерен вопрос: может ли нынешняя этика участвовать в этой работе? Возможность такого участия или невозможность такового не может быть понята из этики самой по себе, и есть смысл посмотреть на «болезни» этики сквозь ее Боль как форму рефлексии нравственности, пытаюсь уяснить, где болезни смертельные, а где болезни роста. Возможности и перспективы парадигм, в которых работает нынешняя этика, станут достаточно прозрачными, если попытаться реконструировать человеческий смысл тех миров, которые неявно воспроизводятся в рамках этих парадигм, тогда как рефлектируются этикой эти миры в форме Боли.

О болезни какого мира скорбит этика, когда «болевы точки» нравственности видит в девальвации ценностей, опустошении идеалов, недейственности абсолютных смыслов и рефлектирует эти «болевы точки» в форме Боли Утраченной Веры? Реконструируя этот мир, приходится признать, что конституирует пространственно - временной универсум ценностей этого мира сам предмет веры - Идеал, Высшие Смыслы, Общечеловеческие ценности и т. д., то есть - Абсолют. Горизонт мира Абсолюта уже дан: пространственно-временному универсуму ценностей реального мира полагается вполне определенная граница Абсолютными смыслами, которые сами вне времени и пространства - они всечеловечны и вечны. Абсолют - и извне заданный центр,

определяющий конкретную топологию ценностей реального мира и выстраивающий их в некоторую иерархию мест, и ось вечности, также извне задающей направленность ценностям реального мира на абсолютные смыслы, а потому этим ценностям становится совершенно безразлично Большое Время Человеческой Истории, равно как и Пространство ее Настоящего. Человек в этой культуре принципиально злободневен: ценности, которыми он живет, отсекают Большое Время, а не служат узлами связи Времен. Ценности пространства Злободневности, будучи определены и иерархизированы внешним образом, столь же принципиально инструментализуются и, как определенный именно таким образом набор средств, превращаются в нечто противоположное определившим их Высшим Общечеловеческим Смыслам: они обезчеловечиваются и обесмысливаются. Человек в этом мире - средство средств, и действителен этот мир лишь Верой в Абсолютные смыслы. Утрата Веры в Абсолют означает только то, что инструментализация ценностей в этом мире приобрела тотальный характер и сами ценности обрели самостоятельность, а вместе с тем и самооценку - этого достаточно, чтобы стать набором мертвых ценностей. Сквозь эти ценности уже невозможно увидеть не только Прошое, Будущее и Пространство Настоящего, но и сам конституировавший когда-то этот мир Абсолют. Этот мертвый мир, Долина Смерти, Котлован Человеческой Истории.

Этика Боли Утраченной Веры - этика Абсолюта, - рефлектируя мир таким образом, культивирует ценности мертвого мира, и ее Боль - симптом смертельной болезни и этого мира, и ее самой. Это и симптом рассеивания того места, которое занимала эта этика в культуре - Судьи нравственных пороков и Проповедника Абсолютных Смыслов.

Какой мир возникает под пером этика, когда он пишет о расхождении слова и дела, о бездуховности, о разветвленной корневой системе «негативных явлений» и т. д. как о «болевых точках» нравственности, рефлектируя их в форме Боли Кризиса Нравственности? В боли этого этика отчетливо звучит и нота собственной вины - вины Неполноты Знания Морали, уловить которую немаловажно для реконструкции его мира. Мир, болезнь Нравственной Жизни которого рефлектируется этической наукой как кризис нравственности, - мир конфликта Нравственности и Жизни. Как возможен такой мир?

Мир конфликта Нравственности и Жизни возможен прежде всего там, где мир воссоздается объективирующим видением науки, превращающим и нравственность, и жизнь в некую наличность, развернутую в пространстве и изменяющуюся во времени, а следовательно, вполне безразличную к Пространству Настоящего Исторического Времени. На первый взгляд, конституирование такого внеисторического мира у нынешнего этика - просто результат принятия традиции классического рационализма: мир получает свои определения наличности, вечности, подлежащей освоению данности, объектности из активности всеобщего субъекта, деятельно этот мир полагающего. Но только на первый взгляд. Нравственность в мире классического рационализма принадлежит определениям всеобщего субъекта, но не конституированному субъектом миру объектов. Нравственность мира классического рационализма есть то, посредством чего Всеобщий Разум или Дух вносит в слепую наличность объектных данностей цель и смысл. Этик, конструируя мир наличностей, где нравственность - всего лишь данность, рядоположенная с другими данностями, существенно модифицирует принцип конструирования мира классического рационализма: мир Конфликта нравственности и жизни тоже был конституирован из всеобщности субъекта, но не всеобщности Разума и не всеобщности Духа, а всеобщности позитивистски ориентированной науки. Механизм такого конституирования мира - это уже не только механизм надделения ценностей этого мира статусом всеобщности и всечеловечности (хотя и этого механизма достаточно для того, чтобы от-

сечь ценности от человека, придав им внеисторический характер), но это и механизм вынесения в мир данностей самих смыслов человеческого бытия, а следовательно, их овеществления и обесчеловечивания. Ценностный универсум этого мира - набор безличных, всеобщих, вневременных законов и значимостей, вполне безразличных к человеку. Будучи однажды заданы, ценности этого мира создают странную оптику видения: мир в своей объектности, данности и наличности разворачивается как вещная бесконечность, но это бесконечность смысловой пустоты «ньютоновского ящика». Этот мир столь же принципиально инструментальных, сколь и самодостаточных ценностей не самодостаточен в целом: развернутое сциентистское мирозерцание из своих собственных оснований устойчивости значимой реальности обрести не может и распадается на отдельные безразличные друг к другу фрагменты. Набор таких ценностей обретает свое место в культуре, лишь будучи организован чем-то извне не только по отношению к ценностям, но и по отношению к самому миру, конституировавшему эти ценности. Путь такой организации во многом предопределен безличной всеобщностью сконструированных ценностей и конституировавшего их субъекта: вынесенное за скобки культурно-историческое пространство - время обретает «плоть» Абсолюта, и последний задает этому миру логику существования инструмента, замыкающего человека в круг Злободневности.

Перед нами мир, построенный в другом мире: мир Науки, встроенный в мир Абсолюта. Этика мира Науки выстраивает свои лабиринты в котловане мира Абсолюта и, стремясь заместить утраченную веру знанием, завоевывает именно в нем свое место Просветителя и Учителя человечества. Этика Боли Кризиса Нравственности оказывается не альтернативной этике Боли Утраченной Веры, но ее вариацией: обе культивируют безличность, анонимность, безответственность мирозерцания человека-инструмента, человека-винтика. Боль такой этики - болезнь мира Абсолюта, ее судьба - его судьба.

Узнает ли конкретный этик себя в обрисованных парадигмах? Сочтет ли это описание кривым зеркалом? Но все же, думаю, очевидно: боль мертвого мира не может превратиться в болезнь роста. Последняя присуща лишь жизни, живым людям и живым этикам. «Точки роста» сегодняшней этики - вне самой этики. Они, прежде всего, в людях, в том числе и в самих этиках - в их ответственной позиции, в их способности разглядеть в конфликте нравственности и жизни конфликт мира Абсолюта и Человеческого Достоинства, в их способности, убирая линзы мёртвых ценностей, открывать реальный мир и реального человека. И лишь там, где этик стремится осуществить рефлекссию смыслов человеческого бытия, человечески осмыслены и собственно теоретические проблемы этики.

Надежда на становление Этики Живого Мира - человеческого мира - рождается там, где этик становится на путь Диалога с живым человеком и болеет его проблемами. Это происходит не там, где этик Судит или Учит, но там, где этик строит пространство понимания проблематичности мира, а следовательно, там, где культивирует достоинство ответственного человека. Но это и есть путь созидания современности, путь открывания историчности человеческого бытия. Судьба такой этики - судьба созидающей человеческую культуру, т. е. культуру, конституируемую человеческой самоценностью.

ПО КАКОМУ ПУТИ ПРЕДСТОИТ ИДТИ НАМ?

Сейчас стоит вопрос о переходе от дотоварной экономики к товарной, следовательно, от дотоварного типа работника к товарному. Что означает эта ситуация в нравственном отношении, с точки зрения морали? Мы долго считали, что тот тип человека, который соответствует административной системе, во всех отношениях выше «буржуазного», выше любого товарного типа личности, ориентирующегося на деньги, на материальный стимул. А сейчас выяснилось, что он не только в хозяйственном, но и в моральном отношении стоит очень низко, т. к. ориентирован на уравниловку, на нивелирование таланта, более производительного труда и т. д. Это ориентация по минимуму, а то, что сверх минимума, то не принимается и отсекается. Человеку десятилетиями внушали, что он выше денег, а он на самом деле не выше, а ниже, если мерить общецивилизационной мерой. Мы стоим сейчас перед колоссальной по своей исторической глубине задачей переориентации личности на товарное производство и товарно-денежный тип общественных связей. В этом и заключается «болевая точка» нашего (не только нравственного) развития. Конечно, речь вовсе не идет о том, что товаризация экономики равносильна достижению нравственного идеала. Идеал останется впереди. Но в относительном смысле это, безусловно, прогресс.

Однако даже этот относительный прогресс обеспечить не просто. Формирование нового типа личности происходит обычно долго, трудно, растягивается на целые эпохи. Есть два известных варианта перехода от «дотоварного» человека к «товарному». Первый - западный, когда новый духовный уклад формировался в соответствии с принципами «протестантской этики», посредством резкого отталкивания, отмежевания от существующего официального (католического) уклада. Протестантизм ориентировал на трудолюбие, бережливость, апеллировал к чувству индивидуальной ответственности. Результат влияния этой духовной переориентации на экономику известен - протестантские страны в своем развитии резко ушли вперед. Другой вариант, наиболее яркое воплощение получивший в Японии, связан с использованием традиционных механизмов национального сознания, которые поддаются более или менее безболезненному преобразованию в соответствии с потребностями современной цивилизации.

По какому пути предстоит идти нам? По первому? Он не исключен, хотя, как это будет выглядеть в наших условиях, представить сегодня трудно. Что касается второго, то он, по-моему, нереален. Я не вижу сегодня никаких особенностей нашего массового сознания, которые можно было бы рассматривать как духовно-нравственные предпосылки нового типа личности. Правда, некоторые традиционалисты считают, что можно продолжать эксплуатировать такую духовную реальность, как «оборонное сознание». Но чем может помочь такое сознание, привыкшее откликаться лишь на приказ и внешнюю опасность, при переходе к некомандной, неприказной экономике?

Короче говоря, я бы поостерегся оценивать нынешнюю ситуацию как классическую ситуацию выбора (в том числе, и морального). Выбор - это когда есть готовые варианты, из которых предстоит отдать какому-то предпочтение. А если варианты не ясны? Если они исторически не сложились? Тогда выбирать приходится между позициями абстрактными, непроявленными, недовыявленными.

Мне кажется, сегодня в нашей жизни сталкиваются две такие позиции, две установки. С одной стороны, ориентация на равенство, понимаемое как антипод свободы. С другой стороны - ориентация на свободу как основу всего, в том числе, и равенства.

В основе первой позиции - примитивный добуржуазный коллективизм, который Маркс назвал грубым. Тут могут иметь место героизм и самоотверженность, но тут нет развитой личности, осознающей свою самоценность. Это - доличностный коллективизм, предполагающий послушание без размышления. Вторая позиция - это позиция развитой индивидуальности, противостоящей примитивному коллективизму и слепому, нерассуждающему послушанию. Я думаю, само возникновение такой позиции и ее все более широкое распространение дает основание для оптимизма. Раз появляется вдохновляемая идеей свободы индивидуальность, значит, появляется нравственная ответственность, значит, ситуация выбора осознается как глубоко личная проблема, которую не решит за меня никто - ни бог, ни царь и ни герой. А если выбор в сколько-нибудь конкретном виде отсутствует, то само это отсутствие воспринимается как глубоко личная духовная, нравственная драма и сопровождается колоссальным внутренним напряжением, которое может быть снято только историческим развитием, но без которого само будущее развитие будет лишено духовности и нравственного содержания.

В. П. Кобляков

ОТ ЗАЗЕМЛЕНИЯ ЭТИКИ- К ВОСХОЖДЕНИЮ НА ОЛИМП ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

1.«Болевых точек» в современной нравственной ситуации больше, чем способен уловить самый пронизательный этик. Они связаны с экономической и социальной обстановкой в стране, с демографическими, мировоззренческими, профессиональными особенностями людей, переживающих перестройку, принимающих ее, входящих в нее, проводящих ее или отторгающих ее. Мировоззренчески самое зрелое и наиболее оптимистически мыслящее поколение - это, очевидно, те, у кого пик формирования мировоззрения пришелся на 1956 - 1961 гг. (50-55 лет); наиболее растерянное поколение - оно же и наиболее «потерянное» - те, кому сегодня по 35 - 40 лет, причем, половина жизни представителей этого поколения прожита в застойные годы. Наиболее сложно процесс перестройки переживается теми из них, кто успел вырасти в профессиональных функционеров, переживающих сегодня шок от осознания того, что их перспективе бюрократического продвижения по проторенной дорожке угрожает демократизация, перестройка механизма образования политической власти. Не надо упрощать также и «переживания перестройки» в семьях тех, кто находится в управленческой сфере (около 20 миллионов руководителей) и многим из которых предстоит «профессиональное репрофилирование»; в сфере малопроизводительного и физически тяжелого труда (около 50 миллионов), кому перестройка не сулит «очевидных выгод»; работников квалифицированного и творческого труда (около 60 миллионов), рассчитывающих на существенное улучшение своего образа жизни, поскольку они и только они смогут быть наиболее активными субъектами технологической революции и, следовательно, многого ожидают от восстановления в своих правах

социалистического принципа распределения: «От каждого по способностям, каждому - по труду». К сожалению, социологический срез «этического мироощущения» еще не стал предметом анализа, и мы при отсутствии массовых опросов общественного мнения, не имеем достоверной картины диалектики движения и развития от «болевых точек» к «точкам роста», - а именно так, как нам представляется, и следует рассматривать ответ на первый вопрос.

Прежде всего, на моральном мироощущении не могли не сказаться достигнутый уровень гласности и крепнущее убеждение в силе углубления демократизации, которая, в итоге, должна привести к возрождению идеалов и практики советского самоуправления, народовластия, социалистической законности, социалистического правопорядка, к политической и правовой гарантии защищенности гражданских и моральных прав любой личности. Сегодня же можно отметить ряд болезненных симптомов «переживания исторической ситуации»: широкая публикация материалов о многочисленных «отечественных мафиях», «кобрах над золотом» воспринимается всей совестливой частью общества как кощунство и святотатство по отношению к социалистическим идеалам и вере в сопряженность высокой должности с высокой нравственностью. С другой стороны, значителен процент тех, кто опасается возможного интереса общества к источникам их «расширенного потребительства». Как «личностный шок», «стресс» переживают перестройку те, чья жизнь должна круто измениться с уничтожением уравниловки, выводиловки, иждивенчества, а также и пресечением «несунства», поскольку все это будет затрагивать конечные результаты трудового коллектива. Наиболее болезненно воспринимаются идеи о необходимости освобождения от патерналистских ожиданий, поскольку общество вступает в стадию, когда государство часть своих социальных гарантий передает в сферу инициативных действий коллективов, кооперативов и самих личностей. Немало в обществе нравственных состояний, выражаемых одним емким словом «растерянность», когда требуется освободиться от социальной инерции, преодолеть в своей личностной психологии проявления рабства, холопства, неверия в собственные силы. Много удивлений пережили те, кто жили за счет запретов, репродуцирования «нельзя», разнообразных социальных табу и обнаружили, что их деятельность была полубесмысленной, как и те, кто уже и не мыслил, что может быть альтернативность, разрешительность, проявление творческой изобретательности и инициативности, индивидуальности. Политическое прозрение, информация о многочисленных «белых пятнах» в истории какую-то часть общества повергла в пессимизм, скептицизм, состояние утраты идеалов. Административно-волевой стиль управления и память о нем (не только память, но и существующая его реальность) поддерживают ностальгические настроения о прошлом «порядке», «ясности», утрачиваемым привилегиям, по рабской психологии, которую культивировали в подчиненных.

Неоднозначность морального мироощущения у различных социальных, профессиональных, возрастных групп людей в сочетании с идущими - пока еще медленно - перестроечными процессами открывает перед людьми перспективу революции личностного мировоззрения, сопряженного с переосмыслением мира и себя, своих ценностей, возможность принимать решения, делать моральный выбор, который хотя и не всегда пройдет и проходит безболезненно для личности в плане социальных последствий, но зато дает основание почувствовать себя соучастником рождения нового. Идеологическая подготовка сегодня - это подготовка в человеке веры и желания, убеждения и потребности в обыденных житейски-локальных ситуациях не только быть готовым, но и целеустремленным к принятию «перестроечного выбора» (в отличие от традиционно конформистского).

2. Поскольку современная перестроечная ситуация (как, впрочем, и все революции прошлого) формирует многообразие

типов людей - от убежденных революционеров до традиционно дремучего обывателя, этика должна четко обозначить свое социальное место в обществе. Она не может уже быть ничьей «служанкой», кроме своего основного предмета исследования - Человека разумного, морального, культурного. Система современной этики сложилась как довесок к политологии с ярко выраженной апологетической функцией. Этика защищала не столько человека, сколько политические механизмы управления человеком, не столько моральность в человеке, сколько правовое смирение - даже и в тех случаях, когда право вступало в противоречие с абсолютными моральными ценностями, на которых зиждется цивилизация. «Точки роста» - во все более выявляющемся движении этики от политикоцентризма к культуросциентизму, от локальности к всеобщности, от идей приоритета класса к идее приоритета человечества, т. е. переход к новой парадигме, для которой идеи Вернадского, Швейцера, Достоевского, равно как и современных неформальных объединений «Милосердие», «Экологи» и т. п., ближе, чем прошлые апологетико-морализаторские, политико-митинговые. На смену заземления этики, выражавшегося в ее подталкивании к прикладному обеспечению профессионально-нравственной подготовки кадров управления в сфере нравственно-воспитательной деятельности, в создании практикумов как средства подготовки организаторов этой деятельности, должно прийти ее возвышение и восхождение на Олимп человеческой мудрости, где собраны идеи единства и целостности человечества, взаимопроникновения культур, Востока и Запада, где высшими ценностями провозглашаются идеалы самосогласия с самим собой и бескорыстие в служении идее человечества и реальному человечеству конца XX века. Следовательно, неизбежно внимание к повышению мировоззренческого потенциала этики, которая и может, и призвана заполнить образовавшийся вакуум бездуховности, засилья неогедонизма и потребительства.

3. Место этики в нравственном поиске нашего времени мыслится в ГИПЕРТРОФИРОВАННОМ восприятии ценности человека и продуцировании его на всю культуру. Это и обоснование права человека на ошибку, и права на ее исправление, и обозначение «болевых точек» жестокости общества - и в теории, и в практике реализации правовых норм, и в деятельности органов социального обеспечения, исправительно-трудовых колоний, кастовом разделении людей на здоровых и инвалидов, семейных и детдомовских и т. п. Только через гипертрофированное восприятие ценности человека можно найти управу на временщиков, создающих проекты уничтожения земель, лесов, памятников, «Ясных полей» и озер. Только через гипертрофированное восприятие человека можно сформировать противоядие у будущих химиков и атомщиков, мелиораторов и рудокопов. Только через гипертрофированное восприятие ценности человека можно повернуть экономику от подсчета тонно-километров к оценке самочувствия человека, создающего эти тонно-километры. Только через гипертрофированное восприятие личности человека можно перестроить педагогику, одухотворить бездушную медицину, переориентировать направления технического прогресса на создание безлюдных и безотходных технологий, единого информационного человеческого общества, компьютерного управления и самоуправления бытовыми процессами. И т.д., и т.п.

4. Этическая теория должна отстаивать право человека на альтернативность во всех видах человеческой деятельности: в преподавании, воспитании, проведении досуга, ибо без, этого невозможно раскрепостить реального человека от сковывающие его пут исторически ограниченных способов регуляции, освободить от многих форм отчужденных отношений.

5. Необходимо: осуществить основательный теоретический анализ всех отчужденных форм отношений, не преодоленных

пока еще и в условиях реального социализма (в том числе и в каждом конкретном коллективе); в деловых играх учиться вскрывать отчужденные отношения и разрабатывать альтернативные идеи по их преодолению. Это в интересах разумного общества и разумного человека. Морального общества и морального человека. В интересах культуры. В интересах расцвета человеческой цивилизации.

6. Должна ли этика идти вслед за практикой? в ногу с практикой? впереди практики? Ответ: Только идя впереди практики, будучи мировоззренческой формой опережающего отражения социальной действительности, этика может стать практической наукой.

И. С. Кон

ВСЕ УПИРАЕТСЯ В ПРОБЛЕМУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. а) Прежде всего, «болевая точка» - это обезличенность общественной жизни, недооценка индивидуально-личностного начала бытия. В течение многих лет под флагом борьбы с индивидуализмом последовательно принижалась и подавлялась человеческая индивидуальность. В экономике этому способствовали уравниловка в оплате труда, устранение элементов здоровой конкуренции и замена социалистического соревнования формальными ритуальными действиями. В политике - бюрократизация общественной жизни и представление о человеке как о «винтике», автоматически движущемся в безличном механизме машины-общества. Категория прав человека, исторически и логически связанная прежде всего с идеей социальной защиты личности, иногда заслонялась перечислением ее обязанностей по отношению к обществу. Бюрократическая регламентация поведения в сочетании с примитивной психологией казарменного коммунизма, сущность которого, по К. Марксу, - «всеобщая и конституирующаяся как власть зависть», укоренили в массовом сознании подозрительно-настороженное, враждебное отношение даже к таким индивидуальным различиям, которые не затрагивают ничьих общественных интересов (вроде покроя штанов или прически). Даже говорить о себе в первом лице стало считаться неприличным «ячеством». Неизбежные спутники обезлички, деиндивидуализации - гипертрофированное чувство собственного бессилия и тесно связанная с ним социальная апатия. Принизив индивидуальность, мы незаметно для самих себя переориентировались с революционно-преобразовательной системы ценностей на консервативно-стационарную. Ценности покоя и инерции явно возобладали над ценностями обновления. Во всех сферах жизни новое, непривычное стало подозрительным.

Принижение человеческой индивидуальности и достоинства личности вызвало снижение нравственного уровня общества, ибо моральные решения могут быть только индивидуальными. Каковы бы ни были источники моральных норм и правил, нравственное решение и связанные с ними риск и ответственность могут быть только индивидуальными.

б). Деформации подвергся и принцип коллективизма. А. С. Макаренко резко противопоставлял сознательную дисциплину преодоления и движение вперед - основанной на системе запретов дисциплине торможения, порождающей у одних людей пассивную покорность и конформизм, а у других - стихийный анархический протест против коллективности как таковой. Подмена

единства единообразием, боязнь инакомыслия и приклеивание любому сплоченному меньшинству жупела «групповщины» неизбежно ведут к застою, конформизму, нарушению демократических норм и манипулированию сознанием масс от лица пассивного, а порой даже фиктивного большинства.

в). Характер социального поведения тесно связан с особенностями стиля мышления субъекта. Психологи выделяют, во-первых, открытое, гибкое, творческое, дивергентное и, во-вторых, закрытое, жесткое, догматическое, авторитарное мышление. Стиль мышления отдельного человека зависит от множества различных факторов. Но, хотя соотношение их проблематично, бесспорно, что гибкое, самостоятельное мышление - равно как и сама потребность в свободе и самоуправлении - формируется лишь в процессе и под влиянием самостоятельной, свободной от мелочной опеки и контроля деятельности. Творческое мышление всегда предполагает наличие вариантов, между которыми можно и нужно выбирать. Именно этого катастрофически не хватает нашей системе воспитания.

Сегодня наше общество получило как бы новый старт, и перед нами остро встал вопрос: готовы ли мы, способны ли принять на себя новые социальные роли, предлагаемые нам историей? Или не услышим вызов и будем по инерции воспроизводить прежние, привычные стереотипы? Нынешняя политика предполагает выработку нового стиля социального поведения, во многом противоречащего жизненному опыту и мотивам деятельности двух, а то и трех последних поколений. Способны ли мы к этому и сколько времени потребует такая перестройка?

Ключевая проблема психологии перестройки - сознание и чувство социальной ответственности. Ее диапазон (насколько широк круг общественных отношений, за которые индивид чувствует себя лично ответственным) и степень (какова мера этой ответственности) зависят как от объективных, так и от субъективных обстоятельств. Как правило, человек чувствует себя ответственным только за те процессы и действия, в которых он принимает более или менее активное участие и имеет возможность выбора. Единственный способ повысить чувство социальной ответственности - расширение реальной, действенной демократии и самоуправления.

Революционную перестройку нельзя осуществить на волне консервативного общественного сознания, а так как оно не развито, то возрождение стало мыслиться как возвращение. Задача: выделить в традиционном моральной сознании то, что должно быть возрождено, и то новое, которое нужно создать впервые, ибо сегодняшние проблемы беспрецедентны.

В полный рост в ситуации перестройки встает проблема морального выбора личности. По сути дела, моральный выбор появился только сегодня. Раньше был выбор: «участвовать - не участвовать» в безнравственности, да и то о «неучастии» можно говорить лишь относительно. Перестройка всех сторон нашей жизни ставит моральный выбор как личный выбор, дает реальную возможность самореализации, самопроявления, обретения личностью самой себя. Причем, необходимость личного морального выбора возникла в ситуации, когда перестройка не имеет альтернативы. В моральной выборке реален вопрос: что делать, как ангажироваться, за что брать ответственность? И это именно моральные проблемы, потому что материальных стимулов к выбору нет (по-старому жить привычнее, накатаннее, спокойнее).

Если говорить об особенностях воспитательной деятельности в современных условиях, то воспитание - это самовоспитание ангажировавшегося (не ангажированного!) индивида, который в своей деятельности как самодеятельности воспитывает се-

бя и общество. Здесь и создаются «гарантии» перестройки. Об этом хотелось бы сказать несколько подробнее. В любом обществе понятие взрослости предполагает известный уровень социальной приспособленности, умение жить и действовать в реальном окружении людей, а не в воображаемом мире, и одновременно - самостоятельность и сопутствующее ей чувство личной ответственности. Однако, вследствие многолетней порочной практики воспитания, второе умение оказалось у нас крайне дефицитным. Мы привыкли, что ничего сами не решаем и поэтому мало за что отвечаем. Это качество унаследовала и молодежь. Старших шокирует, когда юношеские требования самостоятельности начинаются, а подчас и заканчиваются словами «дайте нам...». Но мы и сами поступаем так же, особенно, когда речь заходит о гарантиях перестройки.

Может ли кто-либо дать нам гарантии житейского порядка, возможны ли в принципе такие гарантии - вот о чем речь. Конечно, нет. Смелость, и принципиальность потому и ценятся, что за них всегда приходится дорого платить, как бы ни поощрялись эти качества законодательством. Единственная абсолютная гарантия в человеческой жизни - смерть. Все остальное - успех, самореализация, счастье - проблематично. С понимания этого и начинается мудрость. Недаром политику называют искусством возможного. Формула «все или ничего», и притом немедленно, - типично подростковая формула, хотя, заметим, подростковый синдром, неисторичность, максимализм и нетерпеливость подросткового мышления характерны сегодня и для многих взрослых. Обратная сторона подросткового максимализма - обывательское приспособленчество. Чувство социальной ответственности противостоит и тому, и другому. Никто извне не может гарантировать успешность хороших поступков даже в условиях перестройки. Но борьба может увенчаться и победой. Более того, по мере демократизации общества вероятность победы увеличивается. Но надо осознать, что борьба за перестройку на каком-то конкретном участке - личное дело каждого из нас. И не надо уповать на поддержку общества, а тем более, требовать ее взамен согласия вступить в борьбу. Воюя с недостатками рядом с собой, мы не делаем одолжения кому-либо, и не вправе требовать награды. Наград, скорее всего, не будет. Очень может быть, что будут, напротив, шишки на голову. Но смею утверждать, что это в каком-то смысле приятные шишки, шишки самореализации.

2-3. Нельзя не сказать о релятивизации этических категорий. Марксистская этика по своему пафосу была преимущественно социологической, справедливо подчеркивая связь генезиса моральных представлений с общественными интересами и классовой борьбой. Но общечеловеческие ценности и основания морали при этом зачастую недооценивались, о них говорилось как бы между прочим.

Перспективы развития нравственного сознания ставят перед нами ряд проблем. Интерес к вопросам этики резко усилился задолго до начала перестройки, в самые что ни на есть застойные годы. Почему? Апелляция к элементарным нормам нравственности выражала протест против беспринципности, коррупции и конъюнктурщины и свидетельствовала о потребности в очищении и обновлении, но одновременно - и о некоторой социальной беспомощности.

Сила морального сознания - в категоричности и универсальности основных его постулатов. Но если экологические, экономические и политические проблемы и трудности обсуждаются только в моральных терминах, это значит, что практически решать их никто не собирается.

Это очень серьезная философско-педагогическая проблема. Чтобы овладеть азами нравственности, ребенок должен

мыслить альтернативно: добро или зло, хорошо или плохо, третьего не дано. Ребенок, не усвоивший элементарных норм нравственности как безусловных, категорических императивов - этого нельзя делать никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах! - едва ли станет нравственным человеком. Но мораль не сводится к системе запретов и предписаний. Нравственно зрелый человек порой не может однозначно ответить на невинный вопрос ребенка - хорошо это или плохо? - потому что одно и то же действие по-разному оценивается в зависимости от его контекста, последствий, мотивов и многого другого. Отсюда сложность морального выбора, оценки и самооценки. При отсутствии развитой нравственной рефлексии жесткая система моральных принципов легко вырождается в примитивное морализирование, обращенное к другим, но не к себе.

Этика как наука проблематична, как и философия в целом. Ей остро нужны эмпирические исследования морали - социальные, психологические и проч. Это - науки, а этика - философская мудрость. Сегодня появился, наконец, социальный заказ на изучение современности не понарошку. Сегодня нам не хватает и реального анализа реальных нравов, мотивов современников, которые сами многообразны (различные слои, группы, а не «весь народ»), и философско-этической рефлексии о соотношении вечных и преходящих ценностей, нормы и поступка. Здесь предполагается культура философии истории, не знающей черно-белого изображения, многоцветной, с нюансами и полутонами. Современная этика болеет общей с философией болезнью: ее недуг - беспроблемность, схоластичность, «назывное предложение».

В этике роковую роль играет идея воспитания в его объектно-субъектном решении: деление людей на управляющих и подчиненных. Кто кого выбирает в учителя жизни? Учитель обязателен, но его выбирает себе сам ученик, ищет его, меняет - при необходимости. Учитель может лишь делиться опытом, раздумьями о своей жизни. Действует же Учитель образом, стилем жизни. Здесь даже и не возникает вопрос: должен ли учитель нравственности быть нравственным? И учителя не должны быть унифицированными, они должны быть индивидуальностями.

4. Как менеджер втягивается в этику, в субъект-субъектные отношения? Рассуждая о возможности этической экспертизы ситуаций морального выбора, проблематично говорить об эксперте - чистом этике. В этой роли более реален, органичен специалист в той или иной отрасли знания (организации, экономике, экологии и т. д.). Этик же должен быть скромным, непретенциозным. Нескромно называть себя философом, но можно - социологом.

5. Сам вопрос требует оговорки: не прожектерство, а поиск и выращивание того, что рождается. Мы перекормлены личными прожеками, относимся к ним недоверчиво, как к пафосу. Совершенствование нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности невозможно без учета следующего момента: надо лишь видеть то, что растет, и без чего, если не сумеем наладить диалог, придем к концу. Чтобы индивидуальность не вырождалась в индивидуализм, необходимо развитие культуры диалога, толерантности, терпимости. Это фундаментальная идея.

Главный сдвиг, который должен произойти в сознании, состоит в следующем, тезисно оформленном, положении: мораль - это не роскошь, а условие выживания человечества. В единый блок должны быть увязаны моральное, экологическое и историческое сознание.

6. Принципы оценки. О человеке не может быть изречено объективной истины, ибо он субъективен. Нравственное сознание и самосознание не допускает усредненности. Хороший поступок не компенсирует плохого: убийство не покрывается спасе-

нием, воровство - пожертвованием.

Сам о себе человек должен помнить скорее «минусы», чем «плюсы» («Порядочный человек делает гадости с отвращением», - считал М. Светлов. За внешним цинизмом здесь скрывается реальность выбора. Но нужен опыт жизни: за одного битого двух небитых дают). Истинно нравственный человек беспощадно требователен к себе и снисходителен, терпим к другим. Осуждая дурные поступки других, он избегает переносить отрицательную оценку поступка на личность совершившего его человека, старается войти в его положение, понять его, найти смягчающие обстоятельства. Записные моралисты, наоборот, беспощадны к другим и снисходительны к себе. В оценке других требовательности всегда над предпочитать снисходительность, хотя это трудно, чаще нам свойственно обратное. Но нам взвешивать не дано: "не судите, да не судимы будете" - в этом смысле оправдано. В крайнем случае (но не по отношению к историческим личностям и ситуациям) - либо хорошее, либо ничего (а может быть, либо ничего, либо хорошее).

Т.С.Лапина

НРАВСТВЕННОСТЬ МОЖЕТ ДАТЬ ЧЕЛОВЕКУ САМУЮ НАДЕЖНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ОПОРУ

1.а) Перестройка уже вызвала у советских людей взлет политического, правового, морального самосознания, но, хотя сдвиг к лучшему налицо, еще не повлекла за собой качественного перелома общественной нравственности. Деформации нравственных отношений далеко пока полностью не сняты, деловые отношения нередко продолжают подменяться личными, межсубъектные связи то и дело устанавливаются на основе корыстной конъюнктуры, как один из приемов социального ловкачества очень распространено завышение или занижение социальных оценок, даваемых поведению людей и общественным явлениям. Поэтому главной болевой точкой современной нравственной деятельности следует считать немалый разрыв между высоким уровнем перестроечного общественного сознания и низким, по крайней мере, невысоким, уровнем нравственности многих участников советских общественных отношений. Конкретизацией такого состояния общественной практики выступает отсутствие должного поведения со стороны многочисленных представителей общества по отношению к некоторым животрепещущим глобальным проблемам современности: сохранению равновесия между обществом и природой, охране памятников культуры и др. Между тем, не мораль, собственно, а высокая нравственность окружающих может дать личности самую надежную социальную опору и защищенность, более всего помочь утвердиться в достойной жизненной позиции.

Что же касается воспитательной деятельности, то ее главная болевая точка, на мой взгляд, это упование в педагогической работе с людьми в основном на внутренние источники моральности человека, а также - на социальные предписания при недооценке внешних условия нравственности - экономических, социальных, духовных. Их далеко пока не изжитые пороки во многом в годы застоя обрекали на неудачу воспитание населения в коммунистическом духе. Другая саднящая боль: отсутствие

нравственного образца в лице немалоого числа воспитателей. В числе прочего это обуславливалось тем, что вплоть до недавнего времени в некоторых трудовых коллективах крайне затруднялись условия работы для наиболее требовательных к себе и другим, наиболее честных работников, борцов за правду и справедливость. Сопряженность передовой социальной позиции с жертвенностью сильно сдерживает рост нравственности населения.

Точки роста: преодоление разрыва между обновленным содержанием должного и сущим; оживление на практике великого морального постулата «нет счастья без добродетели»; посильная для личности борьба за качественную смену общей обстановки в стране, вдохновляемая, в частности, максимой Л. Фейербаха «нет добродетели без счастья»; острейшее глубокое переживание безмерности социально-нравственных падений в периоды культа личности и застоя как одна из основ обретения народом качественно нового нравственного потенциала; виденье социально-нравственных перспектив общества и человека на основе постижения уроков истории и глобальных проблем современности;

б) Обновленная проблематика морального выбора: 1. лично бороться за перестройку, рискуя потерять покой и даже получить исковерканную судьбу, или же, будучи в душе за обновление, занимать выжидательную позицию и уповать на действия других? 2. как отнестись к справедливому критику, передовому инициатору, хотя, может показаться, он нарушает наш психологический и социальный комфорт: поддержать или объявить Дон Кихотом, белой вороной, обречь на социальное одиночество, счесть его жертвой его же собственной настырности и, наконец, устроить ему «плаху»?

2. а) Нередко главным врагом этики объявляют морализаторство. Но морализация морализации рознь. Не перечеркнешь значения жизненной мудрости, благодаря которой происходит передача нравственного достояния человечества от одного поколения к другому. Думается, что главная опасность для этики заключается в другом: прежде всего, в ее обособленности от других обществоведческих дисциплин: исторического материализма, политико-и правоведения, эстетики, комплексной науки о человеке, а также психологии. Другой недуг этики - рассмотрение морали в отрыве от условий социальной среды, преувеличение роли морального сознания в обуславливании нравственности за счет недооценки или игнорирования других факторов нравственности. Развитие этической теории лежит на пути углубленного исследования морали в действии вплоть до его результата, в исследовании, кроме того, взаимоотношений между моралью и экономикой, моралью и политикой, моралью и правом, моралью и художественностью, внутринравственных противоречий современной общественной жизни;

б) Уже охарактеризованное выше направление развития этического знания, будучи реализованным, составит шаг к созданию общегуманистической концепции морали и нравственного воспитания. Как сильные социальные стороны морали, так и ее недостатки в качестве лишь одной из сфер духовной жизни обнаруживаются только на фоне ее взаимодействия с базисными явлениями, другими элементами надстройки, иными компонентами духовного мира личности.

3. Марксистско-ленинская этика как практическая философия не только оживляет внимание людей к моральным ценностям и не только развивает способность субъекта к моральной рефлексии. Она, кроме того, учит переводить центр нравственных поисков в область дела, самих поступков и деяний, поведения. В этических исследованиях раскрывается, что передовая мораль задает определенные направления для прогрессивного развития политики, права, искусства, не может не вооружать субъекта в организации духовного производства, сознательном построении общественных отношений.

4. а) Один из таких путей лежит в создании реальной социально-духовной заинтересованности в качественной насыщенности нравственной стороны деятельности у политиков, юристов, учителей и преподавателей, врачей, деятелей искусства, то есть в развитии профессиональной морали и совершенствовании профессиональной нравственности. Усиление внимания к нравственным аспектам своей социальной деятельности активизировало бы процесс объективации этического знания в делах и поступках лиц, оказывающих заметное влияние на поведение окружающих и нравственность населения в целом.

б) Взаимопересечение теории и практики нравственного воспитания лежит в поиске путей творения людьми добра: практические и теоретические искания подобного рода обуславливают друг друга. Организаторы «Самотлорского практикума», по существу, правильно ставят вопрос об усилении практической отдачи марксистско-ленинской этики. Конечно, назрел вопрос об оказании практической помощи личностям (включая детей школьного возраста), производственным единицам, добровольным объединениям, семьям и т. д. в виде этического консультирования по жизненным вопросам нравственности. Для обеспечения этого действительно потребуются какие-то неизвестные ранее организационные формы, может быть и «Центр теории и практики этической экспертизы и консультирования». Собственно говоря, речь идет о новых формах и путях формирования нравственной культуры.

Пока моральная, собственно, экспертиза и консультирование осуществляются в некоторых публикациях периодической печати, в части писем граждан в периодические издания, писателям и ответах на них, иногда в неформальном общении людей. Нисколько не умаляя значения таких путей решения людьми своих нравственных проблем, надо подчеркнуть: требуются и более профессиональные этические экспертизы и консультирование, а, кроме того, нужно, чтобы для лица или организации шанс получить ответ на тревожащий нравственный вопрос был гарантирован.

5. Совершенствовать нравственную жизнь и воспитательную деятельность можно, ощутимо улучшая базисные и надстроечные условия жизни людей. Актуально: устранение разгула запретительства и упоения распорядительностью как стилия управления; снятие наемного характера труда, при котором труженик не чувствует себя хозяином; обеспечение самостоятельности для субъектов социалистического хозяйствования и культуры; существенное обновление советского права (давно, например, назрело обеспечение правового стимулирования и защиты гражданского мужества); расширение и упрочение базы социалистического гуманизма (скажем, введение общественной патронажной службы); стимулирование рождающихся снизу новых полезных форм досуга и общения людей.

Сделать этику органичной частью обществоведения; не увлекаться анализом обязывающей стороны морали в ущерб ее предоставительной стороне; на основе последнего изучить по существу еще не выявленную моральную функцию - специфическое обеспечение социального статуса личности; глубже раскрыть человеческое достоинство как важнейшую на сегодня категорию морали; исследовать роль морали в выполнении политикой, правом, искусством их функций и, наоборот, - содействовать со стороны политики, права, искусства в осуществлении моралью ее социального предназначения.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРЕСС И НРАВСТВЕННОСТЬ

1. Не меньше, чем экономика, политика, искусство, нравственность деформирована административно-бюрократическим руководством сверху и ее проявлениями - политизацией общественной жизни и сознания, абсолютизацией классового в ущерб общечеловеческому, подменой естественного саморазвития организованной директивностью, неспособностью понимать человека с его реальными потребностями и т. д.

Администрирование все еще проявляется и в том, что воспитание превращают в воздействие, идеологическую обработку, внушение и унификацию, понимают как недопустимость критичности в отношении к платформе «воспитателей», как оправдание насилия над свободой выбора. Такое «воспитание» напоминает скорее прокрустово ложе и приводит к безличностной инертности, раболепию, исполнительности, неспособности к самостоятельному ответственному выбору, к автономности и суверенитету личности, столь необходимому в нравственности.

Если сегодня и не продолжается прямой заказ на механическую исполнительность, то на практике часто перечеркивается необходимость творческой инициативности, честной, откровенной самостоятельности. Проблески заказа на творчество причудливо сосуществуют с ожиданием сильной власти и тонут в море продолжающихся запретов и отказов в самостоятельности.

Непрекращающееся воспроизводство механического человека, в свою очередь, поддерживает и стимулирует функциональность административно-бюрократической системы.

Административное воздействие культивирует морально-политический догматизм, приводящий к обратной реакции, когда порою отклонение от нормы кажется намного привлекательнее следованию ей, а ассоциативность превращается в своего рода протест против существующего порядка, особенно признанный в подростковой среде.

Последствием административности является и феномен советского «маленького человека» с его сильно уменьшенным чувством достоинства, с отсутствием веры в возможность что-либо изменить или хотя бы самозащититься. Такой человек живет в атмосфере постоянной массовой конкуренции в повседневной жизни, в условиях дефицита, что вызывает агрессивность, раздраженность, недоверие к другому - вместо доброжелательности, приветливости и других проявлений добра.

Нравственность несет потери от случайности и периферийности духовности в жизни общества. Постоянный экономический стресс отнимает слишком большую часть продуктивного социального и индивидуального времени и пространства. Пока по воскресеньям и субботам общество будет занято решением нерешенных экономических проблем, вряд ли сможет осуществиться долгожданный скачок в духовном развитии советского человека.

Надежду на выздоровление вселяет расширение сфер общественной активности, особенно среди молодежи, ответственность за экологическое состояние, интерес к истории народа и возрождение исторической памяти, стремление к красоте как ценности (конкурс красоты), деятельность под руководством Фонда культуры и т. д. Все это свидетельствует о естественном многообразии человеческих стремлений вместо односторонней политико-экономической деятельности, обедняющей чело-

веческий потенциал.

2. Голос этики пока мало слышен в гуле перестройки и судить о ее состоянии поэтому трудно. Чувствуются последствия догматической политизации и самоцельных абстрактно-теоретических схоластических конструкций. Не удовлетворяет узость спектра этической проблематики, парализует ее развитие отсутствие индивидуально-личностной методологии в философии вообще и в этике особенно. Не радует беспомощность этиков в понимании личностно-психологических аспектов морали и нравственности. В связи с этим замедляется, мало осуществляется этикой реальная помощь человеку на пути его индивидуального становления, а также включенность в процесс духовного оздоровления и обогащения общества.

Необходимо выявить каналы, по которым поступает административный надзор над личностью, а также производится запрос на бездуховность, функциональность человека как средства (человеческий «фактор»). Важно поддерживать ростки естественного личностного многообразия, самостоятельности и помогать становлению автономной, суверенной нравственной личности.

3. Идеал (не только гносеологический) - социокультурная автономность этики; расширение тематики ее как через доверие к традициям классической этической проблематике, так и через знание современной мировой этической науки; новаторское, непредвзятое осмысление тенденций развития общества и человека.

4. Доверие к потенциальным возможностям человеческого самостановления и саморазвития - источник идей и идеалов, давно подмеченный культурой. Необходимо вырабатывать **рефлекс доверия** к культуре и к человеку.

5. а) Преодолеть бездуховный материализм в этике. Признать и превратить в практическую методологию факт активности сознания: свободное, самостоятельное сознание может влиять на общественное бытие, а не только быть вторичным по отношению к нему.

б) Пересмотреть парадигму односторонней, принудительной ориентации на общественные интересы, часто понятые в пользу целей административно-бюрократической системы и способствующие прагматическому отношению к человеку-средству; признать только такие общественные интересы, которые не препятствуют становлению духовно развитой личности; напомнить долг человека перед самим собой, а не только перед обществом в развитии своих индивидуальных возможностей.

в) Осмысление тенденций развития современных перемен в жизни общества (глобальных и локальных) с точки зрения гуманно-этических ценностей, т. е. ответственности перед поколениями будущего.

Если этике удастся вклиниться в ритм духовной и культурной жизни общества, сам собой осуществится выход ее из состояния самоизоляции, и вопрос о встречном движении окажется искусственным.

6. Как поднять уровень чувствительности человека к своему нравственно-духовному существованию? Созданием более нормальных условий выживания? Реабилитацией общественных ценностей?

Роль этики в этом возможна при условии, если она не продолжит навязывать ответы, не востребованный обществом, и не будет уклоняться от вопросов, задаваемых человеческой жизнью.

ЭТИКА ДОЛЖНА ЗАНОВО ПРИВЫКАТЬ ОБРАЩАТЬСЯ К ЧЕЛОВЕКУ

1. 1. Перестройка катализирует событийность современной культурной жизни, способствует кристаллизации в ней различных позиций, точек зрения и этим, несомненно, обостряет проблему выбора. Один из существенных аспектов последнего связан, в частности, с этицистской или антиэтицистской интерпретацией самой ситуации перестройки. С одной стороны, известна позиция, согласно которой перестройка - это прежде всего нравственное очищение, восстановление подлинных моральных ценностей. С другой, налицо стремление обосновать принципиально неморальный характер основных факторов человеческого самоопределения, ограничить их рамками более «реальных» сфер экономики, права и проч. Вряд ли сегодня может идти речь о каком-либо непротиворечивом объединении упомянутых позиций. Несомненно, однако, что воспитательная деятельность должна больше учитывать существующие реальности человеческого бытия. В том числе и такую реальность, как наличная духовная и нравственная культура.

Долгое время едва ли не каждый поворот в идеологии и политике мог у нас сопровождаться очередным щелчком по этой специфической реальности, очередным принижением ее внутренних закономерностей и критериев в угоду односторонне понимаемой «связи с жизнью». «Традиционную» мораль постепенно вытесняла некая комплексная система идейно-административной регуляции, вырабатывающая собственные методы воздействия и собственные понятия - мифологемы, вроде пресловутой «ответственности», неуклонно «повышающейся» на фоне любых творившихся безобразий. Естественно, это не могло не дискредитировать и не извращать моральное сознание в целом. Отсюда, первой практической задачей в данной области и важнейшей предпосылкой развития этики как науки, повышения ее реальной общественной роли является обеспечение полноценного нестесненного развития духовно-нравственной сферы как таковой, восстановления и обновления ее внутренней структуры. Достигнуть же этого невозможно, пока не преодолена до конца тяга к бюрократической тоталитаризации жизни, пока не изжито укоренившееся недоверие к людям, их свободной инициативе и самостоятельности.

1. 2. Высвобождаемая перестройкой событийность культурной жизни выносит на ее поверхность и ряд явлений, принципиально несовместимых с развитой человеческой нравственностью, - таких, как шовинизм, антисемитизм, национальное чванство. Учась оценивать их по достоинству и преодолевать в условиях гласности, не следует, однако, делать вид, будто все это для нас какая-то новость. Скрытые, замалчиваемые пороки подобного рода еще опаснее явных.

2. Отдавая должное идеологии в оценке успехов социалистического строительства, мы не можем игнорировать идеологический фактор и при анализе практических неудач, сколь бы ни были осязаемы их конкретные исторические причины объективного и субъективного характера. Не секрет, что в системе наших идеологических акцентов проблемы личности, ее ценностей и свобод, ее духовно-нравственного самоопределения изначально находились отнюдь не на переднем плане. Между тем этика остро нуждается в концептуальной основе (философской или иной), дающей целостное современное видение этих проблем. Исходя из идеи принципиального единства мировой философской культуры (при всем разнообразии и борьбе различных ее направлений), невозможно закрывать глаза на усиливающееся отставание этики от реальностей современного человеческого

опыта, все более погружающегося в некую внутренне не осмысленную стихию «говорящего молчания». С этой точки зрения, задачей жизненной значимости для современной этической теории и всего общегуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании является преодоление упомянутой зоны молчания и выработка синтезирующей концепции человека и его места в мире, которая бы соответствовала фактическому уровню и реальной сложности современного опыта (в том числе и познавательного).

3. Исходя из сказанного, социокультурный идеал современного этического знания коротко можно охарактеризовать как знание, не только целостно и глубоко постигающее человеческую реальность, но и органически укорененное в ней, способное выявлять заложенные в ней потенции, катализировать процессы ее поступательного развития. Сочетающее, иными словами, истинность и бытийность. Не подчиняющее бытие некоей умозрительной схеме, а стремящееся вникнуть в его конкретную неповторимость. Фронезис? Да, но на основе современного типа рациональности и целостного осмысления ситуации бытия человека в мире (см.п. 2).

4-5. 1. Для того чтобы этическое просвещение и консультирование обрело практический смысл, необходимо, чтобы собственно этическое «измерение» жизни осознавалось не как область отвлеченных пожеланий, а как насущная реальность, с требованиями которой так или иначе необходимо считаться. А это связано с определенным уровнем общего развития нравственной культуры, с социальной непреложностью вырабатываемых ею критериев и норм. В этом смысле современная ситуация требует от этиков-профессионалов более активного участия в процессах формирования общественного сознания, в культурном общении как таковом. Чтобы быть в этом отношении достаточно эффективной, этика, как и вся наша философия в целом, должна ныне заново привыкать обращаться к человеку - не просто к тем или иным руководящим инстанциям, специалистам, студентам, пропагандистам и проч., а к непосредственному субъекту морального выбора, нуждающемуся в этическом осмыслении собственной ситуации в мире. Но такая «переадресовка» не может быть формальной, она предполагает некоторые изменения самого типа интеллектуальной деятельности, благоприятствующие, в частности, постановке и решению задач индивидуального этического консультирования.

4-5. 2. Не только перестройка сама по себе, но и вся целостность «обстояния» человека в современном мире резко усиливает значение морального выбора. В то же время нравственная культура, призванная этот выбор обосновывать, ныне в значительной мере атомизирована, многие ее существенные связи и сложности выпадают из поля современного сознания. Из этого прежде всего вытекает необходимость этического просвещения в широком смысле слова: экспликации упомянутых неосознаваемых компонентов нравственности, а также выявления актуального нравственного содержания, заключенного в реалиях истории и культуры, в своеобразии внутренней жизни самого человеческого субъекта. Естественно, что заменить в этом профессиональных этиков никто не сможет. Вполне представимы и такие социально значимые ситуации выбора, в которых могла бы сыграть конструктивную роль особая этическая экспертиза. Следует также подчеркнуть: экспертиза с участием специалистов-этиков, владеющих к тому же предметными знаниями, необходимыми для адекватной этической интерпретации существа рассматриваемых проблем.

4-5. 3. Еще одно не очень веселое соображение относительно возможностей совершенствования современной нравственной жизни. Внешнее зло, как известно, обладает способностью прилипнуть к человеческой душе, которая слишком долго в

него погружена. Страшные обстоятельства XX в. с его войнами, голодом, террором, концлагерями и угрозой всемирного уничтожения сформировали поколения людей, для которых более или менее безотчетное убеждение в несокрушимости мирового зла стало глубинной основой всей их внутренней жизни. Такое убеждение оставляет простор для морального выбора - потворствовать ли этому злу или сопротивляться ему до последней капли крови и последней вспышки сознания. Тем не менее само по себе оно - несомненная реальность нравственного опыта, реальность, которая не может быть перечеркнута, а может быть только изжита. Если дела в нашей стране и во всем мире действительно пойдут в лучшем направлении, рано или поздно, быть может, сложится иной настрой нравственной жизни в целом. Пока же одной из жизненных функций практической этики остается - будоражить общественную совесть, вскрывать близкое присутствие зла и звать на борьбу с ним. Важно только видеть это зло там, где оно действительно имеет место.

Для развития этики сегодня первостепенно: осмысление нравственности в ее «внутреннем» аспекте - как жизни души и как способа духовной ориентации в мире; анализ культурно-мировоззренческого содержания категорий нравственного сознания, построение культурной онтологии нравственности.

И. Р. Мамед-Заде

О БЕЗРАЗЛИЧИИ ЭТИКИ К ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕКА К ЭТИКЕ

1. Важнейшей «болевым точкой» современной нравственности и воспитательной деятельности является разрыв между официально декларируемой общественной нравственностью и индивидуальной моралью. И если ранее индивид в силу различных причин (зачастую внешнего свойства) пытался «сократить» с помощью самоотречения, отказа от личностных особенностей этот разрыв, то ныне он стал спокойнее, безразличнее. Тем более, что индивид уже выработал ряд позиций в зависимости от своих социально-личностных характеристик, позволяющих ему безболезненно переносить данный разрыв.

Возникает вопрос, какой выбор стоит перед перестройкой: то ли продолжать в муках отстаивать идеал, который парит в облаках, то ли выстраивать свою нравственную жизнь в соответствии с идеалом, вытекающим из нее. И тогда нравственным будет все то, что, лишь удовлетворяя индивидуальным интересам, будет служить удовлетворению общественных потребностей. Конечно, перестройка обязана выбрать второе решение, хотя это не означает, что исчезнут проблемы, конфликты морального плана, но появится наконец-то возможность их разрешать на деле, а не на бумаге.

2. Казалось бы, этика должна суметь помочь этому выбору, так как она соотносится и с общественной нравственностью, и с индивидуальной моралью (каждый этик - это еще и личность со своими думами, предпочтениями, опытом и т. п.). Но бюрократизация всей общественной жизни отразилась и на труде этиков и привела к тому, что наука о морали превратилась в придаток декларированной нравственности (несомненно, в ней встречались интересные работы, но они зачастую имели мало общего с реальной нравственной жизнью, а по существу были безразличны к ней). Поэтому до сих пор люди интересуются не работами

этиков (их анализом социальной и нравственной действительности), а воспоминаниями и произведениями писателей, публицистов, имеющих ярко выраженный личностный характер. Отсюда и «болевая точка» для этики, выразившаяся в том, что она несет собой «общую» информацию для абстрактного, несуществующего человека. Такая этика вполне удовлетворяла идеологию застойных лет, она не будила мысль. Наверное, поэтому в ней не получили должного развития направления психологии морали, социологии морали (привнесение их в этику необходимо не для того, чтобы подтвердить «сверху» спущенные выводы, а для того, чтобы только на основе данных делать выводы). «Точка роста» в такой ситуации, собственно, одна: заинтересовать с помощью этики человека в своих нравственных проблемах, обратить его вглубь себя, помочь ему осмыслить свое «Я». Этот путь в нашей ситуации обязательно приведет нас к решительному рассмотрению «общих» проблем истории, политики и вынесению им нравственного диагноза. Но можно начать и с разрушения иллюзий прошлых лет: эгалитаризма, авторитарного стиля управления, бюрократизма, превращения человека в икону и т. п. Занявшись разрушением иллюзий, этика обязательно придет к человеку, так как этим она может заниматься только для него.

3. Необходимо отказаться от монополии на истину, утвердить дискуссионность в анализе проблем. Но достигнуть этих целей возможно, лишь разрушив бюрократическую систему организации любой науки (и этики в частности). Проще говоря, нас спасет не Сократ, а организация любой отрасли человеческой жизнедеятельности таким образом, чтобы выявить лучшего и соответственно оплатить его труд. Бюрократическая же система безразлична к конкретному труду и способствует «обезличке» работника. Значение имеет не его труд, а его статус. И, конечно, бюрократическая система будет производить, обладать монополией на истину, пока она существует. Она не может сосуществовать с творчеством.

4. Ответ на этот вопрос содержится, по существу, в каждом из первых трех ответов, хотелось бы добавить лишь следующее, а именно: если имеется этика, оторванная от практики, то, наверняка, имеется альтернативная ей этика, исходящая из практики, служащая ей. Задача в том, чтобы выявить «ареал ее существования». Оторванность же той этики, которую мы представляем, от практики заключается в ее безразличии к человеку, его моральному выбору. Она рассматривает человека как средство для манипулирования, хотя должна была бы стать средством для реализации внутренних потенций человека. Вопрос же о повышении «наукоемкости» практики нам кажется спекулятивным, так как повысить его можно не с помощью этики, а за счет социально-экономических, политических реформ, проще говоря, улучшения качества жизни, когда объектом морального выбора личности становится больше сфер.

В последнее время этики возлагают большие надежды в гуманизации общественной жизни на этику, ее экспертизу политической, хозяйственной сферы и т. п. На наш взгляд, у этики имеются возможности в гуманизации общественной жизни, но для этого она должна свои усилия направить, подчинить выявлению личностных особенностей человека, осмыслить феномен личного интереса в нашем обществе, утверждать право человека на творчество в морали, перестать рассматривать человека как объект манипуляции.

5. Для совершенствования нравственной жизни, а правильнее сказать, для ее нормализации, необходимо всецело демократизировать наше общество, провести «до конца» экономическую реформу, помня, что, по К. Марксу, равенство при социализме состоит в том, что измерение производится равной мерой - трудом (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 19). А во всем ос-

тальном это общество неравных, а поэтому экономическая реформа должна пойти по пути реализации этой меры между равенством и неравенством. Однако, мы должны представить себе и главную трудность настоящего момента: она в том, что неполная демократизация, скорее всего, приведет к проявлению эгалитарных иллюзий в экономической реформе, т. е. сведет ее на нет. А бюрократический аппарат будет стремиться, скорее всего, к неполной демократизации.

При сохранении большей частью «старых» принципов организации труда все проекты этиков, прогнозы будут несколько утопичны (недаром единомышленников можно найти лишь среди этиков всей страны, но никак уж не в конкретном коллективе, где трудишься). Но цель любого проекта должна заключаться в стремлении «понять» человека, его внутренний мир и выбор. Любая иная цель ведет к прежнему «нормотворчеству» и утопична сверх меры.

6. При том дефиците доверия и милосердия, который образовался в нашем обществе, можно ли ожидать, что этика окажется выше своего общества? А ведь «понять» человека означает уменьшить дефицит доверия и милосердия. Но для того, чтобы исследователь оказался способным реализовать данную цель, он должен совершить творческий, нравственный подвиг, оказаться способным на самоотречение.

В. Н. Назаров

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ЭТИКИ - В ЕЕ НЕПРАКТИЧНОСТИ

2-3-4. Сегодня мы много говорим о практической отдаче этики, о необходимости ее связи с жизнью. Но в чем практическая ценность этики? Не претендуя на парадокс, можно сказать: в ее непрактичности. Наша вера в этику, несмотря на все разочарования, приносимые ею современному обществу, питается именно этой «непрактичностью». Этика должна оставлять нам надежду, что ее ценности и идеи не могут быть подвержены девальвации, несмотря на какие угодно потрясения, разочарования и провалы, что ее «золотой запас» не может быть целиком разменян на злобу дня.

От этики нам нужны не столько советы, рецепты, рекомендации к поведению и воспитанию, сколько убежденность в торжестве «вечных истин» жизни.

Когда-то Достоевский писал: «Тем-то и сильна великая нравственная мысль, тем-то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их в будущее, к целям вековым, к радости абсолютной». Эти слова можно вполне рассматривать в качестве практического масштаба этики. В этом смысле наиболее практична, реальна, конкретна такая этика, которая воплощает в себе идеи наименее практические и реальные с точки зрения современных потребностей и злобы дня. Например, идея бессмертия человечества у Достоевского, идея «воскрешения отцов» у Федорова, идея космического будущего земной цивилизации у Циолковского, идея ноосферы у Вернадского и т. д.

Главное - найти точку приложения этих идей к живому человеку, сделать их стимулом повседневной жизни и поведения, какими они являлись в сознании и жизни их творцов. Но это зависит уже не от этики, а от других механизмов культуры, прежде всего, искусства (а в наш век и средств массовой информации). Совесть этики в том, чтобы хранить эти идеи в чистоте, не раз-

бавляя их идеалами массовой культуры. Этика - это та самая грань, которая разделяет вечность и современность, не позволяя им смешиваться в один временной ряд. **Этика - это защита наших идеалов от несвоевременного воплощения.**

На первый взгляд может показаться, что нравственные трудности, переживаемые нашим обществом в 70-ые годы, были обусловлены оторванностью наших нравственных принципов и идеалов от жизни. Моральные принципы как будто оказались слишком возвышенны и устремлены в будущее, а оттого и абстрактны, что и явилось одной из причин разрыва слова и дела, формализма, безжизненности, морализирования нашей этики.

Но, как нам кажется, дело как раз в обратном: а именно, в отсутствии нравственных идей, которые действительно вознеслись бы «над грешной землей», которые бы оказались недоступными никакой социальной стагнации.

Мы стали жертвами скорее прагматизма и эмпиризма, чем абстрактного идеализма в этике. Нам не хватило практичности, необходимой оторванности от текущей жизни.

Отношения этики с жизнью чрезвычайно сложны и опосредованы. Чем ближе этика к нравственной жизни, тем она парадоксальнее - и в силу противоречивости самой жизни, и вследствие антиномичности морального сознания, отражающего эту жизнь.

Моральный парадокс представляется нам подчас игрой ума, тупиком морального сознания, преддверием имморализма. Опыт парадоксальной этики в лице Тертуллиана (с его известной формулой: «не стыдно, ибо слишком стыдно»), Паскаля, Достоевского, Ницше, Киркегора, Бердяева нередко ассоциируется у нас с чем-то вроде моральной дьяволиады. Но интересно то, что по уровню парадоксальности ни одна из этих этик не может конкурировать с нравственной народной мудростью, воплотившейся в фольклоре, в пословицах и поговорках народов мира.

Этика народной мудрости может служить не только образцом практической этики жизни, но и лучшим примером того, что любая подлинно практическая, конкретная этика не может быть выражена иначе, чем через **систему парадоксов**. И противодействие от имморализма здесь может быть только одно - существование высоких, непрактичных нравственных идей в культуре, в сознании личности. Именно благодаря этому Достоевский является для нас не парадоксалистом и имморалистом, а великим нравственным художником, созидающим этический идеал.

Социокультурный идеал современной этики - это система парадоксов в рамках «вечных» нравственных истин.

Этика традиционно пребывала в двойственном отношении к нравственной жизни. С одной стороны, она ставила своей задачей охватить нравственность в целом, но с другой - объективно сама являлась всего лишь фрагментом нравственной жизни своего времени. И в этом смысле по самой своей сути она оказалась несоразмерной морали, ибо рассматривала ее целостность не в реальном, а в теоретическом плане. Реальная нравственная жизнь как предмет этики незаметно подменилась моралью как понятием абстрактной целостности нравственной жизни. Осиротевшая нравственная жизнь нашла приют в самых различных сферах культуры: в искусстве, религии, моральной публицистике, эссеистике, афористике и т. д. Этнография приютила нравы, психология - нравственные чувства и мотивы поступков, художественная литература - искания смысла жизни и счастья, педагогика - реальности нравственного воспитания, история культуры - связь моральных идей с духовностью эпохи. Реальные границы этики таяли с возникновением новых социокультурных потребностей, словно шагреновая кожа. В конечном итоге этика

оказалась «наукой о морали в целом», освободившись от реальных нравственных частных.

В такой ситуации этика может выжить, только перестав быть этикой, влившись в **метанравственность**, то есть такое духовное образование, которое должно отразить и выразить в себе реальность нравственной жизни в целом. Метанравственность призвана воплотить в себе глубину и точность психологических знаний, эмоциональность и духовную целостность искусства, нравственную конкретность этнокультуры, педагогическую экспериментальность.

Для того, чтобы решить эту задачу, нравственность должна осмыслить себя в понятии единой всемирной нравственной мысли, пульсирующей во всех без исключения сферах культуры, на языке всех возможных жанров. Она должна сфокусировать себя в некой ЭНЦИКЛОПЕДИИ ВСЕМИРНОЙ НРАВСТВЕННОЙ МУДРОСТИ перед прыжком в метанравственность.

Эта энциклопедия, возможно, явится компендиумом духовной культуры вообще, где перед нами раскроются поражающие воображение связи между этикой Аристотеля и теорией относительности Эйнштейна, где нравственность предстанет не как отражение духа и даже не как художественный образ поразительной жизненной яркости, а как чья-то конкретная судьба, торжество и трагедия чьей-то жизни и смерти. Тогда мы поймем нравственность внутри, причем, не только изнутри самого себя, отдельной личности, а изнутри всего человечества как единого целого.

6. Возможно ли возрождение устной этической традиции?

Все мы хорошо знаем, что Сократ отказался от выражения своих моральных идей в письменной форме. Каноны письменного слова отбросили также такие идеологи и реформаторы морали, как Будда, Конфуций, Христос, Эпиктет. Ясно, что это была принципиальная позиция. В ней, возможно, выразилось стремление слиться с устной народной (фольклорной) моральной традицией, ибо только таким путем можно было сделать моральное учение всеобщим, народным, живым и элементарным.

Предложив свой канон нравственного письма, Аристотель вовсе не претендовал на создание этики жизни. Он дал всего лишь реферативно-обзорный метаэтический комментарий. Но европейская этика посчитала это образцом научного подхода к морали и, придерживаясь письменной псевдоморальной традиции Аристотеля, придала словам и понятиям морали онтологический статус (что невозможно в условиях функционирования устного слова). Именно эту традицию имел в виду А. Швейцер, когда писал, что «истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами».

Известный круг моральных недугов, столь близких нашему современнику (разрыв слова и дела, лицемерие, формализм, абстрактность), в значительной мере обусловлен этой этической традицией.

Сегодня много говорится о том, что мы переживаем время Сократов. И если это действительно так, то, может быть, этики найдут в себе силы отречься от письменного слова, общими усилиями возродить устную этическую традицию в форме бесед, проповедей, сказаний, живого общения на площадях.

Апофеоз этики - когда ее пишут не сами этики, когда она записывается кем-то с их слов. Этика будущего - это этика устного творчества.

ТРЕБОВАНИЯ ВЕЛИКИ

1. В развитии нравственного кризиса, которым охвачено наше общество, по-видимому, наступает новая фаза. Вначале никто не отдавал себе по-настоящему отчета в том, насколько глубоко вошла в наш общественный организм и в наши личности нравственная порча. Наблюдая ее многочисленные симптомы, мы еще не воспринимали ее во всей ее силе, во всем значении. Затем пораженность общественного организма стала уясняться все полнее, раскрывая и тот существенный момент, что каждый из нас также задет и весьма задет ею. Но перед ее лицом какое-то время в нас преобладали ошеломленность, растерянность, оцепенелость. Мы не знали, что делать, что предпринимать. Не все - далеко не все - уяснено и сейчас. У нас в обществе еще не хватает мужества тотально пересмотреть нравственные оценки всего, что есть, что было. Но многое все же уже переоценено. И растерянность начинает проходить. Для общественных сил наступает время размежевания, консолидации позиций и овладения нравственной ситуацией, для каждого сознательного человека - время самоопределения и перехода к активности, время ответственного морального выбора: помогать ли по мере сил обновлению общества или всячески задерживать его? или просто выжидать в сторонке? накапливать ли в себе готовность идти в интересах дела даже на какие-то личные жертвы? или, заботясь только о себе, поворачиваться спиной ко всему остальному? В нравственное сознание людей входит понимание того, что ожидать счастливых перемен, которые бы пришли сами собой или которые бы нам подарил кто-то другой, - этого мало. Надо действовать. Каждому. Понуждая себя к инициативе, находя точки и способы ее приложения. XIX партконференция должна еще более прояснить это для каждого.

2. В советской этической мысли происходит расшатывание догматических представлений. Этот процесс надо считать положительным в той мере, в какой он ведет к оживлению и усилению действительно творческой мысли. Но идущий процесс сопровождается и отрицательными, деструктивными тенденциями. Они оборачиваются, как мне кажется, прежде всего, «незаметным» размывом марксистских оснований нашей этической мысли, фактическим противопоставлением марксизму в этике «народной этики», «народной морали», отчасти даже религиозных нравственно-этических идей. Понятное внимание к общечеловеческим аспектам морали нередко перерастает в умаление ее классовых аспектов. Еще совершенно недостаточно осознается необходимость этико-эмпирических исследований, конкретно-научного изучения нравственных состояний и процессов в различных классах, слоях, группах, коллективах общества. Тем, кто занимается этикой, представляется, что всем этим пусть озабочивается кто-то другой, «чужой дядя», если это ему нужно, а не они, рожденные, по-видимому, «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Новации в нашей этике разворачиваются главным образом как выдвижение более или менее абстрактных «генеральных» идей, концептов и как субъективное манипулирование этической терминологией. До серьезных прорывов к тому, что нам действительно необходимо в этической науке, пока что еще не доходит, хотя она и приходит в движение, от которого можно ожидать благих итогов.

3. Об «эталонах» и «идеалах» этического знания, как они мне рисуются, сказано в ответах на первую «самотлорскую» анкету. Здесь подчеркну лишь, что необходимость выхода этики в практику стала до чрезвычайности острой и напряженной. Дело

чести для этической науки искать пути к практике и на деле двинуться навстречу общественным нуждам.

4. Потенциал нашей этической науки, который уже теперь мог бы принести новую пользу практике, мне представляется мизерным, крохотным. Его надо инициативно и планомерно (где плановое начало или хотя бы координативный центр в нашей этике?) создавать, наращивать, нарабатывать. Готова ли наша этическая общественность выступать в роли квалифицированных, подлинно научных экспертов и консультантов в тех ситуациях морального выбора, в которые попадают личности, коллективы, учреждения? Не думаю. Но это не значит, на мой взгляд, что и не надо этическим кадрам готовить себя к такой функции, к такой, чтобы было приятнее на слух, миссии. Надо. Надо учиться. Но выход этики к практике возможен отнюдь не только на таком пути. Крайне нужна разработка теории («теории для практики»), критериев, методов нравственного воспитания - для воспитательно-образовательных учреждений, для семьи, для трудовых коллективов и общественных организаций и в целом. Нужны умелые обращения к людям как к личностям с мыслями о нравственном самовоспитании. Этика должна находить пути к сердцам человеческим. Она не должна ограничиваться задачами лишь познания нравственной жизни. Этическое познание должно переплавляться в этическую мудрость, которая должна уметь прийти к людям и обогатить их. Здесь есть проблема соединения этики с публицистикой и, может быть, даже с художественной литературой. Но это проблема невыдуманная. Без ее разрешения этика вряд ли сумеет помочь людям в их внутриличностном постижении значения нравственных ценностей и овладении этими ценностями, в приобщении к высокому смыслу жизни. Тут нужно не только быть на уровне действительной науки, но и уметь говорить душевно, с любовью к человеку, исповедально. Не подумать ли тем, кто посвятил себя этике, труду на этическом поприще, о контактах, творческих союзах с писателями?

5. Некоторые конкретные предложения в отношении развития этики, с ее выходом к практике, также уже были высказаны мною в ответах на первую «самотлорскую» анкету. Добавить хотел бы разве что следующее. Мы не поправим дела с нравственным оздоровлением молодежи до тех пор, покуда не дадим ей возможности производительного труда и материального самообеспечения с детского возраста - как это предусматривали Маркс, Энгельс, Ленин, а позже Макаренко. Нужно больше предоставлять молодежи, подросткам и самостоятельности, а также ответственности. Нельзя научиться самостоятельности и ответственности без собственного опыта в том и другом. Такой опыт отвечает естественной внутренней потребности формирующейся личности. И подрастающим нужны их собственные коллективы - не формальные, а живые, жизненные. Во всем этом мне не известно ничего более убедительного и более серьезного, чем система Макаренко. Когда же наконец, она будет по-настоящему, без ревности и недальновидного критицизма, осмыслена и принята за руководство в практической постановке всей воспитательной, т. е. и нравственно-воспитательной, деятельности? Без ее догматизации, конечно.

6. Найдем ли мы в себе силы, чтобы сделать, не откладывая до греческих календ, все то, что нам надлежит сделать? Пока что эти силы не отмобилизованы. И не видится еще инициативного центра, который бы начал всерьез решать такую задачу. Нам всем и каждому нужно очень стараться выйти на уровень требований к нам. А требования велики.

ПЕРЕХОДНОМУ ПЕРИОДУ - ЭТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ

1. Перспектива этического развития: формирование нового самосознания разных социальных групп в условиях экономической и идеологической многоукладности. «Болевая точка» - отношения между ними. Проблема «проигравших» в состязаниях, новых источников «дна».

Коммерциализация трудовых отношений, надо полагать, значительно усилит дифференциацию общества. Одновременно основанием для дифференциации будет и духовное, психологическое разнообразие. Эти оба основания не будут совпадать, они будут накладываться одна на другое. Образование, например, групп сознания - в существенном отрыве от экономических факторов, что уже происходит сейчас, вызовет к жизни новые формы группового самосознания в различных слоях и категориях населения и усилит состязательность в их взаимодействии. Сам по себе механизм состязательности означает столкновение и конфликт, а открытый конфликт является нормой демократии и станет привычным, возможно его превращение в конструктивный.

В этих условиях необходимость нового самоопределения общества как целого становится очевидным, поскольку разнообразие и непредсказуемость социальных процессов и взаимодействий делает необычной саму общественную ситуацию. Процесс адаптации к ней вызовет болезненные реакции у некоторых категорий. Необходимо готовить массовое сознание к нравственному выбору, особенно в переходный период.

Следует обратить внимание, что уже сейчас появляется особая разновидность перестроечной морали. Ее особенность состоит, на мой взгляд, в допущении тех нравственных норм, которые в развитом, ставшем, стабильном обществе не могут быть приняты в таком виде. Например, в одной из статей Николая Шмелева приводится лозунг, им выдвигаемый: «нравственно то, что эффективно». Но даже и обратная формула: «Все, что эффективно - нравственно» - тоже относится к категории переходных вариантов морали, поскольку совершенно очевидно, что не все, что эффективно с точки зрения рационально-экономической, может быть оправдано с точки зрения морали. Например, применение экономической жестокости по отношению к конкурентам, вытеснение таким образом людей с верхних эшелонов благосостояния на нижние, а также вытеснение их на дно с точки зрения экономической целесообразности, а именно ее имел в виду Шмелев, именно ее, это безусловно, эффективно, но с точки зрения морали это предосудительно во все времена.

Для переходных периодов следует признать возможным функционирование некоей экстремистской или промежуточной морали, поскольку необходимость перенастройки общественного сознания, возможно, требует необычно сильных воздействий. Например, Гавриилом Поповым выдвигается вариант, который предлагает ввести общество в некий экономический шок, т. е. осуществить радикальнейшие преобразования разовым, мгновенным образом по принципу: надо «бросить» предприятия, коллективы «в воду» - тот, кто «выплывет», окажется перспективным. Это как бы перекликается с идеей «пусть плачет слабый». Безусловно, что эти варианты не могут быть обвинены в безнравственности как таковой, но ясно также, что ультраэкономизм, распространяющийся сейчас, в переходный период, не отслеживает социальных последствий перемен, я об этом писал в ста-

тье в «Правде» от 13 мая.

Таким образом, ультраэкономизм исходит из того, что именно «болевые точки» и станут «точками роста», рассчитывает на их совпадение. Нельзя отказать им в справедливости, однако же этическая проработка переходных процессов по мере их продвижения становится все более необходимой, острой, здесь по-видимому требуется некоторая большая толерантность этических представлений к особенностям переходных механизмов, требуется, безусловно, понимание причин возникновения такого рода лозунгов. Осуществление этического мониторинга за этими процессами, можно даже сказать, этического контроля, может ослабить негативные последствия некоторых ультраэкономических тезисов и таким образом их уменьшить, не предотвратив совсем те человеческие, социальные потери, которые будут неизбежны.

2-3. Современное знание о морали и воспитании оказалось перед лицом беспрецедентного до сих пор вызова отечественной истории, который состоит в том, что общество, как никогда, в переломный момент нуждается в этической диагностике его морально-нравственного состояния. Здесь необходим выход этических знаний из узкодисциплинарных границ на союз с социальной психологией, социологией, с теорией права и криминалистикой. Что здесь я имею в виду? Наше общество было воспитано в условиях страха, насилия, пренебрежения личностью, и это не могло не сказаться на повседневных отношениях, характеризующихся значительной степенью взаимной ожесточенности. Кроме факторов, о которых я говорил выше, ведущих к взаимной ожесточенности, следует также упомянуть формирование «человека очередей», для которого характерно, с одной стороны, восприятие своего повседневного унижения как скорее явления природы, мало зависящего от органов управления, от органов власти, а с другой стороны, агрессивность и озлобленность по отношению к ближнему, к соседу по этой очереди. И сами по себе колоссальные, неизвестные ни одной развитой стране в мирное время затраты жизненных сил на пребывание в очередях, на превращение этого пребывания в образ жизни нашего человека само по себе извратило его нравственный облик, и степень взаимной чувствительности сильно понизилась, а степень взаимной ожесточенности необычайно возросла.

В этих условиях ясна опасность морализаторства со стороны этической пропаганды, да и самой науки, а таким морализаторством, т. е. насаждением норм, не соответствующих объективным условиям пребывания человека, этика злоупотребляла многократно. Смысл этической диагностики состоит в том, чтобы давать этическое обоснование мерам, которые принимает социальное управление, к решениям, которые готовятся по поводу регулирования социальных отношений. Что имеется в виду? Например, некоторые ограничения, запреты, законы на извращенную, перерожденную в нравственном смысле среду, прежде всего повседневность, некоторые такого рода отношения, решения могут оказаться несостоятельными или даже усугубить ситуацию. Например, «ранее перестроечный» призыв бороться с нетрудовыми доходами лег на очень благоприятную почву и вызвал взаимное доноительство, зависть и борьбу между людьми, и только ужесточил нравственные потери, которые и без того были ощутимы. В этих условиях расчет - по западному образцу - на развитие честной коммерции, которая действительно характерна для многих развитых капиталистических стран, оказывается несостоятельным, ненадежным именно потому, что такого рода взаимное ожесточение сразу наводит коммерсанта на мысль о возможности получения дохода прежде всего за счет эксплуатации своего потребления, через нанесение ему ущерба. Война всех против всех, каждого против всех - это гипертрофированная, конечно, но по аналогии работающая формула для оценки современного состояния. Поэтому социально-этическая ди-

агностика может дать основания для предупреждения (или, наоборот, поощрения) некоторых мер, которые в будущем планируются. Однако, такого рода диагностика делается методом, так сказать, социального понимания, а не научного объяснения. Это не является результатом исследования и поэтому хотя оно может выглядеть очевидным, но точность его невелика. Поэтому сейчас союз этики, социальной психологии, криминалистики, права, социологии может быть особенно необходим.

Место этики в нравственном поиске нашего времени связываю и с отстаиванием и развитием позиции индивидуалитета. Индивидуализация - стратегия этической политики. Задача - преодоление синкретического состояния общественной морали, стереотипа, в котором принадлежность личности социальному целому - одобряемое поведение, а активность, нестандартность - осуждаемое.

Особое направление в развитии этики - формирование инновационного этоса, поиск путей перехода к нему.

4. Я уже ответил положительно на вопрос о возможности и целесообразности этического консультирования и экспертизы выше, а предложения о сотрудничестве специалистов по управленческому консультированию с этиками высказал участникам «Самотлорского практикума-1» во время «телефонного моста».

5. Нет сомнения, что в переходные периоды особенно возрастает роль общественных идеалов. Надо сказать, что авангардная роль РСДРП и РКП (б), выразившаяся в лидерстве в революции и гражданской войне, основывалась прежде всего на том, что партия выдвинула привлекательные для масс идеалы, которые формулировались в социалистических и коммунистических терминах, но, правда, приобрели в массовом сознании и религиозную интерпретацию (выражение «светлое царство социализма» именно как «светлое царство», почти по аналогии с потусторонним миром, с царством Божиим, но только на земле). Тезис Маркса о том, что идеи, завладевшие массами, могут стать материальной силой, как раз и реализовался тогда. Но постепенно эта авангардная роль была в основном утеряна, и партия перешла от авангардной роли к руководящей, т. е. к прямому управлению обществом, рассчитывая на живучесть прежних идеалов. Однако постепенно исчерпывалась их привлекательность, они устаревали, и сейчас массовое сознание оказалось открытым для самых необычных вариантов. Эти пустоты в общественной морали может заполнить не только религиозная мораль, которая сейчас не является чем-то антагонистическим по отношению к новым ценностям партийной, коммунистической идеологии; но общественное сознание и поведение оказались открытыми и особенно доступными и даже падкими на крайние, радикалистские и опасные для общества ценностные ориентации. Успех так называемых «черномаечников» в этом отношении очень показателен. Поэтому выдвижение общественного идеала является в такой же степени функцией интеллигенции, в какой это было важно в понимании Маркса как привнесение социалистического сознания в рабочее движение, ибо последнее не в состоянии само выработать это сознание.

Общественный идеал невозможно сочинить, его можно вывести из многолетних чаяний народа, и я полагаю, что такого рода общественный идеал сегодня должен обладать признаком и поколенности в том смысле, что при всей преемственности и дальнорочности идеалов каждое поколение должно вырабатывать какие-то нравственные ориентиры для себя, которые могут быть эффективными, могут быть действенными именно в условиях жизни этого поколения и прежде всего работать на жизненные цели каждого поколения. Думаю, что если бы мы предприняли такую работу, не исключено, что таким общественным нравственным идеалом нашего поколения (под поколением я не имею в виду четкие демографические границы - это референтная

группа, отнесенность себя к какому-либо поколению, что обычно связывают с такими понятиями, как «поколение XX-го съезда», «поколение шестидесятых» и т. д.) будет достоинство человека. Это должно стать главным призванием этической науки и практики сегодня - работа на такой общественной идеал.

6. Массовая социальная рефлексия через этическое экранирование была бы очень полезной для общества. Здесь возможны и исследования через опросы, а возможны и исследования через ситуации. Так, в разных странах предпринимается имитация аварии на оживленных перекрестках с имитацией жертв, с оценкой реакции проезжающих автолюбителей, шоферов на зрелище жертв. Потом производится демонстрация всего этого по телевидению или оценка специалистами и т. д. Можно предполагать, что в разных районах нашей страны такая чувствительность к боли ближнего будет разной, видимо, будет дифференциация и по социальным слоям, не только по регионам. Через массовое самоприсутствие это будет способствовать оздоровлению и развитию нравственного самосознания народа.

В. Роговин

НА ПУТЯХ ВОЗРОЖДЕНИЯ АТМОСФЕРЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ЭНТУЗИАЗМА

1. Дискуссии последних лет обнаружили, что никто из спорящих не выступает против перестройки, все диспутанты примерно в одинаковой степени ощущают нетерпимость обстановки застоя, его неблагоприятные моральные последствия. Однако в вопросах о направлении, по которому должна идти перестройка, в вопросах о том, к какому качественно новому состоянию должно двигаться наше общество, ощущаются весьма серьезные разногласия. Нынешний этап перестройки ставит нас в ситуацию экономического, социального, политического и, в не меньшей степени, морального выбора.

Определившаяся в последние годы конфигурация двух противоположных идеологических направлений - идеологии социальной справедливости и идеологии «обогащенчества» - вплотную связана с противоположным решением вопроса о социально-нравственных ценностях. В выступлениях представителей второго течения подвергаются осмеянию такие фундаментальные ценности социализма, как социальная справедливость, коллективизм, трудовой энтузиазм, увлеченность своим трудом безотносительно к размерам его материального вознаграждения и в противовес им выдвигается ставка на рубль как на единственно действенный стимул трудовой активности.

Бездуховность и аморализм, пустившие глубокие корни в общественных нравах, можно преодолеть на путях возрождения характерной для революционного авангарда 20-х годов атмосферы практического энтузиазма. А такая атмосфера возникает в значительных слоях населения тогда, когда существующие общественные отношения воспринимаются как выражение социальной справедливости или по крайней мере как движение к социальной справедливости. Обратная ситуация - процветание «деловых скорпионих, живущих поблизости льгот» (А. Вознесенский), при обделенности насущными жизненными благами основной массы населения, как показал исторический опыт, рождает социальную апатию или цинизм, попытки «восстановления» социальной справедливости через практику извлечения нетрудовых доходов.

Для осознания современной ситуации морального выбора важное значение имеет правильное восприятие исторических уроков. В условиях сталинизма одним из главных регуляторов социального поведения был страх перед суровым наказанием за малейший дисциплинарный проступок, служебную оплошность и т. д. Это было обусловлено не только действием чрезвычайно свирепого уголовного законодательства, предусматривавшего тяжкую кару за производственный брак, невыход и опоздание на работу, даже незначительные хищения общественной собственности и т. д., но и тем, что служебные ошибки, срывы и т. д. легко могли быть интерпретированы как враждебный умысел, в силу чего они переводились в разряд политических преступлений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Любой руководитель чувствовал, что аварии и другие неполадки на производстве могут быть вменены ему в вину как сознательное вредительство. Ликвидация массового судебного и внесудебного произвола, сопровождаемая отменой неоправданно жестоких законов, существенно оздоровила нравственную атмосферу нашего общества. Однако, в дальнейшем не была найдена должная мера в сочетании гуманности государства к своим гражданам и нетерпимости к тем, кто злонамеренными, своекорыстными действиями наносит обществу систематический экономический, социальный и моральный ущерб. Неправомысленная мягкость закона к так называемым «несунам», отсутствие правовых норм, предусматривающих наказание за протекционизм и другие формы коррупции («блат» и т. п.), сугубая выборность уголовных репрессий за экономические преступления породила в сознании определенной части населения ощущение вседозволенности, а у другой части - тоску по «сильной руке», единственно способной «навести порядок».

Очищение общественных нравов не может быть достигнуто одним лишь созданием условий для того, чтобы люди могли «много зарабатывать», как это считают некоторые литераторы, ученые и публицисты. Для формирования здорового социального климата необходимы, наряду с нормализацией экономической жизни, действительная демократизация общества, «разрежение» чрезмерной концентрации власти в ее самых верхних эшелонах и проведение сильной социальной политики, направленной на борьбу с элементами социального разложения, глубоко укоренившимися во всех социальных группах общества.

2. «Болевые точки» этико-философского и общегуманитарного знания связаны с непреодоленным абстрактным морализаторством и схоластическим теоретизированием, а в последние годы - с воинствующим и невежественным дилетантизмом, выражающимся в поспешных исторических обобщениях, теоретической основой которых служит догматизм наизнанку, простая «перелицовка» прежних апологетических версий послеоктябрьской истории, замена того, что ранее трактовалось под безоговорочным знаком «плюс», столь же односторонними трактовками под знаком «минус». Широко пущенные в ход исторические мифы (например, изображение нэпа как периода невиданного экономического расцвета и классовой гармонии) и концепции, едва поднимающиеся над обыденными представлениями, в свою очередь влияют на эти представления, порождая разочарование в социалистическом идеале, предоставляя трагически погибшим большевикам участь политически умереть вторично, будучи заклеиваемыми кличкой «неистовые утописты» и т. п.

«Точки роста» этического знания связаны с налаживанием дисциплинарного союза с экономикой, философией, правом, а также с анализом нравственного опыта прошедших семи десятилетий, этического (теоретического и практического) наследия большевизма.

В этой связи особую актуальность приобретает положение Маркса, которое, на мой взгляд, можно распространить на це-

люю совокупность общественных наук: «Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души - фурии частного интереса» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10). Этика действительно пошла бы «в рост», если бы она раскрыла действие этих «фурий» в современных научных и публицистических дискуссиях.

3. К сожалению, этика, которой должна по праву принадлежать ведущая роль в этом поиске, отстает от художественной литературы (я имею в виду произведения уровня романа-эпопеи В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и поэмы А. Твардовского «По праву памяти») глубинно осмысляющей нравственные проблемы в свете всего исторического опыта XX века.

Одним из важных направлений нравственного поиска выступает осмысление проблемы общественного пафоса. Со времен Гегеля и Белинского под пафосом понимается идея, ставшая страстью. В зависимости от содержания этой идеи пафос может приобретать как созидательную, так и разрушительную направленность по отношению и к личности, которой он движет, и ко всей общественной жизни. Такой разрушительный характер несет пафос обогащенчества, который, в застойный период захватил достаточно большие группы в нашем обществе и который сегодня всячески стараются подогреть некоторые идеологи, считающие, что его утрата приведет к «затуханию роста потребностей, а вместе с ним и роста обновления жизни, роста производства».

На мой взгляд, и рост потребностей (разумеется, не только материальных), и, тем более, ритм революционного обновления экономики и всей общественной жизни более всего стимулируется утверждением такой общественной атмосферы, при которой в миллионах людей возникает чувство непосредственной личной причастности ко всему серьезному, что происходит в обществе. Пути формирования такой социальной атмосферы - это не только проблема перестройки социально-политических структур, но и проблема переработки общественных нравов.

4. Назову только две проблемы, на примере которых обнаруживается причастность научного знания о морали и воспитании к практике морального и - шире - социального творчества.

4.1. Проблемы коллективизма и его антиподов, в том числе, «вещизма». Подлинный коллективизм противостоит не только индивидуализму, но и «ложным» формам коллективистских связей между людьми, при которых солидарность единомышленников, преданных большому общему делу, подменяется в лучшем случае артельной коллективностью, а в худшем - круговой порукой перерожденцев, поддерживающих друг друга в целях достижения личной выгоды. Так, собственно, и происходило в застойный период, когда силы притяжения между людьми подавлялись силами отталкивания, притягательность вещей одерживала верх над притягательностью людей, а общение с «интересными», «хорошими» людьми подменялось общением с людьми «полезными», «нужными» для обретения материальных благ и привилегий.

Восстановление подлинной коллективности, базирующейся на единстве большой, общественно значимой цели, является, на мой взгляд, первоочередной проблемой социально-политического и духовно-нравственного развития нашего общества.

4.2. Преодоление вульгарного социологизма в этике, как и в других общественных науках. Отличительной чертой вульгарной социологии является признание относительности всех социальных ценностей, прежде всего - социальной справедливости. Исходя из того, что у каждой общественной группы и слоя «своя» справедливость, и выступая тем самым защитником вся-

кого группового эгоизма, вульгарный социолог считает правомерным деление как отдельных людей, так и социальных групп на удачливых и неудачливых, возводя в ранг социальной закономерности безжалостное изречение: «Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу». Любую озабоченность проявлениями социальной несправедливости, само чувство социальной несправедливости он спешит объяснить завистью к преимущественному положению других. Отсюда типичное для вульгарного социолога пренебрежение к выводам и оценкам массового сознания, тянущегося к идеям равенства, эгалитарности (но при этом отнюдь не оправдывающего далеко зашедшую уравниловку в оплате труда). Этим объясняется остро ощущаемая противоречивость между позициями общественного мнения и позициями идеологического течения, ориентирующегося на «предприимчивых» (для себя) людей и занявшего ныне (хотя, надо полагать, временно) преобладающие позиции в печатных изданиях и других средствах массовой информации.

Этическая экспертиза требуется при принятии решений в области социальной политики на всех уровнях. При этом главным экспертом должно выступать общественное мнение, а выдвигаемые им социальные аргументы должны анализироваться и обобщаться философами, социологами и представителями других областей общественно-научного знания.

5. Для нравственного возвышения общества необходима прежде всего реализация ленинских идей о том, что «действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты и в котором не будет возможности обогащения за чужой счет» (т. 37, с. 415), что при социализме должно быть «правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ... распределение» (т. 36, с. 495). В этой связи требуется прежде всего ликвидировать практику социально-неоправданных привилегий, «спецобслуживания» и т. д., которая рождает у пользующихся этими привилегиями настроения «элитарности», «избранности», барства и т. д., а у основной массы трудящихся - ощущение социальной ущемленности и несправедливости. Необходимо практически утверждать в обществе идеологию и психологию скромности, разумности и умеренности потребительских притязаний. Наконец, необходимо опять-таки идеологическими и практическими средствами закрыть дорогу всяким рваческим поползновениям и, в частности, «добиваться того, чтобы пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 98).

6. О некоторых этических парадоксах в дискуссиях последнего времени. Я имею в виду, прежде всего, неправильный и опасный вывод, встречающийся во многих публикациях последнего времени: «Справедливо все, что экономически эффективно». Зачастую этот вывод базируется на искажении взглядов Ленина, попытках представить дело таким образом, будто бы он к концу жизни порвал со своими этическими позициями «эпохи военного коммунизма». При этом к идеям, которые Ленин якобы «пересмотрел», относят идею «энтузиазма без материального интереса», хотя нет никаких подтверждений тому, что Ленин отказался от идей «Великого почина».

«Энтузиазм без материального интереса» - это надуманное противопоставление, представляющее попытку скомпрометировать моральные стимулы труда, и без того значительно ослабшие на протяжении застойного периода. На основе подобных попыток рождаются печальные анекдоты в выступлениях некоторых литераторов и публицистов, стремящихся измерить личной материальной выгодой все - от высоких проявлений творчества до элементарной человеческой порядочности. О крайностях такого подхода свидетельствуют появившиеся в нашей печати рассуждения: надо сделать так, чтобы поэту было выгоднее напи-

сать одну хорошую песню, чем десять плохих, или чтобы рабочему было выгоднее честно трудиться, чем воровать. Оценка творчества или честности с позиций материальной выгоды ведет к полному размытию нравственных критериев, связанных с понятиями общественного долга, человеческого достоинства, чести и нравственной свободы.

Аргументированный отпор воинствующей социальной демагогии и социальной мифологии, камуфлирующей узкокорыстные личные или групповые интересы, становится одной из важнейших задач этики, как и других общественных наук.

Ю. Б. Рюриков

РЕВОЛЮЦИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИИ - РЕВОЛЮЦИЯ В ЭТИКЕ

Суть современной эпохи могла бы, по-моему, воплотить в себе два социально-этических эпитафия: «все прогрессы реакционны, если рухнет человек» (А. Вознесенский); «или братские объятия, или братские могилы» (Б. Заходер).

Над человечеством нависли сейчас три дамокловых меча, и каждый следующий осознается хуже предыдущего. Это меч атомной смерти, меч экологической гибели и меч эгоизации людей, их нравственного вырождения. Все они выкованы главными устоями нынешней цивилизации: промышленно-технической базой человечества, типом поселения - нынешним городом, устройством труда, социальным положением человека в системе массовой цивилизации - в труде, в гражданском обществе, в быту, в школе, в семье. Подробно обо всем этом, с цифрами, фактами, доказательствами, идет речь в моей статье «Переворот в цивилизации» («Вопросы философии», 1986, № 9).

Все материальные устои нынешней индустриально-массовой цивилизации ведут к господству вненравственного прагматизма, оттесняют нравственные двигатели людей на задворки, подавляют нормальную человеческую нравственность. Нужен, по-моему, всеустойный переворот в цивилизации, и только он может поставить нас па рельсы этического благоприствования человеку.

Я буду говорить о третьем мече - он осознается поверхностнее всего, и он, пожалуй, самый трудноустранимый. Этические пружины, движущие человеком и обществом, мы понимаем внешне, часто не видим, что они заложены в самых подспудных устройствах жизни.

В чем они, эти пружины эгоизации человека, его нравственного вырождения? Начну со стратегических.

Первая из них - это тип поселения, нынешний город, который превратил человечество в цивилизацию сверхмассовых контактов. Почти вся жизнь нынешних горожан проходит среди толп. Мы ведем конвейерное существование в людских потоках, живем в них не как личности, а как безликие единицы: пассажир, покупатель, зритель, прохожий, производитель, потребитель благ. Такая конвейерная жизнь несет с собой массовое обезличивание людей, массовое усреднение их душ и чувств. И чем больше толп в нашей будничной жизни, тем чаще человек переживает одиночество в толпе и тем глубже это эгоизирует его.

Нынешний тип поселения враждебен самым человеческим идеалам, он противостоит гуманному этическому развитию личности, он создает такой уклад жизни, который разобщает людей. Для современного города человек - это прежде

всего типовая фигура, безликий участник производства и потребления. Современные города созданы на узко экономической и политической почве, как вместители производства и управления. Именно поэтому человек в социальной системе города - безликий участник производства и потребления и только в остатке - человек, личность.

Городская жизнь отдаляет человека и от других людей, и от лучшего в себе - самого человеческого, личностного, творческого. Поэтому нынешний тип поселения - антинравственный и нечеловечный по своей социальной сути: он построен на отчуждении личности и всем своим укладом развивает в людях худшие свойства и гасит лучшие.

Вторая гигантская пружина, которая эгоизирует человека и нравственно мельчит его - это нынешний тип труда. Современный труд чаще всего состоит из дробных, частичных операций, основан на узкой специализации. Он вовлекает в себя узкий сектор человека, маленькую часть его физических или интеллектуальных сил. Для труда человеку нужны в основном технические умения, типовые, обезличенные, он не вбирает в себя личность человека, его душу.

В самой основе этого дробного труда, как и в основе города, тоже лежит отчуждение личности. Он не дает радости людям, не влечет их, говоря словами Маркса, «своим содержанием и способом исполнения», не дает большинству «насладиться трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» (соч., т. 23, с. 189) - естественный идеал труда. Поэтому такой труд - гигантский источник отрицательного нравственного развития человека, и нужны коренные перемены в самом его устройстве¹.

Третья пружина эгоизации человека - нынешний скачок в насыщении наших бытовых потребностей, «потребностей потребления». Скачок этот глубоко двойствен. Он может поднять человека - по закону возвышения энергии: когда насыщаются базовые потребности, то энергия человека может переключиться на более высокие потребности. Но при нынешнем устройстве труда и общества такое насыщение чаще становится не ступенькой подъема к более высоким потребностям, а высшей, конечной ступенью лестницы.

Потребности потребления естественны и нормальны для людей, но когда они становятся высшей ступенью, они превращают человека из гомо креатора, человека-творца, в гомо консуматора, человека-потребителя. А так как эти потребности строятся на я-центрических струнах, то они и развивают в нас я-центризм.

Четвертая пружина эгоизации людей - это стрессовое состояние будней, невротизирующий уклад жизни. Крупная доля наших нервных сил идет на то, чтобы противостоять нарастающим нервным перегрузкам. Эти нервные силы могли бы идти в заботу о других людях, а идут во все растущую заботу о себе. Действуют законы биологической защиты; автоматика самосохранения. Стрессовая жизнь все больше эгоизирует современного человека, делает его гораздо более я-центрическим, чем раньше.

Все это стратегические пружины нравственного расчеловечивания людей, и они таятся в самых коренных устоях индустриально-массовой цивилизации. Есть и «тактические» пружины нравственного измельчания. Первая из них - индивидуальная сдельщина в труде. Она превращает человека в экономического одиночку, индивидуала, чей успех зависит только от него одного. Сейчас эта сдельщина начала заменяться коллективным подрядом, но долгие десятилетия она была важнейшей основой наших производственных отношений, резко эгоизировала сотни миллионов людей.

Еще одна пружина нравственного измельчания лежит в сегодняшней малой семье. Быт этой семьи держится на принципе

одних личных усилий, межсемейная помощь почти совсем умерла, и это рождает в людях и семейный эгоизм, и просто эгоизм. Кроме того, в нынешней семье нет трудового воспитания, дети растут иждивенцами и белоручками, и это резко эгоизирует их, сужает и мельчит их души.

Следующая тактическая пружина эгоизации - социальное положение ученика в учебе - положение одиночки, индивидуала. Успех или неудача товарища - не часть твоего успеха или неудачи. Чтобы быть хорошим учеником, совсем не надо быть хорошим человеком. Даже наоборот, чем меньше ты помогаешь друзьям, тем больше у тебя времени на то, чтобы быть хорошим учеником. И чем меньше ты помогаешь домашним, тем больше у тебя времени на учебу. То есть, и социальное положение ученика в учебе враждебно обычной человеческой нравственности, резко понижает ее у десятков миллионов детей,

В нынешнем социальном укладе будней есть много постоянно действующих источников нравственного измельчания и вырождения человека. Это нынешние заменители частной собственности, и по своим масштабам они, видимо, эгоизируют и расчеловечивают людей даже страшнее, чем частная собственность. И пока мы не вытесним эти расчеловечивающие механизмы очеловечивающими, пока мы не переделаем всю систему нынешних механизмов, мы не остановим погибельного движения человечества.

Во всех областях жизни человек сейчас не личность, а ролевое, типовое существо, исполнитель, а не творец, не сохозяин своей жизни. Таковы основы социального положения человека в нынешней индустриально-массовой цивилизации.

Все устройство жизни - устройство труда, экономики, гражданской жизни, быта, семьи, воспитания - стоит на незнании человеческой природы, на коренных разладах с законами человеческой психологии и физиологии, законами нормального нравственного развития. Поэтому и наши души, и наши внешние отношения больше тяготеют к разладу, а не к ладу, к вражде, а не к содружеству. И даже в личных отношениях людей разлада гораздо больше, чем лада, распрей больше, чем дружелюбия. Душами и отношениями близких (родителей и детей, юношей и девушек, мужей и жен) больше правят пружины самолюбия, чем «друголюбия», я-запросы чем мы-запросы. Души близких куда больше соперничают, чем живут в мире, их силовые струны звучат куда чаще мирных. Почти с колыбели микроб разлада заражает нашу психику и создает в нас разладное подсознание, разладную автоматику чувств.

Это психологическое эхо от социального устройства нынешней цивилизации, психологический отпечаток этого устройства в наших душах. Теперешнюю цивилизацию можно бы назвать цивилизацией раздробленного человечества и раздробленного человека. Человечество раздроблено на недружественные нации, классы, группы; человек раздроблен на сознание и подсознание, на мозаику враждующих желаний, запросов, склонностей.

Цивилизация раздробленного человека и человечества: идет сейчас, видимо, к своему концу. Новая цивилизация, которая зреет в лоне нынешней, станет, наверное цивилизацией единого человечества и цельного человека, и ее генеральным законом будет, очевидно, не соперничество, а содружество людей. Но чтобы она родилась, нужна научно-психологическая революция, нужно перевести всю жизнь с рельсов разлада с законами человеческой психологии на рельсы лада с этой психологией.

Надо, чтобы труд, быт, экономика, управление обществом, гражданская и личная жизнь, воспитание - чтобы все это было перестроено по законам человеческой психологии, все было слажено с ней. Вся материя цивилизации, все виды человеческих

отношений должны быть переделаны в соответствии с природой человека.

Точно сказал об этом молодой Маркс: «...сделать себя мерилом всех жизненных отношений, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы» (соч., т. 1, с. 598).

Чтобы эта революция состоялась, понадобится и революционно новое понимание человеческой природы, многих ее измерений - нравственных, психологических, социальных. Понадобится, видимо, революция в семейной и половой этике, в психологии всех отношений мужчин и женщин - общественных и личных, во всех отношениях детей и взрослых - семейных, общественно-воспитательных, трудовых, гражданских...

Нужны, видимо, перевороты и в понимании главных внутренних пружин человека. У нас считается, что у человека есть два нравственно-психологических двигателя - эгоизм и альтруизм. По-моему, есть и третий двигатель, и гораздо более важный: я называю его эгоальтруизм - тяга к равновесию своего и чужого Я, отношение к другому человеку, как к себе самому.

Эгоальтруизм - как бы сплав эгоизма и альтруизма. Он вбирает в себя их светлые стороны - силу заботы о себе и силу заботы о других, выравнивает их между собой. Он вбирает в себя и их минусы - вознесение себя над другими и других над собой, и так как они противоположны, то они взаимоуменьшают, растворяют друг друга. Возникает совершенно особый двигатель психики - дорожение чужими чувствами, как своими, чужими интересами, как собственными.

Странно, но ни в одном человеческом языке нет термина, который обозначал бы это равновесие своего и чужого Я. Представление о таком равновесии существовало - сначала отрицательное, от противного («не делай другому того, чего не хотел бы себе» - Сократ, Конфуций, Будда, Ветхий завет), потом утверждающее («возлюби ближнего, как самого себя» - Новый завет). Позднее Чернышевский называл такое равновесие разумным эгоизмом, а в наше время Селье, основатель учения о стрессе, альтруистическим эгоизмом.

По-моему, эгоальтруизм - одно из ключевых понятий и этики, и природы человека вообще, и его стоило бы срочно переводить со ступени образного представления на ступень научного понятия.

Эгоальтруизм - главный двигатель человека, он лежит в основе главных человеческих чувств: любви, дружбы, родительской и детской любви. Не альтруизм и не эгоизм движут ими, т. к. они оба основаны на неравновесии, а именно эгоальтруизм - тяга к высшему равновесию двух личностей.

И в основе гуманизма, вернее, его психологической стороны, тоже лежит эгоальтруизм - понимание, что боль другому человеку больна так же, как тебе твоя боль, а его радость ему так же радостна, как тебе твоя радость.

Мне кажется, эгоальтруизм - это главная человеческая норма, а эгоизм и альтруизм - как бы недорастание до этой нормы, нормы дочеловеческого мира. Эгоизм и альтруизм больше растут из биологической основы - из инстинктов самосохранения и сохранения рода. Возможно, поэтому они одномерны, состоят из одного психологического вещества - предпочтения себя или предпочтения других. Эгоальтруизм на голову сложнее, он состоит из очень сложного сплетения этих двух психологических веществ, и их колеблющееся равновесие и делает человека человеческим или не человеческим².

Революции в этике пойдут, видимо, по двум линиям: внутри самой этики (как системы нравственности и как науки), но главное, в роли этики среди движущих пружин жизни.

Нынешняя этика стоит на задворках - и среди двигателей жизни, и среди научных дисциплин. Этика как нравственность уже тысячи лет строится на охранительных нормах («не делать того-то»), исходит из того, что главное в человеке - эгоистические и недобрые струны. В ней, кроме того, преобладают классовые и национальные нормы, не личностные, построенные на групповой отчужденности.

Очевидно, путь к новой цивилизации будет состоять в том, что этика, нравственность станет глобальной, общечеловеческой - этикой человека как мировой величины. Нынешний человек - это гомо локалис, человек местный, а человек будущей цивилизации - гомо глобалис, мировая величина, человек, интересы которого - это интересы всего человечества. На смену индустриально-массовой цивилизации, которая строится на тотальном отчуждении человеческого в человеке, придет, видимо цивилизация, построенная на тотальном очеловечивании всей жизни, всех человеческих отношений, Если этого не случится, человечество погибнет, и один из главных рычагов его спасения - новая этика, глобальная этика человека как мировой величины.

Она, видимо, станет одной из главных основ совершенно новой, авральной стратегии спасения человечества, которая нужна сейчас, как скорая помощь. Это будет, видимо, общечеловеческая, общепланетная стратегия, построенная на принципе «или братские объятия, или братские могилы», на всеобщем мире - всех враждующих сил - социальных, национальных, мировоззренческих, религиозных...

Очевидно, для перехода от доэтической цивилизации к этической нам придется переосмыслить многое в самой концепции социализма. У нас царит сейчас понимание социализма времен XIX- начала XX века. Мы не понимаем, что и наша нынешняя промышленно-техническая база, и все устройство жилой и рабочей среды, и многое в самом характере труда, общественных отношений стоит на досоциалистических принципах отчуждения человека в человеке. Мы не понимаем, что самые глубокие устои современной жизни - это, видимо и самые глубокие «пережитки капитализма», а еще вернее - «недожитки социализма».

Очевидно, стоило бы осознать, что социализм - не просто начало новой формации, а предначало новой цивилизации. Социализм - не просто ступень старой лестницы, а переход от одной лестницы к другой: последняя ступень старой лестницы и первая ступень новой.

Научно-техническая революция принесла коренные поправки в весь наш подход к миру, и социализм и коммунизм по-настоящему, наверное, смогут развиваться только как совершенно новая цивилизация - не как новая ветвь на дереве, а как совершенно новое дерево на новой почве. То, что мы сейчас начинаем переживать, это, видимо, самый большой переход во всей истории - переход от стихийного и негуманного развития человечества к развитию сознательному и гуманному, которое будет строиться на основах нравственности. Законы нравственности будут лежать не в надстройке, а в самой сердцевине базиса, и как сок пропитывает дерево, они будут пропитывать все корни и весь ствол цивилизации. Этика будет играть роль не подсобной величины, а генерального фундамента всей человеческой жизни, всех человеческих отношений, всех наших отношений к природе и к другим видам живых существ...

Человечество вступило сейчас в небывалую историческую ситуацию - ситуацию самоубиения или самовозрождения на невиданно новой основе. Именно сейчас, в ближайшие десятилетия, начнется или переход к ноосферной цивилизации, или

агония человечества. Это, видимо, требует от нас совершенно по-новому понять все содержание современной эпохи, всю суть всех ее проблем и противоречий, весь смысл всех ячеек жизни - экономических, социально-гражданских, лично-бытовых, культурных, научных...

Здесь лежит, по-моему, вопрос всех вопросов, проблема всех проблем, самая генеральная идея времени, самая болевая из всех болевых точек. Это новое абсолютное мерило добра и зла, новое абсолютное мерило нужности или ненужности любого нашего поступка, любого нашего замысла и любой стратегии спасения человечества - везде и во всем. И все наши действия, все замыслы, которые не исходят из этой новой абсолютной точки отсчета - все они, очевидно, ведут нас к пропасти, как брейгелевских слепцов...

¹ Из-за нехватки места я не говорю, какие именно новые устои цивилизации должны сменить нынешние. О них говорится в статье "Переворот в цивилизации".

² Подробнее об эгоальтруизме можно прочесть в моих работах в журналах «Наука и религия», 1981, № 9; «Аврора», 1986, № 10.

В. Ш. Сабиров

К ЕДИНСТВУ - В МОРАЛИ, К ПЛЮРАЛИЗМУ - В ЭТИКЕ

1. Сейчас мы не можем утверждать о существовании в нашем обществе единой морали и нравственности. К середине 80-х годов советское общество пришло нравственно разобщенным. В нем противоречиво сочетаются и взаимодействуют несколько морально-нравственных систем, каждая из которых имеет свои идеалы, представления о добре и зле, справедливости, чести и достоинстве, смысле жизни. Не претендуя на научную строгость и полноту анализа, считаю возможным выделить среди них: а) коммунистическую нравственность, носителем которой является передовая, граждански активная часть советской интеллигенции, рабочего класса и крестьянства; б) элитарную мораль, представленную достаточно широким слоем бюрократии и лицами, ориентирующимися на нее в своих стандартах жизни; в) различные варианты конформистской морали, которой руководствуется значительная масса нашего народа. Если первая из названных морально-нравственных систем определяется самой сущностью социалистического строя, то две другие - взаимно пересекающиеся и дополняющие друг друга - формировались вследствие его деформации.

Элитарная мораль ценностно основана на властолюбии и карьеризме, которые искусно маскируются при помощи изощренной и подчас обезоруживающей демагогии. Она сформировалась в результате того, что часть руководителей различного ранга и работников управленческого аппарата, обособившись в сравнительно автономную социальную группу со своими специфическими интересами, оторвались от народа, утратили живой, непосредственный контакт с массами и с отдельным тружеником. Коренным условием образования элитарной морали явилась неразвитость социалистической демократии, бесконтрольность власти снизу. Как показал печальный опыт ряда наших республик, в частности, Узбекистана, лица, руководящие

щиеся в своей жизни ценностями элитарной морали, имеют тенденцию к нравственному разложению, аморализму и преступной деятельности.

Послушание и соображения личного благополучия, замешанные на страхе перед начальством, составляют стержень конформистской морали. Она формировалась и глубоко вошла в психологию многих советских людей в результате господства административно-командной системы управления народным хозяйством, неразвитости демократии, исповедования авторитарных методов воспитания. В рамках конформистской нравственности имеются различные тенденции. Часть ее носителей считает свою жизнь вполне естественной и даже испытывает некое подобие удовлетворенности и счастья. Очевидно, что это - проявление духовной ограниченности и нравственного вырождения. Другая часть осознает не-истинность жизни, построенной на компромиссах и сделках с совестью. Эти люди тяжело переживают утрату своего личного «я», что служит источником неврозов. Здесь, на мой взгляд, коренится одна из причин распространения в нашем обществе пьянства, наркомании, потребительства, вещизма и т. п.

Время перестройки вносит коррективы в современную нравственную ситуацию в стране. Перестройка и гласность раскрепощающе действуют на сознание и поведение людей. Все больше людей освобождается от страха и неуверенности в себе и пополняет ряды активных борцов за коммунистические идеалы, подлинно гуманистические ценности. Этот факт можно отметить в качестве «точки роста» современной нравственности.

2. Серьезный недостаток этической теории вижу в том, что она фактически не обращалась к анализу советской морали и нравственности. У нас нет исследований, в которых были бы рассмотрены нравственные последствия крупных социально-политических и исторических событий: гражданской войны, НЭПа, индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны, культа личности и его разоблачения на XX съезде КПСС и т. д. Без подобных исследований невозможно представить адекватную картину нравственного развития нашего общества, определить состояние современной нравственности, строить научные прогнозы на будущее. Этика, в основном, безучастно смотрит на современного человека, она не ставит перед собой задачу разобраться в нравственном мире нашего соотечественника, выяснить, счастлив ли он, что его тревожит, на что он надеется и во что верит. Пока еще нет глубокой развернутой критики элитарной и конформистской морали и нравственности. Недостаёт также убедительной, яркой философской и этической литературы, обосновывающей идеалы и ценности коммунистической морали. Позитивных сдвигов в этике, свидетельствующих о том, что она в своем развитии поднимается на качественно новый уровень, пока не наблюдается.

3-4. Глубоко убежден в философском статусе этики. Правда, само философское восприятие мира не является одномерным. Например, диамат представляет один уровень и способ постижения мира, истмат - другой. Философская сущность этики также многопорядкова. Этика может выступать в виде философско-аксиологической теории, наподобие той, которую предлагает Г. С. Батищев; исследования истории нравов, осуществленных при помощи методов герменевтики; феноменологии современного морального сознания и т. д. В какой бы форме не существовала этика, в ней должны содержаться ответы на коренные вопросы человеческого бытия.

Современная этика должна формулировать свои проблемы и решать их в строго научной форме. Прежде всего, для того,

чтобы этическими знаниями могли воспользоваться управленцы - люди преимущественно технократического склада мышления. На современном этапе развития советского общества огромное значение приобретает повышение этической культуры управленческих решений. В этом плане этическое консультирование руководителей, от которых зависит принятие и осуществление важных социальных программ, крайне необходимо. Этики должны здесь проявлять большую социальную активность, бороться за свои идеи, убеждать руководителей разного уровня в необходимости принятия или отказа от тех или иных решений.

5. Мы живем в обществе, где царит своеобразный фетишизм воспитания. Наверное, мы единственная в мире страна, где так много говорится о воспитании, где составляются столь многочисленные планы воспитательной работы, где каждый руководитель - непременно воспитатель и где... катастрофически ощущается дефицит воспитанных, по-настоящему культурных, людей. Мы так много «воспитываем», что у нашего человека очень мало остается времени и возможностей для размышлений о своей жизни, для нравственного самоопределения, самосовершенствования и самовоспитания. Не надо бояться увеличения свободного времени у наших граждан. Согласно Марксу, «свободное время есть пространство человеческого развития». Больше свободы человеку, больше доверия и терпимости к людям. Без реализации этих требований трудно надеяться на рост числа совестливых и ответственных людей, на оздоровление нравственной атмосферы общества, достижение морального единства народа.

Анализ тезисов «Самотлорского практикума-1» показывает, что этиков объединяет друг с другом осознание кризисной ситуации в нашей современной нравственности и науке, которую они представляют. Это единодушие теряется, как только этики начинают определять «болевые точки» современной нравственности и теории морали, предлагать свои варианты решения нравственных и теоретических проблем. На мой взгляд следует приветствовать и в дальнейшем культивировать этот плюрализм подходов и мнений. Это нормальное явление, ибо и нравственность, и этика - неоднозначны по своей природе, их невозможно уложить в прокрустово ложе догматических или одномерных представлений.

И еще. Пытаясь повысить значение и роль этики в жизни нашего общества, в ее воздействии на общественные нравы, можно в какой-то мере ее абсолютизировать. Не следует слишком уповать на этику, возлагать на нее чересчур большие надежды в деле нравственного очищения страны. Ведь не этика в конечном счете повинна в том, что нравы в стране деградировали. И ни одна этика еще не спасла мир. Мир спасает революционная практика. Этика должна быть вспомогательным средством в борьбе за наши идеалы наряду с другими науками, искусством и публицистикой.

Л. Г. Сагатовская

ПРИЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ - УСЛОВИЕ НАВРСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

1. «Болевые точки» современной нравственности и воспитательной деятельности - в «бесчеловеческой этике» и «бездетной педагогике». Этика решает проблемы добра и развития нравственных принципов вне человека, а педагогика разрабатывает

теорию воспитания без воспитанника, то есть, без того субъекта нравственной и педагогической деятельности, который не только должен интериоризовать нравственные и педагогические принципы, но сам до них «дорости» и в процессе роста на них воздействовать и их изменять.

2. Возникновение этих «болевых точек» связано со множеством причин, главные из которых три. Первая - отсутствие глубокого научного анализа существующих в советской действительности традиций, неписаных норм, подсознательных образцов, сколков с различных культур, влившихся к нам от различных типов общественных отношений - личной зависимости, вещной зависимости и личной и вещной независимости, с разными ценностями по отношению к труду, людям, природе и обществу в целом. Вторая - неразработанность социально-психологической теории целостного, гармонического человека. У нас в педагогике есть так называемая теория гармонического человека. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что так называемый всесторонне и гармонически развитый человек склеен из отдельных свойств, функций, что он вовсе не всесторонний, а частичный потому, что направлен не на общие блага человечества, а на достижение собственных прагматических целей. И поведение такого человека определяется вовсе не им самим, а фатальностью обстоятельств и поэтому безлико по своей сущности. И внутреннего побуждения к поступкам у него нет. Потому как его мотив, призванный отражать его внутренний смысл, интерес, есть простое отражение внешнего мира, ибо возникает он при встрече потребности с предметом потребления. И потому нет в нем никакой нравственности, а есть только польза, престиж, выгода, направленные на непосредственную цель. И в целом оказывается, что такой человек ущербен и является «не чудом жизни, не явлением, а только винтиком одним» (Я. Смеляков). Все его ожидания определяются его социальной ролью и технократической деятельностью. Обязаны мы таким пониманием человека тем ученым, которые считают, что человек - производное предметно-преобразовательной деятельности без всяких трансцендентальных целей и смыслов, без всякого общения, если оно не обслуживает трудовую полезную деятельность. «Коровка молоко дает, и в этом ее польза, а в чем твоя польза?», - вопрошает кот Матроскин песика Шарика. Это в сказке. Но так бывает и в действительности, когда педагог спрашивает: «Зачем мы создаем условия для обучения слепоглухонемых детей, какая государству от них польза?» (из сценария А. Суворова «Прикосновение». М., 1987). Третья причина «бесчеловеческой этики» и «бездетной педагогики» - в отсутствии диалектики в понимании взаимодействия человека и общества, которые, развиваясь в единстве естественно-исторического и деятельностного подходов, то развиваются вместе, то, на определенном историческом уровне развития, человек начинает «обособляться от общества», развиваясь по логике собственной деятельности. Подлинное развитие человека происходит через «действительное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, между существованием и сущностью, - свободой и необходимостью, между индивидом и родом». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116).

3. Современное этическое знание недостаточно, с одной стороны, обобщено внутри себя, а с другой - не проник его свет во все виды человеческой деятельности. О том, что общечеловеческие ценности и основные нравственные принципы должны войти во все сферы социальной жизни, было сказано М. С. Горбачевым на февральском Пленуме ЦК КПСС в докладе «Революционной перестройке - идеологию обновления». «Развитие демократии не может быть без решения проблемы духовной культуры», «надо обеспечить духовный расцвет личности», а для этого необходимо «покончить с отчуждением от духовных

ценностей». Новая культура возможна с позиций «нового мышления», которое появляется в «понимании новых реальностей» и признании «новой роли общечеловеческих ценностей».

4. Взаимопроникновение теории и практики нравственного воспитания должно идти, с одной стороны, с большим проникновением нравственных принципов в предметно-преобразовательную деятельность. Основная характеристика предметной деятельности - ее направленность на создание предмета, полезного для общества. Цель труда - непосредственная, конечная, прагматичная - результат определенной функционально-технологической, инструментальной деятельности, определенным образом организованной. Целью нравственных принципов не может быть непосредственный результат. Нравственные принципы включают всеобщий смысл, они трансцендентальны. Поэтому любой труд должен организовываться как пользой, так и добром. В нем должна быть не только полезность, но и «святость», высший смысл. С другой стороны, сама практика воспитания должна идти по пути формирования нравственных переживаний: совести, стыда, долга, сострадания. В советской педагогике главное внимание было сосредоточено на формировании нравственных знаний и нравственного опыта поведения. Причем, последнее понималось как «дрессировка» человека в определенных условиях. Если и говорилось о формировании нравственных переживаний, то без анализа условий и социально-психологических механизмов. Социально-психологические условия формирования нравственных переживаний - это высокий уровень истинной культуры и соответствующий уровень человека, выраженный в его рефлексивных возможностях в отношении к самому себе. Низкий уровень культуры соотносится с низким уровнем человека. Низкий уровень культуры отождествляется с массовой культурой, которая не несет в себе ни подлинной нравственной красоты, ни смысла. Поскольку образцы этой культуры действуют непосредственно, через внешние признаки, она доступна всем. Узнавание ее образцов идет быстро, бесконтрольно. Человеку не надо задумываться над тем, добро это или зло - было бы приятно. Он делает так, как делают все. Его мнение о себе выражено в стереотипах. Он сравнивает себя не с тем, что должно быть, не со своим сознанием, отражающим систему нравственных принципов, а с тем, что он видит вокруг себя. Поскольку он не достиг таких сложных сравнений, как: «Я - такой, это не соответствует такому-то нравственному принципу - поэтому мне стыдно, меня мучает совесть», такой человек говорит: «Я - плохой, но есть хуже меня» и успокаивается. Такому человеку не стыдно сказать: «Я - хороший. Мне нечего перестраиваться», поскольку у него нет в душе шкалы нравственных ценностей, по которой он бы мог оценить себя. Поэтому, первое, с чего надо начать нравственное воспитание - научить человека смотреть на себя со стороны, с позиции тех нравственных принципов, которых у него нет, но должны быть. Научить его видеть проблемы.

5. Выход есть. Он в организации общения. Общение в семье, в группах по интересам. Это особое общение. Оно не сводится к обслуживанию деятельности. Оно самоценно. Это - общение как взаимодействие людей, основа его - единая общность, в системе которой рождается сопричастность общему, а через него и друг другу. Общее - это принципы добра, уважения, понимания, сострадания. Только такое общение может психологически защитить человека, а следовательно, защитить его индивидуальность, давая возможность для ее самосовершенствования. Особую роль в формировании нравственности человека играет его семья, где появляются первые ростки совести. Но для этого семья должна быть не только колыбелью для материального вскармливания, не домом, полным материального достатка, а колыбелью нравственности. При этом, если родители требуют строгого подчинения правилам, контролируют их четкое исполнение, у ребенка может сформироваться чувство долга. Но стыд-

но ему не будет, если он сумеет увернуться от дела. Если родители не только приучают к труду, требуют исполнения правил, но делают это с учетом особенностей ребенка, относясь к нему с любовью, как к самоценности, ребенку стыдно будет не выполнить свой долг.

В. Н. Сагатовский

НЕ ТОЛЬКО ЭТИКА...

1. Моральный выбор - один из аспектов целостного мировоззренческого, смысложизненного выбора и должен рассматриваться в контексте последнего.

Последовательная ценностная ориентация на перестройку как продолжение революции порождает и «болевы точки», и «точки роста» также и в сфере морального выбора.

Обратим внимание на две «болевы точки» такого рода. Во-первых, это «кадровая проблема», моральный аспект которой состоит в следующем: как поступать в такой ситуации, когда практические противники перестройки не хотят нести полной ответственности за прошлое и, отвечая за перестройку в настоящем, тормозят переход от слов к делу со стороны ее практических сторонников? Во-вторых, трудности, порождаемые глубоко укоренившейся ориентацией на негуманитарное, функционалистское, вульгарно-материалистическое отношение к человеку как «винтику», функции «социального конвейера».

Основная «точка роста» - неистребимые, вновь и вновь поднимающиеся ростки естественного достоинства, неформальной (вне «починов») самостоятельности, внутренней ответственности. Увы, пока еще рано продолжить этот список подлинной интеллигентностью...

2. «Болевы точки» этической теории, общегуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании: 1) это еще не комплекс и не часть системы - этика не нашла еще свою «нишу» в становящемся комплексном человековедении; 2) наша этика и педагогика пока еще явно не гуманитарны (хотя в педагогике новаторов прорывов к подлинной субъектно-субъектности, к преодолению утилитаристского редукционизма больше, чем в этике).

«Точки роста»? Скажем так: первые контуры точек - интенция к преодолению редукционизма, осознанию неповторимой специфики и самоценности морально-нравственного аспекта целостной деятельности (а не сознания или «сознания и деятельности»).

3. Любая философская дисциплина, а не только этика, имеет (в принципе, может иметь) и фундаментальный, теоретический, и прикладной, практический уровни. Этика как «учительница жизни», с одной стороны, меньше, чем практическая философия, а с другой - больше, чем наука-этика. Речь должна идти об этическом аспекте **культуры**. И здесь этика - ядро ее (культуры) гуманитарного, субъектно-субъектного, диалогического уровня. Однако, и здесь этика необходима, но еще недостаточна для созревания подлинного гуманизма: нет любви и сопричастности без добра, но они больше, чем добро.

4. Я бы предпочел говорить не о наукоемкости практики (оставим это в рамках естественно-научной модели знания), но о культуроемкости жизни. И этика здесь снова больше чем наука, но меньше, чем гуманитарная экспертиза в целом (оценка проектов, процессов и результатов деятельности любого рода с точки зрения **целостной** системы жизненных смыслов, ключевых ценностей, выражающих сущностные силы человека).

Этическая экспертиза должна стать частью целостной **аксиологической** оценки любого проекта, процесса, результата любой деятельности (научно-технической, экологической, экономической, социальной, политической и т. д.), оценки на соответствие **ценностному основанию** деятельности. Добро, польза, красота, истина и др. имеют здесь самостоятельную, **нередуцируемую** друг к другу значимость. Выбор любых альтернатив включает моральный выбор в качестве необходимого момента. Таким образом, целостная аксиологическая экспертиза включает в себя экспертизу гуманитарную, а последняя включает в себя моральную экспертизу.

Специфика гуманитарной экспертизы - в ее диалогичности (она невозможна без понимания оцениваемого субъекта) и принципиально качественном характере (несводимости, невыразимости через количественные показатели, баллы и т. д.). Субъект такой экспертизы должен обладать качествами, обеспечивающими эту специфику. Не просто знания и профессионализм, но человеческая мудрость должна быть присуща такому «эксперту». Требование исключительно высокое: не просто эксперт, но Учитель жизни. Но иначе нельзя. Отсюда и вопрос: а кто готов к такой экспертизе? Бывают в истории времена, когда такие люди или уже не выжили, или еще не созрели.

5. Формировать человека должна именно **нравственная жизнь** прежде всего, а «воспитательная деятельность» - всего лишь в ее контексте, на ее почве. Фундамент нравственной жизни - это развивающаяся гармония свободы индивидуальности и ее сопричастности к началам добра в социальной макросреде, микросреде; и объективной диалектике мира в целом. Здоровый климат социальной макросреды нашего общества создается перестройкой. Но непосредственно моральные ценности жизни и культуры передаются и вырастают на почве первичных социальных групп. Если в них атрофирована культурно-историческая память и то, что А. Швейцер называл «благоговением перед жизнью», то они не способны сформировать нравственность.

Отсюда вывод: внимание к **источникам** нравственной жизни - семьи, групп общения, профессиональных групп, народа, человечества - прежде всего. Не надо проектировать «поле нравственности» - надо сохранять его и не мешать ему жить своей естественной жизнью; «поворачивать реки» здесь еще более опасно, чем в природе.

Этика - и теоретическая, и прикладная - должна найти свое место в становящейся системе комплексного человековедения, положив в основу соотношение ключевых ценностей нравственности и морали - добра и долга - с интегральными ценностями человеческой жизни в целом - счастьем и любовью, свободой и сопричастностью.

6. - Что важнее для развития морали - этическая рефлексия или непосредственность фундаментальных ценностей?
- Ценности, питающие рефлексия, и рефлексия, возвращающая к ценностям.

УТВЕРЖДАТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЭТИКИ

1. Перестройка общества - выбор революционной альтернативы в ситуации морального выбора. В противовес социальному застою, это выбор действия, активности субъекта исторического творчества, моральной ответственности. Дефицит последней - одна из «болевых точек» современной нравственности. Расцветшая махровым цветом безответственность предваряет массу жизненных бед.

Из числа особо острых «болевых точек» нравственности, думается, можно выделить следующие: а) пустившие глубокие корни неискренность, лицемерие, проявляющие себя, скажем, в поддержке перестройки лишь на словах, неверии в ее преобразующую силу на деле; б) утрата коренных нравственных (пусть далеко не совершенных) устоев и отсутствие наряду с этим вполне сложившихся новых основ социалистической нравственной жизни, что особенно чувствительно, болезненно в регионах традиционного распространения исламского вероучения (Азербайджан, республики Средней Азии и т. д.).

Все это поставило перед воспитательной деятельностью ряд сложнейших проблем, разрешить которые она сама по себе не в силах, сколь бы ни совершенствовались ее методы.

В количественном отношении «болевых точек» нравственности, наверное, можно выявить множество. Но дело даже не в этом. Главное - не предаться соблазну (а некоторые основания для тревоги есть) представлять «болевыми точками» только и лишь порождением «доперестроечной» социальной жизни.

2. Этикой до сих пор должным образом не изучается сфера практикуемых нравов, взаимодействие морали и нравов. Как отмечалось в дискуссии этиков, ряд трудностей, испытываемых этикой, связаны с методологической необеспеченностью изучения реальных нравов, и эта необеспеченность обуславливает ее коренные слабости. Этике напрямую приходится решать весьма многозначные проблемы изучения такого «интимно-тонкого» предмета, как нравственность (см. «Вопросы философии», 1984, № 6, стр. 112).

Видимо, поэтому современная этика так часто апеллирует к сфере художественного освоения мира, тонко и глубоко способного осмыслить острые нравственные проблемы.

Существенной проблемой для этики и этиков остается морализаторство, многократно обличенное самими этиками, но, тем не менее, органически присущее многим работам (большим и малым).

Вот держу в руках одну из научных публикаций известного нашего философа-этика на тему: «Моральная чистота как условие совершенствования личности и общественной жизни при социализме». С какой легкостью порой в научный оборот вводятся из документов пропагандистского характера понятия вроде «моральной чистоты»! И ничего иного в таком случае, кроме морализирования, не остается. А ведь только преодолев морализаторство, этика может оправдать, реализовать, утвердить свое гуманистическое назначение.

Одна из «точек роста» - необходимость шире использовать конкретно-социологические методы в этике, разумеется, при наличии чувства меры, с учетом использования широкого набора методов исследования и сбора социальной информации.

3. Этика как практическая философия может быть «компасом» в нравственном поиске нашего времени, широко разрабатывать философско-мировоззренческие проблемы человеческого бытия. Знание, способное полноценно обобщать и анализировать реальные социокультурные процессы - идеал современного этического знания.

4. Один из путей повышения практического потенциала этики - изучение «общих» социально-нравственных проблем с учетом существенного их преломления региональными (специфика национальных культурных традиций, обычаев, уровень и характер социально-экономического развития) особенностями жизнедеятельности индивидов.

Так, статистически установлено, что такие негативные социальные проблемы, как разводы, пьянство, наркомания хотя и являются общераспространенными, все же имеют различную степень остроты в различных регионах страны¹, определяются «системой координат» в культуре, традициях, обычаях, нравах народа, нации. Игнорирование региональных проблем неизмеримо сужает сферу и глубину понимания «общих» социально-нравственных проблем.

Теория нравственного воспитания окажет неоценимую помощь практике нравственного воспитания, если начнет всерьез отвечать на вопрос «как»?

Возможна ли этическая экспертиза ситуации морального выбора? Всякая «технологизация» морального выбора вызывает неприятие.

5. Рассуждая о необходимости совершенствования нравственной жизни и воспитательной деятельности, подчас дело сводят к конкретной системе управления и организации общественного производства. Но для радикального поворота к лучшему позитивные перемены в этой сфере должны сопровождаться соответствующими духовными, культурными процессами.

6. Что наносит наибольший урон нравственности? Одни считают, что массовая культура, вторгнувшаяся в нашу жизнь, другие - бюрократические «перекося», третьи - нарушения принципа материальной и моральной заинтересованности.

Все перечисленное - отдельные фрагменты, «замерить» разрушительную силу которых трудно, да и малопродуктивно, ибо урон, наносимый нравственности, надо рассматривать в широком контексте социальной реальности.

¹ Автор этих строк против игры в примеры, но только один из них: потребление спиртного на душу населения в Азербайджане в 4 раза меньше, чем в РСФСР, Литве. - См.: Титаренко В. Я. Семья и формирование личности. Москва, 1987, стр. 85-86.

А. П. Скрипник

ГУМАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭТИКИ

1. Опыт проведения гуманитарной экспертизы показывает, что неблагополучие нравственной жизни выражается не только «болевыми точками», отличающимися **крайней чувствительностью**, но и омертвевшими пластами, утратившими чувствительность вообще. Боль вызывает всякое столкновение со злом, а омертвляет невозможность с ним бороться, необходимость капитулировать перед ним. То, что вначале причиняет боль (например, ущемление интересов, нарушение справедливости) и

побуждает к активным действиям, со временем порождает холодное безразличие. Если «болевая точка» может стать «точкой роста», то омертвевший слой может быть только удален.

Корнем нравственных патологий в условиях социализма является узкофункциональный подход к человеку. Когда человек превращается в простое средство достижения «великих целей», решения «исторических задач», неизбежно происходит деформация самой морали. Она становится орудием, посредством которого одна группа людей манипулирует другими, якобы «ради их же блага». Такое манипулирование обязательно сталкивается с интересами реальных людей, вызывая у них сперва боль и разочарование, а потом пренебрежение к официально проповедуемым идеалам. Бюрократизация общественной жизни усиливала функциональный подход к человеку, и чем шире он осуществлялся на деле, тем интенсивнее подчеркивалась забота о человеке на словах, что вело к росту пассивности и лицемерия.

С этим связан и серьезнейший недостаток нашей воспитательной практики - склонность понимать воспитание в манипулятивном духе, как лепку из имеющегося материала по централизованно установленным инструкциям желательных для нас форм. В реальности это часто оборачивалось полной утратой контроля над формированием личности.

2. В системе современной этики есть свои болевые точки и омертвевшие пласты. Главная болевая точка этики порождена противоречивостью предъявляемого ей социального заказа. С одной стороны, этика должна была изучать реальные нравы, а с другой - обнародовать в них только то, что имело «право на существование». Как общественная наука этика есть часть идеологии. Она оценивает реальные нравы с позиций коммунистического идеала, и это позволяет ей ориентироваться в их разнообразии. Но здесь же заключена возможность «теоретического волюнтаризма», т. е. подмены действительного желаемым. На мой взгляд, теория социалистической нравственности чрезмерно увлеклась построением модели «нового человека» и поиском путей ее претворения в жизнь. Она сделалась слишком «монологичной» в ущерб плодотворному диалогу с обыденным моральным сознанием. В результате снизилась ее прогностическая способность, точнее, прогноз был заменен безответственным пророчеством или магическим заклинанием: «Так будет!». Преимущество этики в том, что она способна взглянуть на любую проблему общественной жизни с общечеловеческой точки зрения, учесть исторический опыт, выявить те связи и следствия, которые скрыты от обыденного сознания. Изучение противоречий общественной жизни, столкновения реальных интересов, поиск способов их совмещения - точки роста этического знания.

3. По всей видимости, единообразный канон этике противопоказан. Богатство ее содержания определяется разнообразием стилей и жанров. Она должна включать в себя и очерки нравов (своеобразные этико-социологические этюды о системах ценностей в разных социальных, профессиональных и национальных группах, в поведении в пограничных ситуациях, об уникальных жизненных судьбах), и сравнительный анализ различных нравственных систем, и исследования глубинных культурно-антропологических оснований морали. Социокультурный идеал этики предполагает синтез многих противоположностей: объективного анализа и вдохновенной проповеди, проникновенного понимания и научной рекомендации, актуальности и исторической основательности. В рамках одного жанра такой синтез осуществить невозможно.

4. Вероятно, следует вести речь не о повышении практического потенциала этики, а о его гуманизации. Благотворный практический эффект этики будет возрастать прямо пропорционально росту ее способности выявлять сущностные интересы

людей и находить наиболее оптимальные формы их совмещения. В этом плане перспективно сотрудничество этиков с партийными, советскими, комсомольскими, хозяйственными руководителями в разработке целевых программ экономического, социального и культурного развития, в оценке эффективности их осуществления. Практика становится «наукоемкой» тогда, когда она возвышается над «текучкой» до комплексного охвата проблем.

Здесь широкая сфера приложения этической (гуманитарной) экспертизы. Кроме того, эта экспертиза целесообразна в управлении трудовыми коллективами (особенно при разрешении нравственных конфликтов), в работе с «трудными» подростками, в деятельности правоохранительных органов и др. Защита человеческого достоинства - важная, по моему убеждению, функция этического консультирования. В плане активизации диалога между наукой и моральным сознанием можно надеяться на полезность этических деловых игр.

5. Нравственная жизнь - интегральный показатель состояния экономических, политических, социальных отношений. Ее улучшение невозможно без оздоровления всего общественного организма. Первоочередными мерами здесь выступают: а) минимизация отступлений от социалистических принципов распределения через усиление роли трудовых коллективов в распределительных процессах, создание надежных механизмов репрезентации и осуществления интересов различных слоев и групп; б) гуманизация деятельности правоохранительных органов, повышение действенности общественного контроля над ними; в) устранение эзотеричности, камуфляжа, фальшивой «идейности» в управленческой деятельности расширением гласности и информированности населения, упразднением зон, закрытых для критики и т. д.

В существенной перестройке нуждается практика нравственного воспитания. Ее следует переориентировать с исполнительности на самодеятельность и инициативу. Нужно больше света и правды в преподавании истории и литературы, вообще сближение школьного обучения с серьезной взрослой жизнью. Школа должна стать ареной, где «проигрываются» и осваиваются реальные жизненные проблемы в интеллектуальном, эмоциональном и деятельном сотрудничестве педагогов и учащихся.

Непростительно упустить уникальные возможности нынешней ситуации для разработки двух исследовательских направлений: а) изучения подлинной истории социалистической нравственности (нравственные проблемы революции, нравы в период новой экономической политики, нравственные сдвиги при коллективизации, деформация нравов в период культа личности, застойные явления в моральной жизни и т. д.); б) разработки прогноза тех изменений нравственности, которые вызовет революционная перестройка общества. Переход от одного качественного состояния социализма к другому требует во имя обретения лучших условий жизни отказаться от многого, к чему мы привыкли сейчас. Социальная активность и инициатива достигаются ценой утраты благодушия, самоуспокоенности, бесконфликтности. Насколько болезненной окажется такая утрата, чем ее можно будет компенсировать, как обеспечить согласование предприимчивости и честности, свободного самовыражения и ответственности, требовательности и милосердия - к систематическому изучению этих вопросов этика должна приступить уже сегодня.

МАРКСИСТСКОЙ ЭТИКЕ НЕОБХОДИМА НОВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

1. Перестройка как ситуация морального выбора определяется в своем содержании настоятельной необходимостью духовно-нравственного обновления общества, которое может быть достигнуто только через обретение императивной силы нравственных идеалов социализма. Главная «болевая точка» современной нравственности - утрата, коррозия веры в будущее, превращение нравственных принципов в декларацию или даже маскировку, подмена нравственных целей жизни утилитарно-потребительскими или гедонистическими. Соответственно, и «точки роста» современной нравственности и воспитательной деятельности определяются теми возможностями нравственной практики, которые общество сумеет практически использовать для разрешения назревших нравственных противоречий.

Речь идет о том, что духовно-нравственное оздоровление общества может быть достигнуто только путем утверждения в практике взаимодействия социальных субъектов фундаментальных нравственных ценностей честности, справедливости и гуманизма. Нравственность начинается с правды, честности, что на языке морального должностования выражается в требовании «жить по совести», «следовать долгу», а в практике намеченной перестройки выражается в процессе утверждения гласности.

Социалистическая справедливость как моральное требование и ценностное качество социальной практики представляет собой еще одну «болевою точку» и «точку роста» общественной нравственности, причем, она не локализуется в сфере распределения жизненных благ, а необходимо соотносится с новым качественным уровнем демократизации социалистического общества, который предполагает справедливость в разделении и кооперировании прав и обязанностей, власти и ответственности. Средоточием, глубинной основой нравственных проблем перестройки является задача гуманизации общества и человека: если коммунизм - это реальный гуманизм, как говорил К. Маркс, то социализм не может быть ничем иным, кроме неуклонного движения к этому реальному гуманизму, который, в свою очередь, недопустимо понимать как некое заранее заданное состояние общества. К сожалению, в своей жизненно-практической форме гуманизм у нас до сих пор трактуется как филантропия и милосердие, как абстрактный призыв к человеколюбию, а социалистическое государство мыслится как всеобщий благодетель, как глобальная благотворительная организация.

Только при условии нового понимания гуманизма как самореализации человека, как процесса постоянного формирования, «выделывания», «выработки», самоконституирования человека человеческого, т. е. общественного, гуманного и коллективистского становится возможным увидеть реальные контуры того «храма», дорогу к которому настойчиво ищет общественная мысль, разбуженная перестройкой. Причем, этот «храм» не возведен никакой силой в какой-либо точке, он строится сразу от фундамента до вершины в процессе поисков дороги к нему.

Обязывающая сила нравственного идеала социализма, вера в коммунистическое будущее в решающей степени связаны с мерой реализации ценностей честности, справедливости и гуманизма в общественной практике современного социализма.

Именно здесь видится главная «точка роста» современной нравственности.

2. Система современной этики, к сожалению, остается вариантом кантовской теории морали, поскольку теоретические поиски замкнуты в сфере морального должностования, а объективная историческая необходимость, от имени которой этика формулирует императивы поведения, выполняет функцию безусловного нравственного закона. Это определяет два основных недостатка современной этики: абстрактно-спекулятивное теоретизирование и неистребимое морализаторство. Сегодня в нашей этике назрела потребность в новой парадигме, которая объединяла бы в целостном смысловом поле два основных подхода к построению общей теории морали, существующие сейчас в марксистской этике, — «регулятивный» и «мировоззренческий». Одновременно эта новая парадигма позволила бы соотнести в единой теоретической системе два способа интерпретации морали - философско-умозрительный и социально-исторический, преодолеть разрыв между которыми первым попытался Гегель. Формирование такой парадигмы предполагает теоретическое переосмысление ряда исходных проблем, в частности, это понимание предмета этики как единства должного и сущего, обоснование принципиального единства ценности и должностования, выявление объективных ценностных оснований моральности, поиск нетрадиционных путей воздействия этической теории на общественную практику и др. Так, на наш взгляд, можно представить в самом общем виде основные направления приращения этического знания.

3. Место и роль этики как практической философии в нравственном поиске нашего времени в идеале определяется общей насущной потребностью гуманизации всего социо-культурного комплекса современной цивилизации, особенно же - настоятельной необходимостью возрождения гуманистического импульса идеи социализма, утерянного за годы теоретического и практического господства сталинизма. К сожалению, на практике этика как практическая философия остается на периферии как обществоведческого знания, так и общекультурного движения; в качестве области специального знания этика в стране представлена крайне малочисленной и малозаметной группой профессионалов, в деятельности которой, к тому же, наблюдается тенденция к обособлению, к самоизоляции. Специфика этического знания состоит в том, что оно неизменно (в явном, а чаще неявном виде) присутствует и в виде общей предпосылки, и в виде операционального элемента как в комплексе обществоведческих дисциплин, так и в социально-управленческой деятельности. Естественно, речь здесь идет не о правилах этикета, а морально-ценностном содержании человеческого познания и преобразования мира.

Что касается эталонов или типов теоретизирования, то следует, по-видимому, исходить из принципа: все жанры хороши, кроме плохого. Нельзя противопоставлять друг другу разные типы теоретизирования - каждый хорош на своем месте, а общим идеалом и целью для этики, поскольку она является наукой, остается поиск истины.

4. Этическая теория и моральная практика связаны между собой двусторонне: моральная практика является для этики и предметом исследования, и предметом приложения знаний. Традиционно для этической теории основным (а точнее - единственным) путем практического приложения было непосредственное воздействие на мотивы поведения человека, на сознание субъекта, что создавало почву для морализаторства. Не отказываясь от тех возможностей, которые заключает в себе этот традиционный путь, современная этика должна сосредоточить усилия на поиске, разработке и апробации путей нетрадиционных: это прежде всего включение этической теории в социальное проектирование и организационно-управленческие программы.

Конкретно воздействие этики на общественную практику через социально-управленческие программы возможно: а) путем этико-аксиологического анализа действующих и проектируемых социально-экономических, политических, культурно-образовательных и др. социальных институтов; б) путем этического прогнозирования на основе выявления действующих в развитии общественных нравов тенденций; в) путем этико-гуманитарной экспертизы социально-управленческой деятельности.

Реализация этих возможностей предполагает наличие ряда необходимых предпосылок: разработка методик этико-аксиологического анализа, которой у нас нет и создание которой потребует новой теоретической парадигмы в этике; формирование механизма предъявления социального (государственного) заказа на этический прогноз и консультирование; организационно-техническое обеспечение службы этического консультирования и прогнозирования (кадры, финансы, техника и др.), т. е. создание субъекта этической экспертизы. Существующие сейчас организационные структуры (кафедры, лаборатории и т. п.) эту работу взять на себя не смогут, в лучшем случае, они могут участвовать в теоретической разработке метода этико-аксиологического анализа. Конечно, это задача первой очереди, но без соответствующего материально-организационного обеспечения даже успешная разработка этой методики может не найти выхода в практику.

5. Личные предложения и соображения в рамках того объема, который отведен авторами опроса, высказаны выше в п.п. 1-4. Придавая им конкретный вид, можно предложить: на базе какого-либо этического подразделения разработать и осуществить комплексную исследовательскую программу «Методика этико-аксиологического анализа» («Этический анализ нравственных проблем перестройки») с последующей публикацией результатов выполнения данной программы.

6. Дополнительный вопрос: какой социальный институт является субъектом развития этических исследований в стране? АН СССР, Госкомитет по науке и технике, Госкомитет по народному образованию, Философское общество СССР?

Л. И. Титаренко

ОБРЕТЕНИЕ ЭТИКОЙ СВОЕЙ ПОДЛИННОЙ РОЛИ*

1-2. Не «болевая точка», а скорее тяжелая, ставшая хронической, болезнь - **рассогласование** (в некоторых аспектах доходящее до острейших противоречий) экономической жизни и нравственного фактора. **В центре - нарушение принципа социализма: «от каждого - по способности, каждому - по труду».** Источник отклонений от требования «по труду» следует, видимо, искать не только в более или менее очевидных проявлениях, лежащих на поверхности, а в сбоях самого механизма хозяйствования. Здесь неожиданно мы обнаруживаем сами с удивительные метаморфозы в действии этого механизма, если его рассматривать вкуче с социальными реалиями. Величайшие социально-исторические достижения социализма, оказывается, **несут сами в себе возможности тех или иных отклонений** в случае пренебрежения субъективным фактором, который обеспечивает их надежность.

По-видимому, определенным «синтезирующим центром» не только экономических, но и социально-политических, нравственно-психологических и т. д. негативных явлений выступает **бюрократизм**. Его нельзя ставить в эклектический перечень «бо-

лячек» нашей жизни так, как это делалось ранее: «взяточничество», «стяжательство», «пьянство» и... бюрократизм. Он не равноценный компонент этого перечня, а то, что можно назвать внутренней, вездесущей, основной «бациллой» болезнью социализма. Отвечая на вопрос об угрозе, которую представляет мораль бюрократизма нравственному здоровью народа, можно ответить, что не столько эта мораль, а сам бюрократизм - вот то ядовитое жало, что нацелено в сердце народной нравственности.

Вероятно, именно бюрократизм следует считать ответственным и за такое тяжкое болезненное явление при социализме, как отчуждение. Особенно - неприкаянное нравственно-психологическое состояние **отчуждения**. Как известно, отчуждение - многокомпонентное, сложное явление, имеющее и свой (наиболее тревожный) аспект - моральный. Подход Маркса к отчуждению, оставаясь методологически действенным, требует все же своего дополнения и развития применительно к социализму (и здесь автор тезисов признает необходимым пересмотреть свою точку зрения на суть морального отчуждения: см. «Вопросы философии», - 1983, № 6). Отчуждение наиболее нестерпимо как постоянное самочувствие человека, оно свидетельствует о кризисном состоянии самого морального фактора.

Итак: не только рассогласование взаимодействия этого фактора и экономики, но и **внутренняя эрозия** самой нравственности. Мораль, бывшая долго «лакокрасочным» цехом, обязанным закрашивать наши социально-экономические прорехи, понесла тяжелый урон. Вместе с тем. Она воочию доказала свое глубинное социально-историческое значение, сломав в реальной жизни навязанную ей официально жалкую роль, и в течение многих лет народной жизни, своим практическим, стимулирующим влиянием подготавливая революционный процесс перестройки.

Тем не менее, надо с полной ясностью видеть **тревожное неблагополучие** в состоянии социалистической нравственности. Выветривается содержание многих завоеванных социализмом моральных ценностей, скудеет их запас и, главное, теряется их былая эффективность. В отдельных аспектах нравственной жизни, под влиянием разноуровневого социально-экономического развития, урбанизации, ускорения ритма социально-экономических и бытовых сдвигов, абсолютизации национальных культурных традиций, местничества, определенных «пустот», возникающих в результате отмирания ряда старых норм (обеспечивавших родственные, патриархальные и др. связи), которые «не успевают» заполняться новыми и т. п., создается **ситуация хаоса норм, принципов, оценок и пр.** За этой, хотя и поверхностной, но весьма очевидной картиной императивного разноречия, скрываются тяжелые разломы в самой **системе нравственности**.

Здесь лучше всего рассматривать нравственность в трех ее основных «пластах»:

1. Мировоззренческом (общие моральные принципы).

2. Ценностных ориентаций «среднего» уровня (моральный престиж профессии или способов проведения досуга, направленность интересов в конкретных областях жизнедеятельности и др.).

3. Системе норм, запретов, «образцов», санкций и т. п., действующих на уровне повседневно-бытового, «суевого» течения жизни в его привычном временном ритме. В общем, наверное следует считать доказанным, что взаимосвязь 1-го и 3-го уровня нравственности происходит через пласт 2 (см. концепцию Ядова В. А. о «диспозициях»), А этот уровень в реальной жизни, оказывается, прежде всего, «выбит» из системы как целостности (по форме ценностные ориентации еще могут соответство-

вать уровню 1-му - «ложное прикрытие», но по содержанию они уже с ним плохо сочетаются); в виду же неисполнимости ряда «средних» ориентаций, они оказываются в болезненном рассогласовании и с пластом обыденной регуляции «мелкомасштабного» бытового поведения. Мировоззренческое содержание морали, разумеется, весьма сильно поддерживается и накачивается средствами массовой информации. В некоторые годы могло создаться даже впечатление, что мировоззренческий «пласт» нравственности непоколебим, несмотря на очевидно наблюдаемые деформации других уровней. Но это - до поры, до времени. Времени, когда высшие нравственные ориентиры, теряя точки опоры, теряют и свою былую очевидность, устойчивость: возникает такое явление, как **равнодушие к высшим моральным целям** индивидуальной жизнедеятельности. Это опустошение сопровождается утерей и собственно морального смысла ценностных ориентаций, а также морального порядка в повседневной, «бытийной» жизни личности. Не все и не на долгое время могут вынести подобное опустошенное морально-психологическое состояние. Наступает период самостоятельных («новых») нравственных исканий. Здесь зреют «точки роста» в реальной нравственности, зреют надежда и вера в моральное «исцеление». Критический потенциал, накопленный моралью, становится мощным стимулом социально-исторических преобразований, обновления. Идеалы становятся в жизни еще более необходимы, чем хлеб насущный: их не хотят занять из чужих рук, а стремятся выстрадать самостоятельно. Идет поиск - иерархия мировоззренческих ценностей проходит нелегкую историческую «инвентаризацию». Вдруг обнаруживается, что ряд «старых» ценностей (идеалов), казалось бы, «затертых» от злоупотребления, в действительности незаменимы, и они обретают свою **новую императивность** и привлекательность. Происходит широкая передвижка и в ценностных ориентациях среднего уровня: меняется их иерархия, статусы и т. п. В бытовом течении жизни возникает заманчивая и довольно сильная тенденция: выковать из повседневных «маленьких» справедливостей своего суетного бытия Большую Справедливость всей своей Судьбы, а если это не удастся, наполнить это течение каким-то моральным - пусть даже иллюзорным «игровым» (хобби и пр.) смыслом. Это тоже «точка роста» реальных нравов, причем, в тех сферах социальной жизни, которые ранее находились в явном небрежении. Происходят существенные сдвиги и в общих показателях морального сознания и поведения. Исходная нравственная позиция морального выбора активизируется, ставя личность в новую ситуацию социальной и психологической ответственности. Более широкий диапазон ценностных ориентаций расширяет возможности этого выбора - сначала нередко в негативном, а затем - и в позитивном плане; вместе с тем, происходит как бы «естественный отбор» этих ориентаций, часть их обесценивается, а другие, напротив, в процессе жизнетворчества субъекта морали - человека - возвышаются. Меняется **иерархия** моральных норм и заветов, происходит их обогащение за счет новых (например, «экологическая мораль») и возрождения незаслуженно прижатых (милосердие, готовность утешить, деликатность, сострадательность и т. п.). Подобно птице Феникс, возрождаются из пепла скептицизма и равнодушия высшие нравственные ценности - доброта, любовь, дружба, верность (см.: И. Кон. Дружба, М., 1987). И пусть это для многих далекие, однако, тем не менее, путеводные звезды. На этой почве появляется жгучая социально-психологическая потребность (увы, неудовлетворенная этикой) в надежных морально-этических «Абсолютах» жизни. Новую роль постепенно, хотя и с очень большим трудом, обретают и контрольно-императивные механизмы саморегуляции поведения личности - совесть и долг. Бессовестность, вероятно, все же «выйдет из моды», как и неверность, предательская ненадежность личности. То, что здесь написано о «точках роста» нравственности, выглядит, конечно, несколько морализаторски - как «желае-

мое», «должное» и т. п. Однако это не совсем так: дело в том, что «точки падения» и «точки подъема» чрезвычайно близки (а порой почти совпадают) **в реальных ценностных координатах** нравственной жизни (их, следовательно, надо изучать и прогнозировать в единстве).

Ответ на первый вопрос в значительной мере предопределяет и ответ на второй. Главное в том, что этика может преодолеть мелочный горизонт навязанной ей до сих пор жалкой роли и стать выразительницей той морали, которая есть творческий, глубинный стимул гуманистического созидания истории ее субъектом - всем человечеством. Для этого ей необходимо пройти нелегкий и непростой путь преодоления многочисленных, тормозящих обретение ею своей «подлинной роли», стереотипов и «идей-идолов». Среди них можно назвать: 1) элитарно-академическую импотенцию этики в ее отношении к нравственной жизни, т. е. болезнь, даже сейчас (на новый лад!) выдаваемую за ее достоинство; 2) морализаторство с его «черно-белой» схемой, в основе подрывающей научные основания этики; 3) отрыв от достижений смежных конкретных дисциплин - прежде всего, психологии, социологии, культурологии, - которые нередко вынуждены «замещать» те или иные проблемы этики; 4) спекулятивизм, с его штампами («идеями-идолами»: а. «личные интересы - общественные»; б. «обуздание» как важнейшая функция морали; в. ложная для марксизма альтернатива автономной и гетерономной этики; г. боязливое отношение к «контрольной» функции морали в политике; д. уклонение от анализа девиантного поведения и причин его соблазнительности; е. пренебрежительное отношение к повседневно суетному течению нравственной жизни и его установлениям; ж. неумение и нежелание реализовать в этике интуитивно присущую морали способность к прогностике и мн. др.); 5) примитивный «рационализм» (с тремя «р»), в ущерб принципу сенсуализма в этике и роли чувств в морали и мн. др.

Эта программа пересмотра этики, разумеется, подчинена позитивному развитию всех аспектов (составляющих) этики (см. дискуссию о «моралеведении» в ж. «Вопросы философии», 1982, № 2). Здесь можно было бы назвать и целый ряд особых проблем, открывающих широкие горизонты для этических изысканий (см. «Панорама идей», ж. «Вопросы философии», 1984, № 8). Это и проблема общения как «резервуара кристаллизации», зарождения, новых норм; и проблема морального содержания этапов жизни (в т. ч. моральный смысл старости); и «вечные» вопросы о смысле жизни, счастье, смерти; и нравственное переживание течения времени; и даже основы статистики нравов и т. д.

И все же главная, ключевая проблема: методологическое обеспечение развития этики. Арсенал методологии этических исследований может быть пополнен широким использованием (и дальней разработкой) **этического историко-аксиологического метода исследования**, спасшего от ловушек морализаторства и формализма. На этой основе чрезвычайно перспективен метод **«феноменологического моделирования»** нравственной жизни в ее **динамике** (см. П. Ландесман, Ю. Согомонов. Спор с пессимизмом, М., 1971).

Сейчас надо использовать для развития методологии все, что обещает, хоть какой-то, пусть частный, успех.

*) Из сб. «Самотлорский практикум». Тюмень, 1987.

НЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, А ЕДИНАЯ НАУКА

1. Ныне происходит расширение «пространства» человеческой свободы: прежде всего, это высвобождение «гражданского общества» (К. Маркс), т. е. совокупности неполитических, в том числе и нравственных, отношений из-под всеохватывающего контроля со стороны государства, преодоление догматизма идеологии и мировоззрения, развития гласности и плюрализма мнений. Снятие искусственных (не вытекающих из сущности социализма) ограничений свободы общественной и индивидуальной жизни невиданно расширяет социальную сферу морального выбора. При этом возрастает значение морального самоопределения индивида по отношению к обществу, другим людям и самому себе в развитии социально-регулятивного комплекса социалистического общества, в создании динамичной основы развития личности.

Если для улучшения нравов, испорченных десятилетиями сталинизма и застойного времени, определяющее значение имеют перестройка экономической системы и новая социокультурная детерминация, пронизывающая все сферы и уровни общественной жизни, то, в свою очередь, преодоление сил сопротивления в экономической и всех других областях предполагает опору перестройки на осознанный моральный выбор человека, в результате которого человек становится из единицы «человеческого материала» самостоятельным субъектом ответственных решений, влияющих на историческую судьбу социализма и всего современного общества.

Перестройка вносит новое в структуру и содержание морального выбора, ибо происходит громадное расширение горизонта мировосприятия, углубляется осознание реальных противоречий, меняется масштаб отношения индивида к прошлому и будущему. Современная ситуация морального выбора требует от человека развитой культуры чувств и навыков диалектической логики.

«Болевые точки» современной нравственности и воспитательной деятельности располагаются по линии перестройки нормативно-ценностных стереотипов поведения и общения и проявляются: 1) в ощущении девальвации и кризиса ценностей у представителей старших поколений, часть которых во имя их сохранения пытается остановить «поток грязи», положить конец «очернительству» нашей истории и т. д.; 2) в том, что развитие гласности и плюрализма взглядов вызывает у обывателя ощущение зыбкости картины мира и отсутствия надежных ориентиров в социальной действительности, порождая своеобразную «философию» самодостаточности семейной жизни и быта; 3) в том, что предприимчивые конъюнктурщики извлекают из обстоятельств бурного времени свои выгоды, ловко маскируясь и адаптируясь к перестройке и создавая тем самым еще одно звено в механизме сопротивления ей; 4) в релятивизме и нигилизме части молодежи, нравственные поиски которой протекают в условиях, принципиально отличающихся от условий молодости старших поколений, в принципиально новом психологическом климате и идейной атмосфере.

«Болевой синдром» воспитательной деятельности обязан своим происхождением глубокому поражению этой сферы административными методами и стилем субъектно-объектных отношений, а также разрыву между теорией и практикой воспитания. Самовоспитание воспитателей, конструктивная критика соционормативной системы и всеобщая переоценка ценностей -

«точки роста» в этой области.

2. Наиболее «болезненные точки» нашей этической теории - это вопрос о ее научных основаниях и проблема социальной компетентности этического знания. В общегуманитарном комплексе знания ненормальным с точки зрения марксовской идеи единой науки является отсутствие органических связей и системной целостности знания о человеке. Социально эффективная теория морали должна строиться как фрагмент единой системы знания о бытии человека (его прошлом, настоящем и будущем), исходя из реальных индивидов (по Марксу) и их противоречивых общественных отношений, в системе которых и существует «диалектическое тождество человека» (по отношению к родовой человеческой сущности, другому человеку и самому себе), образующее «клеточку» морали. В таком случае этика предстает как многоуровневая система знания о реальном функционировании указанного противоречивого отношения (выстраивающаяся в соответствии с логикой диалектического восхождения от абстрактного к конкретному), имеющая постоянные, логически необходимые связи (как на уровне методологических предпосылок, так и на уровне содержательной теории) со всеми другими науками о человеке, обществе, истории.

«Точки роста» этики и в целом социально-гуманитарного комплекса научного знания связаны с задачами объяснения механизмов нравственной эволюции социалистического общества, понятых сквозь призму исторической судьбы и культурно-исторических укладов разных народов и общностей. Актуальны этические исследования по теме «Человек и общество»: особый интерес вызывают те аспекты взаимодействия экономики, политики, морали в ходе социалистического строительства, в которых происходит наложение данного взаимодействия на особую историчность долговременных структур сознания и поведения, формирующихся у каждого народа и представляющих собой его культурно-историческое наследие (традиции поведения и общения, ценностные стереотипы и т. д.).

3. Этика может выполнить свои практические функции в нравственном поиске нашего времени, если перестроится в науку о нравственной реальности, отказавшись от традиционных претензий быть практической философией - претензий, которыми, по сути, санкционировались на статус этической теории либо наукообразные спекуляции обыденного разума, либо рационализация морального сознания. Ответить на вопрос о причинах деморализации общества, дать типологию нравов, раскрыть социокультурную детерминацию нравственной жизни человека, обосновать нравственные перспективы будущего - вот основные практические задачи этической науки нашего времени.

Социокультурный идеал современного этического знания - это, во-первых, система научного знания о морали, являющаяся органическим компонентом социально-гуманитарного комплекса знания, имеющая философские основания, теоретический и эмпирический уровни, включающая фундаментальные исследования закономерностей нравственной жизни человечества и способная на основе знания региональных, национальных, локальных особенностей нравственной жизни человека давать практические рекомендации по совершенствованию воспитания; во-вторых, это система, построенная на диалектико-логическом типе научной рациональности и открытая для научно обоснованных дискуссий, не связанная с каким-то определенным эталоном теоретизирования, но подчиненная поиску научной истины. Из лабиринтов схоластического мелкотемья пора выходить на уровень анализа глубинных нравственных процессов, пронизывающих всю «толщу» общественных отношений.

4. Сближение этики и практики должно быть опосредовано историзмом как способом видения современности, обращени-

ем теоретиков к традициям народной философии воспитания, к идеям этнопедагогики и народной мудрости.

Этическая экспертиза ситуаций морального выбора возможна в том смысле, что она проясняет конкретно-исторический характер объективных и субъективных условий морального выбора в типичных ситуациях, дает анализ возможностей и последствий осуществления выбора.

5. Целесообразно создание периодического издания «Этика и жизнь», на страницах которого велась бы широкая дискуссия представителями разных профессий и разных социальных групп (под направляющим воздействием этиков) по актуальным нравственным проблемам истории и современности.

Возможен международный исследовательский проект по теме: «Взаимодействие экономики, политики, морали в становлении социалистического общества: общее и особенное». В рамках этой программы необходимо, в частности, исследовать региональные и национальные особенности становления и эволюции структур духовно-практического освоения мира (хозяйственно-культурных традиций, религии, политико-правовой культуры, нравственности и т. д.) и детерминирующую роль культурно-исторического наследия в строительстве соционормативной и ценностной системы социалистического общества, в регуляции реального поведения людей. Дальнейшее развитие этики окажется малоэффективным, если этики не преодолеют привычные стереотипы и мыслительные навыки, созданные ограниченными рамками узкой специализации.

6. Происходит ли перестройка в этике? Заметных сдвигов нет ни в теории, ни в практике этических исследований и защиты диссертаций. Многое зависит от молодых кадров.

Ю. М. Федоров

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ЭТИКЕ

1. Все реформаторские движения в обществе вырастают из осознания объективной потребности присвоения человеком своих родовых сущностных сил более целостно и универсально, чем это осуществляется в наличной социальной ситуации. В ситуации социального застоя и стагнации ведущей тенденцией является репродуцирование, клиширование исторически преднайденных форм жизнедеятельности. Обезличенность социальных связей и отношений этого периода технологизируется нравственной нормотивистикой. При спаде уровня общественной жизни наблюдается взлет так называемого «нормотворчества». Нравственная жизнь людей скудеет в связи с бюрократической заорганизованностью и регламентированностью. Отсюда и центральная ее «болевая точка» - низкий уровень нравственной инновационности в реальном поведении людей, доминирование институциональных ролевых предписаний, возводимых специалистами в области этики в ранг моральных норм. Перестройка в общественной жизни непременно должна быть связана со сломом той системы нормативов, которая скрепляла «жесткими ремнями» человеческую индивидуальность с бюрократическими структурами. Инновационность, социальное творчество «технологизируются» не нормами, а нравственными ценностями, которые в системе реальных человеческих отношений должны обрести статус «наибольшего благоприятствования».

Моральный выбор в ситуации общественного застоя имеет свои особенности, связанные с необходимостью индивидам

адаптироваться к отчужденным социальным структурам, он нормативен по своему характеру, в нем отсутствует ценностное содержание. Если же индивиды все же попытаются своим нравственным творчеством привнести в него ценностный смысл, то, в идеале, возможны лишь два исхода такого выбора: а) социальный остракизм и полное отторжение человека из общественной жизни - воздействие бюрократии на отказывающегося «играть по правилам» и б) добровольный уход инноваторов из общественной жизни в те социальные ниши, в которых нормативы являются более «размытыми». Все остальные формы выбора лишь условно можно назвать нравственными, по сути, это различные ролевые модальности социального поведения. Необходимо выбору в системе так называемых нравственных норм (обозначаемого расхожим термином «выбор наименьшего зла») противопоставить выбор в структуре ценностных значений («выбор наибольшего добра»). В этой связи соответствующей «точкой роста» в современной нравственной жизни может стать активизирующаяся тенденция к подвижничеству, к гражданскому подвигу во имя сохранения социальной целостности.

2. «Болевой точкой» в состоянии этической теории является утрата ею культурологической, гуманистической определенности. Современная этика, в основном, занимается описанием тех «своих» объектов, которые лежат на периферии ее предмета и находятся на так называемой пограничной полосе, «ничейной земле». Она утратила вкус к фундаментальным исследованиям в ценностном ядре морали, все силы профессиональных этиков брошены для осуществления экспансии. Кризис в любой науке всегда сопровождается расширением предметной зоны, «колониальными захватами». И, наоборот, одним из свидетельств прогрессирующего развития знания является углубленный зондаж в эпицентре предметного ядра. Современная этика развивает лишь свою периферию (социологическая этика, психологическая этика, экологическая этика и проч.), претендуя все это свести в единую систему. Современный этик любит вставать в позу социального мыслителя и недоволен, когда его обвиняют в плоском морализаторстве. Этик должен быть не социальным мыслителем - это удел политологов и социологов, а подлинным гуманистом, моралистом, критикующим социальную действительность с позиции общечеловеческого идеала.

Предназначение этика совершенно иное, чем у социолога. Этик должен репрезентировать человеческое в социальном, а не социальное в человеческом. В этой связи назрела необходимость в создании альтернативы академической, институциональной этике - этики гуманистической, понимающей. На первых порах ее реальный предмет можно реконструировать по произведениям литературы и искусства, которые лишь сейчас возвращаются в лоно отечественной культуры и в которых нравственные ценности объективированы в образной форме. Перестройка в системе этического знания окажется возможной и реальной лишь тогда, когда профессиональные этики перейдут с позиции социального на позиции человеческого. Пока что их занимает лишь одна функция этики и нравственного воспитания - узкосоциальная (так называемая «эффективность нравственного воспитания»).

3. Этика как практическая философия должна постоянно заниматься строительством «ценностного реактора», способного удерживать, фиксировать в наличных исторических координатах плазму «человеческого духа». Именно в ценностных координатах хранятся смыслы человеческого существования, личностные модальности которых индивиды должны отыскивать самостоятельно. К сожалению, практическая философия превратилась в «практикующую философию», предлагающую готовые эталоны нравственного поведения, без их соотнесения с жизненными мирами реальных индивидов, без учета реальных тенденций в ну-

содинамике.

Основным типом теоретизирования в практической философии должно стать понимание, основанное на интенциональных свойствах познающего разума. Надо окончательно освободить этические исследования от методологических установок логического позитивизма, от натуралистического способа видения морали. Культурологический, культуротворческий тип рефлексии в этике должен стать доминирующим. Не нормативная, а ценностно-инновационная этика должна обрести свою парадигмальную определенность, стать центром комплекса знаний о морали и воспитании.

4. Этическая теория и моральная практика - два полюса целостной системы, которую можно обозначить термином «нравственная культура». Лишь целостное развитие человеческой культуры во всех сферах жизнедеятельности может служить залогом гармонизации связей между этической теорией и моральной практикой. Связи эти по своему содержанию ценностны и не поддаются технологизации и моделированию, не могут быть описаны средствами формальной культуры (выражение Гегеля), основанной на «чистых знаниях и нормах». Это противоречие разрешимо лишь при условии совмещения «этической рефлексии» и «нравственного поведения» в едином и целостном субъекте жизнедеятельности (Сократ, Христос, Толстой, Швейцер и др.). В случае крайней поляризации нравственной культуры на чистую этическую теорию и чистую моральную практику, она с неизбежностью вырождается в свою противоположность. Единственным направлением гармонизации моральной теории и практики является их встречное конвергирование в нравственных структурах «жизненных миров» реальных индивидов. Пора преодолеть необоснованные экспектации со стороны практиков, что теоретики им раскроют суть нравственности, а со стороны теоретиков, что практики им продемонстрируют свой положительный опыт. Первой попыткой объединить усилия и тех и других в решении нравственных коллизий является создание «целевых научно-производственных бригад» на деловых этических играх, методологическую проработку которых осуществляет группа прикладных этиков, возглавляемая профессором В. И. Бакштановским.

Этическая экспертиза призвана давать общую картину состояния субъекта нравственной жизнедеятельности и должна, в основном, исходить из «нравственной статистики». Основная ее цель - создание прогностических моделей развертывания «жизненных миров» индивидов и способов их генерализации в целостную нравственную жизнь общества в соответствии с требованиями общечеловеческого идеала. Этическое консультирование по своему содержанию должно быть согласовано с «интересами» человеческого, личностного в социальном. В таком случае объектом консультирования может быть и субъект управления теми или иными социальными структурами, но только в том случае, если получаемая им информация предназначена для повышения личностного уровня социума, а не для административного манипулирования.

5. Период застоя оставил нам в наследство огромное количество, мягко выражаясь, надломленных жизненных миров, которые необходимо «реконструировать», с тем, чтобы повысить творческий потенциал нашей культуры. Желательно разработать проект по гуманистической реабилитации этих людей (в отличие от социальной реабилитации пострадавших в годы культа личности), а это возможно лишь в случае подведения под этот процесс соответствующих ценностных инвариантов. На первых порах проект этот можно положить в основу специальной деловой этической игры.

Если победит тенденция, связанная с гуманизацией этического знания, то не в столь отдаленной перспективе можно

ожидать создания всеобъемлющей концепции человека, эвристические возможности которой озарят наиболее эффективные направления присвоения им своей универсальной родовой сущности. Если же победит тенденция, связанная с социологизацией этического знания, оно окончательно выродится в нравственную (а вернее, безнравственную) праксеологию.

6. Не хочется быть тривиальным, а потому повторю вопрос Пилата: «Что есть истина?» (применительно к этическому знанию). Истины в нравственности, в том смысле как она понимается «жесткой версией» эпистемологии, не существует, так как по своему содержанию она дескриптивна, а не ценностна. Но все же есть «нечто», что ее репрезентирует. Поиском эмпирических индикаторов этого «нечто» в морали и должна заниматься прикладная этика.

В. П. Фетисов

ВРЕМЯ СОКРАТОВ*

1. Нельзя, говоря о недостатках, абсолютизировать сейчас распространенность морального зла - сила здоровых тенденций в сознании и поведении советских людей достаточно велика. Однако и плохое, и хорошее существует хаотично, все чаще «переступается черта, разделяющая добро и зло».

Подобное «размывание границ» имело место и прежде, особенно накануне сильных социальных потрясений. Но прежде всегда была уверенность, что **порядок можно навести** и что он **будет наведен** после войны, революции, смены правительства, принятия новых законов и т. д. Сейчас же речь идет о совершенно ином уровне качественной неопределенности. Для нынешней «много повидавшей» и «окультуренной» беспорядочности, во-первых, сам «порядок» уже не мыслится как идеал, а во-вторых, не годятся прежние, скомпрометировавшие себя способы его «наведения».

Вот почему напряженность и проблемность современной нравственной ситуации я бы охарактеризовал так: **«Беспорядочность при невозможности наведения порядка»**. Соответственно, «точками роста» нравственной культуры могут стать и становятся сейчас те действия и меры, которые не «вносят порядок», а **«порождают порядочность»**.

2. В этическом знании трудность в том, что этика постепенно перестала быть философской наукой, исследующей специфику самой человечности. Рассуждения о морали ограничиваются кругом политических, хозяйственных и других задач и не доводятся до предельных оснований человеческого бытия в мире. Точно так же и философия перестала быть «нравственной» по проблематике, превратившись в чистую гносеологию, онтологию, социологию и т. д.

3. В связи с этим (см. пункт 2), сейчас лучше не ставить вопрос о **гносеологическом идеале** современной этики. Идеал этики, который нас всех интересует, вовсе не гносеологический, а скорее гуманитарно-философский. Любой уклон в гносеологию сейчас крайне нежелателен, так как отвлекает от решения главных этических проблем.

4. Каковы же реальные перспективы «перестройки» нравственной жизни? Ведь если бы речь, как прежде, шла о «наведении порядка», можно было бы заранее запланировать способы его «внедрения», поручить армии педагогов, воспитателей реализацию этих способов, периодически осуществлять контроль и т. д. Но как быть, если не «жесткий порядок», а «нежная порядочность» должна «зарождаться изнутри», а не «привноситься извне»? Любое планирование, управление, просвещение, в ко-

нечном счете, обусловлено делением людей на образованных и необразованных, высших и низших, аристократов и плебеев, номенклатуры и простых смертных, воспитателей и воспитуемых. Но именно такое деление перестает быть прогрессивным, и всякое напоминание о нем вызывает справедливое возмущение. В этом смысле положение безвыходное, так как готового выхода (так же как готового порядка) нет.

Выход надо **искать**. А для этого нужно прежде всего начать называть вещи своими именами. Называть везде - в школах, печати, на собраниях, встречах и т. д. Пусть станут открытыми для размышления и переживания все моральные плюсы и минусы. И тогда люди начнут **разбираться**. Не «им скажут», а **они скажут себе сами** и сделают выбор. Есть риск, что не разберутся вообще или разберутся не сразу, предпочтя выбор в пользу зла. Но лучше возможность спасения, чем действительность разложения. Поэтому этики сейчас не воспитывают - они подают пример порядочности, они говорят о самом главном, называя вещи своими именами. Их задача - будить себя и всех; обращаясь к первоосновам и первопричинам становления нравственности, помогать «рождению порядочности». Это время Сократов.

5. Изменения в этике должны быть направлены также на устранение упрощенного утилитарного обоснования морали критерием одной лишь общественной пользы и неспособности дать содержательную разработку изгнанным из официальной науки проблемам человеческого страдания и смерти. В этике недостаточно, говоря, например, о необходимости разоружения, охраны окружающей среды, апеллировать только к возможной гибели человечества. Чтобы современному человеку выжить, мало думать только о выживании. Нужно еще и бескорыстно любить - другие народы, другую жизнь. Второй недостаток - уход от рассмотрения сложных вопросов, с которыми люди сталкиваются в трудные моменты жизни, - приводит к тому, что место марксистско-ленинской этики занимают предрассудки и суеверия.

Нет и не может быть ни теории нравственного воспитания, оторванной от практики, ни практики нравственной жизни, оторванной от глубоких теоретических размышлений. Как раз там, где есть что-то одно, исчезает нравственность из предмета исследования и из поведения. Поэтому не стоит рыть «каналы для встречного движения» того, что двигаться уже неспособно. В нравственной философии и этическом сознании встречаться сегодня должны **единомышленники** с людьми **иной моральной ориентации**, с тем, чтобы обрести истинную человечность и укрепиться в ней.

*) Из сб. "Самотлорский практикум" Тюмень, 1987.

А. Б. Франц

УЧИТЬСЯ ИСКУССТВУ ВЫБОРА ИЗ ДВУХ ЗОЛ МЕНЬШЕГО

1. Болевые точки современной нравственности? Прежде всего - это развившееся до предела состояние морального отчуждения. Что имеется в виду?

Мы немного представляем себе, что такое экономическое отчуждение (в основном, из работ Маркса). Мы начинаем ставить вопросы о природе политического отчуждения. Но что такое моральное отчуждение, какова его природа?

На первый, самый поверхностный взгляд, моральное отчуждение представляет собой просто «деморализацию» человека, потерю веры в традиционные идеалы как принципиальное ослабление императивной силы общепринятых ценностей, массовое нарушение практикуемых нравственных норм и т. д. То есть, все то, что мы относим на счет «удушливой атмосферы эпохи застоя».

Необходимо, однако, подобрать теоретический ключ к аморализму и как феномену общественной психологии, и как факту жизни отдельного человека. Обратимся для этого к «устройству» самой нашей жизни, и прежде всего, к «конструкции» тех связей, что связывают нас в известное целое.

До недавнего времени мы были уверены, что главное отличие социалистического уклада жизни - это централизация всех общественных функций в руках государства. «Ценностным обеспечением» такого уклада являлась концепция «заботы о человеке». Однако, сегодня вполне очевидно, что централизующая мощь государства, развиваясь и усиливаясь, неминуемо переходит в силу «ведомств», растворяется в ней, то есть, переходит в свою полную противоположность, существуя, однако, под прежним флагом. А «просто человек», не отягощенный званиями, постами, знакомствами и т. д., «забота» о котором предполагается в качестве главной задачи государства, оказывается в действительности существом жалким и беспомощным, полной противоположностью своему абстрактному прототипу - объекту неустанной «заботы».

Абстрактный коллективизм в рамках формально-государственного обобществления жизни оборачивается реальной корпоративностью, групповым эгоизмом, то есть опять-таки своей полной противоположностью. Абстрактное равенство оборачивается в конкретике уравниловкой (что дополняется, с другой стороны, существенным неравенством). И так далее. Иными словами, сама «конструкция» наших социальных связей характеризуется противоречием абстрактного и конкретного: то, что в своих абстрактных определениях является белым, на уровне конкретного оказывается черным, абстрактный «плюс» прорастает конкретным «минусом», добро - злом.

Но самое страшное, что такая конструкция социальных связей, интериоризуясь, образует своего рода «эпистему» морального мировосприятия индивида. Что имеется в виду? Французский психоаналитик Жак Лакан, определяя бессознательное как «речь Другого», расшифровывал его как то, с чем человек интуитивно пытается утвердить свое абсолютное различие, как абсолютно чуждое человеку. Однако, ученик Лакана, Стюарт Шнейдерман, развивая эту мысль, приводит в качестве идеального образца этого «Другого»... самого Лакана - человека жизнелюбивого, талантливое, презирающего светские условности и т. д., то есть, Гуманиста в полном смысле слова.

Иными словами, морально отчужденный человек пытается утвердить свое абсолютное отличие от того, что мы называем гуманистическим началом в человеке, подавляет все абстрактно - человеческое, воспринимает его не иначе, как со знаком минус. Эго, например, любовь (чего стоит одно лишь отношение в массовой психологии к вопросам половой жизни); честность («правдолюбцев» мы тоже особо не жалуем), искренность (как мы оценим человека, начинающего по порядку отвечать на дежурный вопрос: «Как дела?») и т. д.

То есть, на уровне индивидуального сознания моральное отчуждение выступает как отчуждение от самого себя, вернее, от абстрактно-всеобщего в себе, от своей всеобщей человеческой сущности, подавление всего светлого и гуманного в самом

себе (а если возможно, то и в других: вспомним 37-й год, когда большинство дел начиналось с доноса на соседа).

И тогда уже на уровне моральной идеологии приходится убеждать свое сопротивляющееся сознание, что любовь - это хорошо, что честность - тоже хорошо, что хорошо поступать - должно. И это - самый печальный итог морального отчуждения.

«Точка роста» - разумеется, в поисках социальных структур, исключающих развитие отчуждения. Однако, перспективы здесь (пока, по крайней мере) просматриваются далеко не радужные. Ибо то, что мы называем «самоокупаемостью», «самофинансированием», «самоуправлением», «оптовой торговлей» и т. д., - все это в своем, очищенном от идеологических заклинаний, виде суть не что иное, как нормальный переход к нормальным товарно-денежным отношениям. И если мы не будем принимать всерьез миф о якобы существующем отличии «социалистических» товарных отношений от «капиталистических», то можно сделать вывод: этот переход, разумеется, жизненно необходим, на какое-то время он позволит снять социальное отчуждение. Но это будет временем, необходимым для полного развития потенциала товарно-денежных отношений. Ибо в числе их характеристик оказывается - как это показал Маркс - и механизм отчуждения, свой собственный, отличный от ныне действующего, но не менее «эффективный».

Отсюда - новая ситуация выбора. Думаю, нам придется отказаться от иллюзии, будто мы имеем возможность выбора (по крайней мере, в сфере социальных преобразований) между добром и злом. А чему придется учиться, так это искусству выбора из двух зол меньшего.

2. «Болевые точки» этической теории? Прежде всего, в неумении осуществить социальный (не обязательно - социологический) анализ существующих ценностей. Работа с ценностями, как с чем-то, данным от века (пусть даже - от социалистического века). Слабое понимание психологических механизмов смыслообразования в сфере морали.

«Точки роста» - в преодолении своих слабостей. То есть не в отходе от теории «поближе к жизни», а в теоретическом постижении жизни, в развитии подлинно теоретического, схватывающего суть дела анализа моральных процессов. В отказе от мифотворчества, когда красивыми заклинаниями о «социалистических идеалах» замазывается неумение понять сущность происходящих процессов.

3. Сегодня можно предположительно говорить, по крайней мере, о трех типах этической теории, могущей найти потребителя: «технократический» тип, «гуманистический» тип и «компенсационный» тип (впрочем, термины весьма условны и могут быть оспорены).

Первый, технократический, тип этической теории может быть схвачен в формуле: «Анализ нравственных тенденций общественной жизни и прогноз нравственных последствий управленческих решений». Задача - попытаться свести к минимуму тот потенциал отчуждения, которым обладает (и, похоже - с необходимостью) хозяйственная, политическая и любая другая общесоциальная деятельность, как в рамках существующих, так и предположительно возникающих социальных структур.

Второй, «гуманистический», тип теоретизирования ближе всего стоит к практике психоанализа, то есть к деятельности по снятию противоречий в моральном сознании индивида, противоречий, вытекающих из состояния морального отчуждения. Здесь задача - помочь человеку принять самого себя, отнестись без подсознательного отвращения к тому, что, в общем-то, составляет его человеческую сущность, данную человеку со знаком минус. Снять мучительный разлад человека с самим собой, харак-

терный для развившегося морального отчуждения.

Третий, «компенсационный», тип теоретизирования может заключаться в поиске возможностей для социального творчества людей, выявлении способов их неформального объединения, осуществляющегося до порога, после которого начинают развиваться процессы отчуждения. То есть, речь идет о поиске (или «конструировании»?) социальных структур, где человек мог бы выступить как творческая, а значит, неотчужденная личность, компенсируя тем самым хотя бы в какой-то степени свою вовлеченность в глобальную структуру отчуждения (семейные клубы, клубы по интересам, физкультурные, художественные объединения и т. д.).

4. Что касается практического потенциала этики, то отчасти мы осветили этот вопрос выше. «Научаемость» же практики - вопрос, боюсь, малопредсказуемый. По поводу практики, доставшейся нам от «вчера», можно сказать одно: наука там органически неприемлема.

5. Мои личные предложения сводятся к одному: попытаться развить этическую теорию (хотя бы в обозначенных выше направлениях) и посмотреть, что из этого получится.

Ф. В. Цанн

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

1. Перестройка не только выявляет «болевы́е точки» нашей нравственности, но, в известном смысле, и прибавляет новые. Призванная вывести наше общество из «предкризисного состояния», она может создавать и создает новые коллизии. Одну из них я усматриваю в том, что в ходе перестройки вынуждены прибегать к средствам для разрешения существовавших противоречий, которые, будучи эффективными сегодня, в исторической перспективе окажутся преходящими, более того, способными затормозить процесс революционного обновления. Поэтому их не стоит абсолютизировать, чтобы не оказались пророческими слова литературного критика, сказанные в полемическом запале: "Было время, когда кооперативы называли спекуляцией... Теперь настало время, когда спекуляцию называют кооперацией". Сегодня чрезвычайно важным является возвращение не только к гуманистическим ценностям и идеалам, но и к средствам, адекватным им. И не в принципе, а в каждом конкретном случае, памятуя, что идеал скрывается где-то за горизонтом, который и обозреть-то не всегда удастся, а средства применяются постоянно, но именно по ним и судят о нравственной сути перестройки.

2. "Болевой точкой" нашей этической теории является боязнь отказаться от стереотипа, наиболее категорично и однозначно сформулированного в "Марксистской этике". "Сама по себе природа не может рассматриваться в качестве морального субъекта... Природа в себе не содержит каких-либо моральных ограничений". Такой взгляд, отрицающий самоценность природы и не объясняющий интерес человека к ней в универсальном значении, потенциально содержит рецидивы утилитаризма. Мы хотели бы поддержать все более пробивающую себе дорогу точку зрения о расширении сферы применимости моральных критериев. Поэтому нам представляется, что вопрос о нравственных основах человеческого отношения к природе не может быть ре-

шен с достаточной последовательностью, если природа берется исключительно в естественно - научной интерпретации, а нравственность - только в значении моральности поведения индивида. Этика, по утверждению С. Л. Рубинштейна, должна быть частью онтологии, а онтология в свою очередь, учением о подлинном бытии (жизни) людей.

3-4. Место и роль этики могут быть правильно поняты только в контексте революционного обновления. Если цель перестройки, ее необходимость были, так сказать, вычислены, исходя из внешних и внутренних обстоятельств, подчиняющихся закономерной детерминации, то свободный выбор своего места в ней вычислить таким же образом невозможно. Речь идет о личностной субъективности, не подчиняющейся такой детерминации. И поэтому, между **целеполаганием** и **выбором** есть определенный зазор, дистанция. Коллизия между целеполаганием и выбором должна находиться в центре внимания практической философии. Думается, что в ней заключается ответ на вопрос, почему эйфория перестройки (рожденные ею надежды) сменилась тревогами и сомнениями. Цель перестройки приветствовалась всеми, очнувшимися от дремоты застоя, - в этом смысле мы все по одну сторону баррикады. Выбор же в ней своего места саморефлексии не поддастся. Вот на этом плацдарме и должна начать действовать практическая философия.

5. а) В условиях современной экологической ситуации новым смыслом наполняются слова Энгельса, сказанные, правда, по другому поводу: «Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым..., то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя...». Мы имеем в виду переоценку нашего отношения к различным западным этическим концепциям с ясно выраженной гуманистической ориентацией, в частности, к экоэтике, к «этике благоговения перед жизнью». Успешное развитие социалистического общества становится невозможным без учета отношения его к природе. Обязанности человека по отношению к природе приобретают этический смысл и включаются в структуру теоретической этики, а, следовательно, нуждаются в обосновании и конкретизации. Речь идет о выделении экологической этики, хотя этот термин закрепился за одним из формирующихся в буржуазной этике направлений. На наш взгляд, дело не в термине, а в существовании той ветви этики, ведущей разработку основных принципов и норм ценностной ориентации в отношении к живой природе через призму социально-гуманистического идеала. Экологическая этика в этом плане выступает не только регулирующим фактором поведения в повседневной жизни, но и представляет экологическое видение мира, показывает, «каким быть» субъекту экологической деятельности.

б) В условиях переломной ситуации следовало бы проявить большой интерес к философским концепциям экзистенциалистского, неопрейдистского плана, всегда уделявшим внимание человеческой субъективности, ситуативному выбору. Сегодня вопрос о формировании социальной активности не может решаться путем «усиления», «расширения», одним словом, максимализации у личности неких «положительных» качеств и «гашения» «отрицательных», не соответствующих текущему моменту. Следовательно, в переживаемое нами критическое время положение Маркса о революционной практике как **самоизменении** звучит столь же актуально, как и **изменении** мира.

6. Что нужно сделать, чтобы пробудить в нас стыд («Стыд - это уже своего рода революция», - Маркс)? Не дозировать правду.

РАСЧИСТИТЬ РОДНИКИ НАРОДНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ*

1. «Болевых точек» в нашем нынешнем состоянии слишком много. Самое трагическое зрелище - это видеть, как громадные силы: способности, таланты людей, в особенности, молодых, вянут, растрачиваются впустую, гибнут и растлеваются в пьянстве, разврате, стяжательстве или другим образом. Болит в нынешней ситуации многое, что ни тронь - все болит. Поэтому искать нужно общую причину, прежде всего причину того, что силы и способности человека (главное богатство, как известно) не находят себе применения, достойного поприща. Объясняется это, в основном, тем, что в течение долгого времени пытались определить все и вся сверху, директивным способом. Здесь фокусируются, на мой взгляд, причины множества явлений, которые мы называем отрицательными.

Выход - в создании таких условий, в которых каждый мог бы найти себя в большом жизненном деле, в служении людям, Родине. Именно в служении, а не в самоутверждении, не в простом сочетании личного и общественного материального интереса. «За лучшую работу - большая плата» - лозунг нужный, но он не решает еще всей проблемы. Труд за плату - не то же, что труд по способностям.

Из великой идеи вытекает великое дело, замечал Ф. М. Достоевский. Без этой великой идеи (не книжной, а идеи-чувства, идеи-стремления) и вытекающего из нее дела-призвания нравственности не на чем удержаться. В этом смысле проблема веры является главной для нас, да и для всего человечества в целом. Безверие хуже всего, оно означает утрату высшего смысла жизни и ведет к самоумерщвлению человеческого в человеке.

«Точки роста»... Это оживление начал народной нравственности, самоуправления. Курс XXVII съезда КПСС на развитие демократии и социалистического общественного самоуправления является единственно верным путем. Необходимо расчистить родники народной нравственности. Продолжать движение можно только на базе достигнутого предшествующими поколениями. Народ в тяжелейших испытаниях не утратил способности различать добро и зло, не называет плохого хорошим, искал не только материального благополучия, но и правды, правды, может быть, жаждал более всего.

2. «Болевые точки» и «точки роста» в этике соответствуют общему положению дел. Главное препятствие - бюрократизм и казенщина, догматизм и начетничество. Эта отрасль философского знания, как и другие, была отчуждена - этики не чувствовали себя вправе самостоятельно осмыслять и переосмыслять проблематику, их мышление было зажато в узкие догматические рамки, что отразилось и на языке понятий. Самое интересное превратилось в самое скучное, в самое отдаленное от жизненных интересов человека.

В соответствии с общими установками мораль и нравственность рассматривались, в основном, как средство (одно из средств) управления людьми, мораль трактовалась как способ регуляции поведения (между тем, никогда она не могла взять на себя миссию регулировать поведение - всегда требовались более жесткие способы правового или экономического принуждения), как совокупность требований, предъявляемых обществом личности и поддерживаемых силой общественного мнения (между тем, нравственность требует нередко поступать вопреки общественному мнению). Эти моменты затеняли главное, то, что нравственность - это способ духовного самоопределения и бытия человека.

В теории воспитания главной, доминирующей идеей оказалась концепция интериоризации, т. е. внедрения в сознание людей выработанных представлений и норм. Эта концепция возобладала в предвоенный период и связывается обычно с именем Л. С. Выготского. Между тем, все великие педагоги сравнивали воспитание не с наполнением порожнего сосуда, а с возжением светильника. Глубоко отрицательно отношусь к всякого рода проектам управления нравственностью, считаю такую постановку вопроса морально ущербной. «Точки роста» в том, что пробивают себе дорогу противоположные указанным тенденции.

3. Гносеологический идеал современной этики. Если правильно понял вопрос, то, думаю, цель состоит в соединении ценностей и истины, в преодолении разъединенности ценностного и научного подходов. К этому идет современное естествознание в лице крупнейших его представителей и одновременно гуманитарное знание. В этике же можно найти как проповедь ценностей без их научного обоснования, так и научные рассуждения о добре и зле, не содержащие в себе никакого нравственного посыла. Последнее, на мой взгляд, хуже.

4. В «банк идей» для перестройки сферы нравственной жизни нужно положить прежде всего то богатство, которое выработано нравственной жизнью народа; восстановление ценностей, отвергнутых в свое время, является едва ли не главным условием движения вперед. Были некогда дискриминированы понятия «добра», «совести». Нравственная жизнь не может существовать без представлений о святости (скажем материнства, труда земледельца, отношения к Родине), сокровенного (того, чего касаться нельзя), тайны (другой во многом тайна, и сам для себя человек тоже во многом тайна), трансцендирования (выхода за пределы наличных целей, несводимости морального стремления к конкретной цели) и др. Надо восстановить в правах стыдливость, совесть (вопреки раздающимся призывам психологов и социологов о преодолении стеснительности и устранении всяких табу). Нравственность (в этом ее сходство с запретами, табу) не основывается на практической целесообразности, нельзя, например, к матери строить отношение на чисто рациональных началах.

5. Наша этика заметно развилась бы в нужном направлении, если бы освоила русскую нравственную философию XIX - начала XX столетия, прежде всего - идеи, содержащиеся в классической художественной литературе.

Встреча теории и практики в сфере нравственного воспитания будет обусловлена встречей инициатив и идей, выдвинутых руководством партии, с движением снизу. Многие проблемы воспитания решатся тогда быстро и легко - коллективными усилиями. Успех зависит не от гения в области этики и теории воспитания, а от передачи возникающих вопросов на разрешение коллективам. Подчеркну необходимость обращения к народной педагогике (она многие века оправдывала себя). Это имеет не меньшее значение, чем обращение современной медицины к народной медицине.

6. Как устранить нравственные пороки?

Некоторые считают, что нужно создать такие условия, при которых людям не будет требоваться усилий для совершения нравственных поступков. Устраните дефицит - не будет спекуляции, толкучек и т. д. Если платить по труду и исключить нетрудовые доходы, все будут работать и т. д.

В сущности, это мысль о том, как обойтись без нравственности, ибо нравственность требует усилий над собой, самоотречения, служения. Разрешение проблемы нравственности - не в подчинении долгу вопреки влечениям и не в следовании влечениям, пренебрегая долгом, - это разрешение в изменении и влечений, и требований долга, в том, чтобы мы любили служение

добру. Всеразрешающей силой в области нравственных отношений является любовь.

*) Из сб. «Самотлорский практикум». Тюмень, 1987.

Ф. Н. Щербак

ПУСТЬ «САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ-2» НЕ БУДЕТ СПОРОМ ГЛУХИХ

1. Для понимания сегодняшней ситуации в сфере нравственной жизни необходимо признать наличие глубоких деформаций, произошедших за минувшие годы в общественной морали. Речь идет не только о фактах морального разложения отдельных социальных групп, погрязших в хищениях, спекуляции, взяточничестве, но и о падении трудовой морали в целом, о значительном снижении порога морально дозволенного в массовом сознании, об ослаблении чувств общественной солидарности, взаимопомощи и т. д. Есть основания говорить о серьезном кризисе фундаментальных ценностей морального сознания - ответственности, порядочности, честности.

Если бы речь шла о нравах тех или иных коррумпированных слоев общества и только (например, об образе мыслей и образе жизни торговой мафии или государственной бюрократии), то было бы, полбеда. Но сегодня мы видим признаки деградации массовой общественной морали, что чревато серьезными последствиями для духовного здоровья всего народа.

Для преодоления указанных тенденций, поистине, нужна перестройка всех сторон общественной жизни, но рассчитывать на быстрый успех не приходится. Психология общественного равнодушия, пассивности, конформизма, очерствление межлических отношений довольно глубоко проникли в массовое поведение, и требуется долговременная программа мер для изменения сложившегося положения.

Перед лицом этой ситуации этическая теория должна критически оценить свою общественную роль и сделать выбор. К сожалению, необходимость перемен пока (судя по публикациям) осознается слабо.

2. Современная этика пребывает в глубоком отрыве от реальных проблем нравственной жизни. И это состояние во многом определяется ее познавательной установкой исключительно на внутринаучные проблемы, на изучение морали как таковой, а не на практическую жизнь в ее нравственном измерении, т. е. не на нравственную практику. В итоге имеем парадокс: этическая теория почти все знает о морали вообще, но мало что вразумительного может сказать о моральных проблемах реальной жизни.

Не странно ли, что за три года перестройки не опубликовано ни одной этической статьи, где были бы подвергнуты профессиональному анализу нравственные аспекты процесса демократизации, гласности, самоуправления и т. д.

Практически ни один вопрос хозяйственной жизни (реформа управления, новые формы организации труда, кооперативные отношения и т. д.) не попали в зону интересов этической науки. Нет у нее интереса и к социальной сфере: отсутствует этический анализ проблем социальной справедливости, социального равенства, образа жизни и многих других.

Да разве мало других актуальных проблем самого различного содержания? Взять, к примеру, вопрос о целесообразности отмены в современных условиях смертной казни. Бурное обсуждение в печати этого предложения проходит без участия этиков.

Этическая наука ограничивается общими рассуждениями о человеческой личности как высшей ценности, но уклоняется от анализа конкретных общественных проблем. Все они оказываются недостаточно «специфичными», а потому и недостойными стать предметом этического анализа.

3. Поставим вопрос: не покушаемся ли мы на этическую теорию как таковую? Не отвергаем ли мы мораль как предмет этической науки? Нет, конечно. Но изучение морали как таковой, с нашей точки зрения, имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет затем выявить специфику «моральной компоненты» реальных практических отношений. Вне этой задачи постижение морали «само по себе и для себя самой» есть чисто спекулятивное занятие.

Важно не ограничиваться внутринаучными проблемами (разработкой категориального аппарата), а переходить к анализу нравственных проблем экономической, социальной, политической, духовной жизни. У нас, к сожалению, связь морали с жизнью трактуют чаще всего лишь в плане внешнего сопряжения: «мораль и политика», «мораль и культура», «мораль и общение» и т. п. Такая методология заведомо обрекает исследователя на сопоставление понятий, дефиниций и т. п. Но есть принципиально иной план их диалектического взаимодействия: нравственные проблемы реальной политики, моральная культура данного общества, нравственное общение в различных сферах общественной жизни и т. д., где «бытие морали» реализуется не вне, а в самой ткани жизненных процессов.

4. Несмотря на постоянные призывы сомкнуть теорию и практику, развитие этической мысли все более приобретает самообращенный характер. В оправдание ссылаются на статус теории, которая не может обойтись без саморефлексии, без абстракций и т. д.

Но спор не о том, нужна ли теории сила абстракции, категориальный аппарат и т. п. Суть в другом: допустимо ли застревать на абстракциях и не желать конкретности знания? А отсюда и другой вопрос: можно ли обеспечить теоретическую конкретность этического знания без обращения к практике?

Этика умудряется сохранять полную абстрактность в подходе к самым животрепещущим вопросам, искусно очищая их от практического содержания. Она умудряется, например, изучать общественное моральное сознание в отрыве от массового и индивидуального сознания, от реальных нравов, от поведения, в результате чего моральное сознание оказывается тождественным с абстрактными «моральными смыслами», понятиями как таковыми, моральными кодексами и т. п. Обращаясь же к феноменам индивидуального сознания, она чаще всего представляет их в абстрактно-психологизированном виде вне реального контекста конкретной жизнедеятельности, в силу чего этический анализ опять-таки вращается в замкнутом круге категориальных построений, классификаций и систематизаций элементов и т. д. и т. п.

Нет ни одной этической работы, где приращение теоретического знания осуществлялось бы на основе обобщения практического опыта нравственной жизни. Знание прирастает (если прирастает), главным образом, за счет логической дедукции, что в целом обрекает науку на круговорот идей, а если и случаются прорывы к новому, то только благодаря подсказкам «здорового смысла».

Отсюда и характер этических рекомендаций практике. Это чаще всего или советы того же «здорового смысла», или абстрактные заповеди предельной общности. Современная этика вообще не признает никаких гипотез, она формулирует «вечные

истины» (современная этическая натурфилософия!).

И это, конечно, не случайно, поскольку этическая наука (как и современная академическая педагогика) считает возможным разрабатывать теорию без обращения к практике. Между прочим, у нас написаны сотни работ по нравственному воспитанию молодежи, в которых нет даже упоминания об опыте учителей-новаторов. Прорывы этической мысли к новому сегодня связаны (и это надо признать!) не с наукой, а с художественной литературой и публицистикой.

Разумеется, науку нельзя заменить литературой, но и научные претензии должны иметь какое-то подтверждение.

5. Исходя из сказанного, предлагаю пересмотреть ряд укоренившихся догм современной этической науки и на этой основе уточнить некоторые господствующие ныне представления, в частности:

- преодолеть понимание морали как сферы сугубо духовных интенций, в полной мере реализовать эвристический потенциал концепции морали как способа духовно-практического освоения действительности;
- отказаться от представлений, согласно которым мораль - сфера исключительно должного, а не сущего (Мильнер-Иринин). Мораль по самому существу дела выступает как единство должного и сущего!
- преодолеть сугубо идеологизированный образ морали и перейти к целостному пониманию морали в единстве ее рациональных и социально-психологических аспектов;
- в полной мере признать статус морали за нравственной практикой, реальным поведением (разумеется, не сводя поведение к поведенческим автоматизмам);
- отказаться от третирования обыденного нравственного сознания как якобы лишено моральной специфики. Признать, что моральная специфика проявляется не только на категориальном уровне теоретического мышления, но и на уровне нравственной мудрости практического сознания;
- отказаться от абстрактных рекомендаций и поучений практике. Не поучать практику, а возвращать практике ее собственный образ, поднятый на уровень теоретического осмысления!;
- перестать заниматься самообманом, считая, что можно серьезно изменить нравственные отношения, нравственную практику в обществе, ограничиваясь лишь мерами идеологического влияния, этического просвещения моральных консультаций и т. д., радикально не меняя всю систему общественных отношений, хозяйственного механизма, политической демократии и т. д.;
- преодолеть чисто регулятивный подход к морали, понять мораль в единстве ее регулятивной и ценностно-ориентационной (мировоззренческой) функций.

На наш взгляд, мораль представляет собой исторически выработанный способ гармонизации общественных и личных интересов посредством внутреннего самоопределения индивидов в качестве суверенных субъектов деятельности и общения.

6. Мой дополнительный вопрос: чего нам не хватает? Не хватает обмена мнениями, диалога: мы вроде бы боимся спорить. Но если исходить из того, что цель нашего спора не в опровержении оппонентов, а в совместном поиске истины, то, пожалуй, следует рискнуть. Пусть Самотлор-2 не будет спором глухих.

1. СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА.

«Болевые точки и «точки роста» нравственной жизни и воспитательной деятельности в условиях района нового освоения.

2. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ, МНОГООБРАЗИЕ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. В чем, по Вашему мнению, состоит специфика нравственных и воспитательных проблем в нашем регионе? Если Вы приехали на Тюменский Север с Большой земли, сопоставьте ее нравственные условия и моральную атмосферу в регионе. Если Вы коренной житель области, укажите изменения в нравственной атмосфере, произошедшие в период освоения. Какие нравственные (и, соответственно, воспитательные) проблемы характерны для различных поколений участников освоения (молодежь, коренные северяне, ветераны-первооткрыватели). Есть ли моральные ценности, которые объединяют участников нового освоения? Если есть, то какие именно?

3. НОВОЕ ОСВОЕНИЕ КАК ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА. Как связана экстремальность ситуации нового освоения с нравственной жизнью человека, трудового коллектива? Способствует ли специфика ситуации нравственному возвышению личности, коллектива? Или, напротив, нравственно деформирует человека, способствуя либерализации, занижению нравственных требований («экстремальность все спишет...»). Порождает ли напряженность ситуации особое моральное мироотношение, своеобразный кодекс чести «Человека Севера»?

4. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НОВОГО ОСВОЕНИЯ: НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ. Ваши моральные оценки характерных для региона форм, методов, средств деятельности:

- вахтового метода работы; - форм интенсивного материального стимулирования; - экологической ситуации;
- изменений в образе жизни коренных национальностей Севера: - мировосприятия «временщиков»;
- будущего нашего региона (как представления о будущем отражаются на нравах сегодняшнего дня?).

5. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ И НРАВСТВЕННАЯ ПОРЯДОЧНОСТЬ. Считаете ли Вы неизбежным конфликт между требованиями «дела» и «морали»? В чем специфика этого конфликта в условиях нового освоения? Что нового вносят в отношения «дела» и «морали» радикальная экономическая реформа и демократизация всех сторон жизни общества?

6. «БАНК» ИДЕЙ, ПРОЕКТОВ, ПРОГРАММ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МОРАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЫ В РЕГИОНЕ, ПО РАЗРАБОТКЕ ЭТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ НОВОГО ОСВОЕНИЯ. Ваши предложения:

- по развитию социального творчества и преодолению социальной апатии, внедрению социальных нововведений;
- по разрешению проблем социальной справедливости;
- по преодолению деиндивидуализации общественной жизни, обезлички, критическому осмыслению формулы «коллектив всегда прав»;
- по развитию коренных народов Севера;
- по совершенствованию деятельности идеологических институтов, повышению качества работы партийных, советских, комсомольских, профсоюзных, хозяйственных организаций в оздоровлении морального климата в нашем регионе.

7. ВАШ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВАШ ВАРИАНТ ОТВЕТА НА НЕГО.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОРАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЫ В РЕГИОНЕ - ПУТЕМ ОБНОВЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ

1. «Болевыми точками» региона, на наш взгляд, являются:

- нарушения экологической среды: уничтожение и повреждение тундры, тайги; загрязнение воздуха и водоемов; истребление птиц, зверя, рыбы; водные источники, почва и цедра загрязняются промышленными и хозяйственными отходами, горюче-смазочными материалами; повреждается растительный покров почвы вне он отвода; ведется самовольная разработка карьеров, не проводится рекультивация; отсутствие строительства очистных сооружений; сброс в реки, являющиеся нерестилищем ценных пород рыб, отравляющих веществ.

При строительстве нефтепроводов допускается варварское отношение к лесу, который вырубается под просеки сотнями куб. м. и в дальнейшем не используется, гниет. Только за последние 5 лет в области потеряли свое рыбопромысловое значение 17 рек, на которых добывалось ежегодно около 4 тыс. тонн рыбы, в том числе и ценных пород. В процессе промышленного освоения газовых месторождений полуострова Ямал в ближайшее время будет выделено из пастбищеоборота около 1 млн. га оленьих пастбищ, 1,2 млн. га охотоугодий.

- вмешательство в условия жизни и быта местных жителей. Наступление «цивилизации» влечет за собой изгнание их с насиженных мест, изменение их уклада жизни, ведения ремесла, рациона пищи.

- уничтожение полезных ископаемых: нефти и газа. Сырье не перерабатывается, а перегоняется за границу. Попутный газ сжигается в факелах, его энергия равнозначна мощности ежегодно вырабатываемой энергии Красноярской ГРЭС.

- изменение психологии, сознания людей, «приобретение» права на нарушение нравственных и правовых норм (приписки, искажение отчетности, хищения социалистической собственности). В этих условиях формируется убеждение: «победителей не судят», укрепляется ощущение неординарности. Значительные заработки и низкая покупательная способность постепенно порождает накопительство.

- «вахтовый метод», не оправдывающий свое назначение. Дорогой и непроизводительный. Только за прошлый год на использование этого метода израсходовано 120 млн. руб. Это нестабильный социальный коллектив, отличающийся, в связи с этим, социальной разнокалиберностью, профессиональной неподготовленностью, высоким уровнем травматизма, более высокой криминогенностью.

- привлечение на Север все новых и новых людей требует огромных капитальных вложений, поскольку содержание каждого человека на Севере обходится в 40 тыс. руб. ежегодно.

- отсутствие строительной базы на месторождениях порождает «кладбища техники». Крупномасштабное освоение региона порождает столь же высокий уровень бесхозяйственности с использованием и хранением дорогостоящего оборудования, зачастую импортного, которое оплачивается золотом.

- наличие интернациональных коллективов со своими столовыми, рационами, другими преимуществами обособливает их, делает неравноценными отечественные коллективы, принижает и озлобляет их.
 - отсутствие нефтегазоперерабатывающего производства при скоплении большого числа людей на Севере порождает проблему их занятости.
 - проблема ведомственности расслаивает людей, порождает их отчужденность. Каждый Главк, управление на Севере имеют свои АТС, флот, транспорт, базы, магазины, районные коэффициенты и даже неучтенные поселки - «резервации».
 - проблема притока на Север научных работников для работы на рядовых должностях в целях получения большего заработка.
 - проблема борьбы с браконьерством.
- «Точки роста»:
- создание перерабатывающей промышленности, приближенной к месторождениям;
 - оказание помощи коренному населению, создание для них соцкультбыта;
 - развитие региона дает широкие возможности для проявления инициативы в хозяйственном механизме;
 - масштабность освоения региона способствует формированию руководителя с широким «углом зрения» на производственные и общественные процессы, таким образом, Тюменский Север является кузницей кадров хозяйственных руководителей;
 - Тюменский Север - реализация принципа интернационализма в многонациональном государстве.

2. Специфика нравственных проблем состоит в стремительности их возникновения и потребности быстрого их разрешения. Особенность нравственных ситуаций на каждом этапе нового освоения - конфликт с правовыми нормами. В динамике нравственных ориентиров прослеживается нравственный потенциал первопроходцев, сменяющийся доминированием сугубо материальных потребностей: хорошо заработать, устроить свою судьбу - выйти замуж (жениться), заработать повышенную пенсию, получить жилье на Большой земле. На Севере проявляется терпимость друг к другу, действует принцип «разумного эгоизма», наблюдается взаимопроникновение взглядов ветеранов Севера и молодых (по вопросам оплаты и реорганизаций).

3. Экстремальность ситуации в нравственных аспектах поведения людей обусловлена первоначальной целью их приезда на Север. Возможные вариации выбора поведения базируются на опыте предшественников и коллег. Экстремальные условия лишь на отдельных личностях оказывают возвышающее влияние, в широком же масштабе они оказывают деформирующее влияние на личности, коллектив, значительно занижают (размывают) верхние уровни моральной ответственности, отчасти порождают двойную мораль. Постоянное пребывание в условиях «двойной морали», борьба за «выживание», стремление заработать больше и в кратчайший срок создает напряженный ритм жизни и работы. Стремление вернуться в этот замкнутом круге объясняется необходимостью обеспечения накопления определенных благ «на потом», на будущее, когда можно будет жить спокойно и беззаботно. Трансформация морального сознания в этой ситуации приводит к «коллективному индивидуализму».

4. В условиях нового освоения неизбежно возникают нравственные коллизии. Наиболее ярко выраженные проявляются в сознании у большинства жителей Севера ощущением некоего превосходства над всеми остальными, ощущением купчиков. Постепенно утрачивается чувство реального рубля (стоимости), реальной возможности приобретения дефицитных или престиж-

ных вещей. Гарантией приобретения служит возможность повышенной оплаты (покупка дорогого автомобиля, значительная переплата за бутылку водки, возможность «шикануть» в продолжительном отпуске, кутить в ресторанах и т. д.).

Нравственная коллизия возникает в вопросах охраны окружающей среды. Многие работники, обладая достаточно высоким уровнем образования, продолжают с тупым упорством, в угоду плановым показателям, целям производства, высокому заработку, получению премий, уничтожать природу, подчас уникальное ее образование - тундру, загрязнять водоемы нефтепродуктами, обрывать линии электропередач, отступать от технологии строительства трубопроводов.

Нравственная коллизия проявляется и в «изгнании» коренных жителей с их исконных земель, в принуждении их заниматься не свойственными делами, в насильственном процессе обучения детей в школах в периоды, когда их родители уходят со стадами оленей в тундру.

Изменение моральных установок, вернее, нравственного поведения людей, приезжающих на Север качать нефть и «деньгу», не проходит бесследно и для мировосприятия коренных жителей. От первоначально доверительных отношений к «пришельцам», когда за бесценок меняли пушнину на спирт, а впоследствии спивались, коренное население постепенно переходит в состояние копирования некоторых сторон жизни покорителей Севера. Поскольку лица, в большей части осваивающие Север, - люди временные (временщики) и живут по законам «временной» морали, которую (вероятно), изменяют на Большой земле, коренное население подражает, а затем и впитывает (порой бессознательно) эту «временную» мораль, которая закрепляется в их сознании, в дальнейшем превращаясь в стереотип.

5. В условиях нового освоения неизбежен конфликт между практической деятельностью и общественной моралью. Специфика этого конфликта заключается в том, что практическая деятельность и мораль в нашем регионе сталкиваются в обостренных, крайних формах и порой антагонистичны.

Если мораль - общечеловеческая функция, имеющая свое значительное прошлое (т. е. исторична), если и изменяющаяся со временем, то постепенно, т. е. эволюционным путем, то практическая деятельность - сравнительно молодая, не знающая ранее таких стремительных темпов развития и, стало быть, обгоняющая мораль. Но, в отличие от морали, практическая деятельность подчиняется в своем развитии не внутренней логике и тенденциям, а требованиям плана развития региона, повышенным обязательствам Главков и министерств (командный путь), в угоду требованиям не в меру ретивого руководителя (волюнтаризм). Развитие практической деятельности носит динамичный характер и обусловлено и жизнеспособно лишь при условии неиссякаемости нефтяных и газовых месторождений, а также открытии новых. С существенным ограничением или прекращением сырья развитие практической деятельности обречено, тогда как мораль, имеющая исторические корни и развивающаяся значительно медленнее, отстающая от практики, имеет основания для выживания. В этих условиях «перетягивания каната» между моралью и практической деятельностью победа будет не за тем, кто активнее и сильнее, а за тем, кто устойчивее.

Модное течение культивирования предприимчивости касается преимущественно практической деятельности, стимулирует ее, зачастую, на основе отрицания или пренебрежения моралью. «Победителей не судят!» Заманчивый и пьянящий лозунг! Подобно алкоголю, сладко и медленно развивающийся в порок, который плохо поддается лечению. В условиях действия старых правовых норм, которые сами по себе являются моральной ценностью, поощрение предприимчивости на основе отрицания мо-

ральной ценности, закреплённой в праве, есть не что иное, как авантюризм. Призыв к предприимчивости, а на его основе - к интенсификации производства, без уравнивания этой позиции нормами морали и права лишь усилит их антагонизм, что в дальнейшем будет приводить к деятельности, нежелательной для общества. Стремительное развитие производства заставляет плестись далеко в хвосте другие службы, в том числе, такие, деятельность которых направлена на строительство природоохранных объектов. Однако, предприятиями ряда Главков области систематически не соблюдаются сроки строительства и ввода в эксплуатацию очистных сооружений. Обуреваемые жаждой предприимчивости, увеличения добычи нефти и газа, крупные руководители и рядовые работники ущерб, наносимый природе, а тем более, моральный ущерб, вообще не замечают. От протестов местных жителей и специалистов демагогически отмахиваются: «Нам бы ваши заботы, у нас дело государственной важности», как будто, по их мнению, государственное дело состоит в том, чтобы истреблять собственное богатство. На этом рубеже нормы морали, «униженные и оскорбленные», вопиют к нормам более жестким, «примитивно-запретительным» - нормам права. Радикальная экономическая реформа ускорит течение вышеуказанных процессов, тем самым еще больше увеличит разрыв между моральными и правовыми нормами. Однако, в условиях демократизации всех сторон жизни общества голоса моралистов не должны потонуть в грохоте развивающейся цивилизации!

6. Совершенствование моральной атмосферы в регионе, мы полагаем, возможно путем обновления действующих правовых норм, предпосылкой создания которых станет глубокое исследование региона специалистами с учетом происходящих объективных изменений окружающей среды и структуры общественной жизни.

7. Окажет ли какое воздействие обсуждение перечисленных вопросов на совершенствование моральной обстановки в регионе?

Теоретическое осмысление проблем, встающих в полный рост на Тюменском Севере, имеет государственный масштаб. Задача, стоящая перед симбиозом ученых и практиков, на наш взгляд, состоит не столько в обозначении этих проблем, сколько в обосновании неизбежности конечных отрицательных результатов, обладающих огромной разрушительной силой, которая тем сильнее, чем менее значимыми кажутся нравственные проблемы на современном этапе, в свою очередь, являющиеся идеологическим средством управления экономикой и жизнью общества.

Н. А. Алексеев, С. В. Сухарева

СИТУАЦИЯ ОСВОЕНИЯ ОСТАЕТСЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ИЗ-ЗА ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

4. Ситуация нового освоения, на наш взгляд, принципиально не порождает каких-либо новых нравственных проблем, она лишь обостряет, выводит наружу в более явственной форме то, что имплицитно заложено в том или ином обществе. Это касается и всех проблем освоения Тюменского Севера.

1. Наиболее значимой «болевым точкой» нашего региона и страны в целом остается проблема воспитания подрастающе-

го поколения. Обострится, на наш взгляд, в условиях перестройки хозяйственного механизма отечественной экономики и проблема взаимоотношения между уровнем экологического сознания и ориентацией на получение прибылей. И, наконец, третья проблема, решение которой во многом будет определять нравственный климат в регионе - проблема реального повышения уровня благосостояния народа (жилье, продукты, доступность культуры и т. п.), т. е. степень воплощения в жизнь намеченной в стране программы социального развития.

2. Современное состояние нравов региона во многом определяется политикой освоения Тюменского Севера 70-х - начала 80-х годов. Это сложное в нравственном отношении время совпало с периодом бурного роста городов на Севере, развитием их инфраструктур, относительной стабилизацией кадров и т. п., что позволило, несмотря ни на что, пошатнуть психологию «временщика». Однако полностью ее изжить не удалось (во многом и из-за общего нравственного климата в стране), скорее можно говорить о смещении акцентов. Если раньше эта психология выражалась в принципе: «поработаю (заработаю) и уеду», то сейчас: «да, я здесь живу, но эта жизнь не основная (?), основная (интересная) там - на Большой земле». Это смещение акцента изменило в какой-то мере отношение к месту жительства, частично - работе, но до подлинного чувства хозяина еще далеко.

Подобная позиция, несомненно, создает базу и для определенных противоречий «покорителей» и коренных жителей, накладывает отпечаток на воспитание молодежи. Имея в виду разнообразие моральных ценностей различных групп жителей региона, мы условно данную ситуацию называем «многоукладностью нравственного климата».

3. Сегодня при освоении новых районов сталкивается множество противоречивых тенденций. Установка типа «Север все спишет» не вписывается в изменяющееся экологическое сознание. Возрастание личной ответственности снижает возможности спрятаться за некое аморфное «мы», «общее», «так все делают» и т. п. В нравственно-психологическом плане это - экстремальная ситуация, причем, точкой опоры для ее разрешения является диапазон и уровень социальной активности личности. В то же время сегодня, несмотря на обострение противоречий, еще рано говорить о каких-либо существенных трансформациях нравственных ориентаций покорителей. Противоречия обострились, а будут ли они успешно решены, зависит от последовательности в проведении новой экономической политики.

5. Противоречия между «делом» и «моралью» не являются неизбежными, а возникают, на наш взгляд, в двух случаях: а) в экстремальных (объективных и субъективных) ситуациях, где отсутствует возможность осмысления и разработки программы действий и б) в условиях относительно нормального функционирования общества при создании искусственных условий («двойная» мораль, бюрократизация и т. п.).

Последний фактор ослабляется (и, будем надеяться, снимется полностью) за счет проводимой экономической реформы и демократизации общества. Что касается первого фактора, то нравственно-психологически ситуация освоения продолжает оставаться экстремальной из-за обезличивания ответственности. Преодоление этого фактора вызовет к жизни непротиворечивое софункционирование предприимчивости, компетентности, нравственности. «Конфликт» в этом случае переместится из плоскости «дело - мораль» в плоскость «личные - общественные нравственные ценности» в собственном смысле этих слов.

6. Учитывая «многоукладность нравственного климата» в регионе, обостренность нравственных проблем ситуацией нового освоения, целесообразно, на наш взгляд, в районах, подобных Тюменскому, создавать специальные, отдельные (хозрасчет-

ные?) научные подразделения, работающие сугубо на решение социально-нравственных проблем, в его состав должны входить этики, социологи, психологи, специалисты в области культуры, статистики.

К. Г. Барбакова

А ВЫ БЫ ПОЕХАЛИ НА ТЮМЕНСКИЙ СЕВЕР ЖИТЬ И РАБОТАТЬ?

1-2. Анализ проводимых в течение 10 лет результатов интервальных социологических исследований*) различных сторон жизнедеятельности трудовых коллективов региона дает возможность создать его социально-нравственный портрет в определенной целостности, с учетом изменения и тенденций развития отдельных его черт.

Стремление к совершенству, к идеалу вызывает естественное чувство неудовлетворенности отставанием многих социально-нравственных аспектов образа жизни от нормативных, обуславливая резко критический настрой при рассмотрении отдельных элементов общего портрета. Но, на мой взгляд, представляется целесообразным прежде всего подчеркнуть позитивные качества или «точки роста» нравственных характеристик субъекта нового освоения.

В исследованиях четко прослеживается рост осознания личностной сопричастности к делам региона, к его достижениям и просчетам как исходного момента формирования у работников чувства ответственности и чувства хозяина. Широко распространенная в 70-х годах психология, "выраженная тезисом: я человек маленький, начальству виднее, - постепенно заменяется растущим самоуважением, непосредственно связанным с гордостью за свою работу. Так, строители Надыма и Нового Уренгоя, Ноябрьска и Нефтеюганска подчеркивают в ответах красоту созданных ими домов, утверждая, что их город комфортнее, лучше, чем другие города Тюменского Севера (например, 54,9% опрошенных рабочих и 34,2% ИТР производственно-строительного объединения Надымнефтежилстрой пишут в 1987 году, что вернулись бы на данную работу и в том случае, если бы им пришлось ее прервать).

Это подтверждается и тем, что, заключив договор на 3 года, значительная часть респондентов - почти каждый четвертый - продлевает его не один раз. При этом высокую зарплату в качестве стимула называют 26,6% рабочих и 3,3% ИТР. Безусловно, то, что выражается на уровне вербально-прожективном, не всегда совпадает с поведенческим, но факт расхождения, в свою очередь, фиксируя степень рассогласования знания системы общезначимых ценностей и осознания их, становится обязательным условием выработки эффективных методов воспитательного воздействия.

К «болевым точкам» нравственной жизни следует, по-моему, отнести развитие, особенно у молодежи, потребительской, иждивенческой психологии как определенный результат девальвации нравственных ценностей. Особая опасность ее заключается в том, что она ведет не только к деформации личности, но и к определенному изменению общественных отношений.

Районы нового освоения своеобразны по организации труда и быта работников, по их социально-демографическим, социально-этическим, профессионально-квалификационным и др. признакам. Постоянно растущие потребности в рабочей силе обусловили приток ее из разных регионов страны, из различных социальных групп, но, как правило, преимущественно моло-

дежного возраста. Исследования свидетельствуют о постепенном изменении мотивационной структуры мигрантов. Так, например, респонденты старшего поколения, проживающие в северных районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса с конца 60-х - начала 70-х годов, в качестве стимулов приезда называют общественно-значимые, материальные ставят на третье-четвертое место; а среди опрошенной молодежи, работающей в этих районах со второй половины 70-х годов, каждый второй называет в качестве основного мотива приезда стремление получать высокую зарплату. Социализм предусматривает трудовую деятельность масс, обусловленную материальной заинтересованностью и гражданственным энтузиазмом. Поэтому сам факт заинтересованности в повышении заработной платы не является показателем наличия потребительской психологии. Но когда материальные стимулы выступают единственными мотивами не только труда, но и всей жизнедеятельности человека, тогда происходит искажение нравственных ценностей. Молодые люди, приезжающие в северные районы, считают, что они имеют полное право получать все блага до их собственного вклада в процесс освоения. Необходимо подчеркнуть, что потребительская психология детерминирует не только вещизм, не только стремление любой ценой удовлетворить свои потребности, но и обуславливает доминанту потребителя над производителем в личностной структуре качеств, а, следовательно, и в самом образе жизни человека.

Принято рассматривать потребительскую психологию как порождение неправильного воспитания, как следствие педагогического невежества родителей, формирующих в своих детях эгоистические, иждивенческие наклонности. Воспитанный таким образом молодой человек эти иждивенческие настроения распространяет и на трудовые коллективы, и на общество в целом. Безусловно, такая точка зрения является верной. Но при этом - необходимо подчеркнуть, что корни потребительской психологии существуют и в объективно сложившихся общественных отношениях.

К. Маркс подчеркивал, что «по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда»¹. Создается видимость, что результаты производственной деятельности в равной мере принадлежат всем, независимо от трудового вклада. Общественная собственность, позволившая частично перераспределять национальный доход не по труду, а по потребностям, увеличила эту видимость, обуславливая уравнивательные тенденции в процессе распределения. Принцип социалистических распределительных отношений стал искажаться в практике хозяйствования. В районах нового освоения некоторой частью молодежи он воспринимался таким образом, что, якобы, только за факт приезда в эти края нужно платить. В тени оставалось требование - каждому по труду, в той же мере, как и первая часть социалистического принципа распределения - от каждого по способностям. Перестройка хозяйственного механизма, направленная на диалектику качеств производителя и потребителя, на создание условий свободного развития и применения физических, духовных способностей работника, с одной стороны, и соответствующей оплаты его трудового вклада, с другой, становится важнейшим воспитательным средством оздоровления социально-нравственной жизни региона.

3-4. В районах нового освоения Тюменского Севера экстремальность климатических условий взаимодействует с экстремальностью обстановки, создаваемой «усилиями» организационно-производственной деятельности.

Сложность климата и естественные трудности процесса нового освоения порождают позитивные нравственные ориентации личности, ее стремление к самоутверждению, к самореализации, т. е. романтику, присущую первопроходцам, сплоченность, са-

моотверженность людей, решающих серьезные задачи (особенно наглядными в этой связи являются показатели ценности, ориентаций бойцов ударных комсомольских отрядов, в системе которых на первом месте стоят общественно - значимые мотивы). Но экстремальность **создаваемых** условий вызывает резко отрицательное отношение, порождая нравственные коллизии. Ярким примером влияния «безнравственной» обстановки на становление неэтичного отношения людей друг к другу является организация процесса освоения по национально-территориальному признаку. Создание украинского, латышского и др. поселков (например, в Ноябрьске) с полным «своим» обеспечением, «своим» клубом, спортзалом, магазином,... забором порождает социально-этическую разобщенность, деформируя интернациональные чувства, прежде всего, молодежи.

Отсутствие должного уровня демократизма в трудовых коллективах, бытовавший повсеместно командно - административный стиль управления обуславливали определенную отчужденность социально-профессиональных групп. Так, в исследованиях 1986-1987 годов, опрошенные инженерно-технические работники считают, что 10,83% из них работают только ради зарплаты, а среди рабочих таких 65,10%. Рабочие же считают, что для 24,76% ИТР и для 34,28% рабочих главным стимулом трудовой деятельности выступает зарплата. 36,19% респондентов считают, что их непосредственные руководители не соответствуют занимаемой должности, только 6% рабочих и 16% ИТР видят в своих руководителях пример отношения к людям. Анализ этих и других данных социологических исследований свидетельствует об отсутствии уважения друг к другу, столь необходимого для эффективного совместного труда.

6. По-моему, достаточно мы проводили и проводим опросов экспертов. Нам всем кажется, что мы хорошо знаем, что делают и что думают различные социальные группы, принимающие участие в освоении Тюменского Севера. Необходимо учитывать именно их мнение при разработке различных программ освоения, в том числе и этической платформы нового освоения. Назрела необходимость создания в Тюменской области Центра исследования общественного мнения.

7. А Вы бы поехали на Тюменский Север жить и работать? Ваша мотивация положительного или отрицательного ответа (экономический, социальный и нравственный аспект).

*) Исследования проводились социологическими лабораториями ТюмИИ и ТюмГУ с 1977 г. под руководством автора.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 213.

Л. С. Березин

РЕГИОН - «ЗЕРКАЛО», В КОТОРОЕ СМОТРИТСЯ ОБЩЕСТВО

Региональное освоение - это многоплановый социальный процесс, который не сводится к простому включению в «общественный оборот» новых территорий, а в технократической интерпретации - сырьевых ресурсов данной территории. Не вдаваясь в дискуссию по поводу содержания термина (или категории?) «освоение», данный процесс можно рассматривать как способ самовоспроизводства, самокультивирования общества (общественных отношений) в определенном территориальном ареале.

Конкретные формы освоения модифицируются в зависимости от степени и способа социальной освоенности территории, целей ее использования обществом, объема незадействованных в сложившихся регионах финансово-экономических и трудовых ресурсов, физико-географических особенностей территории.

Различные модификации процесса освоения можно типологизировать, но в любом случае - освоения ли целинных земель, Нечерноземья или Сибири - их универсальным содержанием выступает культивирование инновационных для данного региона, но привычных для общества, социальных отношений, норм поведения и образа жизни.

Процесс освоения, рассматриваемый с точки зрения его нравственных аспектов, подчиняется предложенной логике интерпретации его содержания.

Следует подчеркнуть, что новорегиональное освоение само по себе является нравственной проблемой, создает уже на уровне первоначальных решений ситуацию морального выбора. Ликвидация социальной изолированности, заброшенности окраинных (и не только их) территорий, формирование регионально однородной социальной жизни составляет одну из нравственных ценностей социализма, укрепляет социальную справедливость в ее территориальном аспекте, создает новую моральную ситуацию общества. Сами способы новорегионального освоения подвержены нравственной верификации; скажем, одной из причин репрессий 30-х годов являлась потребность (истинная или ложная в данном конкретно-историческом контексте - другой вопрос) в быстром индустриальном освоении природных ресурсов северных и восточных, т. е., трудонедостаточных, регионов, обеспечения их формирующейся экономики дешевой (дорогую, т. е. обеспеченную необходимым объемом средств социального воспроизводства, общество не могло себе «позволить») рабочей силой, не требующей дорогостоящих экономических стимулов иммиграции и закрепления здесь. Нравственная интерпретация освоения «за колючей проволокой» является здесь не региональной проблемой, в новом территориальном ареале воспроизводится моральная ситуация общества в целом.

Отсюда, социально нравственный портрет территории - это не более, чем региональное «зеркало», в которое «смотрится» общество, находя в нем, хотя и в несколько искаженном, деформированном виде, черты и черточки собственной морали. Проблема заключается лишь в поиске тех факторов, которые определяют ее региональное «обличье». Это, очевидно, и будут «болевы точки» нравственной жизни локализованной здесь социально-территориальной общности людей.

Первую их группу образуют региональные особенности формирования, движения и структуры населения. Новорегиональные общности, как известно, всегда формируются за счет интенсивной миграции, что сразу создает проблему социального, в том числе морального, контроля. Обезличенность, анонимность социальной жизни, заимствованная малыми новопоселенческими общностями у своих высокоурбанизированных собратьев, служит истоком многих нравственных коллизий, является серьезным фактором «морального риска». Причем, традиционные формы социального контроля и регуляции поведения, основанные на родственных и устоявшихся соседских связях, здесь в принципе невозможны. Кроме того, в формировании новопоселенческих общностей участвуют люди с различными - региональными и этническими - нравственными ориентациями, что создаёт дополнительную социальную напряженность. Здесь нужно еще учитывать, что на первоначальных этапах становления новых поселений, когда его административный статус хронически отстает от роста численности населения, при неотлаженности или полном отсутствии правового контроля, моральная регуляция поведения является едва ли не единственной, во всяком случае -

основной. Кроме того, массовое привлечение иноэтнического населения создает новый «очаг напряженности» по поводу, например, организации образования (преподавание на родном языке), распределения жилья (когда на одного участника освоения приходится 1-2 или 5-6 «городских иждивенцев»), угрозу интернациональным ценностям общества.

Формирование новорегионального населения сопровождается, как известно, не только прямой, но и массовой обратной миграцией. Причем, далеко не всегда люди, особенно молодежь, возвращаются на прежнее место жительства. «Снимая» в большом количестве людей с места, процесс освоения формирует своеобразный миграционный стереотип, комплекс «перекати поле», помещая человека, таким образом, в ситуацию перманентной адаптации, а по сути - дезадаптации, нарушая стабильность жизненных, в том числе нравственных, ценностей.

Следует учитывать и то, что процесс освоения собирает вокруг себя, особенно на ранних этапах, далеко не лучшее население, очень часто - с криминальной направленностью поведения. Здесь, в частности, гораздо выше, чем в целом по стране, удельный вес лиц, ранее судимых и отбывавших наказание. Еще один суперфактор «морального риска»! Впоследствии, правда, нарастает положительная селекция населения, но полностью компенсировать ею издержки первоначального контингента вряд ли возможно. Этому, кроме того, препятствует политика ведомственных паллиативов в комплектовании новых производственных коллективов, в частности, стабильно высокий удельный вес его наименее эффективной, с точки зрения качественной структуры мигрантов, формы - оргнабора. Да и сложившиеся формы использования комсомольского призыва создают не меньше нравственных коллизий.

«Болевые точки» региональной моральной ситуации (может быть - «региональной морали»?) легко просматриваются в структуре мотивов миграции населения во вновь осваиваемые районы. Среди них резко преобладают мотивы, связанные с созданием денежных накоплений, что определяет сроки проживания здесь мигрантов (преимущественно 3-5 лет), деформирует систему ценностных ориентаций человека, его образ жизни в целом. В этом заключена причина многих социально-экономических и нравственных издержек процесса регионального освоения.

Одной из социальных проблем районов освоения являются резкие диспропорции в демографической структуре населения, выраженные в преобладании молодежи, с одной стороны, мужчин - с другой. Этим создаются предпосылки, во-первых, нарушения традиционного механизма передачи социального, в том числе - нравственного, опыта от одного поколения к другому, во-вторых, деформации половой морали и дестабилизации семейных отношений. Последнему способствует и широко распространенная в северных городах и поселках практика «разобщенных семей», когда дети или жена с детьми остаются на «Большой земле».

Вторую группу факторов, обуславливающих специфику нравственной ситуации в районе освоения, составляют особенности структуры регионального народнохозяйственного комплекса и новых трудовых коллективов, практикуемых здесь нетрадиционных форм организации труда.

Как правило, регионы нового освоения характеризуются хроническими диспропорциями отраслевой структуры экономики, в частности - доминанцией добывающей промышленности, сырьевых отраслей. Известно, что последние отличает более высокий, чем в целом по промышленности, уровень использования ручного, малоквалифицированного труда. Уже в этом заключена

опасность сравнительно низкого качества населения и уровня основного производства, что частично результируется распространенным здесь «экологическим варварством». Однако более существенно другое следствие отраслевых диспропорций - высокий удельный вес вспомогательных работников в северных районах, обостряющий здесь проблему «лишних людей», количество которых экономисты оценивают в 30 процентов общей численности работников. Это, в свою очередь, учитывая кумулятивный эффект различных поясных коэффициентов и северных надбавок, приводит к росту объема незаработанных доходов и, следовательно, более резкой, чем в целом по стране, деформации принципа социальной справедливости.

Причем, данная проблема далеко не в равной степени характерна для различных отраслей регионального хозяйственного комплекса. Наиболее остра она для непрофилирующих, прежде всего, строительных, отраслей. Иначе говоря, процесс обострения ведомственную разобщенность экономической жизни, создавая новую сферу социальной несправедливости.

Значительным фактором «морального риска» является широкое использование в процессе освоения социально оправданного только на пионерных этапах вахтово-экспедиционного метода организации труда. Здесь нам видятся, по крайней мере, четыре фактора потенциальных нравственных издержек. Во-первых, обусловленный вахтовым методом непропорциональный количеству труда рост заработной платы, часто закамуфлированный искусственным завышением тарифных ставок и разрядов (у вахтовиков «почему-то» они растут в 2-3 раза быстрее, чем у других работников, занятых на рабочих местах того же уровня квалификации), что создает острую социальную напряженность между вахтовиками и «стационарными» работниками. Вторым фактором является материальная, социальная и культурная необеспеченность отсутствующей у традиционных коллективов, но имеющейся у вахтовых сферы жизнедеятельности трудового коллектива - вахтового внерабочего времени. Обе господствующие в этом вопросе «стратегии» - сведения этого времени к минимуму путем запредельного увеличения продолжительности рабочего дня (до 14 часов и более, если учесть продолжительность трудовых поездок) или полной бесконтрольности людей в этот период - создают основу нравственных коллизий (хотя и различных по содержанию).

Третий фактор - это разрушение в условиях вахтового коллектива традиционной системы самоуправления и воспитания в производственном коллективе. Исследования показывают, что даже ограниченные формы производственного самоуправления несвойственны для вахтовиков, особенно «неорганизованных». Наконец, в-четвертых, использование вахтово-экспедиционного метода создает серьезные проблемы в семейных отношениях, как супружеских, так и межпоколенных.

И последняя - третья - группа факторов, специфицирующих нравственную жизнь региона освоения. К ней можно отнести социальные (и нравственные) последствия существенного отставания социальной инфраструктуры от темпов промышленного строительства. Этим обусловлена нерациональная структура расходов населения, значительная часть которых, особенно у молодежи, приходится на приобретение спиртных напитков, азартные игры, «прожигается» во время отпуска. Неразвернутость здесь системы институтов досуга и воспитания сама по себе создает угрозу нравственному здоровому населению региона нового освоения. Особенно большую роль в этом играет необеспеченность населения детскими дошкольными учреждениями и школами, увеличивая угрозу детской безнадзорности, вызывая отток из северных городов и поселков матерей с детьми, создавая этим угрозу стабильности семей. Отсутствие здесь институтов коллективного досуга, замыкание людей в пределах индивидуального жилища вызывает рост социальной разобщенности, дезадаптации, кладущих естественные преграды формированию

коллективном нравственной жизни новопоселенческих общностей.

Не менее значимы и социально-психологические последствия указанной ситуации, выраженные ростом социального нигилизма, вызванного «утраченными иллюзиями» мигранта (проблема несовпадения априорного и реального «образа региона»), медленным формированием местного, регионального патриотизма.

В основе всех указанных социально-нравственных коллизий лежат объективные противоречия, достигшие здесь стадии конфликта, между обществом и личностью, различными социальными группами, развивающиеся в особом, так называемом «режиме регионального освоения».

Труднее отыскать в этом процессе "точки роста" нравственной жизни. Здесь удобнее сослагательное наклонение. Объективно предпосылками для этого выступает наглядность результатов деятельности, вызывающая на первых порах рост социального энтузиазма населения, особенно молодежи, высокий авторитет и престиж (правда, нагнетаемый несколько искусственно) региона в экономической и социальной жизни страны взаимобмен и взаимообогащение социального опыта трудящихся во вновь формируемых трудовых коллективах, высокий уровень возрастной гомогенности населения, создающий предпосылки роста его групповой сплоченности, развития коллективных форм социальной жизни. В идеале же, районы освоения, где материально - вещная и социальная среда формируются заново, создают благоприятную ситуацию для предупреждения средствами социального проектирования воспроизводства здесь бытующих в обществе негативных форм поведения и образа жизни, здоровой нравственной атмосферы.

М. Г. Ганопольский

НРАВСТВЕННОСТЬ РЕГИОНА И ЭТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

1. Период от первых тонн тюменской нефти до миллиона ее тонн в сутки хронологически совпадает с «периодом застоя». И это не простое совпадение. Нефтяной бум во многом способствовал тому, что задачи радикальной экономической перестройки, вновь поставленные в середине шестидесятых годов, стало возможным отложить. Отложить, чтобы во имя тактических соображений пожертвовать стратегией развития производительных сил страны, то есть, в конечном итоге - социальным прогрессом.

Вокруг оси противоречия между стремительным, небывалым в истории наращиванием нефтегазодобычи и экстенсивными методами, которыми это в основном достигалось, группируются, на наш взгляд, социальные и нравственные «болевы синдромы» региона в описываемом периоде.

Это не штрихи к портрету региона, а одна из версий «истории его болезни». Но есть и история его здоровья, история его оздоровляющего влияния на всю социально-нравственную атмосферу тех лет. В какой-то мере она уже написана, в том числе, и в этической литературе, хотя, рассматривая эти работы с сегодняшних позиций, требуется проделать определенную ревизию методологических посылок, и прикладных выводов.

2. Этическая наука, воспроизводя нравственность теоретически, зачастую придает этому видению собственную структуру,

собственную степень обобщения. Происходит нечто вроде бюрократизации науки на основе ее самодостаточности. В итоге на языке этической теории субординация общего и особенного в морали, как правило, в пользу общего. Прикладные исследования последнего десятилетия слегка теснили этот неявный концептуализм, но преодолеть его полностью не удавалось. Приходится с этим считаться и признавать, что вопрос о своеобразии регионального фрагмента современной нравственной ситуации - это, в основном, вопрос о статусе регионалистики в системе этического знания. С другой стороны, и это опять-таки видно на примере прикладных этических исследований, имеется печальный опыт решения методологических вопросов, который никак не сказался на решении вопросов частных. Именно поэтому имеет смысл вначале коллективными усилиями набросать некий эмпирический эскиз нравственной жизни региона, не заботясь особенно о методологических основаниях и теоретической чистоте, и лишь затем приступить к его анализу и корректировке.

Динамику нравственных ориентаций на первом этапе освоения преимущественно определял технологически организованный трудовой фактор. Геологи, нефтяники, газодобытчики, строители традиционно ориентированы в профессиональном отношении на мобильную, но достаточно устойчивую производственную и поселенческую структуру. Пока она развивалась фрагментарно и преобладал радиальный способ привязки этих фрагментов к инстанциям управления, к базовым точкам культуры, рекреации и проч., говорить о новом качестве системы в социальном и нравственном аспекте можно было только с позиций центра по отношению к периферии.

В дальнейшем интеграция региона в производственном и социальном плане привела к переплавке стартового опыта, сделала ядром нравственной жизни самобытные ориентации, устремления, оценки. На основе концентрических социальных связей стало складываться «мы - сознание» региона как общности - особое состояние исторически конкретной ментальности на этапе перехода «общности в себе» в «общность для себя».

К настоящему времени своеобразие нравственной ситуации в регионе - не в стилевых оттенках поведения людей, а в самобытном качестве их нравственной жизни, воспроизводящейся на своей собственной основе. Эта ситуация динамично развивается, приближаясь в каких-то своих пластах к квазинормальному уровню, характерному для регионов с традиционной структурой общественных отношений, но говорить о ее стабилизации, о «выходе на режим» еще рано.

3. Экстремальность ситуации морального выбора целесообразно рассмотреть на примере межрегионального вахтово-экспедиционного метода (МР ВЭМ), широко используемого в регионе на разных этапах освоения. Для этого метода характерны значительная удаленность мест приложения труда от постоянного места жительства работников, длительные периоды экспедиций и межэкспедиционного отдыха (до полумесяца), чередование двенадцатичасовых вахт с таким же по продолжительности отдыхом в непосредственной близости от производственных объектов. Понятно, что в таком режиме оказываются оторванными и во времени, и в пространстве отдельные сложившиеся в иных условиях сферы нравственной регуляции. Ослабевают их связи, они уже не в той степени поддерживают друг друга, как при оседлой жизни с привычным ритмом трудовой деятельности. Некоторые нравственные нормы оказываются изъятными из порождающих и воспроизводящих социальных ситуаций, жизнь вахтовиков зачастую протекает в противофазе относительно социально-временной динамики как по месту жительства, так и по месту приложения труда.

Отсюда видно, что традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта «работает» здесь в экстремальном режиме, испытывается на излом. Нетрадиционность метода приводит к нетрадиционным механизмам нравственного выбора.

То, что на примере МР ВЭМ предстает в концентрированном виде, так или иначе повсеместно присутствует в судьбах людей, связавших свою жизнь с регионом, порождает определенную дивергенцию их характеров: усиление сильного и ослабление слабого, вымывание среднего устойчивого слоя обывателей. При этом закрепляется столь уродующее души людей и разлагающе воздействующее на всю нравственную атмосферу «постоянство временной жизни».

4. Мы не стремимся драматизировать ситуацию и, тем более, представить МР ВЭМ и другие применяемые в регионе нетрадиционные методы как явление, сугубо отрицательное, не имеющее долговременной перспективы. Данное явление, как и освоение региона в целом, вызвано к жизни особенностями социально-экономического развития страны и не имеет тенденции к самосвертыванию. Необходимость развивать производство на необжитых, труднодоступных территориях, возникающие и не исчезающие сами собой противоречия между темпами и масштабами освоения и социальными ограничениями, неравномерное распределение трудовых ресурсов на территории страны и их сохраняющийся дефицит - все это заставляет пересматривать не только экономические методики и социальные прогнозы, но и научное видение целого ряда гуманитарных проблем. Большинство из них, как мы пытались показать в ответе на предыдущий вопрос, возникает при явном или неявном конфликте субкультур разной степени мобильности (преимущественно оседлой и преимущественно мигрирующей). Нетрадиционные методы труда при их надлежательной организации могут сыграть здесь позитивную роль, становясь не только каналами перераспределения ресурсов, но и способами взаимодействия субкультур.

В такой постановке этический аспект проблемы приобретает проектировочное и прогнозное звучание. Точнее было бы сказать о единстве этих моментов в рамках прикладного этического исследования. Его непосредственная задача - найти и развить пути соприкосновения социокультурных механизмов, аккумулирующих нравственный опыт, и организационной структуры трудового процесса.

5. Преодоление конфликта «дела» и «морали» - это специфический аспект более общей проблемы преодоления отчуждения. В современных условиях она осознается как проблема человеческого фактора. Вторым, зачастую невидимым планом здесь выступает организационная основа всей социальной динамики. Очень опасно не учитывать этот второй план, отрывая гуманитарные задачи от организационной канвы. При этом и в теории, и в политической практике происходит подчас незапланированная дезорганизация гуманитарного момента, а значит, и дегуманизация организационных структур. Показателен с этой точки зрения пример использования выражения «человеческий фактор» на Западе. Там ему придается в основном отрицательное значение: имеется в виду, что инициатива, самостоятельность, как впрочем и общительность, сочувствие и проч. отрицательно сказываются на функционировании отлаженных организационных систем.

6. В связи с предыдущим пунктом, одна из основных задач - развитие этического оргпроектирования. Многое из того, что уже сделано, органично впишется в эти рамки. Под этим углом зрения следует рассматривать и другие наши предложения, сформулированные в ответах на вопросы 1, 2, 4 данной анкеты.

ПОСКОЛЬКУ ДУША ДОЛЖНА БЫТЬ ЧИСТОЙ, ТО И ПРИРОДА ТОЖЕ

1. «Болевые точки» и «точки роста» - во взаимоотношении, взаимодействии «покорителей» и культуры народов Севера. Покорители, приезжая на Север, не задумываются над тем, что северная культура развивалась в экстремальных условиях, в сложных исторических условиях, живя в которых люди понимали, чувствовали хрупкость своего существования и всего того, что их окружало. Это выражалось в потребности превращать предметы окружающего мира - мох, ягель, птиц, рыб - превращать в знаки культуры. Знаки культуры - это знаки духовного начала. В этот своеобразный мир вторгается человек с бульдозером и устраивает Клондайк. Он и не задумывается, что живущие в этих местах люди относятся к природе совершенно по-другому. Например, кости медведя они не бросают в тайге, а специально строят скит для захоронения костей. В их представлении природа и душа - одно. Поскольку душа должна быть чистой, то и природа тоже. При этом разрушается не только северная культура, но и сам человек, «покоряющий» этот край.

2. Думая о том, кто же приезжает осваивать Север, представляю себе людей, «вытесненных» из традиционной культуры, зараженных инфекцией всеразрушения. Их цель - заработать как можно больше денег и покорить зачем-то эти огромные пространства, а для этого надо разрушать то, что веками создавалось природой и человеком, ведь другим способам освоения покорители не обучены. Когда в результате нехитрых усилий они открыли люк этой кладовой, то оттуда посыпались такие несметные богатства, что люди перестали думать о последствиях своей деятельности. Это можно сравнить с толпой, перед которой высыпали мешок с золотом, и началась давка. Люди перестали быть людьми. Если бы на Север отбирали людей с высоким уровнем культуры, высокими нравственными ценностями, то они не превратили бы этот край в колонию, потому что культура ограничивает потребности, делает их разумными.

На одном из пленумов Ханты-Мансийского окружкома КПСС его первый секретарь В. А. Чурилов показал фильм, снятый еще в 1953 году. В фильме показано, как раньше жили в этих местах люди. Иной был край: росла пшеница и рожь, паслись коровы, рыба водилась в реках и озерах. В конце просмотра В. А. Чурилов спросил собравшихся о том, что же будет в этом краю в 1993 году? Вопрос его отражает беспокойство о том, что в погоне за нефтью мы уничтожили не только природу, но и среду обитания коренных народов, лишив их возможности нормального существования.

4. Анализ методов освоения других регионов страны показывает, что ошибки, которые мы совершили в Западной Сибири, повторяются. Давно пора задуматься над необходимостью создания культуры освоения. Пока же погоня за сиюминутными выгодами формирует качества человека, которые дают мгновенный эффект с разрушительными последствиями, которые мы объясняем сложными, экстремальными условиями.

Как можно охарактеризовать существующую культуру нового освоения? Это методы деятельности людей, которые оторвались от корней традиционной культуры Большой земли, но несут еще какие-то ее частицы. Если такой человек попадает в экстремальную ситуацию региона и видит, как по-варварски с этим регионом обходятся, то переоценивает прежние ценности и позволяет себе поступки еще худшие, чем его предшественники.

Если я еду с самыми лучшими помыслами, но каждый день проезжаю мимо кладбища машин и оборудования, кладбища

природы, то это меня развращает. В конечном итоге получается, что за все то, что происходит на Севере, отвечает директор, профсоюз и другие, но не я. Мы часто говорим о долге, но ведь я никому не должен, я сам себе должен. Если человек это поймет, то многие воспитательные проблемы можно решить. Человек родился с долгами и постоянно живет, их отдавая себе самому.

Что нужно сделать для того, чтобы создать новую культуру? Я вспоминаю свое детство. Росла трава в саду среди фруктовых деревьев, а у плетня - роскошные лопухи и крапива, где часто прятались от жары куры. Я страшно любил кататься по молодой зеленой траве, за что меня ругали. А потом ее косили на сено, и мне ее было очень жаль, но я утешался тем, что она снова вырастет: ведь корни-то остались. Если человек вырван из той культуры, где он рос с детства, то должны хоть корни остаться. Иначе это будет Иван, не помнящий родства. Корни, с которыми приезжают на Север люди, должны соединяться с местной культурой и давать всходы. Но на деле получаются ножницы. Человек, попавший на Север, поставлен в такие безнравственные условия нашим хозяйствованием, которые формируют из него потребителя, индустриальщика, разрушителя. Человек в этих условиях - средство освоения. У него формируется бройлерная психология, взращенная на ненасытном желании получить немедленно результат. Согласно такой психологии, он рассуждает: я здесь временно, только заработать, и мне все равно, что было до меня и что после меня останется. Происходит отчуждение от нравственных норм той культуры, из которой он приехал, от самой работы и ее результатов. Я так представляю себе человека, покоряющего Север: огромный, в лохматой волчьей шапке-ушанке и такой же шубе (в комплекте - клондаечник), увешанный дичью, рыбой, ружье с оптическим прицелом, впридачу - вертолет.

Ошибка, мне думается, была допущена в самом начале освоения. Надо было уже в то время формировать профессионально-нравственную культуру руководителей, культуру освоения. К сегодняшнему дню сложились бы уже традиции, которые нужно было бы только поддерживать и развивать. Культура бесценна, ее нельзя подсчитать. Можно подсчитать, сколько кресел во дворце культуры, сколько книг в библиотеке, сколько человек с высшим образованием работают на Севере, а в какие цифры и подсчеты уложить стоимость срубленной березы, под которой, может быть, Меньшиков рассказывал младшей дочери свои воспоминания.

6. Можно ли разложить такую сложную жизнь на «сферы влияния» различных специалистов - этиков, историков, социологов? Надо объединяться, чтобы сообща изучать и решать эти сложные вопросы. Ни одна наука, сколь бы универсальным методом она ни обладала, не может разобраться во всех жизненных проблемах.

Р. С. Гольдберг

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ЧТО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, А НЕ ВНЕ ЕГО

Наше время напоминает эпоху демократического бунтарства. Многолюдные митинги, забастовки рабочих и студентов, дерзкие слова, бросаемые в лицо авторитетному руководству. Но в то же время, у большей части населения (и редакционная почта хорошо это доказывает) ощущается тоска по волевому руководству. Этот тип «волевого руководства» успешно тиражируется в сознании.

Каким образом? Спросите у тех, кто выставляет к ветровому стеклу автомобиля портрет И. В. Сталина. Думается, что в их душе живет «имидж» сильной личности, отца нации. При сильном, скажут они, все было хорошо. На улице порядок. В магазине товары. Нас самих заставляли хорошо трудиться. Была дис-цип-ли-на. И ничего, что была это дисциплина страха.

Вольно или невольно мы этот шаблон примеряем, как кавказскую бурку, на плечи нового руководителя. Не обязательно страны. Можно - завода, можно - участка. И при этом не думаем, что это воспитывает, поддерживает в нас рабскую психологию, которая делает демократическое правление невозможным в обозримом будущем. Невозможным не потому, что руководитель не «готов поделиться властью с народом». А потому, что я не готов взять на себя часть этой власти. Это мне нужна дисциплина страха. Я не умею заставить себя распоряжаться собой, жить по-другому. Об этой борьбе с душевным рабством говорил еще Чехов.

А если приходит руководитель нового, демократического типа? Не получая от нас полноценной поддержки он нередко заваливает дело, мы начинаем бранить его и демократию, не сознавая, а точнее - уклоняясь от мысли, что это мы сами не готовы к демократии.

Думается, что прежде, в плане историческом, эти настроения Сибири, краю беглецов за свободой, краю, не знавшему крепостничества, были чужды. Однако в последние 15-20 лет сюда началось массовое переселение, переселение кланами, когда потенциальный или вновь назначенный руководитель ехал на Большую землю и набирал себе команду по принципу личной преданности, вот тогда-то и сложилась атмосфера почти что рабских или ранне-феодальных отношений, вассальной зависимости, атмосфера нетерпимости к мало-мальскому протесту, к трезвому критическому голосу. Таких среда, клан выживает. Только самые сильные, люди типа Нежданова, Молозина могут устоять. Но они в краю податливых торчат за километр, как мамонты.

Между прочим, таких руководители боятся. И по этой же причине опасно выдвигают рабочих на крупные государственные посты, представляют к высшим наградам - «портятся!». Хотя рабочие просто-напросто «начинают себя вести». И тут сразу вступает в действие механизм, защищающий бюрократическую, авторитарную систему: «Зазнался Иванов! Петров не скромн, не стоит его выдвигать...» Или: «Я ему орден дал, а он вон что позволяет: свое мнение заимел, спорит...».

Глубокое убеждение таких руководителей: подчиненные должны поддерживать своего начальника. При любых условиях. Так тиражируется беспринципность, удобная бессловесность. Так приближаются, всплывают на поверхность удобные, обтекаемые, бесхребетные, которым на самом деле нужна твердая рука поводыря, которые не могут работать в условиях демократии, не умеют принимать самостоятельных решений и отвечать за их выполнение. Теперь уже они ищут сильного руководителя, на которого можно переложить ответственность.

Можно задать себе вопрос. Если все так безрадостно, если позиции хозяев, князьков так крепки, какова же судьба перестройки?

Во-первых, таким перестройка, перемена не нужна. Не случайно же прозвучал во время одной ТВ - передачи из Сургута голос: а у нас застоя в Сургуте не было - мы бурили, добывали нефть, город построили...

Думаю, что над темой «застойного периода в отдельно взятом населенном пункте» еще стоит поразмышлять...

Ну, а судьба перестройки в общественных отношениях - в гласности. А в экономике - в переходе на подряд, который освобождает человека от рабской зависимости от руководителя. В подряде нет начальника и подчиненного, там есть партнеры.

СПЕЦИФИКА НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ в регионе - в отсутствии постоянного населения. В распространении «психологии гостиницы». В гостинице же люди не стесняются. Никого и ничего. Сегодня Тюменский Север - большая и не очень благоустроенная гостиница. Вахтовый метод еще более усугубляет эти отношения. Утверждается этика железнодорожного вокзала, где пьют, бранятся, толкаются локтями, спят в грязи. Взаимоотношения поддерживаются не нравственными устоями, а курсирующим милицейским патрулем.

Попробуем составить моральную периодизацию освоения территории.

1. Пионерный этап. Опора на своих, интуитивная попытка воспроизвести и на Севере, в новом поселке микроклимат покинутого на Большой земле дома (в поселках, куда переезжали сразу большими группами, коллективами, это получалось).

2. Но большое наступление продолжается и - смыкает робкие ростки привезенной «домашности».

3. Поиски какой-то новой стабилизации.

4. Появление в конце второго десятилетия освоения уже местного культурного слоя, складывание новых отношений, традиций хорошо видно на примере стабилизированных Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска.

5. «Культурный слой» воспроизводит себе подобных...

Если брать в среднем, мы пока между вторым и третьим пунктами. И потому состояние нравов я характеризую как «вокзальное».

Что можно сказать о мотивах закрепления? Думается, закрепляет то, за чем идет человек. Если за рублем, значит - рубль держит. Человек, его нравственные установки меняются не так быстро. Если появляются чисто внешние признаки перемен, заметные по анкетным опросам, то я бы объяснил их склонностью к мимикрии. Мне приходилось во время многочисленных интервью замечать, как человек невольно подделывается под тон вопросов и начинает отвечать то, что «надо».

С другой стороны, можно попытаться объяснить это наличием у человека комплекса мотивов, которые во внешних проявлениях сменяют друг друга. Например, дома среди односельчан, которые интересуются заработками на Севере, человек будет обстоятельно говорить про «полярки», «колесные» и районный коэффициент, а по телевидению он же - о «романтике трудных дорог». Словом, принцип «тяни-толкая».

О нравственных ценностях. Усматриваю пять типов поселенцев: коренные жители, пионеры из первой волны освоения, основательные освоенцы, квалифицированные специалисты из второго эшелона, вахтовики. Между ними существуют довольно острые противоречия и, в то же время, непрерывно идущий процесс взаимопроникновения.

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ СИТУАЦИИ. Она в необходимости все время выбирать: место, работу, дорогу, попутчика, линию поведения. Человек от этого нередко устает. Одних эта напряженность возвышает, закаляет, а других - разлагает. Надо ли абсолютизировать именно этот фактор? Ситуация вечного выбора, правда, в более мягкой, стертой форме, ежедневно встает перед каждым человеком, если он, конечно, не робот с готовой программой. Но поскольку о нравственности роботов мы говорим только в фантастике, то влияние выбора на человека мы должны учитывать. И повторюсь: все зависит от того, что внутри у че-

ловека, а не вне его. Иначе бы мы не имели перед собой столько моделей поведения в сходных обстоятельствах.

Кредо приезда? В вопросе мне видится попытка утверждения районного патриотизма, стремление апологетизировать специфику региона. Самое яркое проявление этого газетные заметки о строителе или нефтянике, который оказался в тайге один, провел там пять дней и выжил! А для аборигена это - типичная ситуация, норма, стиль, если хотите. Ни разу не встречал подобных заметок про аборигенов.

Всегда ли нравственно освоение? А всегда ли этот вопрос ставится первым? А если не всегда и не первым, следовательно, позиция освоенцев - не слишком нравственна. Нравственно - вносить нравственность в освоение.

Вахтовый метод с точки зрения нравственности - преступен. И перед настоящим (расход человеческих ресурсов), и перед будущим (минируются семьи, а, следовательно, общество).

Экологические ситуации: сегодня большинство - и руководителей, и рабочих - думает не о том, как соблюсти режимные экологические ограничения, а как их обойти.

Коренные национальности. По-моему, у них идут два процесса. Размывание национального самосознания, утрата культурного наследия, профессиональных и бытовых навыков - через школы-интернаты, сселение мелких поселков, гибель пастбищ и рыбных угодий...

Второй процесс - рост национального самосознания в острой, даже негативной форме, националистической. О подобных ситуациях в Самбурге, Лаборовой писали газеты. Я думаю, что мы близимся к резким эксцессам на Ямале: Поскольку элементарно и откровенно игнорируются интересы коренного населения.

ИСХОДЯ ИЗ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО, КОНФЛИТА МЕЖДУ ДЕЛОМ И НРАВСТВЕННОСТЬЮ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ, ЕСЛИ ВИДЕТЬ НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ КАЖДОГО ДЕЛА.

Н. Д. Зотов

НЕ МОЖЕТ МОРАЛЬНО ВОЗВЫСИТЬ ТО, ЧТО В СУЩЕСТВЕ СВОЕМ НЕ НРАВСТВЕННО

Иногда я думаю: что было бы с нашей страной, с ее экономикой, если бы не запасы нефти и газа, открытые в Западной Сибири, если бы их попросту не оказалось - этих нефтяных и газовых богатств? По-видимому, это не привело бы экономику СССР к немедленной гибели и упадку. Очевидно, были бы найдены иные средства, иные опоры для поддержания экономического тонуса страны. Так отчего же с такой лихорадочной поспешностью вычерпываются и тратятся наименее выгодным способом запасы, которые могли бы стать для государства именно запасами, драгоценным резервом?

1. То, что сегодня происходит на севере Тюменской области, безнравственно прежде всего как некультурная экономическая деятельность, как хозяйствование «за чужим загадом»¹, без понимания общего смысла, общего значения освоения нефтяных и газовых месторождений и соотнесенности этого освоения с действительным экономическим интересом государства.

Всякая «лихорадка» освоения (при любом общественном устройстве), будь то «Золотая лихорадка» на Клондайке или нефтяная - на пространствах Западной Сибири, в конечном счете завершается глубокой экономической «апатией» региона, а в плане социально-демографическом - культурным запустением (перспектива «мертвых городов» применительно к Тюменскому Северу). В том, что происходит на севере Тюменской области, обостренно представлены несовершенные методы хозяйствования, сложившиеся в масштабе страны. В этом исток довольно резких смещений в моральном мировосприятии новых поселенцев. Нравственная боль региона не есть следствие особенностей только его жизни (экономической и культурной). Мощное болевое ощущение поразило страну (регион в большей степени), требуя решительного преобразования существенных сторон нашего бытия.

2. Главный узел моральных проблем, моральных сложностей завязан вокруг того, что для большинства из прибывших «взять» нефть и газ у природы происходящее на Тюменской земле есть экономическая «кампания», личное участие в которой может в кратчайшее время принести весьма ощутимые дивиденды (в виде карьеры, денег, квартиры, машины). Беда, однако, не в самом по себе наличии такого интереса (он правомерен), а в его явном преобладании над другими ценностями, в том, что из временно преобладающего он легко превращается в устойчиво доминирующий жизненный интерес. Вряд ли возможно такое, чтобы человек вначале сосредоточился на создании материального фундамента своей жизни, а потом уже, «расслабившись», переориентировался бы на ценности более высокого порядка. Такой «динамики» ценностных ориентаций, по-видимому, не бывает. Невозможно временно жертвовать духовными ценностями. Их прочное присутствие в нашей жизни необходимо как изначальное и непреходящее.

Взрывное экономическое освоение новых районов вряд ли когда-либо способствовало улучшению нравов. С такого рода освоением неизбежно связаны перемещения больших масс населения, ослабление у мигрантов чувства «малой родины», исчезновение корневой связи с ее культурой, языком, природой, что влечет за собой духовное обеднение и нравственные потери.

Для поселенцев, прибывших с Украины, из Башкирии, из Прибалтики и других мест страны, работа, связанная с освоением месторождений нефти и газа в Тюменской области, стала своего рода «отхожим промыслом». В сущности, здесь все - «вахтовики» и все - «сезонники». Только у одних «вахта» двухнедельная, у других длится годами. Ощущение временности пребывания в регионе освоения нашло отражение в языке поселенцев, которые о местах своего постоянного (внерегионального) обитания говорят как о «Большой земле». «Островное» сознание рождает беспощадно потребительское отношение к окружающему, начиная с утилитарного стремления извлечь из ситуации освоения максимум жизненных благ «стратегического значения», кончая брусникой, которую многие из «островитян» предпочитают собирать впрозелень и с помощью специальных приспособлений - «комбайнов», безжалостно уничтожая ягодник.

Аборигенами и теми, кто поселился на севере ранее, до «взрывного освоения», наплыв разведчиков, добытчиков нефти и газа воспринимается как недоброе нашествие. Оно означает крушение нормальной жизни, жизни прочной, спокойной, в условиях не искалеченной природы, с уверенностью в завтрашнем дне.

Сомневаюсь в нравственном достоинстве энтузиазма первопроходцев и их романтического упоения своей ролью. Да и надо ли превозносить энтузиазм как таковой (что любит делать пресса), безотносительно к последствиям и конечному смыслу

«освоения»?

3. Со стороны государства было бы нравственно развивать экономику, не ввергая общество в «экстремальные ситуации» освоения новых регионов. А уж коль скоро такая мера оказалась вынужденной, то стоит ли рассуждать при этом о возможности «нравственных приращений»? По-видимому, не может морально возвысить людей то, что в существе своем, в целом, не нравственно. Со стороны личности моральным было бы обдумывание общего смысла и возможных последствий «экстремальной ситуации» и, может быть, неучастие в том, что для государства оборачивается сиюминутной и сомнительной выгодой, соблазном оттяжек существ венного перестроения экономической деятельности, наносит невосполнимый ущерб природе огромного края и нарушает благополучное течение жизни коренных его обитателей.

4. Основные нравственные коллизии, порождаемые ситуацией освоения: а) «энтузиазм» расточительного потребления государственных ресурсов (запасов нефти и газа) на Тюменском Севере;

б) отчетливо выраженная направленность сознания новых поселенцев в сторону ценностей потребления с одной стороны, и настойчивое стремление средств массовой информации акцентировать трудовые достижения рекорды, общий «благородный фон» освоения - с другой (в шуме восхвалений почти не слышен голос тех кто склонен смотреть на дело освоения трезво и критично);

в) конфликт мироотношения аборигенов и действительных северян (приехавших задолго до открытий нефтяных и газовых месторождений на Тюменский Север жить и воспринявших его как навсегда свой и их потомков) с мироотношением новых поселенцев - добытчиков нефти и газа;

г) экологический кризис на территории региона, вызванный взрывным характером освоения, создавший ситуацию, опасную для исторических судеб коренных народов севера, чей образ жизни прямо обусловлен удовлетворительным состоянием фауны и флоры края.

Все эти коллизии вызваны тем обстоятельством, что освоение Тюменского территориально-производственного комплекса, именуемое **новым** освоением, в действительности новым не является. Оно не является **социалистически новым** (тот тривиальный смысл, что осваивается новый район, попросту неинтересен).

5. Социалистическая предприимчивость предполагает соблюдение требований морали в условиях производственной деятельности. Нормы социалистической морали в социалистическом обществе должны выполняться в условиях любой деятельности, в том числе трудовой. Поэтому «конфликт Дела и Морали» не может быть принят как неизбежное и «нормальное» явление. Если кто-либо в «интересах дела» отступает от требований нравственности, то это есть не что иное как пренебрежение моралью и, следовательно, нарушение принципов социалистического образа жизни. Отступление от нравственных норм, оправдываемое «интересами дела», прямо противоречит духу и сущности социалистической предприимчивости, которая тем и отличается, допустим, от капиталистической, что в большей степени признает для себя власть ограничений в виде требований морали. Столкновение компетентности и непрофессионализма вполне возможно, из чего отнюдь не следует, что на стороне «Дела» всегда компетентность, а за «моральные доводы» прячется слабый профессионал. Суть социалистической предприимчивости выражает сочетание компетентности и моральности.

6. Мое предложение: совместными усилиями партийных и советских работников, экономистов, правоведов, философов, социологов, этнографов, этиков разработать принципы **социалистически нового освоения** регионов страны, с тем, чтобы оно исключало вариант «взрывного освоения» со всеми вытекающими из него «экстремами». В разработке принципов социалистически нового освоения исходить из того, что главной ценностью любых преобразований действительности является человек. Он - цель производства, а не его простой ресурс. Только руководствуясь этим положением и требованиями коммунистической морали в целом, можно в аксиологическом смысле избежать примата экономики в иерархии жизненных благ общества и личности.

Необходимо законодательно предусмотреть защиту интересов коренного населения в процессе освоения, чтобы у аборигенов не было основания думать о себе как о народе, которому «...нет места на великом жизненном пиру». В условиях Тюменского региона, где «Дело» зашло далеко и исправить положение можно лишь частично, целесообразно юридически защитить те места обитания коренных народов, которые еще можно защитить (с четким указанием географических границ), дать этим местам статус неприкосновенных в экологическом и культурном отношении, предоставив населению реальную возможность традиционных занятий (оленоводство, рыболовство, охотничий промысел).

7. Мой вопрос. На полуостровах Ямал и отчасти Гыданском назревает жесткая альтернатива: либо «освоение» (в том виде, в каком оно совершается) и фактическое вытеснение ненцев в чуждые им (непригодные для их образа жизни) природные и социально-культурные пределы, либо отказ от «освоения». Каким должен быть выбор в условиях этой конкретной альтернативы? Мой ответ: предпочтительнее неосвоение (если наше общество в самом деле гуманно).

В.Н.Клепиков

ЧЕРТЫ НЕСОЕДИНИМЫЕ

1. Социально-нравственный портрет региона - странноватое и неведомое понятие. И вряд ли возможное. В таком портрете придется соединять черты несоединимые: волков и зайцев, болота и бульдозеры... Стоящее ли дело? Болевая точка нравственной жизни и регионе? Назову из десятков одну: судьба коренных народов Севера. Точка роста? Не гонка («быстрее и больше!...»), а сокращение добычи невозполняемых природных запасов нефти и газа (невозполняемых!!!).

2. Специфика нравственных проблем в регионе состоит, может быть, в пренебрежении к ним. «Мины» (миннефть, мингазпром, министр всех видов) и их отраслевые интересы («быстрее и больше!») могут о нравственности порой даже поговорить, но интересы их заглушают совесть и общенародные интересы.

3. В вопросах этого пункта - ответы. Среднестатистическое большинство приезжих - едут (ехали) сюда за деньгами. Интересы отраслевые совпадают с интересами этих людей, особенно с интересами рвачей, готовых за месячную тыщу годами жить, спать в кабине трубовоза или в балке.

4. См. ответы на п.п. 1 и 2.

5. Конфликт «Дела» и «Морали» неизбежен, пока действует затратный принцип хозяйствования. А он - проклятый много

раз! - продолжает действовать. В условиях нового освоения - особенно интенсивно: чем больше «освоишь» (истратишь!) миллиардов рублей - тем больше ты герой. Нелепо, но факт. Радикальная экономическая реформа - все еще впереди. Демократизация - и цель, и средство, но в нашей гласности все еще мало ясности. «Мины» - тоже средство. Торможения.

К.Я.Лагунов

ВСЕ ЭТО НУЖНО ТОЛЬКО ДЛЯ КАФЕДРЫ ЭТИКИ

1. Я давно не был на Севере, наверное, года четыре. Не тянет меня туда, потому что все боли и проблемы, которые были у него раньше, остались сегодня. Правда, старый Север, скажем, 1961-1964 и, даже, 1965 годов отличался от Большой земли удивительной атмосферой романтики, бескорыстия. Другие были люди, другие отношения между ними. И хотя жизненный уровень был очень низок, не было ни дорог, ни связи, ни техники, а люди были другие. Сегодня и заработок повыше, и условия улучшились, а прежнего настроения душевного, той спайки людской, которая была раньше, нет. Нет стремления подставить плечо, когда товарищу плохо, нет бросающегося в глаза бескорыстия. Появилась разобщенность, стремление уединиться, казенное отношение к делу. Больше стали зарабатывать, но не значит, что стали лучше работать и относиться друг к другу. Я думаю, что это переживает вся страна, но на Севере это сильнее бросается в глаза. Наверное, надо было не зарплату гнать, а условия создавать людям.

2. Чем меня притягивал на первых порах освоения Север? Романтической атмосферой. Это была эпоха поиска, риска, становления. Ехали, в основном, молодежь, романтики, люди, жаждущие себя показать. Прошло больше 20 лет, появились города с населением в 250 тысяч человек. Как живет сегодня человек в условиях нового освоения? Например, вахтовый метод... Это трагедия для человека. Представьте, приехав я на буровую, отработал там по 12 часов четыре недели. Выработался до предела. После этого меня везут, скажем, из Нового Уренгоя в Закарпатье. Совершенно другой климат, другой мир. Мне надо акклиматизироваться какое-то время. А дальше что делать? Что должен делать дома целый месяц взрослый мужик? Значит, он и дома, вроде, чужой. Он не знает, куда себя деть. Наконец, он дожидается вахты. Опять акклиматизация, дорога, ожидание в аэропортах, сумасшедшая, на износ, работа. В плане человеческого, как исключительная мера, вахтовый метод может быть применен на год-два, не больше. Но я вижу, что этому нет края и конца.

Как взаимодействуют культура освоения и культура малых народов? Мы очень плохо относимся к тем людям, которые сберегли для нас эту природу и землю. Не помню автора книги, фраза из которой мне запомнилась. Он объездил весь наш Север, составляя список ненцев. В его книге есть фраза, которая меня потрясла. Он пишет, что Россия должна земным поклоном поклониться тем людям, которые на протяжении веков сберегли эту землю и передали ее нам живой. Мне думается, что, много говоря о национальной политике, к малым народам, живущим на Севере, мы относимся плохо. Наш долг помочь им, облегчить их существование в этих сложных условиях.

3. Сегодня неправомерно называть ситуацию освоения Севера экстремальной. 20 лет назад это было правомерно, а сейчас мы сами делаем ее такой. Сегодня экстремальность заключается в отсутствии жилья, соцкультбыта, снабжения. Единст-

венный компонент экстремальности я признаю - природные условия. В моем представлении, все остальные компоненты экстремальности кому-то нужно сохранить. Если сегодня снять статус экстремальности с Севера, то для многих руководителей это было бы катастрофой. За экстремальность все прячутся и все прячут: и разболтанность, и безобразное отношение к технике, к материалам, и ломку планов и прочее. Все можно спрятать за экстремальность - это как военное положение, военная обстановка. И в этих условиях для человека, жаждущего самоуправления и власти, - неограниченные возможности.

Как сказывается экстремальность на рядовом человеке, на коллективе? Та обстановка, какую мы сейчас видим на Севере, определяет большую текучесть людей. Текучесть - оборотная сторона временщины. Более страшной фигуры для Севера, чем временщик, нет. Ему на все наплевать. Сколько проработает этот тягач или трактор - три дня или три года, как ему положено, - не важно. Важна зарплата, а не сохранность машины. Разрушительное действие оказывает на всю обстановку - и психологическую, и нравственную - упорное нежелание отказаться от экстремальной обстановки.

4. Форсированное освоение Западной Сибири не может быть оправдано ничем. А ведь как идет у нас освоение? Поставьте себя на место начальника НГДУ. Получил приказ, высадили его на голом месте, дали ему бульдозеры и сразу дали план. И надо ему и поселок строить, и обустраивать месторождение, и добывать как можно больше нефти или газа. Как же ему и план выполнить, и не загрязнить среду, и о человеке позаботиться? Как всякая гонка, кроме вреда, она не приносит ничего ни в плане экологии, ни в плане создания и выращивания командного корпуса, ни в плане создания жизненных условий для тех, кто осваивает.

5. Любая экстремальная ситуация - благодатная почва для проявления сильного характера. На Север рвутся люди, чувствующие в себе огромный запас энергии, которой нет выхода на Большой земле. Если это сочетается с отношением «Север все спишет, дай только план», то руки развязываются, появляется чувство безнаказанности. Руби, уничтожай, делай, что хочешь, только дай плановую нефть. Вырастают очень сильные руководители, но с заметным перекосом в сторону неуправляемости.

Думаю, что конфликта между Делом и Моралью у руководителя северного предприятия нет, если это азартный человек, бесспорно преданный делу, понимающий, что задача ставится Родиной. Тех, кто так ретиво осуждает нынешних руководителей, их методы работы, я бы хоть ненадолго поставил на одно конкретное дело. Дал бы ему колхоз, завод, бригаду, чтобы он покрутился в наших условиях, когда все жестко планируется, и многое несогласованно. И в этой ситуации, если он будет четко следовать инструкции, согласовывать, оговаривать, спрашивать, то он ничего не сделает. Я осуждаю, когда руководитель тянет себе в карман, используя служебное положение, но если он самовольничает, нарушает, преступает ради дела (например, надо построить поселок для рабочих, а нет генплана, нет разрешения, и он все-таки строит, дает людям тепло и условия домашней жизни), его можно оправдать.

Вся эта этическая платформа - это кабинетная выдумка. Кому она нужна? Когда началось освоение, никто никогда человека во главу угла не ставил, не ставит и сейчас. План, план, план... Главное - нефть и газ, Создается ли что-нибудь для человека - хорошо, нет - перебьемся. Все это нужно только для кафедры этики, чтобы показать, что не зря хлеб едите, что не просто холостым маховиком крутитесь. Вот чтобы оправдать свое существование, вы и беретесь за какую-то программу. Кому она нуж-

на? Ни один трезвый и умный руководитель читать до конца вашу программу не будет. Что вы программируете? На что будете опираться? На экономику? Я не вижу практической целесообразности в этом никакой. Под этикой должна быть материальная подкладка.

Л.В.Лебедева

ЧЕЛОВЕК ОСВАИВАЮЩИЙ

1. «Болевые точки» концентрируются в морально-психологической атмосфере региона. Она характеризуется такими тенденциями, как ослабление ценности индивидуальности личности, распространение психологии «винтика»; проявления «двойной» (или «тройной») морали субъекта нравственно-воспитательной деятельности (для отчета, для коллектива, для себя); эгоцентризм; временщина - самое распространенное и опасное явление, результат очень низкой культуры труда и безнаказанности.

«Точки роста» нравственной жизни - в возникающей у определенной части людей потребности переоценить цели и последствия своей деятельности на Севере.

3. Особенности нравственной ситуации в условиях нового освоения, на мой взгляд, состоят в том, что первопроходцы, решая проблему выбора путей и методов освоения, апеллировали к насущной задаче необходимости решения экономических проблем, а гуманистические и экологические аспекты этого выбора были минимальны.

Современный этап «жизненного цикла» процесса нового освоения состоит в том, что собственно проблема выбора в том виде, в каком она стояла перед первопроходцами, не существует. Сегодня альтернатива: или старый способ освоения («взять и уйти»), или закрепление человека на Севере, стабилизация жизни, формирование психологии человека, пришедшего сюда «всерьез и надолго». Это требует нравственной переоценки целей освоения и перестройки в его способах.

Современное состояние нравов в регионе можно охарактеризовать как сложное, когда существует две психологии: временщика (результат энтузиазма первопроходцев) и хозяина (новая психология «человека осваивающего»).

«Коварство» экстремальной ситуации для рядового человека заключается в том, что он не сразу осознает характер своей деятельности на Севере. Потрясает грандиозность масштабов, затягивает «длинный рубль», от которого трудно отказаться, особенно если это - цель твоего приезда. Отрезвление наступает, когда человек закрепляется, «пускает корни», когда встает вопрос: «Что я оставлю детям?».

Снимет экстремальность ситуации выбора не только отказ от форсированного метода освоения (экономическая сторона), но и гуманизация жизни человека на Севере, которая видится в положительном решении экологических проблем, в демократизации жизни.

5. Конфликт между Делом и Моралью неизбежен в условиях старого метода хозяйствования, породившего стереотипы хозяйственной деятельности. Динамика экономической жизни и неординарность ситуаций, характерная для районов нового освоения, приходят в противоречие с огромным количеством инструкций, которыми «обложили» северных руководителей мини-

стерства и ведомства. Возникает выбор между нестандартным решением производственных проблем и нарушением инструкций и буквы закона. Это всего лишь один из конфликтов между Делом и Моралью.

М. Г. Лутошкина

«ВЕКТОР» ПРАВСТВЕННОСТИ

Полагаю, что ключевым моментом предлагаемой анкеты, концентрирующим все другие ее вопросы, тем солнцем, вокруг которого вращаются остальные планеты, является третий вопрос. Поэтому ответы на поставленные в анкете вопросы будут обязательно обусловлены им и сориентированы на него.

Перестройка во всех сферах общественной жизни, характеризующая состояние современного общества, предполагает коренное изменение роли и места человека в социальных процессах. Ощущается острая потребность в человеке, который не только может автоматически воспроизводить уже готовые ценности, но и способен (умеет и чувствует в этом потребность) создавать новое, творить то, чего не существовало раньше. Сфера социально требуемого новаторства распространяется на все сферы бытия человека в качестве условия их дальнейшего развития, достижения качественно нового, более высокого, уровня. Перестройка обращается к человеку не как к бездумному исполнителю, а как к творцу собственных предпочтений, решений, выбора; творцу, который ощущает свое единство, свою неразрывную связь с окружающим миром и руководствуется этим в своей жизнедеятельности. Перестройка, одновременно с расширением возможностей, влечет за собой и увеличение ответственности человека за его слова и поступки, ориентации и проявления, за реализацию самого себя.

Все сказанное выше особенно значимо в ситуации районов нового промышленного освоения, в частности, в условиях Тюменского нефтегазового комплекса. Новизна, уникальность тех жизненных ситуаций, в которых находится человек на Севере, оказывает большое влияние на его образ жизни, способствует корректировке ценностных ориентаций. Новизна и часто проблемность жизненных ситуаций благоприятны для усвоения человеком нового опыта, расширения сферы его представлений и навыков, обогащения содержания его жизни. Они также стимулируют творческую активность личности, побуждая ее к созданию новых ценностей представлений, новых образцов деятельности и поведения, повышенной целенаправленной активности и, наконец, к выбору той или иной стратегии поведения, средств и способов достижения цели (в скобках замечу, что в острой новой ситуации выбора в Тюменском регионе очень опасна неприспособленность человека к принятию решения в проблемной ситуации).

В процессе нового освоения: а) человек чаще, чем в регионах уже «освоенных», встает перед необходимостью совершения морального выбора; б) обостряются условия морального выбора; в) выше интенсивность процесса морального выбора; г) масштабы производства, жизни района нового освоения таковы, что не могут не вызвать новой степени концентрации человеческого характера, испытания его в самых экстремальных обстоятельствах; д) обостряется необходимость совершения морального выбора, невозможность уклонения от него.

Значительные изменения в жизни нашего общества позволяют сделать вывод о том, что роль морального выбора лично-

сти сегодня так велика, как никогда раньше (как для общества в целом, так и для каждого отдельно взятого человека в особенности). Перестройка выявила огромные воспитательные возможности морального выбора личности.

В этических работах предшествующих лет неоднократно рассматривался вопрос о моральном выборе личности в аксиологическом и праксеологическом аспектах: анализировались механизмы осуществления морального выбора, ценностные ориентации выбора, моральный выбор рассматривался с точки зрения соотношения в нем целей и средств, мотивов и результатов и т. д. Несмотря на то, что моральный выбор, казалось бы, изучен полно и всесторонне, хотелось бы отметить, что редкие исследователи сегодня уделяют должное внимание изучению воздействия ситуации и акта выбора на осуществляющую его личность, роли морального выбора в становлении человеческой индивидуальности. Между тем, как показывает жизнь, сделать это необходимо, и в этом видится одна из «болевых точек» этической теории (а также практики нравственно-воспитательной деятельности), которая должна перейти в «точку роста» и развития комплекса знаний о морали.

Представляется, что обозначенная выше проблема есть не что иное, как воспитательный потенциал морального выбора, и изучение воздействия процесса, ситуации морального выбора на личность, преобразование последней в ходе его чрезвычайно актуально и настоятельно требует самого пристального исследовательского интереса.

Исследовательская задача состоит в том, чтобы изучить воспитательные возможности морального выбора в его современной ситуации по отношению к личности, показать, каким образом моральный выбор выступает непосредственным способом преобразования субъекта морали, выполняет свою роль в осуществлении человекопреобразующей, человекоформирующей функции.

Такой подход, в свою очередь, настоятельно требует изменить (в соответствии с изменениями в нравственной жизни) и позицию субъекта нравственно-воспитательной деятельности: от субъект-объектных отношений, которые воспроизводили человека, снабженного усредненным набором знаний и умений, перейти в сфере этой деятельности к отношениям субъект-субъектным, создающим человека, способного к творчеству в любом своем личностном проявлении (и в первую очередь, в морали).

В решении данной задачи целесообразно отталкиваться от анализа общественных реалий, современных особенностей ситуации морального выбора личности. Внимательное ознакомление с материалами «Самотлорского практикума-1» позволяет заметить, что многие специалисты, отвечавшие на анкету, говорят о явном недостатке конкретных исследований морали, реальных нравов современного нам общества. С этим трудно не согласиться, но хотелось бы задать вопрос: а вина ли это этики? Я формулирую этот вопрос потому, что обычно этик высказывает желание иметь социальные исследования, но с трудом представляет себе, как их использовать. Этика, стремясь к конкретным исследованиям, уповает на конкретные исследования, проводимые науками, строящимися по типу естественнонаучного знания (социология, психология, социальная психология и т. д.), но, вероятно, есть смысл и необходимость обратиться к конкретным исследованиям в гуманитарных науках*). Здесь возникает проблема собственно этических методов, интерпретаций реальной морали.

Считаю, что на этом пути очень важно обращение этики к художественной литературе, необходимость формирования собственно этической методики интерпретации художественной литературы, методики этического исследования морали через

художественную литературу. В данном случае обращение к литературе не случайно; «сотрудничая» с ней, мы изучаем мораль опосредованно, через художественное слово исследуем нравственность. Художественное произведение является моделью мира, и не просто моделью, а смысловой - а это не что иное, как схваченный, оформленный в художественном материале «вектор» нравственности, направленность ее движения и развития. Художественная «информация» о морали значительно более достоверна, чем всякая иная информация, ведь ни социологические, ни психологические исследования морали эту направленность не схватывают. Не случайно сегодня, в ситуации напряженных нравственных исканий апеллируют не к этике, социологии и т. д., а к художественной литературе, публицистике (это, последнее, замечание неоднократно встречается в «Самотлорском практикуме-1»). Привлечение этикой конкретно окрашенного материала художественной литературы традиционно (но традиционно этик стремился выделить положительных или отрицательных героев и т.п., но не обращался к целостной структуре художественного произведения, а нужно рассматривать его как целостное образование, модель мира), но, думается, сегодня этический анализ искусства может дать новые средства понимания нравственной жизни общества, помочь этической науке в исследовании специфики воспитательного воздействия морального выбора на личность.

*) Заметим, что, как следует из вышеизложенного, мы считаем этику философской наукой, компонентом гуманитарного знания. Этика длительное время так старательно выделяла, обособляла свой предмет, что потеряла тот культурный контекст, который ее окружал. В связи с этим, этике имеет смысл освоить весь комплекс гуманитарных дисциплин, снова научиться целостно видеть культуру, влить в этику культурологическое знание. Не лишним будет заметить, что этика практична тогда, когда она действительно участвует в мировоззренческих исканиях своих современников.

В.М. Мартыненко

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ СПРОСЯТ НАС, КАК МЫ СПРАШИВАЕМ ОТЦОВ...

1. Для участника процесса нового освоения складывается ситуация, в которой человек оказывается вырванным из привычной среды; она связана с переменой условий жизни: климатических, социальных, бытовых, привычного окружения. Все это определяет поведение человека. В такой ситуации острее проявляются нравственные основы, заложенные еще в детстве и приобретенные в процессе воспитания. В такой ситуации многие осваивают сначала прежде всего себя.

«Точки роста» - это новые возможности, которые возникают перед конкретным человеком, прибывшим на новое место: перспектива нового большого дела, возможности проверить себя как личность, профессионального роста, создания базы материального благополучия. «Болевые точки», связанные с новым большим делом, - это пренебрежение экологией, средствами, самим человеком.

И какими средствами будут достигаться цели, какой глубины конфликт будет между «точками роста» и «болевыми точка-

ми» в процессе нового освоения, зависит от воспитания человека и общества, в котором он воспитывается.

В конкретной ситуации освоения Тюменского Севера «болевы́е точки» углубляются уродливыми проявлениями нарушений ленинских норм и принципов, основ демократии в период «культы личности» и времен застоя. В развитии общества затянулся период «военного коммунизма» с его главной и характерной чертой - пренебрежением к человеку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. В обществе на данном этапе происходит процесс оздоровления - трудный, мучительный. Идет процесс перестройки, и его неотъемлемый атрибут - гласность. Долгое время на фоне парадной шумихи, «победоносных» репортажей и рукоплесканий не принято было говорить о проблемах общества.

Главная, изначальная специфика нашего региона - это ведомственность, которую не в силах преодолеть даже междуведомственные комиссии по координации усилий и т. д. Келейное принятие решений, отсутствие информации, пренебрежение интересами человека и природы - вот главные черты ведомственности. И еще - волевые методы решения «сиюминутных» проблем без ориентации на завтрашний день. Отсюда обезображенная земля, погубленная природа, деформированные нравственные критерии. Самая характерная проблема молодых северных городов и, соответственно, характерный пример ведомственности - это проблема связи. Ни в одном городе нет единой сети телефонной связи. Существует множество коммутаторов. У каждой конторы - свой. Было бы проще объединить все ресурсы и построить единую сеть на весь город. Это дало бы возможность обеспечить телефонами не только учреждения, но и квартиры всех жителей. Но любая организация предпочитает иметь **свой** коммутатор, со множеством выходов на другие, но - **свой**. Это распространяется на больницы, спортзалы, дошкольные учреждения и т. д. На Тюменском Севере острее стоит проблема занятости свободного времени молодежи при ее повышенных финансовых возможностях. Это порождает болезнь «вещизма», наркоманию, пьянство и т. д.

Ведомственность, как правило, процветает, благодаря слабости Советов народных депутатов на местах, их скорее правительской, чем реальной власти.

Наши Советы народных депутатов не соответствуют тем Советам, которые заложены в самой идее социализма, которые должны обладать властью, данной им Конституцией. Функции Советов подменяются работой аппарата, исполкомов, партийными органами.

Первопроходцам всегда трудно. Еще по произведениям Джека Лондона мы знаем, что, когда человек сталкивается с суровой природой, это заставляет его собраться, мобилизовать свои жизненные силы, ожесточиться в противостоянии трудностям и в то же время искать поддержки у товарищей, быть мягче, несмотря на внешнюю суровость жизни. Это самое ценное, что характерно для первопроходцев. Я на Тюменской земле с 1979 года и могу сказать, что за эти годы нравственный климат поменялся значительно. Было мало людей и большое общее дело, что их объединяло. Существовало чувство общины. С увеличением количества людей и ограничением процесса нравственной адаптации в новых условиях это чувство было потеряно. Моральные ценности и нравственный энтузиазм первопроходцев захлестнул поток новых, не освоивших эти нормы, людей, появляются разобщенность, эгоизм, преобладание личного над общественным и т. д. Происходит потеря общины.

Тех, кто приезжает на Север, нужно делить на несколько категорий. Одну часть приезжающих привлекает возможность

участвовать в освоении, проявить себя, стремление к профессиональному росту, возможность вырваться из привычной среды, посмотреть на мир, самоутвердиться. Другая часть людей - это те, для кого материальный фактор является основным. Это люди, как правило, перешедшие 30-летний рубеж, которые уже успели познать жизнь во многих ее проявлениях. Для них характерно то, что денежный интерес они ставят выше, чем дело. Третья категория - преимущественно молодежь, которая стремится к решению каких-то личностных проблем, нематериальных: например, найти спутника жизни, поменять привычную среду, попробовать себя в новом деле. Появилась категория людей, ровесников молодых городов - это молодежь, которая выросла здесь, она стремится уехать с Севера с целью получить образование и приехать обратно. Для них Север - Родина.

Для коренных жителей и ветеранов - первооткрывателей нравственные ценности - это чувство локтя товарища, сохранившееся со времени начала освоения, это любовь к краю, в котором они прожили уже много лет, результаты их труда. Вот главное, что их объединяет. У новых поколений на первом месте интерес материальный, желание закрепиться. Из мотивов, которые приводят человека на Север, и вытекают нравственные ценности.

Мы ведем борьбу с браконьерством, с теми, кто ловит рыбу сетями, отстреливает животных. Но эта борьба сведена на нет фактом, что одним прорывом газопровода или нефтепровода мы губим гораздо больше природы, рыбы и др. Поэтому надо задуматься о настоящем вредителе и браконьере.

3. Напряженность экстремальной ситуации определяется тем, насколько мы готовы к ней. Если мы раздетыми попадем неожиданно на мороз, то наши ощущения будут соответствующими. Но если мы выйдем на мороз одетыми, «морально подготовленными», то и реакция будет другая. Так и экстремальная ситуация нового освоения. Была ситуация экстремальной для тех, кто первыми сюда приехали. Им приходилось жить и работать в новых условиях, резко отличающихся от привычных. По сегодня экстремальная ситуация создается самим человеком. К сожалению, в нашем плановом хозяйстве отсутствует плановость. Мы не знаем, что нас ожидает впереди, через несколько лет. Планы есть, но они, как правило, ни к чему не обязывают, так как постоянно корректируются. Медвежье - первое газоконденсатное месторождение, с которого начинали на Севере. С тех пор появился опыт обустройства. Но на обустройстве Нового Уренгоя, Ямбурга этот опыт мы так и не использовали. На очереди Ямал. Но нигде нет настоящего, по-научному обоснованного плана обустройства.

Безусловно, что такой подход к освоению, такая искусственно создаваемая экстремальность отрицательно сказывается на атмосфере в коллективах. Вина за такую ситуацию лежит на ведомствах, которые здесь заправляют. Ведомственные интересы до сих пор существуют по правилу, когда цель (валюта) оправдывала любые средства, которыми она достигалась. Все помнят времена строительства газопроводов, когда заместители министров, начальники главков исполняли должности начальников участков, сидели на местах строительства и прямо из портфеля платили строителям деньги для того, чтобы любыми путями отрапортовать о том, что задание выполнено. О каком моральном климате можно говорить, если во главу угла сознательно ставится политика «длинного» рубля, который обесценился сам и обесценил людей. Принципы «победителей не судят» и «Север все спишет» - сильны и сегодня. Но новые поколения спросят нас, как спрашиваем мы отцов: «Как же вы жили раньше?». Что мы ответим им за надругательство над природой Севера? Лучше, если мы сами себя спросим сегодня, для того, чтобы сделать выводы и исправить то, что еще можно. Потому что «победителей» судят и Север ничего не спишет.

4. На нравственную ситуацию нового освоения накладывает свой отпечаток ситуация в стране в период освоения. Стратегию и методы, средства освоения формирует сложившаяся система хозяйствования. Централизация планирования, ведомственность лишают деятельность человека творчества. Разбазаривание материальных средств, человеческих ресурсов дали питательную среду для ловких людей, которых я бы назвал «вечные начальники» управлений, «вечные заместители управляющих». Это люди, для которых высшая и неизменная цель - собственное благо любым путем. Они точно знают, сколько им нужно «проплыть» на одном месте, что бы урвать побольше и вовремя уйти. От мелких неприятностей спасают «друзья», и снова на прежнюю должность с прежней целью. Существующая система хозяйствования поощряла таких «начальников».

Надо менять методы освоения Севера. Если мы и дальше будем продолжать по-старому, то осваивать в ближайшем будущем уже будет нечего. Останется голая обезображенная пустыня, из которой выкачали всю нефть и газ. Поэтому нам необходимо перестраивать подход к процессу освоения. В первую очередь, сохранить природу, т. е. то, что осталось, совершенствовать человека. Создать максимум условий для тех, кто уже живет здесь, прекратить приток людей на Север, дать условия для полноценного досуга и труда за счет большего привлечения каждого человека к решению задач, связанных с выработкой стратегии и тактики освоения. За счет гласности.

Я думаю, нам надо уйти от слова «покорители». Что покорять? Себя, наверное, в первую очередь, И оглянуться: что мы оставим после себя детям?

А. П. Мищенко

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ ДОЛЖНА СТАТЬ «МОЗГОВЫМ ШТУРМОМ»

1. Кипение слов в котле дел региона, самодовлеющее значение тонны, кубометра, километра - главная болевая точка. Потогонка на руки всем крикунам, держащим вожжи управления, и смена лексики на перестроечную ничего в сути их не меняет. Глубокие корни, если не метастазы, пустила вредоносная философия «надо», которую насаждала Система сталинизма с тридцатых годов. Долго ее еще надо выпаривать из пор нашей жизни, ибо такое «надо» вырождает интеллект человека, деформирует его глубинные интересы, которые, будучи слиты в единое русло векторного прогрессивного устремления общества, могли бы стать (и станут!) гигантской силой, прийти в состояние энергии созидания. Призывом «надо!» можно оправдать любое головоунытие. Развивали эту погоняльную философию, к сожалению, и местные писатели. Метрогонная карусель на Самотлоре - не ярчайший ли пример этому? Дети теряли отцов, доблестных буровиков, кому буровая стала и матушкой и батюшкой, жены - мужей, матери - сыновей. О себе забывали люди в этом выгодном верховодам у власти героизме и нищали интеллектом. Попадают водочки, и ну вкалывать по-лошадиному. Жаловался мне один мастер: «Забыл я, какие у дочурки глаза: уезжаю - спит, приезжаю - спит». Так вот и развивалась безотцовщина при живых отцах.

Точки роста? Может, истина эта банальна, но она вечна: нужно повсеместно делать условия труда человеческими, так организовать его, чтобы в радость он был человеку. Только радостный, вдохновенный труд можно противопоставить всей догма-

тической, малоэффективной системе воспитания на производстве и вообще в жизни. Хорошо организованный (не мартышкин) труд сам воспитывает, выпрямляет и высветляет человека. Всему этому, кажется, и должна способствовать экономическая и политическая реформа, если ее не забюрократят, не заболтают противники перестройки. Реформа же, как и тот закон, про который говорят, что он, как дышло, куда повернул, туда и вышло...

2. Специфику нравственных проблем в нашем регионе в целом определяет характер труда. Как правило, он открытый, т. е. на природе, в нелегких климатических условиях. А массы приезжих людей, конгломерат разнообразнейших укладов жизни! Материальные стимулы влекут людей, меньше теперь - романтика, но и она осталась. Моральная ценность, которая всех объединит - творческий по возможности труд, где есть простор инициативе, поиску. В чистой громадище его стержневого течения растворятся все мелкие интересы и интересики, муть, желчь, яд и накипь тлетворных источников и всякой пасмури. Прозрачная постоянность радостного творческого труда, добрая нацеленная его сила - вот главный ориентир нравственного движения, возвышения человека.

3. Не способствуют экстремальные условия нравственному возвышению личности и трудового коллектива. Как правило, тут все пронизано вредоносной философией «надо». Это, в конце-то концов, не биологично. Человек эволюционно создан для мирной жизни. Экстремальные, авральные, пожарные ситуации изнашивают организм, оставляют незадействованными громадные массивы добра, творческих устремлений. Хотя встряски, надо сказать, бывают полезны - как отдельному человеку, коллективу, так и всему обществу. Но это все в общем, эскизно. Не признаю кодекса «Человек Севера». Мы искусственно придумываем его и насаждаем. Побольше милосердия в каждом человеке, поменьше непримиримости к другим (с себя можно снять стружку, тут переборщить трудно) - именно этого не хватает нам. Мы агрессивны и непримиримы, а в народе мудро говорят: «Не серчай - печенка лопнет». Отсюда ранние хронические заболевания, неврозы. Мы не умеем мириться с поражениями, стремимся к тотальным победам. А древние предостерегали: «Убивая врага, не убей лучшее в себе». В эпоху взрывного повышения критичности в обществе это приобретает особое значение. Мы забываем о компромиссах, а как Ленин жил ими, был гибок и пластичен к жизни! Работу его о компромиссах мы недооцениваем пока...

4. Малокомпетентен я для оценки вахтового метода работы, но по поводу одного случая, фрагмента, что ли, выскажусь. Комсомольский друг мой, работавший тогда в Облсовпрофе, Василий Плохов ездил на Север разбираться по письму вахтовиков и открыл таких деляг: ездят из Ивано-Франковска сюда рвануть рубль, заодно дерут тайгу на ягоды и орехи и в свободное от вахт время в родном краю по рублю стаканами продают их.

Такой труд разрушает, конечно же, личность, не созидает ее, по крайней мере. И все приоритеты в моральном и материальном смысле надо отдать честному, талантливому труду. Хватит нам быть лакеями «уравнительных» (уравнивающих личность до стадного существа) истин и философий, с которыми страна увязла в болоте застоя. Давать надо простор истинным талантам, творцам, созидателям, нужно раскалить нашу жизнь, раскатать народ. А раскатаешь русского человека - он горы свернет.

Хватит барабанно говорить о жизни коренных национальностей. Ведь мы превратили край в колонию, рвем богатства недр, так, что рвутся ручьи, реки, озера, лысеет земля. Нужно ласково заглянуть в душу ханты, манси, сибирского татарина

(есть такая народность!) и ненца. Нужно компенсировать все, что отняли уже у них, социальными благами в национальных поселках. Надо извлекать все то доброе из нравственности, из взаимоотношений местных народов с природой, что у них есть; то-пая первопрородчески по территории края, не затапывать древние тропы.

5. Не буду много говорить по поводу «дела» и «морали». Успех всех ценных преобразований, что затеяны сейчас в стране, успех перестройки могут решить только компетентные люди, специалисты-исполнители, от рабочего и выше, и руководители. Человек на свое месте - вот альтернатива всем нашим многочисленным организационным устремлениям и целям.

6. Развивать диалог на всех уровнях, давать расти многоцветью плюрализма мнений. В науке и технике существует метод так называемого «мозгового штурма». Чем-то подобным на нынешнем переломном этапе должна стать вся наша жизнь.

Ю. С. Надточий

ИЗ «МЕСТА ДЕЙСТВИЯ» - В «МЕСТО ЖИЗНИ И ЛЮБВИ»

1. Социально-нравственный портрет нашего столь быстро развивающегося региона формировался в период общей стагнации, длящегося десятилетиями морального, политического, экономического застоя.

Общий застой, для своего поддержания требуя немало произведенных не нами природных ресурсов, смею утверждать, во многом способствовал тому, что мы называем «тюменским ускорением». Стоит ли приводить в пример долю тюменской нефти и газа в международной торговле, их действенную роль в «решении» все еще не реализованной «продовольственной программы».

И сегодня можно привести как актуальные слова сибирского историка Словцова, произнесенные им в начале XIX века, что «Сибирь до сих пор представляет из себя печальную картину безудержного грабежа и вывоза».

Именно «вывоз», а не промышленная переработка на местах, не «промышленное», но «добывающее» освоение края, способствовали некой «тюменской» временной психологии, усугубленной так называемой «первопрородческой» эйфорией.

Впрочем, именно «стагнация» содействовала приезду, оседанию, концентрации в регионе людей, не находящих применения силе и энергии в других местах.

Эта, назову ее «тюменская» исключительность, в условиях общего застоя, естественно, не могла реализоваться полностью. Особенностью региона является и то, что здесь, пожалуй, как нигде, жизнь «нравственная» связана с жизнью «производственной». Издержки в жизни «производственной» непосредственно порождали «болевые точки» жизни «нравственной», как то: апатия, неверие, скепсис, цинизм и т. д.

«Точки роста», удовлетворения жизнью связаны, в основном, тоже с производством, с возможностью получить осязаемый конечный результат. Говорить о воспитательной деятельности в отрыве от производства в этих условиях становится невозможным.

Впрочем, нынешнюю социально-нравственную неудовлетворенность в общем контексте можно рассматривать как несо-

менно положительную черту, способствующую не столько эволюционной, сколько революционной перестройке общественно-экономических отношений.

2. Специфика нравственных проблем в регионе связана с ясно осознанной первопреходческой сутью пребывания здесь каждого работника. Но нынешний «жизненный цикл», по сравнению с предшествующими, я бы назвал более трезвым. На смену «бойцам», «покорителям» приходят «колонисты», люди не только «трудового подвижничества», но и люди «труда и быта». Видимо, это самая надежная категория трудящихся. Регион превращается из «места действия» в «место жизни». Это новое осознание региона способствует реализации того, что мы называем «человеческим фактором», закреплению человека в новых для него местах Тюменского Севера.

Думается, что в условиях перестройки, которая открывает большие возможности нравственной, социальной реализации и в местах, скажем так, традиционных, многие мотивы приезда в наш регион отпадают.

Если учитывать необходимость дальнейшего развития региона, а значит, необходимость притока новых работников, предстоит действительная, а не на словах, опережающая, опять-таки по сравнению с местами традиционными, перестройка процесса освоения Тюменского Севера. Долгие годы самоцелью этого процесса являлись нефть и газ. Отсюда проявляющиеся расхождения в ценностных ориентирах, в целях новых поселенцев и коренных жителей, ветеранов и молодых работников. Со спадом «эйфории» противостояние заменяется взаимопроникновением. «Регион» становится родной землей.

3. Ситуация приближается к экстремальной при недостаточной подготовке к ней. Чем меньше подготовительная работа, тем экстремальнее условия. Для того чтобы броситься на пулемет, на сорванную задвижку на газопроводе, необходимо нравственное возвышение одной личности и безнравственность другой. Акцентация экстремальности часто служит целям спекулятивным оправданию недостаточной организации трудового процесса, издержек социальной инфраструктуры. В подобных ситуациях организаторам бывают «выгоднее» именно молодые исполнители, одинокие, неустроенные и т.д. Молодежная романтизация - плата за «зрелый» консерватизм. Экономический и духовный. Впоследствии многие из «созревших» романтиков сталкиваются с тем, что Север не все списывает, что победителей тоже судят.

Но в общем «северный» ритм жизни и работы, когда человек достаточно быстро видит результаты своего труда, действует плодотворно. В любом случае желание самореализации человека, какие бы не были предпосылки для этой самореализации.

Думается, что первоначальное Кредо достаточно индивидуалистично. Трансформация идет в сторону Кредо общественного. Если говорить о «временщине», то болезнь эта не только тюменская. Просто она здесь виднее, более жестко обозначена.

4. Вахтовым методом, интенсивное материальное стимулирование усугубляют нравственные коллизии. Собственно, все это можно отнести к затратному хозяйствованию. Ни вахта, ни так называемый «длинный рубль» не могут компенсировать отсутствия бытовых удобств, желания создания своего «дома». К тому же, недостатки в снабжении региона товарами, услугами, делает наш достаточно дешевый рубль еще дешевле. Отсутствие семьи (при вахте), недостаток трудоемких товаров, необходимых для стабильной жизни, компенсируются тратами алкогольными. Немалая часть «интенсивного материального стимулирования» идет, таким образом, на «пьяный налог». Борьба с алкоголем, при недостатке культурных развлечений, спортивных залов, пла-

вательных бассейнов и т. д., только увеличивает этот «налог», уже в счет спекулянтов спиртным.

В такой ситуации природа становится некой добавкой к «интенсивному материальному стимулированию». С каждым годом, правда, эта «добавка» становится все бедней, что отнюдь не радует представителей коренных этнических групп.

Освоение, в общем, идет не путем «глубокого освоения», но достаточно поверхностного, экстенсивного. Т. е. «временщического».

Будущее региона связано с «глубоким освоением». Необходимо создание перерабатывающих производств. Настоящую отдачу за углеводороды получают не там, где их добывают, но где перерабатывают.

5. В нравственно и экономически здоровом обществе, постоянно развивающемся, конфликт между требованиями «Дела» и «Морали» вряд ли нужно считать неизбежным. Отрыв «Дела» от «Морали», в основном, связан с забвением того положения, что человек есть мера всех вещей. В последние годы «мерой» для нас часто были газопроводы, буровые установки, нефтехимические комбинаты, но никак не человек. Отсюда произошло как бы деление «Морали». Одна мораль - для тех, кто выполнял непосредственную работу, другая - для тех, кто отчитывался о «Деле».

Говоря о соотношении предприимчивости и компетентности, столкновения компетентности и непрофессионализма, хотелось бы сказать в первую очередь о столкновении компетентности и непрофессионализма, если можно так сказать, морального. По крайней мере, руководитель, приказывающий забивать, предположим, сваи, на непроектную глубину, - человек аморальный. Вполне вероятно, он считает себя, наоборот, человеком предприимчивым, но это мнение на совести такого руководителя.

В условиях нового освоения как раз особенно требуется высокая мораль всех работников. Всякое освоение начинается с основы, с базы, а какова база, основа - таково и все остальное, дальнейшее. Радикальная экономическая реформа как раз и должна способствовать невыгодности противопоставления «дела» и «морали».

6. Любой банк (идей и программ тоже) будет пуст без материальной основы. Приведу такой примерчик. Для большинства приезжающих регион начинается с железной дороги. Пересадка с Транссибирской магистрали на дорогу тюменскую сразу же открывает реальное отношение к жителям региона, его «своеобразную» атмосферу. «Освоенческий», потребительский подход к человеку сказывается с первых «региональных» километров: разбитые вагоны, хамские проводницы, отсутствие четкого расписания и т. д.

Этическая платформа нового освоения должна основываться на преодолении этого потребительского подхода.

7. Возможно ли превращение региона из «места действия» в «место жизни и любви»?

Процесс этот начался и его не остановить, как нельзя остановить живую жизнь. Процесс «силового» жизненного цикла региона закончился. На смену «нравственности» первопродочества приходит нравственность постоянных жителей региона. Именно в этом заключается так называемый «второй этап» освоения области.

ОЧЕНЬ ТРУДНО ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ

1. С самого начала освоения Западной Сибири и на перспективу, по крайней мере, пять лет, социально-нравственная проблема порождается конфликтами между отраслями. Конфликты выражаются в том, что отрасли свой план стремятся занижить. Это сказывается на человеке. Например, мы, как геологи, всегда стремились к тому, чтобы в Западной Сибири нужно добыть как можно больше нефти. Другие, например, нефтяники и газовики, возражают, используя при этом такой лозунг: «Как сохранить недра для будущих поколений». Цель - получить заниженный план. Или, например, говорят, что в недрах больших запасов нет. И та, и другая позиция, с моей точки зрения, является неправильной. Если рассматривать вопрос: нужно ли максимально добывать нефть и газ из региона или оставлять их на будущее, я всегда отвечаю, во-первых, что будущим поколениям мы оставляем гигантское количество нефти и газа в недрах земли, которое мы сегодня технически не можем извлечь. Во-вторых, планирование заниженных цифр добычи на долгосрочные отрезки времени я рассматриваю как планирование экономической диверсии против развития производительных сил. В чем смысл такой формулировки? В том, что в ближайшие 50 лет весь мир перейдет на новые энергетические ресурсы. Это новые источники в виде водорода, метана, управляемых термоядерных реакций. Тогда нефть потеряет свою ценность как топливо. Имея гигантские запасы нефти, нам будет жалко ее не добывать, и мы останемся на старых технологиях, тогда как весь Запад перейдет на новую технику и более совершенные энергетические источники. Эти источники более привлекательны для людей: не загрязняют среду, лучше по производительности, выше их энергетический потенциал и т. д. То есть мы заранее планируем отставание нашей техники. Кроме того, мы наносим ущерб себе, в условиях современного развития, когда 10% Аэрофлота стоит из-за отсутствия горючего, стоят машины по этой же причине. Мы не можем купить то, что необходимо человеку. И все происходит из-за разработчиков, которые считают, что запасы недр необходимо оставить будущим поколениям. Моя позиция - максимум добычи нефти и чем дешевле, тем лучше. Это будет нравственно и для сегодняшних поколений, и для будущих.

2. Я отчасти ответил уже на второй вопрос. Немного дополню. О динамике нравственных ориентаций в течение всего периода освоения. С 1964 года, мы начали планомерно осваивать Западную Сибирь, и сразу же появились расхождения в уровнях добычи. На первом этапе мы называем 30 млн. тонн нефти. Нам говорят: «Это невозможно. Только двенадцать». По факту добываем 31 млн. тонн. В следующей пятилетке мы называем цифру 150 млн. тонн. Нам опять: «Это невозможно. 60 - максимум 80 млн. тонн». Мы добываем 148. И так до сегодняшнего дня. Специалист может сказать, что ведь на практике все равно получается почти столько же, сколько вы говорили. Но дело в том, что нефтяную и газовую промышленность обслуживают примерно 50 министерств и они ориентируются на цифры добывающих министерств. В результате мы все время отстаем по утилизации попутного газа. Мы сегодня уже потеряли (сожгли) почти 200 млрд. куб. м. газа. И планируем сжигать по 10 млрд. ежегодно до 2000 года (хотя утилизация растет), и все это из-за того, что министерство занижает цифры, другие предприятия, строящие газоперерабатывающие предприятия, ориентируются на эти цифры. Кроме того, занижаются запасы, а их на самом деле оказывается больше. Практически сжигаются миллиарды долларов. А ведь эти деньги можно было пустить на обеспечение человека.

В начале освоения людей на Север все-таки приводит экзотика и стремление помочь обществу. Человек думает: «Здесь так много всего, что я, кроме зарплаты, еще могу помочь обществу». То есть происходит совмещение личного и общественного. Даже если человек приезжает сюда за деньгами, то подспудно он выполняет и общественную функцию. Эти люди могли бы поехать заработать деньги куда-нибудь и в другое место, а они едут сюда. Если говорить не о Севере, а о Тюмени, о нашем институте, то он существует уже больше 20 лет. В нем тысяча человек сотрудников, из них 300 человек - костяк, который проработал больше 15 лет. Их сманивали большой зарплатой, переманивали на Север, но все равно люди остаются, т. к. есть любовь к делу, к своей специальности. Они считают, что лучше условий для реализации внутренних своих потребностей они не найдут. Администраторы должны поддерживать эту убежденность человека, что именно здесь он принесет больше пользы.

3. Я говорил о том, что нужно стремиться к максимальному извлечению нефти и газа из недр и эффективному использованию их в народном хозяйстве. Да, если они расходуются неразумно, это нравственно деформирует человека: он видит, что многое пропадает - сжигаем газ, разливаем нефть. В районах Среднего Приобья все залито нефтью, хотя и принимаются меры, чтобы этого не было. И все-таки, даже если человек видит это зло, он удовлетворяется тем, что дает большую отдачу обществу. И любая интенсификация труда внутренне будет этим человеком принята. И, уехав с Севера, он будет гордиться тем, что частица его труда имеется в этой нефти или газе.

Еще раз уточню: у многих есть и такая позиция, что «Север все спишет» и «победителей не судят»: поскольку нужна стране нефть, то, даже если ее немного разольем, то это не страшно. А ведь все это вырастает в колоссальные потери, не только в денежные, но и в человеческие. Нужно с таким принципом бороться? Но на разных уровнях управления занимают разные позиции в этом вопросе. Пример. Действительно, много нефти на Севере разлито. Мы разработали очень эффективный способ борьбы с этим нефтяным загрязнением. Достаточно сказать, что в «банке данных» новых технологий в США на наше изобретение уже подано 120 заявок из 32 стран. Мы старались использовать эту технологию в первую очередь у нас, но натолкнулись на гигантское сопротивление, вплоть до прямого запрещения на местах проводить необходимые испытания. В частности, Министерство нефтяной промышленности запретило проводить эти испытания в Нефтеюганске и на Самотлоре.

Мы, впрочем, все равно провели испытания, но по инициативе местных руководителей. Эту позицию - «Север все спишет» - легче искоренять на месте, внизу, чем вверху. Более всего нужна перестройка в позициях среднего звена - в министерствах и ведомствах, хотя они считают себя более компетентными. На деле - наоборот. Экстремальность ситуации я вижу в противоречии между «верхами» и «низами» в одном ведомстве.

4. Самая главная стратегия нового, освоения должна заключаться в том, чтобы осваивать все своими силами. Вахтовый метод, который применяется, - это от нашей бедности, от нехватки кадров, от нехватки соцкультбыта, жилья. На Севере города должны строиться с лучшими условиями, чем на Большой земле. А подход у нас совершенно другой, даже сегодня. Когда рассматривается проект нового дома, сразу вводятся ограничения: зачем высокий потолок, зачем туалет и ванная отдельно, давайте совместим; а зачем...? Это фиктивная экономия приводит к тому, что не позволяет человеку долго оставаться на Севере, в конце концов наносится гигантский ущерб и природе, и государству. На Севере можно жить, если создать для этого хорошие условия. Человек думает, что если наверху запрещают, то зачем он сам будет что-то делать. Он смиряется. Эта наша терпимость

позволяет практически эксплуатировать человека. До сегодняшнего дня Западная Сибирь осваивалась типичными колониальными методами. Когда я был на Ближнем Востоке, а там освоение колониальное, то видел, что и при таких методах все-таки условия лучше, чем у нас. Хотя должно быть наоборот. При разработке арабских месторождений англичане и американцы не боятся затрат, так как знают, что, когда человек живет в лучших условиях, то и работает лучше. У нас этого пока нет.

Стратегия нового освоения должна заключаться в том, чтобы человек жил здесь не временно, поэтому он должен быть обеспечен соответствующим образом. Если этого не будет, то и производительность будет низкой. Приведу пример нравственного подхода из производственной сферы. Я возвращаюсь к ответу на первый вопрос анкеты, к борьбе между нефтяниками и геологами. В начале освоения Самотлора мы называли определенную цифру запасов. Нам говорят, что здесь таких запасов нет. И утверждают первый проект освоения Самотлора - 20-30 млн. тонн нефти в год. Строят под эту схему все развитие промысла. Копают траншеи, закладывают трубы. Проходит год, и те же люди говорят, что нет, Самотлор может дать 60 млн. тонн. Снова роют, закладывают трубы... Проходит еще год. Затем говорят, что и этого мало, нужно давать 120 млн. тонн. Составляют новый проект - на 120 млн. тонн. Снова все раскапывается. В конце концов, оказывается, что и 120 млн. тонн мало. В результате недоверия к нашей версии запасов несутся колоссальные убытки при перепроектировании. Сегодня только на это уже истратили около 1 млрд. рублей.

Из стратегии вытекает и тактика. Каждое месторождение должно начинаться с обустройства дорог, коммуникаций, строительства домов. Только потом въезжает человек. Но у нас этого нет, потому что нет системы моральной и экономической заинтересованности.

5. Если подходить с позиций прошлых годов, то, безусловно, конфликт между Делом и Моралью существует. Мы воспитывались в нравственности бедняка. Если кто-то выдвинулся, то мы должны не равняться на него, а обратно затащить его в нашу бедность. Кругом была уравниловка. Несмотря на борьбу против уравниловки, она везде присутствует. Если создать новые основы взаимоотношений Дела и Морали, новые, хозяйственные и экономические отношения, то никакого конфликта, я считаю, не будет. Система оплаты труда сегодня несовершенна, но как только мы переходим к оплате по результату, по делу, то начинают возражать все инстанции. Человек начинает много зарабатывать - «много нельзя». Человек должен быть на грани нищеты? Мы каждый год эту грань поднимаем, но этот уровень пока остается низким, а выше мы поднять не можем. Пока такой подход существует, мы не сможем выйти на уровень обеспеченности, который существует на Западе, не поднимем и производительность труда.

Очень трудно перестраиваться человеку в новых условиях. Может быть, конфликт здесь более крупный, чем между ведомствами и низовыми предприятиями. Не все еще понимают перестройку и внизу. Пример из жизни нашего института. Мы пошли по второму пути экономического развития: у нас нет зарплаты, есть текущий фонд оплаты труда. В конце этапа работы, по ее итогам человек получает столько, сколько заработал. Но не все это понимают. Многие говорят: «Нет. Дайте мне лучше сегодня максимум, а не в конце работы». Но если его будущее не интересует, это значит, что его не интересует и результат.

Очень трудно перестраиваться. Если мы в ближайшее время не придумаем форму индивидуального экономического воздействия на человека, то не сможем быстро перейти к высокой производительности труда. Я считаю, что нужно согласиться с

требованиями трудящихся и выплачивать заработную плату, но при этом в конце рабочего цикла, суммируя все, что он заработал, произвести перерасчет - если получил больше, чем заработал, то вычесть. А так как обратно вычесть нельзя, нужно снизить зарплату, чтобы работник стремился к конечному результату.

6. Идею перестройки в области демократизации я бы сформулировал так: коллегиальное обсуждение при индивидуальной ответственности. Иначе мы не переломим распространенную психологию критиковать всех подряд, а самому ничего не делать.

А. В. Павлов

МОРАЛЬНЫЙ ФОРМАЛИЗМ «В СЕВЕРНОМ ИСПОЛНЕНИИ»

На мой взгляд, «болевой точкой» нравственной жизни в условиях процесса освоения нового региона является «нравственный релятивизм». Разнородность и взаимная несогласованность жизненных позиций, пестрота принципов, отсутствие их внутрирегиональной основы («привозная мораль») демонстрируют тенденцию, закономерную для формирования социально-территориального организма и общности населения в ходе освоения. Противоречивость экономических укладов, политических и правовых отношений, нетрадиционная в сравнении с обжитым регионом социальная структура, разноречивость образов жизни мигрантов из разных республик и областей, многократное скачкообразное изменение социальной среды человека, несогласованность предъявляемых к нему требований порождают переломы и сдвиги в морали, «моральную растерянность».

Ослабление принципиальности с успехом заменяется формализмом, но в северном исполнении. «Северный» вариант формализма - это не стремление к буквальному исполнению инструкций, это, скорее, стремление к буквальному исполнению взятой на себя роли: если ты начальник, то прямодушен и тверд, как камень, если ты бич - то вдохновенный, опереточный бич и т. д. Конечно, «моральный формализм» возникает небеспредпосылочно, он - продолжение неустойчивого положения человека в конфликтном регионе. Однако, такой формализм не пассивен по отношению к региональным социально-экономическим и пр. условиям, он закрепляет и углубляет конфликтность.

В упрощенно рационалистической, формальной, внутренне раздробленной на несогласованные позиции нравственной жизни населения региона освоения заметны две, по-видимому, немаловажные, противоположные тенденции. Первая связана с формообразующим влиянием на нравственную жизнь общественных отношений, трансплантированных в регион освоения из обжитых регионов, особенно организационно-экономических связей, создаваемых для выполнения плановых заданий при условии нехватки средств, при необоснованности распоряжений и т. д. Другая тенденция связана с формированием собственно-региональной совокупности общественных отношений в интересах местного населения, в частности, с распространенностью «теневых» отношений, зачастую являющихся условием, необходимым для выполнения необоснованных распоряжений, и тем самым, морально оправданным явлением. Мораль нередко вступает в противоречие не с делом, а с инструкцией, с поднормативным документом, порою с законом, причем справедливость не всегда на стороне последних.

Схематично эволюцию нравственной жизни населения в регионе освоения можно представить в соответствии с тремя стадиями формирования регионального социального организма с нуля до уровня освоенной (обжитой) территории. На первой

стадии, когда численность населения невелика, хозяйственная и социальная жизнь региона просты, нравственные ситуации не слишком выходят из-под контроля людей. Так, например, в любом маленьком поселке, несмотря ни на какие разногласия, существует некоторая моральная однотипность. Однако, при Наступлении второй стадии (представляется, что именно на этом этапе находится в настоящее время большинство регионов Тюменского Севера), вместе с выходом из-под общественного контроля экономических, правовых, социально-бытовых ситуаций, население теряет контроль и над нравственностью. Именно в данный момент наступает растерянность, возрастает беспринципность, усиливается формальная сторона морали. Можно предположить, что на третьей стадии, вместе с окончанием процесса освоения (формирования социально-территориального организма), степень конфликтности региональной жизни понижается до уровня, типичного для обжитых регионов, и нравственная обстановка относительно нормализуется. Во всем процессе эволюции нравственной жизни населения в регионе освоения может быть прослежена тенденция формирования региональной модификации морального сознания.

Для используемого в Тюменской области способа освоения, характеризующегося повышенной стихийностью, обозначенная выше специфика нравственной жизни - естественное и закономерное явление. Лечение данной «болевого точки» («точка роста») требует изменения способа освоения. Освоение - это вид и форма практики, значит, оно детерминировано двояко: уровнем развития культуры и объективными условиями. Культура выступает содержанием субъективного фактора практики, человек действует в зависимости от того, насколько он культурен. Однако, практика осуществляется в соответствии с объективными законами того «материала», который люди преобразуют. Мы свободны познавать и сознательно использовать или игнорировать данные законы, но чем меньше мы с ними считаемся, тем больше результаты нашей деятельности отличаются от поставленных целей.

Объективные законы процесса освоения могут быть раскрыты при исследовании соотношения между региональным социальным организмом и его природной и социальной средой, между объективными условиями деятельности населения (включая завезенные из других регионов и унаследованные от предшествующих этапов освоения) и субъективными интересами, между региональными модификациями общественного способа производства, формации, культуры, между группами социально-региональной структуры. Формулирование объективных законов освоения означает разработку общесоциологической теории освоения, без которой не имеет никакого смысла рассуждать об использовании внутри региональных резервов освоения, в том числе, и о нормализации нравственной жизни. Целью теории является создание комплексного проекта конечного состояния социально-территориального организма, включающего в себя социальные ограничения.

Самое серьезное затруднение, с которым встречается изменение способа освоения в Тюменской области, это - предшествующие тридцать лет регионального стихийного развития. За это время сформировалась деформация регионального организма, сложились обширные нетрадиционные социальные группы со своими интересами, воспитана деформированная культура, развивается общность населения, мало заинтересованная в изменении привычного образа жизни и в освоении региона.

Мой дополнительный вопрос: а кто в Тюменской области, собственно, хочет осваивать природные ресурсы и зачем? Какие группы населения сформировались в отношении к процессу освоения, и в чем их интересы? Какие социальные группы и каким образом препятствуют освоению? Кто и как представляет себе область через тридцать лет, и какой он хотел бы ее видеть?

СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ КОНФЛИКТ «СЛОВА» И «ДЕЛА»

1. Наиболее существенной «болевой точкой» нам представляется разрыв между словом и делом, когда, с одной стороны, имеет место осознание огромной политической, экономической, социальной, международной значимости нефтегазового комплекса Западной Сибири; с другой, распространение психологии, оправдывающей небрежность хозяйствования, элементы рвачества. «Точкой роста» нравственной жизни и воспитательной деятельности является осознание значимости участия в большом и важном деле, «зримость» результатов своего труда, широкое развитие коллективистских начал в трудовой деятельности, которые в экстремальных условиях приобретают особую ценность.

2. Общее и особенное проявляется, прежде всего, в наличии таких нравственных проблем, как неоднозначность ценностных ориентаций в районах нового освоения, несовпадение во многих случаях личного и общественного интереса, индивидуализм помыслов и осознание важности коллективизма в их реализации, определенная деформация нравственных ориентаций тружеников комплекса.

Опросы первопроходцев, осуществленные Институтом экономики и организации промышленного производства в 1968 г., показали, что 80% опрошенных в качестве главного мотива приезда на Север указали стремление помочь Родине поставить природные богатства на службу народу, проверить себя в большом и трудном деле. Правдивость ответов подтверждает тот факт, что в первые годы освоения уровень зарплаты нефтяников, газовиков, строителей был ниже, чем в Татарии, Башкирии и других районах, значительно хуже были условия труда, быта, отдыха в районах нового промышленного освоения. Аналогичные опросы 1984 г. показали, что 70% в качестве главного мотива назвали стремление заработать и вернуться на Большую землю. Изменение установок, среди прочих причин, обусловлено, по нашему мнению, двумя главными факторами; призрачностью надежд на создание, нормальных условий для жизнедеятельности людей, что обусловлено пренебрежением партийных, советских, хозяйственных руководителей к вопросам развития социальной сферы.

Вместе с тем, те же опросы показали, что среди тех, кто отработал на Севере от 3 до 5 лет, нравственные ориентации менялись и на первое место в мотивах пребывания на Севере выступало чувство сопричастности, удовлетворение результатами освоения, гордости за сделанное. Это моральные ценности, что послужили цементирующим фактором первопроходцев и вновь прибывающих.

3. Экстремальность условий проявляется противоречиво в нравственном развитии людей, осваивающих Север: воспитывает уверенность (которая у ряда молодых покорителей перерастает в самоуверенность), возвышает человека в собственных глазах и глазах коллектива, вызывает боль за те негативные последствия для традиционных отраслей, окружающей среды, которыми сопровождается освоение новых районов и... порождает пренебрежительное отношение к природе, образу жизни коренных народов (что особенно свойственно тем, у кого мотивом прибытия на Север является прежде всего меркантильный ин-

терес).

4. В освоении региона особое значение в плане нравственного воспитания приобретают такие формы организации труда, как бригадная. В условиях большой автономности коллективов, разбросанных на огромной территории, в отрыве от базовых центров, она воспитывает в человеке предприимчивость, инициативу, чувство локтя, взаимовыручки, коллективизм, ответственность за результат труда, более высокий уровень дисциплины, самостоятельности, повышенное чувство достоинства. Эти качества в целом свойственны коллективам, особенно малым, участков, цехов, бригад, вахт.

В то же время такие формы организации труда, как вахтово-экспедиционный метод работы, оказывают на работающих двойное влияние. С одной стороны, он обеспечивает возможность высокой оплаты труда, которая зачастую заставляет человека мириться с неудовлетворительными условиями жизни и организации труда, с другой - сопровождается нравственными деформациями в силу слабой эффективности воспитательной работы трудовых коллективах. Именно в этих условиях более всего получает распространение психология «временщиков», пренебрежительное отношение к коренным народам Обского Севера, их нуждам, образу жизни и деятельности.

5. Конфликт между требованиями "дела" и "морали" не представляется неизбежным, хотя длительное время он имеется, не ликвидирован и сейчас. В основе его - оценка деятельности людей прежде всего за производственные результаты, как бы они ни были обеспечены: повышение в должности, государственные награды, общественное признание. Уверенность, что положительные результаты в развитии производства все спишут, приводила часто к некомпетентным решениям, рассчитанным на быстрый успех, к нежеланию разрешать возникающие проблемы. Результаты: кризис в развитии нефтяной промышленности региона в XI пятилетке.

Перестройка и демократизация создают условия, исключаящие конфликт «дела» и «морали».

Г. С. Райшев

КОДЕКС ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО НА СЕВЕРЕ, УЖЕ ЕСТЬ

1-2. Люди, осваивающие Север - это те, кто должен сочетать интересы личные и государственные. Это, можно сказать, государственные люди. Однако, их деятельность часто приходит в противоречие с совестью. Освоение Севера надо поставить так, чтобы человек, делая дело, не страдал нравственно. Например, чтобы, приступая к освоению какого-либо участка, он имел деньги не только на его освоение, но и для экологии. Прежде всего, он должен подготовить базу для своего деяния, от которого не страдала бы природа. У нас же запланирована нефть, но не запланирован подход к добыче ее, не запланирована охрана природы от этой добычи. Государственный человек, руководитель не всегда своей волей может решить эту проблему достойным образом, поэтому заботу об охране природы надо также планировать. Нельзя ругать за это человека, в этих условиях даже самый совестливый не может поступать иначе.

Раньше, до освоения, на Север тоже приходили люди, селились, и местное общество принимало их. Был такой обряд, ритуал, когда на человека налагались определенные обязательства, ему отводилось специальное место для житья, оговарива-

лось, где ему охотиться и как относиться к угожьям. Все это старыми людьми говорилось. Таким образом, Кодекс человека, живущего на Севере, уже есть. Его лишь надо сделать обязательным для тех, кто приезжает сюда. Люди, приезжающие на Север, тоже имели Кодекс, и он не отличается от нашего, ведь где бы ни жил человек, родители, окружающие люди его наталкивали: этого не делай, это нехорошо и т. д. Приезжая на Север, он как будто забывает тот Кодекс, происходит как бы нравственная стерилизация человека. Он становится никаким, пришельцем, попавшим в неведомое и чужое, а ведь он приехал в ту же Россию.

Думаю, что это происходит оттого, что попадает человек в слишком большие пространства, населенные малыми народами непривычного вида. Их быт и поведение отличается от привычного (но только внешне), и у пришельца складывается впечатление о том, что он попал в малую культуру, неполноценную. Это заблуждение. Оно происходит от непонимания того, что культура здесь находится в совершенно иных обстоятельствах. И она велика, об этом говорят, например, орнаменты, веками отработанные из элементарного видения предметов, обобщенные до символов. Какая требовалась художественная интуиция, аналитический ум, чтобы создать этот символ. И сегодня творческий гений коренного народа неизменно работает. Почему же пришельцы, которые и в школе как следует не учились, и кое-как получили корочки бульдозериста, едут на Север и попирают все? Молодость и буйство сил часто подогреваются сознанием: «мы - романтики». У этих людей нет самоограничения, самодисциплины, чем отличается сибирский человек. Он волевой и способен управлять самим собой.

У нас, например, такой обычай. Человек, уезжая на охоту или рыбалку, не прощается с близкими. Сибирский человек скуп на излияния. Это оттого, что лишний раз не желает тревожить душу. Он знает, что, уезжая, может не вернуться - часто бывали такие случаи. Поэтому человек уходит просто, молча и мужественно. Жены тоже относятся к этому подобающе. Да, так и должно быть, так было всегда. Северный житель внешне мало эмоционален, но внутренне собран. Он понимает сложность жизни. Так же бережно он относится к природе: не срубит дерево у самой реки, так как знает, что иначе здесь будут гулять ветры и не будет пристаиваться рыба. Он знает, что это его промысел, его будущая удача.

Приходит человек с Большой земли сюда и не понимает, что все здесь связано, что надо сохранить лес, рыбу, в целом сибирскую природу, которая даст еще много практической пользы: пушнину, пропитание... Неужели одна нефть может нас всех накормить? Думаю, что надо рассматривать эти ценности наравне: и нефть, и защиту среды.

3. «Север все спишет» - это позиция не государственного человека, а временщика. А ведь каждый работающий на Севере человек - государственный. С него и спрос должен быть таковым. С подобным мышлением надо бороться. Тех, кто не понимает важности последствий своей работы, надо отстранять от Севера... Ведь, если я пошел в лес с человеком, который рубит направо и налево деревья, то я должен его прогнать из леса. Он мне не товарищ, он не понимает, что лес не наш, он будущего поколения. Осваивающие Север люди рассуждают: я только здесь, на этом участке, немного испорчу, а в целом-то все хорошо... Но людей-то много, и каждый из них так рассуждает.

4. Перспектива приехавших на Север людей зависит от условий, в которых они живут. Если человек устроен хорошо - он приживется, станет коренным жителем; если живет в балке и знает, что завтра он уедет отсюда, у него не может быть морали, нормального отношения к природе, Северу. Это ненормальный человек, никакой. К сожалению, таких никаких людей на Севере

много. Начальник, у которого на Большой земле есть благоустроенная квартира, в любом случае останется временщиком.

Экстремальные условия на Севере будут бесконечно, поэтому на первом месте должно быть сохранение природы. Эти условия возникают и долго сохраняются оттого, что первоначально неправильно подошли к проблеме освоения, не заложили основы, лежа для такого сложного дела.

Как много больших городов построено на Севере! В них живут десятки тысяч людей и будут жить еще долго. В каких условиях они будут существовать? Пора нам задуматься над тем, какие пространства осваиваются, в какую культуру вторгается пришедший сюда человек. Думаю, что тот, кто плохо относится к культуре Севера, не связан и с культурой своего народа. Иначе эти люди увидели бы, как много у наших культур общего, и более бережно относились бы к местной культуре и человеку, создавшему ее.

Отбирая людей для работы на Севере Тюменской области, нужно проверять, способны ли они воспринимать другую культуру и жить с другим народом.

6. Если деловая этическая игра, запланированная «Самотлорским практикумом-2», будет успешно проведена, то ее результаты, чтобы они приобрели силу закона, необходимо довести до правительственных деятелей. Узнавание Севера и всего, что связано с ним, необходимо поднять до государственного уровня.

К. Г. Рожко

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ВОЗВЫШАЕТ, И ДЕФОРМИРУЕТ МОРАЛЬ

1. В регионе нового освоения нравственная жизнь в позитивном плане отличается от обжитых регионов большей динамичностью, большей деловитостью, меньшим догматизмом; в негативном - делячеством, акцентом на сиюминутной реальности («заземленностью» установок и действий субъектов), рвачеством, которые соседствуют со своей противоположностью - нравственным утопизмом (приукрашиванием будущего Сибири, некритическим отношением к ее современному состоянию и т. п.). Одним из ведущих, если не ведущим, недостатком нравственной жизни является моральный релятивизм. В свое время гносеологический релятивизм был побочным продуктом революции в физике. Ломка местного уклада жизни, резкое обновление регионального образа жизни в сочетании с молодежным возрастом многих субъектов освоения и соответствующей психологией ведут к моральному релятивизму с его выводами: «В Сибири все можно», «Успешная транспортировка нефти и газа спишет все наши огрехи», «Победителей в экономике не судят нравственным и иным внеэкономическим судом», «Нравственно все, что ведет к техническому, технологическому, экономическому успеху».

Воспитательная деятельность в регионе более объективна, реалистична, в ней меньше преклонения перед авторитетами, особенно дутыми, стандартами и шаблонами. Вместе с тем, в ней наблюдается недооценка духовных факторов (интеллигентности, совестливости, этических рекомендаций, образованности, положительных психологических качеств) и их обратного влияния на материальные процессы.

2. На начальных стадиях крутых ломок, в том числе нового освоения, на первое место выходит энтузиазм субъектов. Со

стабилизацией процессов энтузиазм опережается деловитостью, систематичностью действий.

Все группы субъектов освоения объединяют: уважение к трудовой основе социалистического образа жизни, профессиональный интерес, стремление к самоутверждению и некоторые другие качества.

Современная молодежь более рационалистична и менее эмоциональна, у нее слабее нравственно-волевая закалка, она больше живет сегодняшним днем, часто уклоняясь от прогнозирования индивидуального и социального будущего, у нее меньше коллективизма, чем у старших поколений, больше делячества.

Основные нравственные противоположности в новом освоении: традиции и обновление; репродуктивное и творческое; необходимость, случайность и нравственная свобода как сущностный и интегральный показатель освоения природной и социальной среды.

3. Экстремальность вообще - это предельные трудности для осуществления человеческой жизнедеятельности, частые неожиданные и нестандартные ситуации, предельные темпы событий. В нравственном аспекте экстремальность представляет собой усиленную (за счет сложной противоречивости, большей конфликтности и т. д.) проверку нравственных принципов, качеств и черт характера.

Экстремальность и возвышает, и деформирует социалистическую мораль. В районах нового освоения положительные черты и недостатки морали, противоречия хозяйства и образа жизни проявляются наиболее рельефно. Восточные регионы страны выступают полигоном передового технического, технологического, организационно - хозяйственного опыта, высшей «социальной технологии» и управления, лучших качеств советских людей: героизма, социалистической деловитости, активности и ответственного отношения к деятельности. Значит, и полигоном передовой морали. Наши региональные условия высвечивают также бесхозяйственность, местничество и ведомственность, трусость, пассивность, недостаточную нравственную надежность и безответственность части субъектов освоения. Так, «нормальная» деловитость в экстремальных условиях становится или чрезмерной (делячеством), или недостаточной, обнаруживаясь в: бесхозяйственности, авралах и другой неорганизованности. Конечно, не всегда.

Люди приезжают в Сибирь найти дело по душе, показать себя, сделать карьеру в труде, получить образование, урвать кусок пожирнее. Уезжают: некоторые - удовлетворив свои цели (большинство таких остается), многие - не удовлетворив свои притязания.

4. Вахтовый метод способствует формированию нравственного нигилизма и релятивизма, психологии временщиков. Временщина ведет к разрушению природной и социальной среды, она ущербна для самой личности.

5. Конфликта между социалистической предприимчивостью и нравственной порядочностью нет, если последовательно проведены в жизнь принципы социализма. Но это идеальная модель - скорее перспектива, чем действительность, в которой множество противоречий: между компетентностью и некомпетентностью, порядочностью и непорядочностью, предприимчивостью и отсутствием таковой, комбинациями данных и многих других противоположностей. Иначе не нужны были бы сейчас экономическая реформа и демократизация всех сторон жизни общества.

6. Необходимо в регионе сбалансировать нравственные принципы с принципами правовыми, экономическими, политиче-

скими и всеми иными, преодолеть приниженность первых.

Следует выявить «бытийные» детерминанты социалистической морали, научиться видеть в ней не только духовную, но и практическую деятельность, максимально использовать в совершенствовании морали объективно-реальные моменты. Только тогда нравственное образование и пропаганда получают надежный, управляемый нами базис. Только при этом нравственное воспитание перестанет быть «говорильно-просветительским», сможет стать эффективным.

А. Н. Силин

НЕЭФФЕКТИВНОЕ ОСВОЕНИЕ БЕЗНАВРСТВЕННО

1. При освоении Тюменского Севера особо остро проявляются социальные и нравственные дисфункции, характерные для всего общества; значимое влияние на людей, природу и хозяйство оказывают процессы, часть из которых характерна для любых территорий с пионерным развитием экономики, другие - для всей зоны Севера, третьи - лишь для данного региона. Последние отличаются особыми масштабами миграционного движения и социальных перемещений в целом, обусловленными темпами экономического развития, размерами реализуемых инвестиционных программ.

«Точки роста» и «болевые точки» нравственной жизни региона во многом определяются не только материальными условиями жизнедеятельности (уровнем развития социальной сферы Тюменского Севера), но и особыми личностными качествами приезжающих сюда людей (одни из них - склонностью к инновациям, негативным отношением к застойным общественным явлениям, другие - эмоциональной несдержанностью, трудностями социализации и т. д.). Социальная, территориальная и временная дифференциация личностных качеств населения Тюменского Севера определялась нами с использованием методики Кэттелла и другого социально-психологического инструментария в целях выработки рекомендаций по профотбору для работы в северных геологоразведочных организациях.

Ждет специальных комплексных исследований и закрытая в застойный период проблема «бичей», остро стоящая в регионе.

2. Специфика нравственных проблем в регионе обусловлена наиболее значимыми особенностями его освоения: экстремальными природными условиями, использованием нетрадиционных форм организации производства (например, вахтово-экспедиционной), особым режимом пограничных территорий арктической зоны, договорной системой приема на работу, приоритетами по заработной плате, резким отставанием уровня развития социальной инфраструктуры и т. д.

Возможности получения высоких заработков до сих пор способствовали привлечению на Тюменский Север большого числа людей (хотя деньги, как показали наши исследования, и не единственный привлекающий в регион фактор, здесь было относительно легче получить квартиру, в застойный период регион представлял наиболее динамичную в стране зону, дающую возможности для позитивных социальных перемещений, ощущения менее жесткого социального контроля, чем в обжитых районах и т. д.). Вместе с тем, количественный приток новоселов на Тюменский Север значительно опережал создание для них нормальных условий жизнедеятельности. При этом специалисты достаточно высокой квалификации, обладающие и высоким

уровнем притязаний в социальной сфере, оказывались не удовлетворены жизнью в дискомфортных условиях и уезжали обратно. Освободившиеся места занимали работники с более низким уровнем квалификации и притязаний. По расчетам автора, каждый второй из прибывших на Тюменский Север возвратился, прожив здесь менее полутора лет, в миграционный оборот оказалась вовлечена значительная часть мужского населения страны в трудоспособном возрасте.

Сравнение мотивов приезда на Тюменский Север, по данным проведенных нами опросов в 1978 г., 1980 г., 1985 г. и 1987 г., показывает относительное постоянство структуры факторов миграционного поведения; каких-либо очевидных тенденций динамического развития этих процессов за это десятилетие не обнаружено. Наиболее стимулирующее значение при переезде в районы нового освоения по-прежнему имеет возможность получения высокого заработка, потребность в смене жизненной ситуации, и, судя по анкетам, престижность «участия в освоении Севера». Менее, но достаточно выражено проявляется в роли миграционного фактора потребность в улучшении жилищных условий.

Опрос «обратных» мигрантов, проведенный нами, показал, что 70% покидающих регион не устраивает что-то из сферы социального обслуживания (главным образом, отсутствие жилья). Остальные не удовлетворены оплатой, организацией и условиями труда, а также увольняются по «личным мотивам». Возрастные пики миграции приходятся на 20-24-летнюю молодежь.

3. Кризисная социальная ситуация на Севере региона требует радикальной гуманизации процесса освоения. Одним из наиболее эффективных методов снятия острой проблемной ситуации является специальный подбор людей, личностные качества которых позволяют им успешно адаптироваться к региональным условиям.

В ходе наших исследований выяснилось, что для лиц, живущих на Севере небольшое время (до 3 лет), характерны высокая готовность к сотрудничеству, естественность поведения. В Заполярье у людей со стажем более 10 лет отмечается снижение эмоциональной вовлеченности, что, видимо, связано с работой в относительно социально замкнутых коллективах, замкнутость, отчужденность, стремление к обособленности, избеганию коллективных мероприятий. Вероятно, поэтому для них такие стабилизирующие факторы, как улучшение культурного обслуживания и улучшение социально-психологического климата, занимают лишь шестое и пятое места по значимости, тогда как для новоселов улучшение культурного обслуживания, судя по анкетам, стоит на первом месте.

Лица, прибывшие на Север, характеризуются достаточно высоким показателем способности к логическому мышлению, уровнем интеллектуального развития, быстрой обучаемостью. Однако, ограничение удовлетворения духовных потребностей восприятием готовой информации (радио, телевидение, запаздывающая периодика), а также условия жизнедеятельности и общения способствуют заметному снижению интеллектуального потенциала.

Для группы лиц со стажем до года наиболее значимым оказался фактор эмоциональной устойчивости. Низкие значения этого параметра свидетельствуют о неспособности длительно контролировать свое поведение, несоответствии притязаний реальным возможностям, уходу от ответственности.

Социально-психологический анализ жителей Тюменского Севера, проживших здесь менее трех лет и высказавших в анкетах намерение покинуть регион в ближайшее время, показал, что они отличаются низкой степенью эмоционального контроля, неспособностью последовательно и настойчиво, без резких ситуативных отклонений осуществлять свои планы, неумением дер-

жать себя в руках, быть реалистичными и трезвомыслящими. Деадаптанты постоянно озабочены, склонны к чувству вины и имеют фрустрированные потребности.

Выявление личностных качеств по социальным группам позволило установить, что руководители северных предприятий, в целом обладая весьма высокими показателями комплекса качеств, необходимых для успешного управления производством (уровень интеллекта, готовность к сотрудничеству, эмоциональная зрелость, воображение, самоконтроль и др.), вместе с тем, имеют повышенные параметры зависимости, неуверенности в себе, конформизма. Для группы рабочих характерны сильные волевые качества, интерес к познанию мира, высокая активность в достижении материального вознаграждения.

4. Наиболее часто высказывается в анкетах и в процессе интервьюирования северян тезис о социально несправедливом к ним отношении. Обычно он формулируется следующим образом: «Мы в таких тяжелых условиях даем стране нефть и газ, большую часть валютных поступлений, а в каких условиях живем сами?». Зная эти условия, привести контраргументы оказывается непросто.

Реализация принципа социальной справедливости предполагает, на наш взгляд, создание обществом условий, позволяющих населению, участвующему в освоении новых районов, пользоваться не меньшим количеством благ (включая набор товаров и услуг), чем жители обжитых районов страны (в качестве эталона при этом может быть выбран г. Москва), и, одновременно, каждый северянин должен иметь достаточно реальную и равноправную возможность для раскрытия всех заложенных в нем способностей.

Практически должен быть разработан и официально принят гарантированный государством минимальный уровень жизни любому принимаемому для работы в осваиваемых районах Севера человеку. Этот социальный минимум (оправданный физиологически и способствующий развитию личности) должен гарантировать достойную жизнь человека, в трудных условиях осваивающего новый регион, а не жалкое ущербное существование на грани допустимого уровня.

Специфические нравственные коллизии порождают в районах нового освоения экологическая ситуация, мобильные формы жизни, другие региональные особенности образа жизни.

Как выяснилось, около половины северян проявляют интерес к проблеме сохранения природной среды. Анкетирование показало, что ею «очень интересуется» 27% опрошенных, «интересуется» 37%, «не очень» 10%, «вовсе не интересуется» 3% и около четверти респондентов воздержались от суждений по данному вопросу, что свидетельствует об индифферентном к нему отношении. В анкетах отмечалась социальная привлекательность еще не тронутых человеческой деятельностью северных территорий. Фактически же пришлое население, чувствуя себя временным в этих районах, наносит значительный ущерб хрупким биогеоценозам Севера. В первую очередь, это касается вахтово-экспедиционных контингентов.

Вообще с вахтово-экспедиционным методом (ВЭМ) связаны наиболее значимые особенности социальной и нравственной сфер процесса освоения региона. В 1987 году сюда периодически прилетало на работу на срок от 15 до 60 дней с последующим отдыхом дома 126 тысяч человек.

Как показал проведенный опрос, 75% работников в целом положительно оценивают ВЭМ, 15% затрудняются ответить определенно, 10% против работы этим методом. При опросе жен выяснилось, что около 30% их негативно относятся к работе му-

жа ВЭМ. Женщины в фертильном возрасте считают, что долгое отсутствие мужа во время вахты плохо влияет на его здоровье, создает определенные трудности в интимной сфере, в воспитании детей и ведет к неустойчивости семьи. Другие, напротив, отметили положительное влияние ВЭМ на семейный климат, считая, что на грани расставания и встречи не обращают внимания на мелочи, все поверхностное, острее воспринимаются позитивные аспекты общения.

В процессе дальнейшего анализа была установлена связь оценки анкетированных и качества их жилья: большинство членов семей вахтовиков, проживающих в благоустроенных квартирах, высказались за ВЭМ; жены, живущие в общежитиях, балках и т. д. - против работы мужа этим методом.

5. Процесс освоения региона продвигается во все более северные районы. Вместе с тем, негативные социальные, экономические и нравственные явления и процессы практически без изменений переносятся из Среднего Приобья в Приполярье, а ныне и в Заполярье. Уроков из прошлых «ошибок» никто не делает. По-прежнему в тюменских и московских кабинетах принимаются волевым путем решения, не обоснованные никакими социальными и нравственными прогнозами.

Думается все же, что конфликт между требованиями «дела» и «морали», неизбежный в 70-х годах, с переходом на новые методы хозяйствования и демократизации управления обретет более позитивный по результатам характер.

6. Радикальным путем устранения кризисной ситуации, сложившейся в социальной сфере интенсивно осваиваемых территорий Тюменского Севера, должна стать минимализация численности проживающего здесь пришлого населения.

Намечаемые отраслями нефтегазового комплекса на 12 и 13 пятилетия значительные объемы жилищно-гражданского строительства в Заполярье не обоснованы предплановыми исследованиями и обоснованиями. Проведенные нами опросы населения этой территории показали, что дальнейшее сооружение жилого фонда здесь не эффективно. Значительно более значимы для стабилизации трудовых коллективов возможность получения или приобретения северянами жилья в зоне комфортного проживания и улучшение снабжения продовольственными и промышленными товарами на Севере.

Отрасли нефтегазового комплекса практически не учитывают в своих проектировках на перспективу также начавшиеся радикальные изменения в хозяйственном механизме, игнорируют необходимость реализации в новых условиях трудосберегающих технологий, обострившуюся проблему «мертвых городов». По имеющимся экспертным оценкам, уже сегодня на Тюменском Севере около миллиона «лишних» людей, т. е. тех, рабочие места которых можно было бы частично ликвидировать, частично перенести в южную часть области.

И. Г. Степанов

НЕ ОСВАИВАТЬ, А ОБЖИВАТЬ

1. Вопрос о социально-нравственной картине региона очень сложен и труден. Во многом приходится исходить из субъективного опыта, собственных впечатлений, так как, во-первых, серьезных аналитических работ по этой проблеме почти нет, во-вторых, полную объективную картину нравственности региона в принципе нарисовать нельзя, ибо мы имеем дело со сложными субъективно-объективными явлениями, проявляющимися в поступках и сознании отдельных личностей.

И дело не только в том, что интересы и мотивы, определяющие поведение и поступки конкретных лиц, трудно изучить и глубоко понять, если мы исходим лишь из анализа той материально-производственной деятельности, которая привычно находится в центре внимания исследователя-социолога. Но ведь за внешне кажущимися одними и теми же действиями людей выступают не только различные, но подчас противоположные мотивы и цели.

Как же детерминируются в целеполагании действий индивидов общественные интересы (всего общества, региона, групп и коллективов)?

Для понимания специфики нравственных отношений на современном этапе освоения Тюменского Севера следует кратко сказать об изучении субъективной стороны в деятельности трудовых коллективов за 25 лет освоения.

В первые годы освоения инициатива и определяющие решения всецело принадлежали центральным организациям и ведомствам. Среди первопроходцев-геологов, нефтяников, газовиков и строителей руководящие, ключевые должности и профессии были заняты работниками, приехавшими в Тюменскую область из крупных индустриальных центров страны (Москвы, Ленинграда, Башкирии, Татарии и т. д.)

Тюменские организации оказывали полную поддержку и помощь, но все же коренным тюменцам не принадлежали первые роли, и многие из них, занятые в освоении, в лучшем случае являлись соучастниками событий. Не случайно, выступая на встрече за круглым столом экономистов, социологов и хозяйственников, организованном редакциями центральных журналов в Тюмени в мае 1979 года, профессор Р. И. Косолапов назвал процесс освоения нефтяных и газовых богатств Сибири «колонизацией в лучшем, социалистическом смысле слова». Думается, что он был прав в оценке фактов и реальных процессов, но неправ в понимании должного, того, как все же надо осваивать Сибирь. «Колонизаторы», конечно, не хозяева, а чужие люди, ставящие задачу взять любым способом богатства у природы.

4. В начальный период освоения отношение первых «королей» Тюменского Севера к природе, коренным жителям, поселкам и городам - это отношение людей, хорошо понимающих свою технократическую роль и слабо осознающих экономические, социально-демографические и другие последствия своей деятельности. Времена эйфории первых крупных открытий давно прошли. Многие первопроходцы уже давно не живут на территории Тюменской области, но значительная часть людей осталась. И именно они, эти люди, ставшие тюменцами, могут и должны задавать тон в целеполагании основательных и долгосрочных программ освоения.

Вместе с тем, миграция не только не ослабевает, а даже усиливается. Большинство среди тех, кто приезжает к нам на тюменскую землю, говорит себе и своим близким (если они есть и человек советуется с ними): «Я поеду на Север, поработаю 2-3 года, заработаю денег (на дом, автомашину, магнитофон и т. п.), вернусь домой (в Киев, Донецк, Грозный и т. д.) и буду жить нормально, жить так, как живут счастливые, то есть наиболее обеспеченные на «Большой земле»...

Наши органы массовой информации откровенно об этих интересах пишут и говорят редко. Между тем, руководящие, государственные и хозяйственные органы вольно или, скорее всего, невольно ориентируются в системе стимулов трудовой деятельности именно на эту личность работника. Ведь что может любой руководитель дать человеку, приезжающему на Север, кроме хорошей зарплаты и более или менее сносных условий работы? Высокий заработок, открытый фронт работы, предостав-

ление отдыха между периодами работы и т. п. - вот, пожалуй, и все, что материально стимулирует работу большинства людей на Тюменском Севере. Между тем, духовная жизнь людей здесь явно обеднена, и даже не только потому, что мало культурных учреждений, спортивных сооружений и т. п. Главное в том, что здесь трудятся временщики, которые, в подавляющем большинстве своем, сибиряками не станут никогда. В своем выступлении на XXVII съезде партии С. И. Манякин, бывший тогда первым секретарем Омского обкома КПСС, с горечью говорил, что Сибирь не осваивать, а обживать надо. Так называемые «вахты с длинным плечом» портят работника в нравственном отношении. Человек отрывается от той среды, в которой трудился и жил, не приживаясь по новому месту работы. Буферное положение вахтовика в воспитательном отношении изменить к лучшему очень трудно. Недостаточно прикрепить воспитателей или «культуризаторов» туда и обратно. Ведь это не туристическая разовая поездка! Необычность такой ситуации приводит к тому, что у многих людей спадают моральные, нравственные «незримые» путы, удерживающие человека от нравственных проступков и правонарушений. Вахта отрывает человека от среды надолго, на месяцы.

В то же время складываются новые города и рабочие поселки, в которых получили жилье и собираются жить долго работники. Вот здесь-то в большинстве своем мы имеем дело с людьми, которые в потенции готовы к тому, чтобы стать коренными жителями. Станут ли такими они, в огромной степени зависит от формирования и укрепления нравственно-психологических структур в этих городах и рабочих поселках.

Здесь уже сейчас живет немало первопроходцев и первооткрывателей, которые могут служить нравственным индикатором и ориентиром работы воспитателей-организаторов, партийных и общественных организаций.

Учет нравственного опыта ветеранов (и не только положительного), использование этого опыта в воспитании молодежи, опора на этот опыт важны для создания нравственных традиций и устоев. К сожалению, мы часто пренебрегаем опытом воспитания традициями, исторически проверенными положительными обычаями. Скорее, мы преуспеваем в разрушении этих обычаев и традиций, оставляем после себя только «разрушение территории» или создаем такие «традиции», паллиативы, которые никого не привлекают, никого не вдохновляют.

В связи с этим, представляется исключительно важным обращение в процессе нравственного воспитания к истории - длительной, вековой, как у Салехарда, Сургута, Самарова или еще небольшой, сравнительно короткой, как у Нижневартовска, Урая, Надыма и др. Воспитание историей - это воспитание чувства любви к "малой родине", без которого нет чувства патриотизма вообще, любви к большой Родине, - вот важнейшее направление нравственно-воспитательной работы.

5. Никакого серьезного конфликта, на мой взгляд, между требованиями дела и морали, не должно быть у людей нравственно воспитанных. Другое дело, когда безнравственные люди пытаются оправдать свои поступки или даже преступления и ссылаются на «интересы дела». В самом деле, если хозяйственный руководитель в нарушение ведомственных директив и инструкций строит жилье или культурно-спортивные центры для рабочих, разве он поступает безнравственно? Не знаю таких больших, серьезных дел в нашем регионе, когда бы человек действительно пострадал, если к нарушениям ведомственно-бюрократических предписаний и директив не примешивались хищения и растраты государственного имущества, нечистоплотность и нескромность в личности самого хозяйственного деятеля.

Безусловно, что осуществляемая экономическая форма «раскрепостит» инициативу и предприимчивость, но дело в том, что это не просто раскрепощение руководителей. Наоборот, это пробуждение самих трудящихся, поэтому создаются намного лучшие условия для активных нравственных действий не только и не столько руководителей, сколько масс людей. А это требует перестройки ориентиров нравственного сознания.

6. Самой, на мой взгляд, трудной проблемой в составлении и реализации программ воспитания является адекватное нормативно-правовое обеспечение этих программ. Сейчас же нравственные проекты, даже сами по себе хорошие и безупречные, наталкиваются на различные подзаконные акты министерств и ведомств, должностные инструкции и распоряжения.

Поэтому представляется исходным привлечение к этико-прикладному проектированию ученых-правоведов и практических работников юридических организаций.

С. П. Суровягин

КАК НАЙТИ «ЧЕЛОВЕКА»?

Из глубины веков долетел до нас печальный возглас философа: «Ищу человека!» Этот призыв, это недоумение находит громкий отклик в просторах нового освоения, потревоженных гомоном разноязычных культур и придавленных поступью сокрушительной техники. Именно его мы услышим в ответах на все пункты анкеты, коль скоро они претендуют на принадлежность к системе.

1. «Болевые точки» нравственной жизни в условиях нового освоения? Я знаю центр и нерв всех болевых точек региона. Это - неосознаваемый апофеоз вроде бы критикуемой, а на деле широко пропагандируемой идеи «человеческих отношений» Элтона Мэйо плюс дегуманизация цели социального обустройства - провозглашение в ее качестве отдачи в производстве. Назойливое звучание «человеческого фактора» в лексиконе официальной пропаганды обесценило гордое понятие «Человек», обязывающее к трогательной заботе о человеке самом по себе, превратило за годы застоя производство в господина, а человека в раба его, втихомолку поправ гуманистическую идею общественного производства и этическую цель морального долга: «человек как цель сама по себе».

Если постоянно твердится, что человеческие отношения повышают производительность труда, что обеспеченность жильем и другие условия жизни закрепляют кадры, то кто же будет за них страстно бороться в условиях хозяйствования, когда блага, получаемые многими руководителями, зависят не от производительности труда, а, так сказать, от «сословной» принадлежности. Моральный нигилизм, редукция «Человека» к социально-экономическому «человеческому фактору», являясь общей болью административизированного уклада жизни, особенно больно отзываются в районах нового освоения и в отношении производства, как объяснено выше, и в плане расшатывания веры в социалистические идеалы, так как неверие сильнее, когда глубже пропасть между декларациями и реальными условиями жизни. Поэтому философско-этическое кредо «Ищу человека!» должно стать девизом для тех, кто комплекзует руководящие кадры, иначе оно превратится в глас вопиющего в пустыне.

2. Многообразие нравственной жизни? Продолжая и развивая предыдущий тезис, открываем картину, бедную этическим содержанием: там и сям действует не человек в моральном значении, а пресловутый «человеческий фактор». Общим для всех

этапов освоения является, прежде всего, процветание такой слабости человеческой души, как страсть к деньгам. Районы нового освоения, невольно культивирующие эту отрицательную ценность, давно осуществляют сию разрушительную функцию, о которой превентивно дискутируют как о духовных издержках обогащения, неизбежного при глубоком вступлении в новую экономическую жизнь. Заработная плата в районах нового освоения определенно перешагивает социально-экономические функции, отведенные ей доктриной социально-справедливого вознаграждения по труду. Сбережения многих северян, о которых пишут социологи, не только диктуют развитие внутреннего рынка, но и напоминают об интересном с этической точки зрения факте: в странах, где не ограничены возможности рынка, богатые люди тем не менее не спешат с его помощью отказаться от накопления денег, то есть, жить так, чтобы потребление и поступление были тождественны. Бешеная спекуляция на рынках региона, разворачивающаяся южные республики, как раз и доказывает наличие в регионе бациллы золотой чумы.

Другая притча во языцех - сверхмногонациональные кадры. По этому поводу было сказано столько умильных слов, что, право же, молчание лучше слащавых речей в столь деликатном и, как оказалось, непростом вопросе. Интернационализм, несомненно, поднимает интеллектуальный уровень страны, как писал И. И. Вавилов, посетив многонациональные научные учреждения в Тель-Авиве и первоклассный Иерусалимский университет, созданный по почину Варбурга и Эйнштейна. Но, вероятно, есть различие между субкультурой ученых и способностью к толерантности в тотальной этнической культуре. Поэтому этики делали плохую услугу обществу, робким молчанием поддерживая могучий хор, поющий осанну безликому абстрактному интернационализму, как будто и не было диалектического канона о единстве общего и специфического признаков. Уверен, что из-за сверх меры многонационального калейдоскопа регион печален отсутствием культурологического освоения, он суть «ничья земля» для каждой из присутствующих национальностей. Таким образом, замена «человеческого фактора» на «Человека» — не терминологически, а практически неумолимо вовлекает районы нового освоения в юрисдикцию этики и по этому немаловажному поводу.

3. Новое освоение как экстремальная ситуация? Экстремальность связана с тем, что освоение именно «новое», в сущности это тавтология - старого освоения не бывает; для ненцев этот же Север - отнюдь не экстремальная ситуация. Но это было раньше, сейчас же и для них он дик и нов вторжением машин, беспощадных к национальной экологически адаптированной культуре. Экстремальные условия, вероятно, повышают моральный потенциал селективно. Происходит ли формирование морального долга под влиянием опасности, заставляющей делать выбор между себялюбивыми ценностями и ценностью добра самого по себе? Для нас неясно, как бы могло поменяться соотношение ценностей при выборе между моральным и неморальным от одной лишь экстремальности, в то время как проверка моральности гарантирована.

4. Стратегия и тактика нового освоения? Безнравственное в стратегии освоения мы видим в том, что к производству работ, истребляющих лес, отравляющих реки, разрушающих тундру, убивающих живое в небесах, в воде и на, суше, привлекаются люди, готовые за двойной оклад почти на все, а за тройной - решительно на что угодно. Знаменитое «Ищу человека!» означает для района нового освоения, что к опасному для экологии производству должны допускаться люди, для которых слово «Природа» звучит как «Родина». А термин «экология» необходимо вернуть туда, где он уместен - в науку о природе, ибо давно известно, что мертвый язык иссушает духовный разум.

5. Социалистическая предприимчивость? Нет ничего безнравственнее, чем понимать предприимчивость как альтернативу законности.

6. Демократия должна быть узаконена, если этот термин имеет своим значением не только право на голосовое сообщение, но и действенную критику, т. е. критику действием. А такая критика, чтобы быть нравственной, нуждается в юридических санкциях (речь идет о правилах и условиях шествий и манифестаций трудом). Сегодня же на тысячу слов о демократии не было произнесено и одного слова о свободе. Но разве не странно, когда говорят о правде, не упоминая слова борьба, и разве не так же странно, когда говорят о демократии, не упоминая слова свобода. Закон придает свободе нравственную глубину, как золотая оправа не дает рассеиваться лучам бриллианта. Особенно необходима свобода действенной критики для трудящихся в районах нового освоения: ведь там труднее условия жизни, а ущерб от бездумных или неумных акций руководства особенно ощутим. Без санкционированных государством действий в защиту общественных интересов люди обречены либо на статус смутьянов, либо на покорную беспомощность перед властью чиновника, равнодушного к их судьбе.

З. К. Тоболкин

МЫ НЕ ХОЗЯЕВА В СВОЕМ КРАЮ

1. «Болевых точек» нашего региона, одного из наиболее сложных регионов страны, множество. Если вспомнить всю историю освоения нашего края, то создастся любопытнейшая картина изменения людей, природы, всего края. Ранее мне виделась область более спокойной, более чистой, домашней и более подходящей для житья-бытья. Сегодня мы стали богаче городами, населением, но это еще не показатель культуры и подлинного хозяйского освоения. Мы не хозяева в своем краю. Вся территория Западной Сибири, все население - колония. Методы, которыми ведется освоение - колонизаторские. Мы часто слышим - «покорители». А землю эту не надо покорять, как это делают наши первопроходцы, да я и не считаю первопроходцами хищников, вооруженных первоклассной техникой, мародеров земли.

Земля - хрупкое существо, Мать наша. Мы стали стесняться таких правдивых слов, потеряли их смысл. Оперлируем сегодня сотнями миллионов тонн нефти, миллиардами кубометров газа, тысячами кубометров срубленного леса, не задумываясь о том, что останется после нас нашим потомкам. Это началось с самого первого месторождения, с Березова. Еще в 60-е годы я говорил, что первопроходцы не герои, а хищники. Многие из них уже на пенсии или занимают высокие посты, оставив после себя недобрый след.

Сегодня мы уничтожили, сожгли, сорвали гусеницами уже 6 млн. га тундры - ценнейшего и беззащитнейшего уголка Земли. Сегодня это уже гиблое место, на котором никогда не будет зелени, мха, ягеля - корма для оленей. И оленей мы практически уже уничтожили. А ведь для народов Севера олень - это все. Мы оставили их не только без оленей, но и без рыбы, охоты. Это не просто «болевы точки», это - преступное отношение к Земле, к людям, живущим на ней от века.

Столь же преступна идея каскада электростанций на Оби и идея Антитобола, согласно которой будет повернут вспять

Тобол. Совершенно ясно, что это приведет к экологическим сдвигам: похолоданию, оледенению территории как минимум до Ханты-Мансийска, затоплению городов и поселков, вековых пастбищ, уничтожению рыбных пойм. Это возможно потому, что у нас мало ученых, способных видеть всю проблему в комплексе и со всеми возможными последствиями. Но если не способны мыслить экологически, граждански ученые, то каково же мышление тех, у кого в руках могучая техника? Я не раз наблюдал, как люди на вертолете выслеживают медведя, снижаются и расстреливают его.

3-4. Мы уже привыкли, что у нас экстремальная ситуация, но ведь нельзя же все время быть экстремалистами. Пора, наконец, научиться глядеть в завтра. Когда полководец готовит наступление, он изучает массу вопросов, которые должны обеспечить победу. Когда же начинается наступление, то у полководца имеется уверенность, почти 100%-ая, что он победит. Мы же с шашками наголо, вперед, в расчете «на авось». Это стратегия людей, живущих одним днем. Наблюдал я картину строительства города Нижневартовска. Раньше на том месте, где сегодня центр города, были прекрасные леса, которые при строительстве снесены начисто. Построили многоэтажные здания, дома, в которых всякие учреждения расположены. Берег, когда-то живописнейший, завален хламом, грязью. А на месте бывших лесов по субботникам и воскресникам те же начальники и нефтяники сажают веточки, которые не принимаются. А ведь имеется и другой опыт.

Когда Ф. Салманов был еще начальником экспедиции, строил город Горноправдинск. При этом он сумел сохранить лес, вписал в лес дома. Городок от этого стал только краше. Почему опыт Ф. Салманова не получил распространения? Впрочем, судить хозяйственников, конечно, легко. Но ведь не секрет, что у одного объекта несколько хозяев, каждый из которых старается свою выгоду урвать. Нет одного хозяина, взявшего бы все проблемы на себя и за все отвечающего.

Как приходила культура на Север? Строили город, в нем - ресторан, вырезвитель. С этого начиналось. Хороших книг в магазинах нет, Дома культуры построит гораздо позднее, и чтобы купить в них билет, выстроится очередь. Сегодня обстановка немного лучше. Но нет в северных городах своих театров, нет в Тюмени своего издательства. Как это сказывается на человеке - об этом можно судить по результатам его работы.

Руководители на Севере - это молодые люди, пожилого туда не затащишь. Если и есть, то немного, только те, кто связан с Севером, например, Подсобякин Василий Тихонович - руководитель геологической экспедиции в Салехарде. Получатся ли из этих молодых руководителей генералы, или они останутся лейтенантами? Тем, кому повезло, часто растут и звания получают, а в нравственном отношении давно отстали. В кабинете он - начальник, стоящий над множеством людей, а за его стенами - скучнейший человек, который остался на уровне своей молодости. Страшно, когда такие люди руководят. Я считаю, что сегодняшней руководитель должен быть философом, он должен быть нравственным и высококультурным человеком. Может быть, не таким, как Ленин или А. Луначарский, но хотя бы, как академик Овчинников.

Я не думаю, что у человека Севера есть свой моральный кодекс. Наверное, есть общегражданский, который сочетается с общечеловеческим Кодексом. И Север ничего не спишет. Если руководитель совершает социальное преступление, он должен понести еще большее наказание, чем рядовой работник. Ни Север, ни обстоятельства ничего не спишут, хотя у нас были такие баловни, которым многое прощалось.

Проблема временщиков и вахтового метода давно является объектом яростных споров, еще с 60-х годов. Раньше вахты

состояли из целых управлений, сложившихся коллективов. Целыми НГДУ приезжали строить города и осваивать месторождения. Сегодня вахтовики - это люди со всего Союза, цель работы которых - заработать и как можно больше. Это набег варягов и пришельцев, мне они кажутся неоправданными. Их цель - заработать, и им неважно, что останется после них на этой земле. Те, кто постоянно живут на Севере, по 10-20 лет, и испытали все тяготы северной жизни, не имеющей тех очагов культуры, которые имеют на Большой земле вахтовики, бережнее относятся к природе.

Мы совсем не думаем о коренном населении Севера, а ведь им просто некуда деваться от напора машин, техники и бездумного, безнравственного и преступного отношения к природе, к людям. Пришельцы наставят вышек, выкачают нефть и уйдут, а ведь коренным народам здесь жить, они же не могут существовать в другом месте.

5. О конфликте между Делом и Моралью. Этот конфликт порожден условиями, в которых руководители вынуждены хозяйствовать. Несколько лет назад был в Нижневартовске один начальник НГДУ, который построил в городе несколько важных объектов: студию телевидения, молочно - консервный завод, Дом культуры и др. Все эти объекты не были запланированы и выходили за рамки бюджета. Это были все фальшивые объекты. Один из них руководитель вынужден «проводить» как гараж, другой еще по какой-нибудь статье. Все это было незаконно с финансовой стороны и необходимо с человеческой. Не он один так поступал. Косность плановых органов толкает многих предприимчивых и толковых руководителей на подобные поступки. Многим руководителям до поры до времени такое сходило с рук; если ему повезет, если победит, то останется еще в героях. (Салманов победил, он на виду). Но этому начальнику НГДУ не повезло. Он уехал и живет сейчас в Краснодаре.

6. Чтобы успешно решать накопившиеся и вновь появляющиеся проблемы Тюменского Севера, необходимо объединить усилия многих специалистов. Для этого надо создавать Академию в Тюмени с различными институтами, в том числе и гуманитарными. Академия в Тюмени нужна более, чем в Новосибирске. У нас проблем больше, и они более сложные. Решать эти проблемы надо сообща: и философам, и геологам, и социологам, и нефтяникам, и партийным, и советским органам. Одни партийные и советские органы, без поддержки ученых, этих проблем не решат. Нужен научный, комплексный подход.

Ю.М.Федоров

ОСТРОВК СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ НЕГЭНТРОПИИ

1. Социально-нравственный портрет региона - лишь один из экспонатов портретной галереи социальной и нравственной стагнации всех регионов нашего общества. Отличительными чертами портрета являются: почти полное забвение региональных интересов в угоду решению так называемых «крупномасштабных народнохозяйственных задач»; жестокость, доходящая до садизма ведомственной бюрократии по отношению к хрупкой и беззащитной природе Севера; индифферентное отношение к защите экологии человеческого духа, к созданию хотя бы минимальных условий деятелям культуры; потребительское отношение к природным и людским ресурсам.

Однако если этот портрет рассматривать не изолированно, а в контексте образов всех остальных регионов, несомненно,

он обладает притягательной силой в связи с тем, что бюрократия в регионе еще не достигла классических форм клановости и сановности, а коррупция и протекционизм еще не стали монопольными привилегиями каст и мафий. Тюменский регион все еще остается одним из немногих в нашей стране островков социально - нравственной негэнтропии, одним из последних «пристаней» для людей, вытесняемых из иных регионов в связи с тем, что своей повышенной пассионарностью и инновационностью являются возмутителями «социального покоя».

«Болевыми точками» в нравственной жизни региона, на наш взгляд, являются: 1. низкая экологическая культура мигрантов в связи с официозной стратегией «колонизаторского» освоения природных богатств Севера; 2. постепенная и неуклонная деградация нравственной жизни в связи с отсутствием целостной социокультурно-инфраструктуры в регионе; 3. упадок традиционных форм нравственной культуры коренного населения региона в связи с тем, что эти формы совершенно игнорировались в качестве «архаичных» при проектировании морально - психологического климата районов нового освоения. Эти «болевые точки» могут быть в ходе перестройки преобразованы в «точки роста» нравственной жизни региона, что несомненно окажет свое благотворное воздействие на состоянии нравственной культуры всего общества.

2. Классификацию многообразных форм нравственной жизнедеятельности в регионе возможно осуществить лишь в рамках определенной теоретической парадигмы «личности», «человеческого фактора», «человеческого материала». В качестве рабочего определения можно предложить понимание личности в качестве системы из социогенных способностей и потребностей, развивающейся в рамках конкретно-исторических условий производства и воспроизводства общественной жизни. Такое определение органически вытекает из основных принципов социализма и коммунизма, в которых понятия «способности» и «потребности» являются ключевыми, фиксирующими качественную определенность соотношения личностного и социального.

В реально функционирующей системе личности ее внутренние структуры из социогенных способностей и потребностей могут находиться либо в состоянии соответствия, либо в состоянии несоответствия. Если мы образуем общую систему координат личности («человеческий материал») с осями «С» (социогенные способности) и «П» (социогенные потребности), то получим четыре идеальных типа. Каждому из этих четырех типов личности будет соответствовать и особый социальный модус морали, нравственности или, иначе, одна из форм многообразия нравственной жизни социума,

I тип личности (+ С; — П) - диахронная, несбалансированная система личности, в которой максимизированы социогенные способности и минимизированы социогенные потребности. Доминирующим этот тип личности оказывается в общественной жизни, протекающей в условиях социальной нестабильности. Революции, войны, пионерное освоение новых территорий, все виды инновационной деятельности и т. д. помимо иных общественных функций выполняют еще и роль «социального лифта», поднимающего на верхние этажи иерархии людей, одаренных способностями к делу, и опускающему вниз в «социальный отстойник» тех, кто, кроме потребительных свойств и завышенных социальных экспек- таций, иными качествами не обладает.

Социальное творчество требует от индивидов максимума способностей к инновированию, творческой самоактуализации, экзотерическому развертыванию своих духовных ресурсов и потенций. В то же время так называемые «потребительные свойства» у этих индивидов оказываются, как правило, слабо выраженными. Объясняется это тем, что в наличной культуре не

существует «предметов» их индивидуализированного потребления и вся их деятельность мотивируется именно этим фактом отсутствия. Создавая общечеловеческие ценности, они этим как бы создают предмет для собственного потребления. Толстой испытывал чувство неприязни к Шекспиру лишь потому, что оно стимулировало его на активное восхождение на свою собственную вершину общечеловеческой духовности. Революционно-инновационному типу личности соответствует революционный тип морали и активное продуцирование нравственных ценностей общечеловеческого значения.

II тип личности (— С; — П) - синхронная, сбалансированная система субъективности на самом низшем уровне развития как социогенных способностей, так и социогенных потребностей. Этот тип личности доминирует в социальных структурах, практически прекративших свое развитие, вступивших в фазу застойных явлений.

Бюрократические структуры в состоянии «нормально» функционировать лишь при существенном понижении уровня способностей в человеческом материале. В этой безличной структуре каждый функционер достигает социального потолка, соответствующего уровню его некомпетентности (принцип Питера). Индивиды инновационного, творческого плана постепенно отжимаются в «социальный отстойник», социальный лифт стремительно возносит вверх людей бездарных и нравственно ущербных.

Второму типу личности соответствует корпоративная форма морали и безудержное «нормотворчество», призванное детально регламентировать сложную систему безличных ролевых отношений.

III тип личности (—С; + П) - диахронная, несбалансированная система субъективности, в которой минимизированы социогенные способности и максимизированы социогенные потребности. Этот тип личности (как и первый) доминирует в условиях социальной нестабильности. Однако это уже качественно иная ситуация - стагнации, разложения всего общественного организма. Общество стремительно деградирует в потребительскую общность, до определенной поры существующую за счет активности внешней среды: либо за счет ограбления других народов, либо за счет сверхэксплуатации природных ресурсов (все продать и пропить). Этому типу личности соответствует потребительская форма общественной морали, в рамках которой активно продуцируются псевдоценности.

IV тип личности (+ С; + П) — синхронная, сбалансированная система субъективности на самом высшем уровне развития и социогенных способностей, и социогенных потребностей. Доминирует этот тип личности в общественных структурах, достигших предельных форм социальной гармонии. Ему соответствует коммунистическая мораль и естественное функционирование общечеловеческих ценностей и норм.

Идеальных, чистых, рафинированных типов личности в реальной действительности не существует, как и не существует соответствующих им чистых форм общественной морали. «Человеческий материал» в качестве объекта эмпирического наблюдения - сложное взаимопереплетение всех его четырех типов. Если в построенную нами систему координат вписать окружность с центром в центре координат, то получим некоторое «нормальное» состояние личности. Действительно, во все эпохи сосуществуют между собой и творческие личности, и бюрократы, и потребители, и гармонически развитые индивидуальности. Но вот в эпоху застоя этот круг своим эпицентром сместился вниз по оси способностей ко второму и третьему типам личности.

В Тюменском регионе еще довольно существенную роль продолжают играть индивиды, относящиеся к I типу - реликтовые

образования в системе субъективности, возникшие в связи с пионерным способом освоения Севера. Именно они являются носителями социально-нравственной негэнтропии.

Реально функционирующая система морали региона также представляет собой некоторое диффузное образование из четырех форм (модусов) общественной морали, в котором странным образом сосуществуют и подлинные, и мнимые ценности. Однако лишь эмпирический структурный анализ позволит выяснить реальные параметры этого соотношения.

3. Ошибочно полагать, что экстремальная ситуация морального выбора в условиях Севера с неизбежностью осуществляется лишь в нише общечеловеческой морали. Выбор, который систематически осуществляют бюрократы и потребители, осуществляется в рамках корпоративной и потребительской форм морали, что «освобождает» их от духовных и нравственных терзаний. Другой вопрос, что эта экстремальность порой способствует преобразованию низших форм личности и морали в высшие, но лишь при условии мощного социо-культурного «обеспечения».

4. По отношению к личности культура выполняет две взаимосвязанные между собой функции. Она максимизирует социогенные способности и минимизирует социогенные потребности. Отсюда и две возможные стратегии освоения Севера: гуманистическая, основанная на максимальном развертывании способностей человека (I и IV типы), и антигуманная, спекулирующая на потребительных свойствах личности (II и III типы). Вторая стратегия в состоянии дать тактический выигрыш, но в перспективе ведет к катастрофе, в том числе и экологической. Печально, что именно этот вид стратегии оказался господствующим. Он привел к оскудению личности и катастрофическому падению нравов. Не случайно в исторической памяти Север и Водка - понятия почти нерасторжимые.

Необходимо не только развивать так называемую большую культуру, но и возрождать культуру коренных народностей Севера, так как именно в ней содержится нравственный алгоритм отношения Человека к Северу. Лишь усвоив систему нравственных ценностей и императивов данной культуры, мигранты из других регионов в состоянии достигнуть подлинных высот экологической культуры.

5. С продвижением человека от экватора к полюсам в соотношении «дело - мораль» ведущей стороной все более и более должна становиться именно мораль. На Севере нравственно лишь то дело, которое расширяет пределы ноосферы и способствует развертыванию как природной сущности человека, так и человеческой сущности природы (Маркс).

6. Совместными усилиями обществоведов необходимо разработать модель гуманитарного проектирования жизнедеятельности Человека на Севере и добиться от государственных органов, чтобы она лежала в основе технологических проектов освоения природных богатств региона.

7. Как в максимально короткий исторический срок Тюменскому региону достичь основных показателей социо-культурной инфраструктуры нефтедобывающих арабских эмиратов? Установить жесткий и полный хозяйственный расчет с другими регионами страны.

НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ СТАНОВИТСЯ БЕЗНАВСТВЕННОСТЬЮ

1. Социально - нравственный портрет региона - сложное многокачественное образование, и даже краткая его характеристика много обширнее отведенного количества текста. Элементы этой характеристики, которые мы склонны рассматривать как устойчивые, будут проанализированы ниже, но дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы пока не представляется возможным ввиду неопределенности и динамичности самого объекта исследования.

2. Специфика моральных проблем нового освоения Западно - Сибирского нефтегазового комплекса проистекает не из сущности последних - здесь, как и везде, в центре находится конфликт должного и сущего - а из их содержания, особенностей регионального развития. Аналогичные по характеру проблемы имеют место и на «Большой земле», однако, на Тюменском Севере они приобретают особую остроту. Этому есть многие причины, но наиболее, на наш взгляд, важным моментом в понимании ситуации нравственной жизни в регионе является характерное морально - психологическое состояние участников нового освоения: ощущение временности своего пребывания в этих местах, отсутствие эмоционально - культурной приверженности к специфическому северному ландшафту, к окружающей среде, в которой они живут и работают. Практически никто из работающих в области освоения газовых месторождений Крайнего Севера Тюменской области не хочет, чтобы этот край стал родным домом для их детей и внуков. Нами было опрошено около 2000 жителей городов Надыма и Нового Уренгоя, рабочих в трассовых поселках на строительстве газопровода Ямбург - Елец. Менее 1 % опрошенных заявили, что хотели бы поселиться здесь постоянно, большинство же хотело бы проработать здесь в течение 3—5-ти лет с целью улучшения материального благосостояния. Такое положение обосновывает своеобразные жизненные стандарты, невзыскательные социально - бытовые запросы (нередко люди проживают во временных помещениях, без бытовых удобств и т. п.), небрежное отношение к окружающей природе, предпочтение сегодняшних достижений будущим успехам, запоздалое строительство объектов социально-культурного назначения и т. д.

Особенности нравственной жизни трудовых коллективов в районах нового освоения в значительной мере определяются преимущественно бригадной формой организации труда. Бригадная форма, в отличие, например, от последовательно-коллективной, поточной, обеспечивает сравнительно более высокий уровень функциональной взаимозависимости членов трудового коллектива, повышает нравственную ответственность за результаты индивидуального труда каждого работника, в результате чего моральные отношения в коллективе приобретают характер взаимной ответственности и взаимной требовательности, взаимопомощи и сотрудничества. Особенно это стало заметно при переводе подавляющего большинства бригад на хозрасчет, когда коллективная оценка отношения члена бригады к труду определяет его материальное вознаграждение и моральный статус в коллективе.

Бригадная форма ответственности за труд и его результаты обладает сравнительно высоким воспитательным потенциалом. Общественное мнение бригады оперативно фокусируется на фактах отклоняющегося поведения, санкционированные им воспитательные меры имеют неофициальный характер и являются более действенными, чем формальные. В сочетании с кол-

лективным, бригадным влиянием, более эффективным является и индивидуальное наставничество, что особенно важно для условий нового освоения, где в наставниках реально нуждаются не только трудные подростки, но и практически все молодые люди, впервые попавшие в непривычные природные и жизненные обстоятельства.

Моральные стереотипы поведения, складывающиеся в малых производственных группах, оказываются значимыми не только для конкретной бригады, но и для морального сознания других бригад коллектива, передаются в процессе социалистического соревнования, так или иначе влияют на стандарты производственного поведения. Как показывает опыт, в районах нового освоения хозрасчетная бригада является не только экономически эффективной, но и действенной в воспитательном отношении.

3-4. Два пункта анкеты объединены нами на том основании, что, как представляется, наиболее экстремальная ситуация морального выбора сложилась в области определения стратегии и тактики нового освоения. Все, что на сегодня сделано и делается в области разработки нефтегазоносных месторождений региона, обосновывается, как правило, интересами и потребностями нашего общества, и нравственный аспект проблемы освоения представляется вполне благопристойным, поскольку методология социально - классового подхода к моральной оценке общественных явлений объявляет нравственно оправданным все то, что служит прогрессивному развитию общества. Однако, с определением степени прогрессивности фактически реализуемых принципов и методов освоения нефтяных и газовых провинций Тюменской области не все очень просто.

Так, например, уже в результате неэффективного использования добываемых энергетических ресурсов, которые продаются на мировом рынке преимущественно в виде сырья, страна несет потенциальные убытки, ибо, все-таки, во много раз выгоднее продавать продукты переработки нефти и газа. Далее, многочисленные отступления от оптимальной технологии разработки месторождений в пользу быстреего получения сырья привели к невозможности полной выработки запасов, к сокращению планируемых сроков эксплуатации, изменению технологии добычи и подготовки нефти и газа и т. п. Такой характер «покорения природы» обусловлен не волюнтаризмом и безответственностью отдельных лиц, а, скорее неэффективностью самой системы отраслевого и государственного планирования, в том числе и местных плановых органов, стоящих у истоков государственного плана. Разработанные планы, как правило, не «стыкуются» с возможностями промышленных и гражданских строительных организаций, не учитывают неритмичность материально - технического снабжения, демографическую ситуацию в регионе. Такая некомпетентность становится безнравственностью, когда в облике «воли народа» и «общественных интересов» нереальный план ставится перед конкретными исполнителями чуть ли не в форме закона.

Форсированные темпы разработки нефтяных и газовых месторождений и освоения края в целом можно было бы назвать ошибочными, недалекими, если бы подобные принципы нового освоения не репродуцировались от года к году, от пятилетки к пятилетке, от района к району, от одного отраслевого руководителя к другому. Причина подобного постоянства на редкость проста: нефть и газ нужны всем только сегодня! Потому, что это около половины объема отечественного экспорта и соответствующие валютные поступления в государственный бюджет, мощная поддержка экономики и т. п. Это - экономическое оправдание приемов современного освоения Западной Сибири. Нравственное же оправдание найти гораздо труднее, ибо действительно ли соответствуют практикуемые принципы прогрессивному развитию нашего общества? Представляется, что будущее

нового освоения в изменении моральных принципов подхода к нему.

Здесь вполне уместным было бы упомянуть об экологических проблемах нового освоения, о том, что мигранты не умеют пользоваться и не ценят нетрадиционный для них ландшафт, что история освоения новых территорий есть история противоестественного природопользования. Но если бы погибла только окружающая среда. Новое освоение привело к значительным изменениям в жизни коренных народов Севера Тюменской области, причем, нередко эти изменения происходят не в лучшую сторону. За последние годы произошло существенное ухудшение условий традиционного хозяйствования человека в этих районах - естественных условий оленеводства, рыболовства, охоты. Под трассы магистральных трубопроводов отводятся пастбищные земли, реки загрязняются, дичь распугана вторжением человека и техники. Сократилось поголовье оленьих стад, обитателей рек и озер. Среди коренных жителей появляются люди, которые не могут найти работу, соответствующую их желанию и традиционному образу жизни, тревожные размеры приобретает потребление алкоголя, попытки привить в среде аборигенов европеизированный образ жизни в целом не увенчались успехом. Между тем, это единственные люди, кто не собирается, «покорив Север», отправиться в теплые края. Они единственные, хотят здесь жить вечно, ибо здесь их Родина. Благополучие этих народов, уважение их прав и национальных интересов становится весьма острой нравственной и политической проблемой.

5. Конфликта между требованиями «дела» и «морали» нет, так как конфликт предполагает наличие противодействующих сил, альтернатив. Реально же интересы дела пока в большинстве случаев превалируют над требованиями морали. При этом появляется большое количество людей, в основном из числа мигрантов, считающих демагогическое оправдание существующих принципов подхода к новому освоению чуть ли не своей профессиональной задачей. При этом искусство логического оправдания чего угодно становится чуть ли не принципом профессиональной этики. В атмосфере подобной пропагандистской обработки формируются люди, которые в условиях относительной свободы нового освоения и азарте быстрого удовлетворения личных амбиций склонны рассматривать моральные ограничения их профессиональной деятельности как нечто несерьезное, недостойное внимания, как несовременные, патриархальные взгляды и предрассудки. Решительная борьба с такой моральной позицией, становление профессионально - нравственной порядочности специалиста - единственно приемлемый путь развития социалистической предприимчивости.

Е. Г. Шерман (Ананьев)

САМЫМ НРАВСТВЕННО ЧИСТЫМ БЫЛ РАННИЙ ПЕРИОД

1. Процесс освоения богатств Тюменской области неоднороден. Он складывается из нескольких периодов, различающихся и в демографическом отношении, и в отношении самих целей освоения. Конечно, самым нравственно чистым был ранний период. Сюда приезжали молодые специалисты, геологи, приезжали, когда еще не было ничего и ничего не обещалось. Сам

приезд был заказом на открытие собственного характера, помимо открытия земли. Тот период дал нам много людей знающих, увлеченных, но в тот же период были такие условия, в которых люди работали на износ в прямом смысле этого слова, было больше потерь людских, человеческих. Вряд ли можно говорить о временных границах этого периода, ведь то, что было характерно для Приобья в одно время, для Ямала характерно в другое. Таким образом, первый период - это приход геологов, которым еще ничего не обещано, никаких благ.

Следующий период - когда большие массы людей (строителей, нефтяников) устремляются на Север. Состав освоителей меняется. Меньше инженеров, больше рабочих и меньше квалифицированных работников. Соответственно, и иные цели. На первом месте - заработок. Следует отметить, что когда мы противопоставляем заработок энтузиазму, мы делаем определенную ошибку. Энтузиасты в «чистом» виде опасны. Это люди, не имеющие профессии, приходящие за лозунгами. А людям на Севере в любом случае трудно, и они остывают. Любая реальная программа - квартира, карьера, увлечение охотой, рыбалкой, необходимость заново создать сломавшуюся жизнь, любая реальная человеческая потребность помогает человеку выжить в суровых условиях.

Мы часто видим, что человек, приезжающий за заработком, остается вовсе не ради него. У меня есть знакомый буровой мастер Рыленко. Он в свое время окончил в Грозном институт, женился. Оба - молодые специалисты, квартиры нет, денег тоже не много. Скрыл он свое высшее образование, приехал на Север работать, чтобы заработать на квартиру на Большой земле. Сегодня он говорит мне, что есть у него и на квартиру уже, и на машину, а уехать не может. Оказывается, одновременно с этим появилась дружба, возможность проявить себя. Правда, следует оговориться, что сама ситуация все равно конфликтна. Ведь людей приезжает тысячи, установки у всех разные. И странное противоречие я наблюдаю: чем лучше, богаче место, из которого приехал человек на Север, тем человек жаднее, скупее. Он не живет здесь, он все время думает, что здесь он зарабатывает, он здесь временно, а жить по-настоящему он будет потом, на Большой земле, дома. Это, конечно, самообман, т. к. люди на Севере живут десятилетиями, и когда уезжают домой, то выясняется, что жизнь-то прошла, и прошла она на Севере. Прошли лучшие годы, которые он как бы не жил.

Какова роль культуры в освоении Севера? Необычайно высока должна быть, и необычайно низка в действительности. Почему? Ведь, казалось бы, в каждом крупном городе на Севере есть и Дома культуры, и спортзалы и др. Беда в том, что появляются они тогда, когда уже у людей, пришедших в эти края, выработался стереотип жизни, когда уже самое значительное место заняли рубли, тонны, кубометры. И если кто-нибудь из руководителей или простой нефтяник, строитель скажет в бригаде, что он вечером пойдет в театр или кино, то на него посмотрят не понимая: какой театр, какое кино? Вкалывать надо! Самое главное, что такая позиция укорачивает жизнь инженера, специалиста, ведь при такой жизни он быстро дисквалифицируется. Практически ни один руководитель НГДУ, начинавший в первые годы освоения в этом качестве, сегодня не работает. Они уезжают в главки, где занимают почетные, но не столь решающие должности. Мои наблюдения и разговоры с разными людьми показывают, что инженеры, проработав в таких условиях 10-15 лет, как профессионалы прекращают свое существование. Они способны работать только толкачами, надсмотрщиками. Они просто не готовы к решению новых инженерных задач. Это хорошо, что сегодня большинство руководителей на Севере - молодые люди.

Культура сегодня в представлении еще большого числа руководителей необязательна. А ведь университет, театр, музеи - это все признаки, элементы культуры, необходимые для духовного развития человека. Но посмотрите, с каким трудом в Тюмени утверждается театр, неформальные объединения инженерной молодежи! Нам явно не хватает должного внимания, отношения к культуре со стороны руководителей. Какими бы цифрами в отчетах мы не прикрывались!

Положение с литературой в области плачевное. У нас раньше было издательство, свой альманах, но их вскоре прикрыли, и сколько мы ни писали, сколько ни бьемся, результата нет. Мы не получаем поддержки общественных организаций, которые считают, что достаточно издательства в Свердловске. Издательство в Свердловске не может оказать должного духовного влияния на такую огромную область. Поразительно, но сегодня, на семидесятом году Советской власти, этого не понимают. В старой России, с полуграмотным населением, в каждом губернском городе издавалась своя газета. В Тобольске издавались газета и журнал. В 20-е года, когда страна только начинала строить новую жизнь, выходило множество самых различных изданий. А при современном подходе мы потеряли уже несколько молодых поколений писателей и поэтов. Недавно вышел сборник молодых литераторов - почти всем авторам 40 лет, и почти все рукописи я знаю уже 10 лет.

Странное противоречие: с одной стороны, жаждущий читатель, обеспеченный материально, с другой - жаждущий напечататься и не имеющий такой возможности писатель.

Процесс освоения очень динамичный. Как правило, начинается чужими, пришлыми. Только позднее появляется в качестве нефтяников, газовиков коренное население. Я знаком с семьей Курбатовых. Они коренные сибиряки, землепашцы. Но традиционная жизнь сибиряков нарушилась с открытия нефти и газа. Все братья Курбатовы ушли с земли, стали нефтяниками. Дети их уже по всему Северу разбросаны. Динамичность жизни требует создания новых династий нефтяников. Но кто же тогда хлеб будет выращивать?

Проблема экологии сегодня тревожит всех. Я, в отличие от многих, кто на словах («ах» да «ох») борется за охрану окружающей среды, смотрю на эту проблему иначе. Ведь вся история человеческой цивилизации начиналась с наступления на природу. Сегодня мы можем только ускорить или замедлить этот процесс, ввести его в русло, необходимое нам. Ведь важно не отказать от добычи нефти и газа, а вести ее в условиях, максимально сохраняющих природу. Конечно, хорошо, что где-то природа первозданна, но найдите сегодня такой уголок. Нужно, наряду с освоением и вторжением в природу, образовать природоохранные зоны, условия сбережения природы.

Я считаю, что мы рано выходим на Ямал. Нам нужно сначала решить все проблемы на имеющихся месторождениях, учесть все наши ошибки, связанные с последствиями освоения прежних месторождений, составить природоохранный план и после этого приступить к освоению Ямала. Руководители же предпочитают оставить месторождения Уренгоя и Медвежьего в запасе, чтобы покрыть в будущем огрехи новых месторождений. Освоение делается в спешке, бесхозяйственно. Нам же не хватает, прежде всего, единения в противостоянии этой тенденции.

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВОЕНИИ ТЮМЕНСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Западно-Сибирский комплекс, как и все регионы нового освоения, обладает многомерным пространством развития, для которого характерно наличие множества возможных альтернатив, высокая степень свободы. Этим обуславливается наличие процессов, не контролируемых общественным сознанием, отсутствие у субъекта социального управления понимания перспектив развития различных нравственных явлений.

В связи с этим, актуальной представляется задача прогнозирования региональных социально-нравственных процессов.

1. «Болевые точки»: нищета духовной жизни, как следствие - экологическое варварство; мнимое отсутствие перспектив региона - временщина, рвачество - духовная нищета. Образовался замкнутый круг.

В Среднем Приобье набран значительный демографический потенциал. Однако, силы местной молодежи разнонаправлены, огромная энергия тратится впустую на исправление социальных деформаций. Незрелость сети ПТУ, СПТУ, спортивных школ и комплексов, вузовских филиалов, с одной стороны, отсутствие индустрии развлечений и духовного общения - с другой, обусловили локальные процессы негативного характера: миграцию (до 70%) молодежи на «Большую землю», грубые проявления неформальных течений, раннее истощение духовно-нравственной основы личности из-за комплекса неудовлетворенных желаний.

Проблемы «среднего возраста»: грядущая женская безработица; грубый механизм управления, пагубно влияющий на общее состояние группового сознания и здоровье тысяч людей; загрязнение окружающей среды; ограничивающее доступ к природе, тяжелые условия труда и быта...

Слабое развитие потребительского рынка в северных условиях блокирует развитие личности, так как на Севере не выйдешь «голым в степь», а следовательно, не получишь того заряда, который необходим для каждодневного полноценного труда. Материальная база здесь является мощнейшим компенсатором неблагоприятных климатических условий.

Основной ныне работающий контингент остается работать на Севере до пенсии и еще несколько лет, пока будет позволять здоровье. Не более 30% имеют забронированную жилплощадь старого образца планировки, на которую к тому же много «охотников». В последнее время в городах Среднего Приобья наблюдается массовый привоз мебели и средств транспорта с «Большой земли», развивается огородничество и охотничьи угодья. Все это - признаки стабилизации населения в регионе, однако, и перспективы снижения качества рабочей силы в связи с этим - очевидны.

Всееляющие оптимизм явления в отношении нравственного развития - растущая потребность духовного единения с природой и обществом, прогрессирующее омоложение управленческого аппарата, самоуправление комсомольско - молодежных бригад, стремление северян к самообеспечению и регенерации экологически истощенных ресурсов.

2. Нравственная жизнь региона является неразрывной частью нравственной жизни всего общества. Однако, развитие реальной, живой морали предполагает наличие в ней определенных авангардных участков, в которых возникает и проходит адаптацию то новое в моральной практике, что идет на смену устоявшимся формам проявления нравственных отношений. Регион

нового освоения, по сути дела, выступает для социального субъекта в качестве своеобразного инструмента для осуществления перманентного морального выбора, отбора наиболее действенных форм. В силу этого, регион нового освоения объективно несет в себе «момент будущего». Поэтому изучение региональных нравственных процессов может вскрыть множество аспектов, позволяющих выйти на наиболее глубокое понимание перспектив нравственного развития общества в целом.

Следует отметить, что прогнозирование социально-нравственных процессов в рамках региона представляется особенно сложным, так как эти процессы зачастую характеризуются значительной нестабильностью, поисковыми формами реализации нравственных отношений и нестандартностью принятия моральных решений. В связи с этим, представляет определенный интерес метод диалектического прогнозирования развития социальных процессов, представленный на Всесоюзной молодежной выставке-ярмарке научно-технических проектов для нефтяной промышленности Западной Сибири в марте 1987г. Думается, что метод мог бы сыграть большую роль в деятельности региональной этической консультации.

3. Сложность осмысления региональной нравственной жизни состоит в том, что она представляет собой своеобразный узел, баланс двух линий, нравственного развития - восходящей и нисходящей, деградационной. Это связано, прежде всего, с тем, что районы нового промышленного освоения аспектируют не только «моменты, будущего», но и «моменты прошлого», оживающего, ставшего социальным штампом. Таким образом, с помощью процессов нового освоения в обществе осуществляется социальный катарсис. С этим, в первую очередь, связана, на наш взгляд, экстремальность ситуаций морального выбора в регионе.

4. Логика развития процессов нового освоения: от неуправляемости ко все большей управляемости, которая проявляется в учете все более «тонких» (социально-нравственных, социально-психологических и т. д.) структур, анализе социальных объектов как объектов многокачественных.

В настоящий момент огромная масса социально-нравственных негативных явлений в районах нового освоения связана именно с отсутствием качественных долгосрочных прогнозов развития новых регионов, с тем, что многое делается методом проб и ошибок.

5. Рассмотрение конфликта Дела и Морали обычно осуществляется весьма упрощенно. Реально различные направления дела конфликтуют в рамках региона со многими разновидностями ведомственной, служебно-бюрократической «морали», а также морали социалистического общества и общечеловеческой морали. Сегодня каждый управленец ежедневно встает перед выбором: либо выполнить указующую директиву, либо удовлетворить чаяния работников предприятия, ему вверенного. Хроническая болезнь социалистической предприимчивости, когда «слова расходятся с делом». Управляющие воздействия в виде различного рода указаний, решений, программ, планов, директив неизбежно запаздывают. Причина - в отсутствии исследований развития социальных процессов в прогностической плоскости и соответствующей выработки упреждающих управляющих воздействий. К моменту выхода плана в свет в системе происходят качественные изменения, обусловленные диалектикой развития сложных социальных образований, и план, годный для системы лет пять назад, оказывается в статусе закона, тормозящего прогрессивное развитие общества. Наблюдая в течение многих последних лет очевидное несоответствие планов и перспектив, неустойчивые личности оказались на грани морально-нравственного распада, сея в регионе циничное отношение к средствам

производства, людским и финансовым ресурсам, ранимой северной природе. Нравственная порядочность в таких условиях грозит невыполнением плана, который, как известно, надо выполнить «любой ценой».

Мораль Управленца привела его к прединфарктному состоянию, в результате чего последнее время наблюдается тенденция избегать управленческих функций, администрирования на любых уровнях. Быть человеком и частью механизма бюрократического аппарата становится все более несовместимо.

Социалистическая предприимчивость сейчас состоит в завоевании права на свободный труд свободного человека в рамках предприятия, объединения, отрасли. Ломка перегородок, ведомственной отчужденности идет болезненно. Свобода как познанная необходимость согласуется с планом только в том случае, когда план рассчитан на перспективу с предварительным синтезом прогрессирующих моделей развития.

6. Нравственное очищение региона невозможно без комплексного физического оздоровления, предоставления свободы заработка честным трудом без ограничений (через кооперацию), разрешения противоречий между стабильным и мобильным населением, между работниками и управленцами, старшим поколением и молодежью. Необходимо ликвидировать «гнилушки» - балочные строения - и бесперспективные вахтовые поселки, где низкая культура порождена нищетой существования с полным карманом денег, насытить потребительский рынок всем необходимым для специфики быта и отдыха на Севере, сделать все возможное для закрепления на местах молодежи, проводя профориентационную работу в отрасли, обучить и воспитать «северную» интеллигенцию, развить индустрию развлечений, предоставляющую возможность для разнообразного духовного общения, построить теплицы и бурно развить дачное строительство, смело внедрять новые методы и технологии, самоуправление и «коллективные гарантии» в различных аспектах социально-нравственного развития.

7. Перспективы развития региона. Панорамный прогноз.

У Западно-Сибирского комплекса - большое будущее, к которому придется пройти через великие трудности. Среднее Приобье станет «Большой землей» для тех, кто будет работать близ Обской губы, усеянной комфортабельными подвижными вахтовыми поселками и несколькими базовыми городами. Экология пласта претерпит существенные изменения, отношение к нефти как к продукту сгорания изменится в корне. На территории области появятся перерабатывающие заводы, производящие технологически новую продукцию. Территория будет объявлена заповедной в ряде мест. Уныние будут вызывать «кладбища месторождений». Коренные северяне предстанут разноплеменным обществом с культурой, интегрирующей национальные проявления народов всей страны. Численность населения увеличится в несколько раз в начале нового тысячелетия. В известных крупных городах будет наблюдаться перебор в сторону женского населения, средняя продолжительность жизни у женщин увеличится значительно, у мужчин - менее существенно. Разовьется транспортная сеть: в основном, железные дороги, воздушные трассы для специализированных летательных аппаратов, получают распространение уникальные транспортные средства. Водные каналы будут значительно загрязнены. Среди детей начнется «естественный отбор», будет наблюдаться, с одной стороны - невступление в брак молодежи, с другой - появление многодетных семей. С нравственной точки зрения интерес представляет активизация религиозных воззрений у «неформальной» молодежи будущего и активные проявления социального альтруизма - у передовой ее части.

САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ: ВОСПИТАНИЕ ВЫБОРОМ

Старомодная потребность «посоветоваться» и современный социальный заказ. - «Самотлорский практикум» как этическая инициатива. - Перестройка: ситуация морального выбора. - Практическая философия на перепутье: «звездный час» прикладной этики. - Гипотеза гуманитарной экспертизы и консультирования: «понимающая этика» и моральное творчество. - «Лаборатория в Храме»: апробация гипотезы в этических деловых играх нового поколения. - Уроки и надежды: программа развития «Самотлорского практикума».

* * *

Динамика современного общества все более сжимает сроки, необходимые для того, чтобы вновь выдвигаемая идея прошла отведенные ей судьбой (научеведы называют ее закономерностью) этапы: сначала быть ересью, а в итоге превратиться в предрассудок. Пройдет время... Но пока еще с этической инициативой «Самотлорский практикум» не случилась такая метаморфоза, надо поспешить с объяснениями. И прежде всего объяснить читателю, только что закрывшему книгу с результатами опроса «Самотлорский практикум-2», сверхзадачу работы экспертов. Показать таким объяснением возможность и необходимость применения потенциала экспертных опросов за пределами их очевидного эффекта. Объяснить, почему название «Самотлорский практикум» относится одновременно и к этическим форумам, и к серии деловых игр и, наконец, к проекту гуманитарной экспертизы и консультирования в целом. Итак, «Самотлорский практикум» (название инициативы принято на научно-практической конференции в г. Нижневартовске в декабре 1987 года) - попытка вырастить социально - нравственную инновацию; гуманитарную (средствами гуманитарного знания, организованного вокруг этики) экспертизу и консультирование ситуаций выбора в нравственной жизни и воспитательной деятельности.

Еще несколько лет назад легко было актуализировать выход на тему научной экспертизы констатацией парадокса: «в эпоху НТР старомодное «посоветоваться?!». Сегодня же и «энтээровские» акценты в характеристике времени не самые актуальные, и стремление «посоветоваться» не является доброй волей «управленческого корпуса», выступая обязательным условием гуманизации и демократизации социального управления.

Идея гуманитарной экспертизы и консультирования «носится в воздухе». Социально - гуманитарному знанию все настойчивее предъявляется социальный заказ на научную экспертизу технических, экономических, социально - политических проектов и программ, на усиление консультативных функций в деятельности научных коллективов.

Предъявлен и воспринят. Но выполняется ли? Из очевидно отрицательного (в лучшем случае - из осторожно-колеблющегося) ответа вытекает целый ряд вопросов. Что мешает науке преодолеть апатию, выйти из анабиоза (как способа самосохранения от безвременья)? Нежелание функционеров социального управления иметь дело с настоящей теорией, конструктивность рекомендаций которой неразрывно связана с критической функцией? Застойные тенденции в самой науке? Иго ее традиций, ложных имиджей? Незрелость прикладных структур? Незрелость форм активности самих ученых как способа их

вовлечения в социальное обновление, причастности их к процессу принятия социально - управленческих решений? «Самотлорский практикум» - научно-практическая гипотеза, инициирующая поиск ответов на эти вопросы.

Как вообще возникает потребность в научной экспертизе, в методах экспертных оценок? Когда сложность нетрадиционной ситуации не поддается накопленному опыту. Когда для разрешения проблемы не подходят наработанные в науке методы. В таких случаях и необходимо - прежде чем рисковать - посоветоваться с авторитетом, чьим мнением мы дорожим, опыту которого мы доверяем, суждения и оценки которого обладают таинственным преимуществом перед строгими методами познания.

Потребуется целая серия опросов-практикумов, чтобы из обобщения полученных в них результатов сделать достоверный вывод об интервале эффективности этого традиционного для многих наук метода в отношении теории и практики нравственной жизни. Тем не менее, уже сегодня можно подкрепить мотивацию первого в нашей этике экспертного опроса: сбор мнений экспертов относительно ситуации в морали и воспитательной деятельности не является данью буму, который переживают сегодня экспертные оценки. Это не слепое подражание моде, перенимаемой прикладной этикой от других наук. Это не роскошь, а насущная необходимость. Она возникает в условиях, когда специфика предмета не улавливается иными, широко практикуемыми методами сбора морально-значимой информации, прежде всего, аналитическими методами. Когда сбор суждений, оценок, предложений экспертов и их обработка специальными методиками является наиболее эффективным средством научного обеспечения принимаемых решений в уникальных управленческих и исследовательских ситуациях.¹

Только риторически может прозвучать вопрос: обладают ли сегодня исследователи морали эффективными познавательными приемами, позволяющими оперативно и достоверно поставить диагноз «болевым точкам» современной общественной морали, тенденций ее развития («точки роста»)? До сих пор сохраняет свою справедливость критика общественно-научного приоритета художественной литературы, критики, публицистики в характеристике состояния нравственной жизни нашего общества, в прогнозах ее развития. Вряд ли кризисное состояние теории может быть преодолено уже завтра. В качестве одного из оперативных средств экспертизы (и консультирования) ситуации в общественной морали и предпринимается опрос представителей гуманитарного знания, материалы которого развиваются методами игровой деятельности.

Анализ положительных и негативных моментов первой попытки такого рода (публикацией материалов в сборнике 1987 года и включением их в игровой поиск) показал целесообразность следующего шага и в начале 1988 года инициативная группа распространила анкеты, содержание которых призвано высветить концептуальные возможности теории нравственной жизни, испытываемые вызовом всей ситуации нашего общества. Речь идет об авторитете теории, - на фоне поразительно высокого авторитета публицистики, искусства, - об осознании этикой своего реального - и незаменимого - места в общем гуманистическом поиске. Предполагается, что включение результатов экспертного опроса в процессе развития этического знания и его приложения к практике стимулирует самопознание этики, придаст новые импульсы научному творчеству.

Залог ожиданий - в выходе за пределы задачи-минимум, когда первый тур опроса рассматривается и как заключительный (он действительно может иметь самостоятельное значение, формируя диалогическое поле для этического сообщества в целом). Программа-максимум - в достижении известного науковедам эффекта развития «теоретической группы», в интенсификации пути от первой до более высоких стадий (от «нормы» до «дисциплины» через «сеть» и «сплоченную группу»), в участии ав-

торов первого тура в игровой деятельности целевых научно-практических коллективов для решения конкретных проблем.

Особенность работы экспертов во время первого тура опроса заключается в изолированности, - в отличие от «метода комиссий» - в индивидуальности работы каждого эксперта. Публикацией результатов этого этапа начинается разработка сценарного проекта игры, которая является способом организации этапов собственно экспертной оценки. В процессе игры происходит коллективная работа; ознакомившись с оценками и суждениями друг друга, эксперты получают возможность через дискуссию скорректировать позиции. После естественного размежевания и кооперации исследовательских коллективов организуется «мозговая атака» целевых творческих бригад по конкретной проблеме - в данном случае это гипотеза гуманитарной экспертизы и консультирования, ключевые моменты представляемого Проекта.

Организация таких опросов требует выполнения двух условий: подбора и систематизации вопросов анкеты и отбора участников опроса. Репрезентативность гуманитарной экспертизы естественным образом отличается от экспертизы естественно-научной, технической и т. п. Если специалисты по узкой проблематике - в сфере физики, экономики, кибернетики и т. д. - известны, их круг ограничен, то по вопросам морали и воспитания, казалось бы, все могут быть экспертами. Точнее, однако, считать, что все люди равны в оценке конкретных поступков; в анализе же состояния общественной нравственности систематическое обсуждение вопросов, применение научных подходов дают преимущество теоретикам. Особым видением нравственной жизни общества отличается и художественное познание. Поэтому приглашения были направлены исследователям, публицистам, писателям, журналистам. Инициативная группа не возлагала на себя роли «выборщиков», выступающих как вроде бы «сверхэксперты». Ориентируясь на критерии «первоначального списка», мы обращались прежде всего к специалистам, проявившим интерес к материалам «Самотлорского практикума-1». Труднее было с участием деятелей культуры. Здесь большое значение" играл имидж глубокого интереса к моральной проблематике, активное участие в обсуждении вопросов духовной деятельности перестройки.

Не считая собственный уровень самокритичности пределом возможного и необходимого, мы стремились пригласить в качестве экспертов и авторов, известных своей традиционной оппозицией к этико-прикладным исследованиям, привлечь и тех гуманитариев, скептицизм которых в отношении притязаний этической теории воздействовать на нравственную жизнь и воспитание выявлен в ряде ярких публикаций. Благодаря тем и другим укрепляется надежда поднять уровень самоиронии инициативы «Самотлорский практикум», тем более необходимой, что сама эта инициатива ни по своим целям, ни по способам их достижения не сводится к опросам экспертов. Экспертиза - только первый этап научного обеспечения процесса принятия решений, предпосылка для постановки вечных «Что делать?» и «Как делать?». Однако столь же вечен и соблазн для эксперта «умыть руки» после выявления «болевых точек»: «Я сказал!». Искупление - в консультировании, в переводе диагноза в проект решения, в переходе от роли аналитика на роль деятеля: он не ограничивается «обезволиванием», а стремится обеспечить поддержку «точкам роста». Экспертиза и консультирование - своеобразный «диполь», реализующий одну из современных практических функций этики.

Именно в сочетании экспертизы и консультирования «Самотлорский практикум» видит возможность инициативного ответа на неотложный заказ от практики, выраженный в гуманистических общественных ожиданиях, в документах партии, в деятельно-

сти конкретных организаций, прогрессивных самостоятельных начинаний. Таким ответом представители этического сообщества пытаются разрешить и собственную неудовлетворенность прежними предложениями этической теории практике (у кого сегодня не поднимается рука, чтобы «бросить камень» в теоретиков морали и воспитания?!), преодолеть неустребованность глубинного потенциала практической философии. Не поддаваясь искушению поиска алиби или смиренного признания неизбежности отставания теории от публицистики и художественной литературы, ответить констатацией перепутья, на который вышла наша этика. Ответить осознанием новой ситуации в отношениях теории и практики, новых задач теории: развитие ее практических функций требует сегодня выращивания самих «заказов» от практики.

В поиске этикой нового выбора, освобожденного от жесткой альтернативы: «либо тотальная критика морали общества, либо ее безудержная апологетика» становится все более актуальной альтернатива, которая связана с известной компрометацией категорий управления и воспитания, вызвана их вульгаризацией, технократическими извращениями в рамках административно-командной системы. «Отказ от этих категорий - звучит эта вторая альтернатива - или же их очищение, возрождение как в практике, так и в теоретическом видении». Необходимо отдавать себе отчет, что противостояние технократизму вовсе не означает поддержки антисциентистских верований и концепций. Решение в пользу восстановления и обновления требует как принципиальной критики, так и конструктивной научной разработки. Основанием предпочтения такому решению является трактовка перестройки как ситуации выбора.

«Хомо моралес» входит в мир через ситуацию выбора, творит свою судьбу на перекрестках жизненного пути. Принятие решений - ключевые акты разыгрываемой им жизненной драмы. Ситуация выбора - **«первоклеточка»** нравственной жизни: выбор - это **условие** моральности, **форма** ее проявления, **способ** духовно-практического освоения мира. В этой клеточке сплавлены аксиологический космос и экзистенциально - конкретный мир индивида, вечное и современное, традиционное и новое. Древнейшая модель выбора с витязем на перепутье пришла в сказку из реальной действительности и, передаваемая эстафетой общечеловеческого опыта, предстала перед нами вызовом эпохи, историческим шансом. Мы на перекрестке: в глобальной ситуации выживания, в переходной для социализма ситуации исторического масштаба, наконец, в судьбоносной ситуации самоопределения индивида. И это не самообман убежденного в уникальности своего времени и особой ответственности решений очередного поколения.

Нравственная жизнь - процесс и результат исканий, динамика формирования ситуаций выбора, поиска смыслов и способов достижения целей. Перестройка - ситуация **морального** выбора; ситуацию нельзя понимать лишь как простую совокупность обстоятельств, навязанных субъекту, поставленных перед ним извне; ситуация - это субъект в обстоятельствах. Обстоятельства - ветер и волны, ситуация же возникает лишь тогда, когда человек ставит парус и выбирает курс.

В комплексной характеристике перестройки как ситуации выбора содержатся и диагностическая составляющая - **реабилитация** и **эмансипация** выбора; **переходный** характер ситуации; особая напряженность **целесредственных** взаимозависимостей, и вывод из социально - нравственной экспертизы, содержащий проект деятельности. Именно этот проект считает предметом своей заботы «Самотлорский практикум», конкретизируя название этической инициативы как **воспитание выбором**. Гуманитарная экспертиза и консультирование возможны и необходимы только при подлинно альтернативном мышлении общест-

ва, собственно и являющемся сутью нового мышления в новой ситуации. Культивирование воспитательного потенциала ситуации выбора - ключевое звено нравственного обеспечения перестройки.

Гуманитарная экспертиза и консультирование - особый **вид** практичности научного знания о морали и воспитании, специфические **цели, способы, формы и результаты** приложения этики к нравственным коллизиям современного общества. Это научно-практическая (прикладная) деятельность ученого, представляющая ему возможность **личного участия** в нравственном обновлении общества, это - способ реализации профессионального призвания и гражданской активности. Экспертиза и консультирование **направлены** на развитие культуры современного этического мышления как основания нравственных решений, содержащихся в программах, проектах и акциях официальных организаций и самостоятельных объединений, становящихся в условиях перестройки соавторами жизненно важных выборов. Непосредственным **предметом** такой экспертизы и консультирования является так или иначе фиксируемый процесс подготовки и принятия решений, контроля за последствиями тех альтернативных социальных технологий, конфликт между которыми прямо связан с «человеческим фактором». Ее **задачи**: вскрыть все поле реальных вариантов выбора, предъявить прецеденты решений в аналогичных ситуациях, предложить алгоритмы поиска, - с одной стороны, а с другой - стимулировать моральную рефлексию того, кто принимает решения, вырастить в диалоге с ним гуманистическую направленность деятельности. **Участники** диалога образуют целевой междисциплинарный научно-практический коллектив, формой творчества которого является **игровая команда**. Игровая деятельность выступает здесь и средством решения нетривиальных проблем теории и практики, и способом формирования, сплочения структур этического общества, которым «Самотлорский практикум» предоставляет форум, лабораторию, канал «встречного движения» исследователей и практиков. Наконец, **эффект** деятельности экспертов и консультантов обусловлен результатами этико-прикладных исследований и разработок, которые предлагаются «заказчику» не в виде «готовых к употреблению» выводов, инструкций, рекомендаций, а воплощенными в **метод решения** уникальных ситуаций морального выбора.

Выражая позицию прикладного исследования, «Самотлорский практикум» обеспечивает приложение этики к практике посредством синтезирования комплексов гуманитарного знания. Нетрадиционный для этики способ «выхода» в практику (экспертиза и консультирование вполне естественны для таких наук, как психология, педагогика, социология) и нетрадиционная форма организации научной работы - отсюда, видимо, вполне понятная настороженность многих этиков - представляются целесообразным решением в условиях жесткой альтернативы: либо тупик самодостаточности, либо междисциплинарная кооперация и новые способы связи с практикой. Способы, снимающие конфликт «философского» и «прикладного» направлений, способы, противостоящие конфронтации в этике, стимулирующие создание совместных исследовательских коллективов. Тезис об этике, как системоорганизующем элементе человекознания в процессе экспертизы и консультирования конкретизируется через: а) **проницающие** направления приложения (этико-управленческое, этико-педагогическое и т. д.); б) конструирование игр посредством **встраивания** этической доминанты в различные виды игрового движения (дидактические игры, управленческие, инновационные, практические деловые игры и т. д.) - наряду с собственно этическими играми; в) наконец, через совместную деятельность в целевой творческой бригаде (со-консультирование), деятельность междисциплинарную и научно-практическую.

Проектом «Самотлорского практикума» программируется встреча версии специфического - диалогического - отношения

этики и практики нравственной жизни, с одной стороны, с версией игровой деятельности как этической «Лаборатории в Храме», «живой методологии», как способа организации и **языка диалога** этики и морали - с другой. «Искрящий контакт» этих версий создает эвристическую ситуацию для формирования и развития морально-этического знания-умения, «умения уметь» - фроне-зиса. Трудно уловимые признаки этой неаксиоматической «науки об искусстве» морального выбора не даны в отдельности ни в теории, ни в практике. Место и способ их созидания - процесс взаимодействия нравственных исканий человека и нравственной мудрости человечества. Именно такой процесс активируется гуманитарной экспертизой и консультированием. Не «обогащение» найденным другими, а потому чужим «богатством», и не лечение «больного», тем более не «пастырское наставление», но стремление посредством игровой методологии снять необходимость «одиночества в решении», став соавтором исторического опыта нравственной жизни. Не анонимная теория, адресованная столь же анонимному ее потребителю, а персонифицированная деятельность гуманитария в отношении к уникальным моральным ситуациям создают возможность преодолеть барьеры, которые субъект нравственности воздвиг против казенно-бюрократической морали, внутренне связанной с ней «этикой без морали».

Игровая деятельность как многофункциональное средство организации диалога этики и морали является ядром непосредственного инструментария «Практикума», его исследовательской и прикладной деятельности. Этико-прикладная модификация игрового движения - этические деловые игры (морально-этические игры) не навязывают морали «чуждой» ей «организационный прием», какие-то «инородные средства»: гипотеза гуманитарной экспертизы и консультирования «обнаруживает» игровой феномен в самой нравственной жизни и стремится культивировать естественный потенциал **этического** поиска, **морали** и **воспитательной** деятельности, возвращая его каждому из этих элементов единой системы.

Способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности (благодаря двуплановости: «условное» и «серьезное» одновременно) и ориентация на развитие «умения уметь» как сущностные признаки игрового подхода в целом, а также эффект от взаимодействия специфических признаков **этической модификации** этого подхода, так сказать, «обрекают» метод на моральную **инновационность и интенсификацию** процесса воспитания выбором. Гуманистическое назначение этических деловых игр как метода, исключающего сциентистскую опасность перерождения прикладного знания - решать за человека, лишать его уверенности в выборе и, тем самым, ответственности в действиях, выражается прежде всего в снятии всяческих масок с отчужденных форм псевдообщественной морали, в стимулировании нравственных исканий, воздействии на формирование качеств действительно новой - не опекаемой, свободной - личности.

Не поддаваясь пока соблазну поставить в один ряд определения «человек -разумный», «человек - моральный» и «человек-играющий», удерживаясь от прямого отождествления «жизнь - игра», «нравственная жизнь - игра», концепция гуманитарной экспертизы и консультирования все-таки решается на предположение о том, что метод этических деловых игр является не просто способом организации, но и непосредственным воплощением диалога этики и морали. Диалог, который ведет **«понимающая этика»**; она стремится аккумулировать ценности и методы педагогики сотрудничества, гуманистически ориентированной теории и практики управленческих решений, психологического консультирования, собственно этической традиции. Этические деловые игры - модификация майэвтики, «диалогика», стремящаяся сделать процесс поиска способным породить прикладные

результаты. Поэтому-то, во-первых, «заказчик» и не обращается к консультанту как пациент к врачу, или ученик - к наставнику, не принимает на себя условно - игровую роль перед «серьезным» консультантом, но познает сам себя, решает сам за себя - с помощью предложенного консультантом поискового алгоритма творческого решения. Метод этических игр, во-вторых, нельзя поэтому использовать как «вспомогательное средство». Как не является он и некоей универсальной отмычкой, претендующей на сциентистскую «методократию». Важно осознанно противопоставить инструменталистскому эксплуатированию потенциала игрового подхода и трактовке игры как «формы» отношение к ней как **способу существования** этико - прикладного знания, гуманитарной экспертизы и консультирования. «Самотлорский практикум» не только не отрывается с помощью этой «формы» от «содержания», но, благодаря методу этических деловых игр, ведет «содержание», организует его обновление, способствует развитию этического творчества.

Установка на диалогичность не означает утраты самостоятельности, конкретной ответственности каждой из сторон. «Понимающая этика» не должна стать этикой «прислуживающей», ангажированность социальным заказом не допускает утраты научной принципиальности. Субъект гуманитарной экспертизы обязан быть критичным в отношении к «заказу». Таково веление профессиональной этики ученого-обществоведа. Независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодня субъекта принятия решений - «управленческого корпуса» (начинающего делить ответственность за решение с демократическими институциями) или же от наиболее вероятного в ближайшем будущем «заказчика» - самоуправленческих структур общественной жизни, самоуправляемых организаций, самодеятельного движения. В позиции «заказчика» эксперт видит отражение всего многообразия нравственной жизни современного общества, за апелляциями управленцев к человеческому фактору он обнаруживает широкий спектр «болевых точек», внутренних противоречий современной, моральной ситуации (между нравами и моральной идеологией, консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, тенденциями традиционализма и инноваторства в нравственных исканиях и т. д.). Его особая забота - суметь диагностировать извращенные представления о действительной роли морали и воспитания: морализаторства как подмены социальной и экономической политики средствами воспитательного воздействия, использование морали как инструмента манипуляции человеком, средства формирования «удобной» и «послушной» личности, когда не «мораль (и воспитание) для человека», а «человек для морали (и воспитания)». Таким образом, ориентация «Самотлорского практикума» на социальный заказ требует профилактики против бюрократизации уже самого назначения гуманитарной экспертизы и консультирования (в ином случае игровой подход вырождается в «бюрократические игры», в заигрывание с демократией, наукой, в имитацию перестройки). Здесь равно необходимо противостояние двум «соблазнам» для экспертов: исчерпать свои стремления влиять на практику принятия решений сотрудничеством лишь с «аппаратной» структурой в управленческой деятельности, с одной стороны, поддаться патерналистским притязаниям, сциентистскому экстремизму - с другой.

Гуманитарная экспертиза и консультирование - особая культура взаимодействия науки и практики. Инициатива этического сообщества станет «Самотлорским практикумом» лишь при «встречном движении», в котором «заказчик» берет на себя реализацию задачи активизации «человеческого фактора», гуманистической реабилитации управленческой деятельности посредством проведения доктрины гуманитарной экспертизы и консультирования по всем этапам цикла «встречного движения» заказ -

разработка - внедрение. Прецедент Нижневартонской игры-87, давшей название инициативе, характеризуется именно этим таким эффектом.

Опираясь на этот вывод, переведем манифестационную дерзость изложения тезисов доктрины на прагматический язык фактов и результатов. И действительно, рабочая гипотеза имеет не только теоретические аргументы, но опирается и на определенный научно-практический опыт - насколько вообще можно реально зафиксировать результаты приложения гуманитарного знания к практике, тем более, измерить эффект игрового подхода, атрибутивным признаком которого является самооценочность процесса игровой деятельности.

Предметом для анализа результатов научно-практического испытания этой гипотезы являются материалы научно-практической конференции «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, воспитание воспитателей: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования», проведенной в форме трехдневной деловой игры; разработка и внедрение деловых игр «Выбор» и «Тезис», выводящих «Самотлорский практикум» на консультирование политических решений; а так же обновленные игры для трудовых коллективов («Аттестация» и «Кредо»); аванпроекты игр для различных профессиональных ассоциаций.

Уже само содержание Программы - приглашения на Нижневартонскую игру (его фрагменты вынесены на вторую обложку сборника) обращало внимание на статус игрового подхода в Проекте «Самотлорский практикум». Этот акцент явился результатом критического осмысления опыта первого десятилетия развития метода этических деловых игр (в его непосредственной связи со становлением этико-прикладных исследований и разработок), осознания «болевых точек» в реализации потенциала метода. К сожалению, выявилось, что успешность применения некоторых из игр породила застойную тенденцию - тиражирование найденного. Напрашивается аналогия с судьбой первых этапов освоения тюменских ресурсов нефти и газа - мы отнеслись к глубинным возможностям игрового подхода так, как нефтяники - к Самотлорскому месторождению. На фоне новой общественной ситуации перед авторами этической модификации метода встала необходимость поставить перед собой новые вопросы. Достаточно ли ориентирован созданный сериал игр на запросы перестройки? Выражает ли он эмансипацию нравственной жизни общества, реориентацию морального сознания как выражение подлинного выбора? «Тянет» ли сегодняшней банк этических деловых игр на идею воспитания выбором? Реально ли отражен в наработанном опыте современный акцент этико-прикладных исследований на экспертно - консультативную функцию? Акцент, ориентирующий экспертизу и консультирование на разоблачение отчужденных форм морали, выявление действительных моральных интересов, формирующихся в новой экономической и политической ситуации? Отвечает ли методология и игротехника этических деловых игр новым достижениям в философии игры, идеологии игрового движения, новых направлений движения?

Игровой поиск участников конференции подтвердил несомненное наличие реальных «запросов» и конкретных «заказов» на гуманитарную экспертизу и консультирование. Не будем, однако, преувеличивать значения самого факта выявления и оформления заказов. Подчеркнем более важное обстоятельство: в результате игры произошло активное воздействие на ситуацию, приведшее к **выращиванию** нововведения - и заказов, и самой модели гуманитарной экспертизы и консультирования, выращивания как средства против не востребованности теории. Такого рода практичность игры представляется не менее важной,

чем предпринятые в ее ходе конкретные акции консультирования.

Слабопрограммируемый алгоритм игры допускал несколько версий ее финала и результативности. Это позволило за счет развития успеха в анализе конкретных ситуаций, предъявленных для консультирования, компенсировать неизбежную для первых этапов становления новой доктрины слабость игротехнического обеспечения задания по анализу предпосылок гуманитарного консультирования в теории и практике управления, в психологии и педагогике. Поэтому и работа над моделью консультативной деятельности оказалась теснее всего связанной с реальными прецедентами такой деятельности на самой игре, чем с опытом, допустим, логотерапии, семейного консультирования или консультирования собственно управленческого. Результаты работы над моделью выразились в создании банка идей, методов, организационных форм экспертизы и консультирования.

Один из таких вкладов в «банк» - решение трудного выбора, в который вовлекается субъект гуманитарной экспертизы и консультирования. Если в кодексе консультанта по управлению норма «не навязывай услуг» вполне естественна («клиент» сам понимает возможную пользу и ищет консультанта), то в нашем случае такая норма рискованна («клиент» может вообще не видеть «пользы» от «гуманизма»). Целесообразнее поэтому в кодекс консультанта по гуманитарной проблематике включать норму «будь инициативен». Формой такой инициативы, предпосылкой заказа на консультирование должна стать экспертиза, диагностика ситуации, в которую вовлечен потенциальный «заказчик» и тем самым, именно **выращивание заказа**. Поэтому игре предшествовал широкий опрос экспертов, материалы которого («Самотлорский практикум-1») были как раз рассчитаны на шоковый эффект от результатов социально - нравственной диагностики.

Благодаря работе на игре с другими материалами первого опроса экспертов произошло уточнение природы и статуса этико-прикладного знания, преодолены самые распространенные стереотипы в его восприятии (например, ложный имидж прикладной этики как знания, призванного обслуживать бюрократическую систему управления). Игра своим потенциалом сплотила специалистов, выявила возможные целевые творческие коллективы как **игровые команды** по дальнейшему развитию «Самотлорского практикума». Разумеется, игра не могла полностью устранить традиционные расхождения внутри этического сообщества в вопросе о видах практичности теории (как и скептицизм практиков в отношении вынесенной на игру рабочей гипотезы).

Произошло, однако, заметное движение к осознанию исчерпанности этапа размежевания «философской» и «прикладной» этики. Наметились тенденции к их взаимодополнительности. Начал срабатывать аргумент, которым исследователи прикладных аспектов этического знания защищали скромность полученных результатов: все же за традиционной этикой века и века ее исторического развития, в то время как прикладные этические исследования действительно лишь **становятся**.

И, наконец, эта игра стимулировала создание нового «поколения» этических деловых игр. Самокритика авторов метода, его самообновление, самоопределение в игровом движении привели к изменению представлений о месте ученых в целевой творческой бригаде - игровой команде, к более точному пониманию места гуманитарной теории в процессе развития игрового способа консультирования. Передача ряда задач по разработке деловых игр самим практикам (они осваивают консультативный стиль управленческой деятельности), привела к тому, что ученые смогли уделять основное внимание задаче «встраивания» этической доминанты в процессе моделирования управленческой деятельности. Такое участие в разработке игры не дает другим представителям игровой команды разработчиков - практикам - замкнуться на технологических аспектах моделируемой дея-

тельности, позволяет настойчиво вводить любую, самую передовую управленческую технологию в социокультурный контекст, соединять организационные поиски с мировоззренческими исканиями, «испытывать» технологию на гуманистичность. Этическая доминанта оказывается здесь не столько количественным, сколько качественным «контрольным пакетом» акций игровой команды. Разумеется, такая роль ученых реализуется не декларациями, а реальными сценарными разработками. Стержневой проблемой таких разработок является инициирование моральной и этической рефлексии вокруг конфликта стереотипов (оценок, решений) и творчества, абстрактных критериев и их альтернативных конкретизаций, организация нормотворчества (не сводимого, разумеется, к созданию отдельных Кодексов), является тем самым, воспитание выбором.

В разработке игры **«Выбор»** («Выборы секретаря первичной партийной организации») модель гуманитарной экспертизы и консультирования испытывалась, развивалась и конкретизировалась в процессе соотнесения социально - нравственных и процедурно - организационных аспектов выборов руководителя. Кстати, краткое название игры - инициатива практиков, стремящихся задать игре смысл, выходящий за пределы разработки управленческой процедуры. Авторский коллектив рассматривал ситуацию выбора как синтетическую клеточку активности (политической, социальной, моральной), как «точку роста», которая иницирует пласты морального возрождения через демократизацию политической жизни трудовых коллективов, партийных организаций. Именно в ней тезис о воспитании выбором воплощает себя. Выборы руководителя партийной организации (как, впрочем, и выборы руководителя хозяйственного, советского и т. д.) - это в значительной степени и выбор организацией, коллективом своего будущего; это выбор субъектом - электоратором своей позиции, акт принятия личной ответственности. Это такая самореализация, в которой воспитание выбором осуществляется и процессом трудной этики борьбы (за создание самой ситуации выбора, развитие соревновательных начал, испытание нравственной ценности избираемых средств борьбы, реализацию победившего курса и т. п.) Это наконец, воспитание человеком общества.

Конкретная задача игры - разработка регламента выборов. При этом мало просто разработать на игре технологическую схему, не разрушающую демократический дух выборов; задача и, тем более, «сверхзадача» игры заключается в том, чтобы убедить ее участников в необходимости поиска и в ценностной сфере, в том, что регламент как операционный элемент модели выборов является средством, определяющим достоинство цели и испытывающим его, в особой взаимной связи смысла, цели и средств, технологии.

Этим, прежде всего, отличается **этическая** деловая игра от известных организационно - деятельностных игр, посвященных выборам - скажем, директора РАФА, Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе и т. д. Отличается, кроме того, и **тип практичности** нашей игры. Если названные игры являются формой организации конкурса кандидатов, если другие методики преследуют цель овладения процедурами подготовки и проведения выборов хозяйственных руководителей, то в нашей игре' непосредственная практичность (отбор реальных кандидатов для реальных коллективов) не преследовалась, да и обучение не являлось приоритетной задачей. Игра. «Выбор» была направлена на разработку такой модели **выборов**, в которой технология, процедура обеспечивает реализацию, воплощение выработанного в процессе игрового поиска смысла, духа выборов. Но размежевание разных игровых подходов - не сектантская самоцель. Оработав модель (до XIX партконференции) и получив возможность тиражирования игры (в связи с санкционированной в документах Конференции практикой выборов), мы можем теперь обогатить ее элементами

других игровых подходов, иных типов практичности игры, включив, например, в нее этап игровой организации конкурса для реальной организации, коллектива.

Акцентируя мировоззренческую, ценностную сторону модели выборов, разработчики должны были обеспечить ее соответствующими игровыми заданиями. Одно из них - «Контрвыборы». В начале игры это задание требует провести анализ аргументов и фактов, выдвигаемых против широкой практики выборов руководителей. В специально подобранных материалах отражены и трезво - скептические настроения против новаций, которые принимались «на ура», а «сходили со сцены» молча; против «бюрократических игр в выборы», когда в новые одежды наряжаются старые методы (например, выборы из того, «что дают»), против демагогических «социальных игр». Участникам игры были представлены аналитические обзоры социологов, содержащие сравнительные оценки отзывов самих руководителей «за» и «против» выборности. Специальное задание «Контрвыборы» используется командой «Лестница» и в процессе выполнения участниками игры других заданий. Так, при разработке регламента выборов подключается противоположная, аргументирующая опасность процедурных разработок - они гасят творческую инициативу. Недостаточность спонтанно выраженной воли коллектива (это еще не демократия), и, одновременно, опасность бюрократической деформации демократических выборов, превращения их в пустую формальность и потребовали разработки такого регламента, который был бы способен обеспечивать дух и смысл процесса демократизации.

Рефлексивная деятельность морального сознания участников игры стимулируется включением в игру в качестве самостоятельного этапа аналитических выступлений экспертов. Они ведут разбор опыта реальных выборов, оценивают теоретические подходы и модели выборов, характеризуют практику проведения других игр на ту же тему. Дискуссия по выступлению экспертов - наряду с информацией, получаемой консультантами команд в процессе наблюдения за выполнением задания, вместе с выводами о собственных проектах участников игры, дает возможность реализовать диагностический потенциал игры.

Еще одно задание с выраженным потенциалом гуманитарного консультирования - «Программа». Оно специально посвящено конкурсу программ кандидатов как элементу регламента. Это, может быть, самое сильное средство антибюрократической профилактики - против вырождения выборов в «социальные игры». Здесь синтезируются несколько элементов этической «составляющей» в выборах руководителя.

Задание «Программа» - это обеспечение ситуации «выбора себя». Коллектив, организация причастны к разработке своего будущего посредством коллективной работы над программой (в которую могут внести свой вклад и элементы программ проигравших в конкурсе кандидатов), предпочтением не просто личности руководителя, но лидера, программу которого организация готова принять. Устранение формальности в процедуре выборов превращает их в открытое и честное противоборство профессиональной компетенции, моральных принципов, политических позиций, личных притязаний, групповых интересов и т. д. Борьба программ позволяет дать моральную экспертизу не просто качеств личности кандидата, но проявлениям этих качеств в конкретных ситуациях. Она создает на игре (как и в реальной жизни должно быть) ситуации, в которых коллектив «выбирает себя» через поддержку тех «донкихотов», которые прежде были обречены на одиночество в отстаивании своих позиций, в лучшем случае - на молчаливое сочувствие окружающих. Поддержать такого человека выдвижением, борьбой за этого кандидата - это значит принять ответственность за своего избранника.

Этико-праксиологический (этика борьбы) аспект игры «Выбор» - задание на консультирование ситуаций, связанных с развитием мотивации на успех, на победу (этика и психология достижения). Здесь важен, например, такой нюанс, как преодоление стереотипа стыда предлагать себя кандидатом; другой аспект связан с защитой (морально - психологической прежде всего) проигравшего в конкурсе. Разработка на игре мер такого рода защиты (анализ опыта других организаций, собственные инициативы в этом направлении - например, введение диплома об участии в конкурсе, акция «Серебряный призер», особый практикум по проблеме «Риск» и т. п.) доводится до итога, позволяющего включить эти меры в качестве обязательных для регламента выборов.

Репликация игры после Всесоюзной партконференции предполагает доработку созданной на исследовательских играх модели выборов и самой, игры. Предстоит, во-первых, обеспечить игротехническими средствами перевод игры исследовательской в игру праксиологическую. В этом направлении эффективен поиск способов ассимиляции элементов других типов игр и определение пределов такой ассимиляции. Необходимо, во-вторых, независимо от того, что еще не создан блок из трех игр («Кредо руководителя», «Аттестация», «Выборы»), введение в игру процедуры научной экспертизы программ участников конкурса и оценки качества кандидатов (как обязательного дополнения к мнению участников выборов). Руководитель не просто должность, но профессия, для которой недостаточно быть лишь «хорошим человеком», для которой деловитость - нравственное качество. Поэтому сочетание известного дилетантизма с профессионализмом в оценке программ и качеств личности - обязательное средство профилактики против «охлократических игр», которые вряд ли лучше «игр бюрократических». При этом в процедуре аттестации на данной игре целесообразен приоритет оценке профессионально - нравственной культуры решений, которые кандидат собирается принять, заявив в конкурсной программе. Что касается работы экспертов по анализу программ и качеств кандидата, то в игру включается метод этического практикума, позволяющий испытывать потенциал участников конкурса решением задач, разбором ситуаций, тестами и т. п. Еще одно задание, которое разрабатывается для последующих игр, связано с актуальной проблемой выращивания кадрового резерва, из которого можно было бы реально выбирать. Вероятно, встанет в ближайшем будущем вопрос о конструировании специальной игры «Резерв».

Игра «Тезис» так же позволила зафиксировать некоторые конкретные результаты разработки модели гуманитарной экспертизы и консультирования. Проблемная ситуация, определившая выбор темы и тип игровой деятельности, была сформирована публикацией тезисов к Всесоюзной партконференции. Игра выступала способом оперативной организации обратной связи, испытанием готовности кадров к нововведениям, к перестройке традиционных управленческих структур, к отказу от неэффективных стереотипов работы. Игровое моделирование содержащихся в тезисах проектов политических решений - метод их первичной апробации и подготовки к внедрению. Особый эффект именно игрового способа апробации (как дополнения к традиционной практике обсуждения проектов) обеспечивается причастностью основного звена партийных работников к совершенствованию проекта и, тем самым, устранением элементов отчужденности от него, «ничейности» проекта. Причастность такого рода в процессе игрового моделирования политических решений достигается не просто публичным обсуждением тезисов, но и испытанием проекта на операциональность, внедренческую готовность.

Основные задачи игры: организация активного анализа тезисов в режиме соавторства в проекте (соавторства содержа-

тельного и, особенно, в технологическом доразвитии Тезисов); выявление (посредством сравнительного анализа с существовавшими до партконференции технологическими разработками направлений, форм и методов партийной работы) «болевых точек» самого процесса внедрения Тезисов; диагностика и прогноз типичных реакций и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе внедрения проекта; психолого - педагогическая и морально - психологическая подготовка кадров, их адаптация к новому, ускорение внедрения.

Участники игры были разделены на две команды, имитирующие действия основных органов руководства городом. При этом в одной из команд уже на стадии формирования было задано совмещение роли первого секретаря и председателя президиума горсовета народных депутатов. Особая команда - «Лестница», которая на начальном этапе игры имитировала деятельность неформальных объединений. Затем она формулировала альтернативные позиции к каждому заданию. Игра ролевая: многие ее участники исполняли здесь те же роли, что и в своей профессиональной деятельности, но, во-первых, не все участники, во-вторых, им предстоял обмен ролями, в-третьих, были предложены новые роли, которых еще не было в практике партийной работы, но которые могли возникнуть в результате принятых на партконференции решений. Основная трудность здесь - обеспечение двупланового («условное» - «серьезное») поведения игроков.

В сюжет игры было заложено имитационное моделирование деятельности руководящих органов города по исполнению трех тезисов к партконференции, в которых; а) предлагалось освободить партию от административно - хозяйственных функций в управлении обществом; б) вернуть всю власть Советам; в) закрепить и усилить политическую роль партии в обществе. Своеобразным камертоном, ключом, испытывающим применение этих тезисов, является один из заключительных пунктов политической платформы, провозглашающий гуманистичность ценностей нашего общества, целей и средств политики партии. Игровое моделирование явилось в отношении к этим тезисам способом их перевода в управленческий контекст процесса подготовки, принятия и исполнения **политического решения**. Основные этапы игрового алгоритма были сконструированы таким образом, чтобы решение конкретных ситуаций из практики партийных, советских, хозяйственных органов, общественных организаций региона стимулировали бы анализ, дополнение, технологическое развитие того или иного тезиса и, одновременно, пробуждали бы моральную рефлекссию участников игры.

Одна из таких ситуаций - экологическое движение общественности против размещения химического комбината (ситуация введена в игру с помощью видеофильма) - была разобрана с точки зрения способности органов власти изучать общественное мнение и опираться на него в процессе принятия управленческих решений. Работа команд по подготовке к объявленному неформальной организацией митингу выявила ранее не встречавшиеся в практической работе участников игры трудности профессионального и морально-психологического плана. Поэтому экспертная бригада при разборе задания акцентировала некоторые аспекты психологии массы, необходимость строить демократию на коренных, глубинных интересах людей. Что касается политических руководителей, то сегодня для них настали времена новых отношений с общественным мнением, когда нередко возникают конфликты, требующие выбора между служебным и гражданским долгом, нравственной позицией.

Если задание на разработку новой структуры отношений партийных и советских органов сначала казалось участникам игры чисто технологическим, то предложенный вариант избрания первого секретаря партийного комитета на должность председа-

теля президиума совета стал стимулом морально-политической рефлексии, средством формирования и испытания демократической культуры участников игры. Игра, в частности, показала имитируемой практикой принятия решений по предложенным ситуациям трезво-реалистический характер прогноза об авторитете партии как необходимом условии роста авторитета советов. Но что особенно важно с точки зрения задачи нашего анализа игры — команды выявили невозможность нового мышления в работе партийных и советских органов вне развития культуры альтернативных решений и важность, в связи с этим, организации гуманитарной экспертизы и консультирования.

Прогноз трудностей развития общества в условиях реализации политической и экономической реформ конкретизировался на игре в процессе выполнения задания на разбор конфликта между горсоветом и советом трудового коллектива (горсовет хотел передать освободившееся административное здание предприятия под детскую поликлинику, а совет коллектива настаивал на размещении в этом здании ряда служб предприятия, работающих в стесненных условиях). Напряженная ситуация выбора возникла при обсуждении вопроса о месте размещения детдома - в самом городе (север области) или на юге области. Столкновение экономических аргументов и аргументов моральных (а в рамках морали возникли свои конфликтные позиции), необходимость выбора между предложениями общественного мнения и экспертов, генерация таких решений, которые бы сняли альтернативность подходов (например, создание семейных детских домов) позволили выявить конкретную обусловленность любого решения нравственными критериями, наглядно показать связь политического решения с нравственным. Выявить не только теоретически, но и практически, «открыть» людей, принесших на игру свой собственный опыт верных и достойных решений конфликтных ситуаций.

Участие в игре руководителей городских комитетов партии, горсоветов, производственных объединений естественным образом предопределяло особое внимание команд к технологической стороне моделирования процесса реализации тезисов. Участникам игры - практикам было важно прежде всего «достроить» каждый из тезисов (например, о разделении функций и специфике политического руководства, которую еще предстоит определить) до проекта действий руководителя. Это нужная работа, работа трудная, тем более, что задача заключается не просто в перераспределении власти между партийными, советскими и хозяйственными органами, но и в развитии реальной демократии (в сотрудничестве, например, горкома и горсовета с общественными, в том числе и самостоятельными организациями). Забота консультантов на игре - «выведение» решаемых ситуаций и принимаемого решения на нравственный смысл, на уровень морального выбора, мировоззренческих исканий, поддержка и развитие (через диагностику и прогноз) «человеческого фактора» в процессе технологической конкретизации каждого тезиса. И, разумеется, принципиальная критика каждого случая бюрократизации задач игры или конкретного задания, когда вместо подлинного блага общества и личности доминировали бы чиновничьи интересы, прикрытые соображениями «общественной пользы» или «самоценные» технологические изыскания, формотворчество.

Два момента в результатах этой игры необходимо зафиксировать специально. Во-первых, успех инвариантного (включенного в основные этапы игры) задания под девизом «Шанс» и, во-вторых, инновационный аспект игрового поиска. Первый из этих результатов был связан с трактовкой перестройки как ситуации морального выбора, конкретизированной истолкованием объединяющей Тезисы платформы как **шанса** для самоизменения нашего общества. Во имя этого шанса испытывалась в процессе

игры готовность и умение ее участников работать в условиях активизации общественных инициатив (отдавался приоритет ценностям нравственности в разборе ситуации с детской поликлиникой). Морально-психологическая экспертиза была одним из основных объектов внимания бригады экспертов, ее выводы позволили квалифицировать игру как действительное испытание и воспитание выбором.

Второй результат выражал инновационный характер игры, ее установку на подготовку участников к предстоящему после принятия резолюции конференции нововведению. Игра позволила выявить набор стереотипов, «сопровождающих» поведение руководителей, вовлеченных в ситуацию социально-политических инноваций, стереотипы даже у тех, кто настроен инновационно, стереотипы, которые «не отпускают» и затрудняют внедрение нововведений. Игра дала определенные прогнозы поведения в ситуации внедрения принятых резолюций.

При этом у авторов игры и ее организаторов не было никаких «пастырских» притязаний. Ученые и практики вместе организовали игровое моделирование процесса подготовки и исполнения политического решения (процесс подготовки - обсуждение тезисов, процесс исполнения - испытание тезисов и самих себя «применением» тезисов в процессе выполнения конкретных заданий). Игра «Тезис» после конференции разворачивается в цикл игр общим названием «Политическое решение», Анализ этого цикла станет более объективным критерием действительных результатов игрового моделирования Тезисов.

Наряду с конструированием двух новых игр были обновлены игры из прежнего цикла - **«Аттестация»** («Профессионально - нравственная оценка деятельности руководителя») и **«Кредо»** («Кредо руководителя: этические грани социалистической предприимчивости»).

Мотивы обновления первой - и внешние (развертывание демократизации общества, развитие практики выборности руководителей как хозяйственных, так и партийных и советских организаций) и внутренние (критический самоанализ опыта разработки и внедрения игр, развитие доктрины гуманитарной экспертизы и консультирования). В новом варианте более строго определены цели игры, приоритет отдан не проектировочной или обучающей, а экспертно-консультативной функции игры в отношении практикуемых в кадровой политике процедур должностной аттестации. Этическая критика управленческой практики и консультирование тех элементов процедуры должностной аттестации, которые можно и нужно культивировать в морально-воспитательном смысле, прежде всего процедуры оценки, определяют алгоритм, обновленной игры.

В игру включается задание «Контраттестация», призванное: а) проблематизировать тему игры, поставив под вопрос саму допустимость и возможность аттестации нравственных качеств; б) испытать на эффективность один из документов практикуемой должностной аттестации - характеристику, особенно ее правомерность и полезность в отношении оценки нравственного облика личности; в) стимулировать разработку и освоение участниками игры этических запретов к процедуре аттестации («не судите...»), осознание интервала ее целесообразности; г) инициировать заботу о защите прав аттестуемого. По результатам выполнения этого задания командам предлагаются на рассмотрение уточнение предмета оценки — культура профессионально - нравственных решений и дополнение традиционной оценки «с трех сторон» (от коллег, параллельных по должности, «сверху» и «снизу») - самооценкой аттестуемого, ибо без «самосуда» моральная оценка не может адекватно выполнять свое назначение.

Исходная игровая ситуация, дающая информацию и интригу для имитации процедуры, подается теперь с элементами те-

атрализации. Роль персонажа, подлежащего оценке, теперь избавлена от однозначности, варианты его поведения разыгрываются уже на первом этапе алгоритма. Персонажу вменяется, кроме того, обязанность самозащиты, разыгрывается и роль общественного защитника. Участникам игры предлагается прожективное задание - «как бы сложилась судьба персонажа в том коллективе, где работаете Вы?». Ролевой статус задается и организаторам игры, ведущему и экспертной бригаде, чем, кстати, и минимизируется опасность авторитарности в суждениях экспертов. А самое важное обновление, - «встраивание» игры в цикл и, тем самым, придание ей большей социально-гуманистической значимости, возможности выхода на ключевую проблему демократизации общества.

Обновление игры «Кредо» стимулировано двумя мотивами: расширением практики выборности руководителей и ростом такой критики корпуса руководителей, которая отождествляет его с бюрократической системой в целом. Уже поэтому переработано задание «Контр кредо», в процессе решения которого участникам игры предстоит ответить на аргументы, отражающие рост демократического потенциала общества, новые моменты в природе организационно - управленческой инициативы (которая распределяется между руководителем и коллективом в новых пропорциях и сочетаниях), современные представления о социалистической предприимчивости (в частности, ее новые отношения с правом, новые акценты в проблеме риска) и т. д. В позитивном смысле те же проблемы стимулируют потребность в манифестировании корпусом руководителей как профессиональной группой своей ответственности за все справедливое в общественной критике вчерашней и еще сегодняшней практики управленческой деятельности, помогают сделать открытым свой профессионально-нравственный кодекс и тем усилить самоконтроль и контроль со стороны общества над управленческой деятельностью. Реалистичность сценарного материала к обновленной игре повышена благодаря использованию результатов ответов экспертов на вопросы второй анкеты «Самотлорского практикума-2», связанные с проблемой социалистической предприимчивости.

Перспективы «Самотлорского практикума» в значительной степени связаны с программой развития этических деловых игр. Три тематических направления (и, соответственно, три пакета игр) представляются сегодня с достаточной определенностью: **этико-политическая культура; этические комитеты профессиональных ассоциаций; деонтология воспитательной деятельности.** Первое из них продолжает гуманитарную экспертизу и консультирование практики принятия политических решений, концентрируя выбор задач для игрового поиска вокруг принятых на XIX партконференции резолюций (заказ Ханты-Мансийского окружкома КПСС). В рамках этой проблематики намечено игровое моделирование этической платформы нового освоения, относящейся, конечно, к проблемам районов нового освоения, но рассматриваемой как концентрированное выражение того процесса нового освоения, каким является вся перестройка нашего общества (заказ Института проблем освоения Севера СО АН СССР). Второе направление связано с профессионально-нравственными аспектами деятельности ряда ассоциаций. Пакет игр «Этический комитет» ориентирован на этику научной деятельности (заказ Агентства печати Новости), хозяйственных руководителей (заказ Совета директоров Тюменской области, предложение для «Ассоциации молодых руководителей»). Третье направление посвящено игровому поиску в сфере философии, социологии и этики воспитания. Частично он связан с профессионально - нравственной проблематикой, характерной для второго направления. Более широкий предмет поиска определяется ролью воспитания в выборе будущего нашего общества (отсюда предложение на разработку игр не только

педагогическим клубам «Эврика», но и новым общественно - государственным структурам, определяющим сегодня политику в сфере воспитания).

Корзинка социальных инициатив, изобретений, движений наполняется все стремительнее. Может быть уже этот факт должен предостеречь «Самотлорский практикум» от поспешности: нет ничего вреднее, чем искусственное подстегивание инициативы посредством некой «кампании». Наше время не дает возможности бездумного повторения лозунговой строчки давней песни: «кто ищет, тот всегда найдет». Тем не менее, ради тех «точек роста», которые уже обнаружили себя в процессе научно - практического испытания гипотезы, можно рискнуть решиться и на развитие инициативы. Видимо, только этим может быть оправдано столь своеобразное и пространное редакторское послесловие.

1) См.: Самотлорский практикум. (Послесловие редактора. Перестройка как ситуация выбора: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования), — Тюмень, 1987, с. 48.

САМОТЛОРСКИЙ ПРАКТИКУМ-2

Сборник материалов экспертного опроса

Под редакцией В. И. Бакштановского

Научно - организационная работа:

Л. В. Лебедева, М. Г. Лутошкина

Художник М. Гардубей

Подписано к печати 21.09.88 г. Формат 60x84 ¹/₈
Нижневартовская тип. Упрполиграфиздата Тюменского облисполкома.
Зак. 10595, тир. 1000

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

...Наша конференция проводится в форме трехдневной игры. Поэтому не будет традиционных трибуны и президиума, пленарных докладов и секционных заседаний, заранее подготовленных докладов. Трудно будет и уклониться от работы, отсидеться, отмолчаться. Нет трибуны, а потому нет и авторитарных мнений; нет привезенных с собой докладов - не будет и ригидных схем мышления, ложных имиджей и т. д.; нет «заказчиков» и «исполнителей», а потому предстоит коллективный поиск; нет готовых решений, потому важны и стремление к конкретному результату в процессе выполнения игровых заданий, и самоценен процесс поиска решений; нет «пастырей» и «паствы», «режиссеров» и «актеров», все участники игры — авторы одной драмы, драмы жизни, в которую вовлечены и исследователи, и практики.

Поиск?! Проблемная ситуация, отсутствие ранее найденных ответов, многовариантность подходов, алгоритм отбора возможных решений. Наша игра - способ и форма коллективного поиска. Его эффект - в потенциале имитационного моделирования, в интеграции самовыражения личности и результативности процесса, «условности» и «серьезности», импровизации и организованности. Игровая деятельность аккумулирует современные методы коллективного решения новых проблем; это не столько соперничество команд между собой, сколько борьба с задачей, соперничество с проблемой. Игра - это интенсификация поиска, междисциплинарная кооперация, возможность преодолеть стереотипы в отношении к нетрадиционным концепциям, игра - инновационная деятельность.

Предмет коллективного поиска - потребности, возможности, задачи науки и практики в развитии гуманитарной экспертизы и консультирования. Каждую из сторон «встречного движения» ждут при этом собственные трудности: преодоление опасности морализаторства в этике, проблема наукоемкости практики. Общая проблема для исследователей и ЛПР как участников игры - поверить в насущность и неотложность социального заказа, открыться «ветру перемен», довериться друг другу как соавторам единого дела гуманизации всей жизнедеятельности общества, взять на себя ответственность за поиск.